

ISSN 2306-5001

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК по научным специальностям: 5.2.3 – Региональная и отраслевая экономика (экономические науки), с 01.11.2022 г.; 5.2.4 – Финансы (экономические науки), с 01.02.2022 г.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИИ

**Том 30. № 12.
Декабрь 2023 г.**

Издаётся с 1993 года

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Алексей Ведев – д-р экон. наук, директор Центра структурных исследований РАНХиГС при Президенте РФ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Вячеслав Моргунов – д-р экон. наук, заместитель главного редактора журнала

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Владимир Глинский – д-р экон. наук, профессор кафедры статистики Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ»

Сергей Дробышевский – д-р экон. наук, директор по научной работе Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара

Анна Золотарева – канд. юрид. наук, руководитель Научного направления «Правовые исследования» Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара

Павел Кадочников – канд. экон. наук, заместитель министра финансов Российской Федерации

Александр Погорлецкий – д-р экон. наук, профессор кафедры мировой экономики экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета

Александр Радыгин – д-р экон. наук, профессор, председатель Ученого совета, руководитель Научного направления «Институциональное развитие, собственность и корпоративное управление» Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара

Сергей Синельников-Мурылев – д-р экон. наук, профессор, научный руководитель Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара

Ирина Стародубровская – канд. экон. наук, руководитель Научного направления «Политическая экономика и региональное развитие» Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара

© «Экономическое развитие России», 2023

Воспроизведение материалов в любой форме допускается только с письменного разрешения редакции

ISSN 2306-5001

The journal is included in the list of peer-reviewed VAK scientific publications in scientific specialties: 5.2.3 – Regional and sectoral economics (economic sciences), from 01.11.2022; 5.2.4 – Finance (economic sciences), from 01.02.2022

RUSSIAN ECONOMIC DEVELOPMENT

**Volume 30. No. 12.
December 2023**

From 1993

EDITOR-in-CHIEF

Aleksey Vedev – Doctor of Economic Sciences, Head of the Center for Structural Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

DEPUTY EDITOR-in-CHIEF

Vyacheslav Morgunov – Doctor of Economic Sciences, Deputy Editor-in-Chief of the Journal

EDITORIAL BOARD

Vladimir Glinskiy – Doctor of Economic Sciences, Professor of the Chair of Statistics, Novosibirsk State University of Economics and Management (NSUEM-NINH)

Sergey Drobyshevsky – Doctor of Economic Sciences, Scientific Director of the Gaidar Institute for Economic Policy

Anna Zolotareva – Candidate of Legal Sciences, Head of the Center for Legal Sciences, Gaidar Institute for Economic Policy

Pavel Kadochnikov – Candidate of Economic Sciences, Deputy Finance Minister of the Russian Federation

Alexander Pogorletskiy – Doctor of Economic Sciences, Professor of the Chair of World Economy, Department of Economics, St. Petersburg State University

Alexander Radygin – Doctor of Economic Sciences, Professor, Chairman of the Scientific Council, Head of the Center for Institutional Development, Ownership and Corporate Governance, Gaidar Institute for Economic Policy

Sergey Sinelnikov-Murylev – Doctor of Economic Sciences, Professor, Academic Director of the Gaidar Institute for Economic Policy

Irina Starodubrovskaya – Candidate of Economic Sciences, Head of the Center for Political Economy and Regional Development, Gaidar Institute for Economic Policy

© Russian Economic Development, 2023

Any reproduction, in whatever form and by whatever media, is expressly prohibited without the prior written consent of the journal

СОДЕРЖАНИЕ

МАКРОЭКОНОМИКА

Ускорение инфляции потребует высокой ключевой ставки в 2023–2024 гг. <i>Перевышин Ю.Н., Трунин П.В.</i>	4
Исполнение федерального бюджета за январь–октябрь 2023 г.: ситуация лучше ожидаемой. <i>Соколов И.А., Тищенко Т.В.</i>	9
Мониторинг ситуации на мировом и российском нефтяном рынке. <i>Миллер Е.М.</i>	12

ЭКОНОМЕТРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ

Анализ важности глобальных факторов для наукастинга ВВП. <i>Рыбак К.С.</i>	18
Анализ возможностей улучшения качества прогнозов цен на природные ресурсы методами комбинирования на основе регрессионных оценок весов. <i>Астафьева Е.В., Турунцева М.Ю.</i>	24

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Ограничительные санкции, их влияние на антикризисное управление промышленным предприятием и некоторые направления по преодолению санкционного кризиса. <i>Фузик А.В.</i>	34
Хозяйственное обозрение (сентябрь–декабрь 2023 г.). <i>Аукуционек С.П., Егоров А.С., Баширова И.А., Сержантова Т.В.</i>	42

ФИНАНСОВЫЙ СЕКТОР

Банковские ресурсы в январе–августе 2023 г. <i>Зубов С.А.</i>	50
Ипотечное кредитование в январе–сентябре 2023 г. <i>Зубов С.А.</i>	53

ЗЕЛЕНАЯ ЭКОНОМИКА

Новые вызовы информационной эры: обращение с отходами электронного и электрического оборудования в РФ. <i>Авдонина А.М.</i>	57
---	----

НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ

Международный опыт налогообложения сахаросодержащих напитков. <i>Чернякова Е.Е., Богатырева А.Ф., Ястребова Е.А.</i>	65
--	----

СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА

Проблемы вовлечения частного сектора в систему долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами в России в сравнении с зарубежными странами. <i>Гирич М.Г., Илюшников Т.А., Сорокин С.О., Левашенко А.Д., Ермохин И.С.</i>	74
--	----

РЕГИОНЫ

Региональные бюджеты в третьем квартале 2023 г. <i>Дерюгин А.Н.</i>	87
---	----

ТЕОРИЯ УПРАВЛЕНИЯ. МЕНЕДЖМЕНТ. МАРКЕТИНГ

Вопросы совершенствования организационно-экономического механизма управления промышленными предприятиями на основе теории системной экономики и системного менеджмента. <i>Коряков А.Г., Окумбекова М., Окумбеков Р.</i>	92
Управление развитием кадрового потенциала гостиничного предприятия. <i>Ивановский В.С., Латфуллин Г.Р., Зайцева Н.А., Лавров А.П., Лавров К.П.</i>	98
Совершенствование бизнес-процессов обеспечения средствами индивидуальной защиты при формировании механизма устойчивого развития экономики промышленного предприятия. <i>Коряков А.Г.</i>	103

ЭКОНОМИКА ОТРАСЛЕЙ И РЕГИОНОВ

Некоторые особенности постиндустриальной экономики, как экономики знаний. <i>Валинурова Л.С., Мазур Н.З., Россинская Г.М.</i>	112
Трансформация российской экономики в условиях импортозамещения и экономических санкций: оценка рисков и возможностей. <i>Рыбинец А.Г., Толмачев П.И., Говорков Н.А.</i>	118
Флагманские инфраструктурные проекты: отбор и влияние на региональную экономику. <i>Иванова О.П., Тумин В.М., Трифонов В.А.</i>	123
Повышение конкурентоспособности санаторно-курортной отрасли Ставропольского края. <i>Агасиев М.Г.</i>	134
Проблемы регулирования и поддержки развития рынка услуг туризма и гостеприимства в современных экономических условиях. <i>Захарова М.В.</i>	139

ФИНАНСЫ. НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ. СТРАХОВАНИЕ

Ресурсный потенциал коммерческого банка и его внешние границы. <i>Акименко С.В.</i>	145
Развитие системы государственного финансового контроля в условиях всеобщей цифровизации. <i>Варава А.О., Донцова О.И., Трифонов П.В.</i>	151
Методические основы по обеспечению финансовой безопасности страхового рынка. <i>Лобанов С.Ю., Лапаев Д.Н.</i>	160
Методология обеспечения финансовой безопасности страхового рынка. <i>Лобанов С.Ю.</i>	167

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Новые тенденции в формировании мирового рынка энергоресурсов. <i>Ткаченко М.Ф., Толмачев П.И., Кутовой В.М.</i>	173
Тенденции и детерминанты трудовой миграции в России в условиях дефицита достойного труда. <i>Шичкин И.А.</i>	177

CONTENTS

MACROECONOMICS

Accelerating inflation will require a high key rate in 2023–2024. <i>Perevyshin Yu.N., Trunin P.V.</i>	4
Execution of the federal budget for January–October 2023: the situation is better than expected. <i>Sokolov I.A., Tishchenko T.V.</i>	9
Monitoring the situation on the global and Russian oil markets. <i>Miller E.M.</i>	12

ECONOMETRIC MODELING

Analysis of the importance of global factors for nowcasting GDP. <i>Rybak K.S.</i>	18
Analysis of possibilities for improving the quality of forecasts of prices for natural resources using methods combinations based on regression estimates of weights. <i>Astafieva E.V., Turuntseva M.Yu.</i>	24

INDUSTRY

Restrictive sanctions, their impact on the anti-crisis management of an industrial enterprise and some directions for overcoming the sanctions crisis. <i>Fuzik A.V.</i>	34
Economic Review (September–December 2023). <i>Aukutsionek S.P., Egorov A.S., Bashirova I.A., Serzhantova T.V.</i>	42

FINANCIAL SECTOR

Banking resources in January–August 2023 <i>Zubov S.A.</i>	50
Mortgage lending in January–September 2023 <i>Zubov S.A.</i>	53

GREEN ECONOMY

New challenges of the information age: management of electronic and electrical waste equipment in the Russian Federation. <i>Avdonina A.M.</i>	57
--	----

TAXATION

International experience in taxation of sugar-sweetened beverages. <i>Chernyakova E.E., Bogatyreva A.F., Yastrebova E.A.</i>	65
--	----

SOCIAL SPHERE

Problems of involving the private sector in the system of long-term care for elderly citizens age and disabled people in Russia in comparison with foreign countries. <i>Girich M.G., Ilyushnikova T.A., Sorokin S.O., Levashenko A.D., Ermokhin I.S.</i>	74
---	----

REGIONS

Regional budgets in the third quarter of 2023 <i>Deryugin A.N.</i>	87
--	----

CONTROL THEORY. MANAGEMENT. MARKETING

Issues of improving the organizational and economic mechanism for managing industrial enterprises based on the theory of system economics and system management. <i>Koryakov A.G., Okumbekova M., Okumbekov R.</i>	92
Management of the development of human resources of a hotel enterprise. <i>Ivanovsky V.S., Latfullin G.R., Zaitseva N.A., Lavrov A.P., Lavrov K.P.</i>	98
Improving business processes for providing personal protective equipment when forming a mechanism for the sustainable development of the economy of an industrial enterprise. <i>Koryakov A.G.</i>	103

ECONOMY OF INDUSTRIES AND REGIONS

Some features of the post-industrial economy as a knowledge economy. <i>Valinurova L.S., Mazur N.Z., Rossinskaya G.M.</i>	112
Transformation of the Russian economy in the conditions of import substitution and economic sanctions: assessment of risks and opportunities. <i>Rybinets A.G., Tolmachev P.I., Govorkov N.A.</i>	118
Flagship infrastructure projects: selection and impact on the regional economy. <i>Ivanova O.P., Tumin V.M., Trifonov V.A.</i>	123
Increasing the competitiveness of the health resort industry of the Stavropol Territory. <i>Agasiev M.G.</i>	134
Problems of regulation and support for the development of the market for tourism and hospitality services in modern economic conditions. <i>Zakharova M.V.</i>	139

FINANCE. TAXATION. INSURANCE

Resource potential of a commercial bank and its external boundaries. <i>Akimenko S.V.</i>	145
Development of a system of state financial control in the context of general digitalization. <i>Varava A.O., Dontsova O.I., Trifonov P.V.</i>	151
Methodological principles for ensuring financial security of the insurance market. <i>Lobanov S.Yu., Lapaev D.N.</i>	160
Methodology for ensuring financial security of the insurance market. <i>Lobanov S.Yu.</i>	167

WORLD ECONOMY

New trends in the formation of the global energy market. <i>Tkachenko M.F., Tolmachev P.I., Kutovoy V.M.</i>	173
Trends and determinants of labor migration in Russia in the context of a shortage of decent work. <i>Shichkin I.A.</i>	177

Макроэкономика

УСКОРЕНИЕ ИНФЛЯЦИИ ПОТРЕБУЕТ ВЫСОКОЙ КЛЮЧЕВОЙ СТАВКИ В 2023–2024 гг.

Ю. Н. ПЕРЕВЫШИН
П. В. ТРУНИН

По итогам октября 2023 г. годовая инфляция (за последние 12 месяцев) ускорилась до 6,7%, при этом уровень потребительских цен вырос за этот месяц на 0,83%, что с устранением сезонности составляет 9,7% в пересчете на годовые темпы роста цен. Банк России 27 октября повысил ключевую ставку на 200 б.п. — до 15,0% годовых, в результате в текущем цикле ужесточения монетарной политики, начавшемся с 21 июля, ставка выросла уже в два раза. Сигнал о дальнейшей направленности монетарной политики был смягчен, а свои будущие решения регулятор поставил в зависимость от фактической динамики инфляции в ближайшие месяцы. Обновленный прогноз Банка России допускает повышение ключевой ставки еще на 100 б.п. в декабре, а в 2024 г. ее среднее значение увеличено на 150 б.п.

Ключевые слова: инфляция, инфляционные ожидания, денежно-кредитная политика, ключевая ставка, Банк России.

JEL: E31, E52, F31.

27 октября 2023 г. Совет директоров Банка России на очередном заседании по монетарной политике принял решение повысить ключевую ставку на 200 б.п. — до 15,0% годовых. Ставка была повышена на четвертом заседании подряд (в том числе на внеплановом, состоявшемся 15 августа), и с 21 июля ее прирост достиг 750 б.п. На уровне 15% и выше ключевая ставка ранее находилась лишь дважды: с декабря 2014 г. до марта 2015 г. и с марта до апреля 2022 г. Причиной ужесточения денежно-кредитной политики стало усиление текущего инфляционного давления, пик которого пришелся на сентябрь — в результате быстрого расширения внутреннего спроса, а также роста инфляционных ожиданий¹. Решение оказалось более жестким, чем ожидали аналитики, предполагавшие повышение ставки на 100 б.п.².

Банк России смягчил сигнал о будущей динамике ключевой ставки, поставив свои дальнейшие шаги в зависимость от фактических данных по инфляции в ближайшие месяцы и отметив, что на заключительном в 2023 г. заседании в декабре может увеличить ставку еще на 100 б.п. В обновленном прогнозе ЦБ РФ вновь повысил среднегодовой уровень ключевой ставки на 2024 г. сразу на 150 б.п. (до 12,5–14,5%)³ по сравнению с сентябрьским заседанием, а прогноз средней инфляции на 2024 г. увеличил на 0,8–0,9 п.п. (до 5,8–6,5%). В докладе о денежно-кредитной политике также отмечается, что Банк России повысил свою оценку реальной нейтральной процентной ставки на 50 б.п., до 2–3%, из-за более мягкой, чем предполагалось ранее, бюджетной политики⁴.

Банк России повысил свои ожидания и по динамике ВВП на 2023 г. до 2,2–2,7% за счет

Перевышин Юрий Николаевич, старший научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, канд. экон. наук, доцент (Москва), e-mail: perevyshin-yn@ganepa.ru; *Трунин Павел Вячеславович*, руководитель Научного направления «Макроэкономика и финансы» Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара; директор Центра изучения проблем центральных банков РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, д-р экон. наук (Москва), e-mail: pt@iep.ru

¹ URL: https://www.cbr.ru/press/pr/?file=27102023_133000key.htm

² URL: <https://www.interfax.ru/business/927849>

³ URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/46535/forecast_231027.pdf

⁴ URL: https://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/46552/2023_04_ddcp.pdf

улучшения прогноза динамики валового накопления основного капитала. Прогноз роста ВВП в 2024 г. не изменился по сравнению с сентябрьским вариантом, но динамика компонент ВВП была скорректирована. Так, ухудшен прогноз по частному потреблению: в 2024 г. регулятор ожидает снижения этого показателя на 1–2%, что обусловлено сокращением потребительского кредитования вследствие высоких ставок и стимулами к сберегательному поведению населения в следующем году. При этом повышены ожидания по динамике экспорта (прогнозируется рост этой компоненты ВВП на 1,5–3,5%). Прогноз роста ВВП и его компонент на 2025–2026 гг. не изменился. В 2024 г. снижены на 2 п.п. прогнозы темпа роста кредита фирмам и населению (в том числе ипотечного кредитования), что объясняется более высокой, по сравнению с сентябрьским сценарием, траекторией ключевой ставки. В то же время прогноз темпа роста денежной массы в национальном определении не изменился, что объясняется большим вкладом бюджетного канала в формирование денежной массы, а также продолжающимся процессом девальютизации активов и обязательств банков.

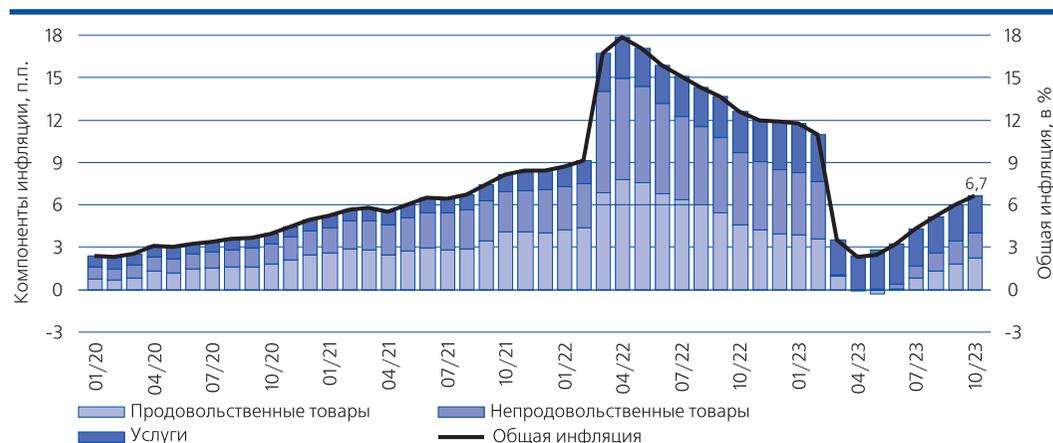
Прогноз инфляции на конец 2023 г. повышен Банком России до 7,0–7,5% вследствие

продолжающегося расширения внутреннего спроса, превосходящего возможности наращивания предложения, а также дефицита работников на рынке труда, что оказывает существенное влияние на рост издержек компаний. Прогноз инфляции на конец 2024 г. повышен до 4,0–4,5%, прогноз по средней инфляции в 2024 г. увеличен на 0,8–0,9 п.п. – до 5,8–6,5%. Пересмотренный прогноз предполагает либо замедление текущей инфляции до 4% уже к концу первого квартала 2024 г., либо ее значение ниже 4% во второй половине года.

Тем временем по итогам октября 2023 г. инфляция за предыдущие 12 месяцев продолжила ускоряться и достигла 6,7%. (См. рис. 1.) Рост годовой инфляции, начавшийся с мая 2023 г., обусловлен удорожанием непродовольственных и продовольственных товаров в июле-октябре 2023 г., а также по-прежнему высокими темпами роста цен на услуги, которые активно дорожают с середины 2022 г., и в октябре на них приходилось около 40% годового прироста цен всей потребительской корзины. (См. рис. 1.)

Уровень потребительских цен увеличился за октябрь относительно предыдущего месяца в среднем на 0,83%. Более половины удорожания потребительской корзины в октябре

Рис. 1. Вклад компонент в годовую инфляцию в 2020–2023 гг.

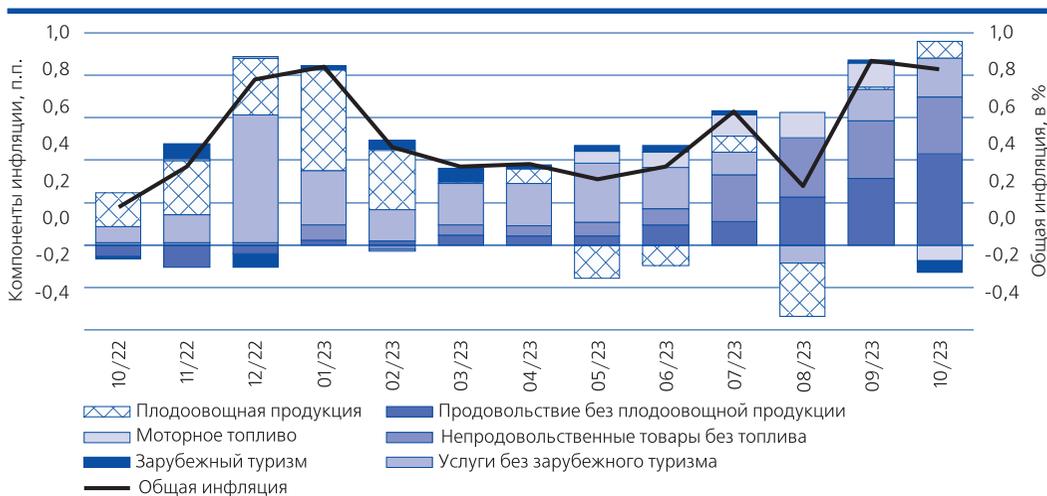
Источник: Росстат.

объяснялось ростом цен на продовольственные товары без плодоовощной продукции (+0,43 п.п.). (См. рис. 2.) Непродовольственные товары без моторного топлива уже три месяца подряд устойчиво вносят вклад в месячный рост стоимости потребительской корзины на уровне 0,27 п.п. При этом в октябре впервые с февраля 2023 г. было зафиксировано снижение цен на моторное топливо, причинами которого стали возврат к исходной версии демпферного механизма и запрет на экспорт нефтепродуктов с 21 сентября⁵. Тем не менее с начала года эта компонента потребительской корзины подорожала на 8,3%. Также в октябре было зафиксировано снижение цен на услуги зарубежного туризма (на 7,7%).

С устранением сезонности⁶ потребительская инфляция в октябре оценивается нами на уровне 0,8% в месячном выражении или 9,7% в аннуализированном представлении⁷ (SAAR) после ускорения до 14% в сентябре. (См. рис. 3.) Среди компонент сезонно сглаженной ин-

фляции в этом месяце замедлилось удорожание продовольственных и непродовольственных товаров, темп роста цен на услуги сохранился на сентябрьском уровне. Несмотря на замедление, темп роста компонент потребительской корзины в октябре существенно превышал уровень в 4%, текущая инфляция находится выше цели с мая 2023 г., а трехмесячное скользящее среднее сезонно сглаженной аннуализированной инфляции в сентябре и октябре превышало 11%. (См. рис. 4.) Причинами этого являются повышенный потребительский спрос, на что указывают высокие темпы роста розничной торговли и платных услуг населению в третьем квартале 2023 г. (11,3 и 4,9% соответственно⁸), эффект переноса произошедшего за последние 12 месяцев ослабления курса рубля в цены (в октябре 2023 г. индекс номинального эффективного курса рубля указывал на ослабление национальной валюты на 36% за прошедший год), а также дефицит кадров на рынке труда, что транслируется

Рис. 2. Вклад отдельных компонент в месячную инфляцию в 2022–2023 гг.

Источник: Росстат, расчеты авторов.

⁵ URL: <http://static.government.ru/media/files/fGt9B6J6lk0SZINAKnna2U4v2AMGwGoc.pdf>

⁶ Сезонное сглаживание инфляции выполнено в программе R с использованием пакета seasonal.

⁷ Инфляция за месяц, возведенная в степень 12.

⁸ URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-09-2023.pdf>

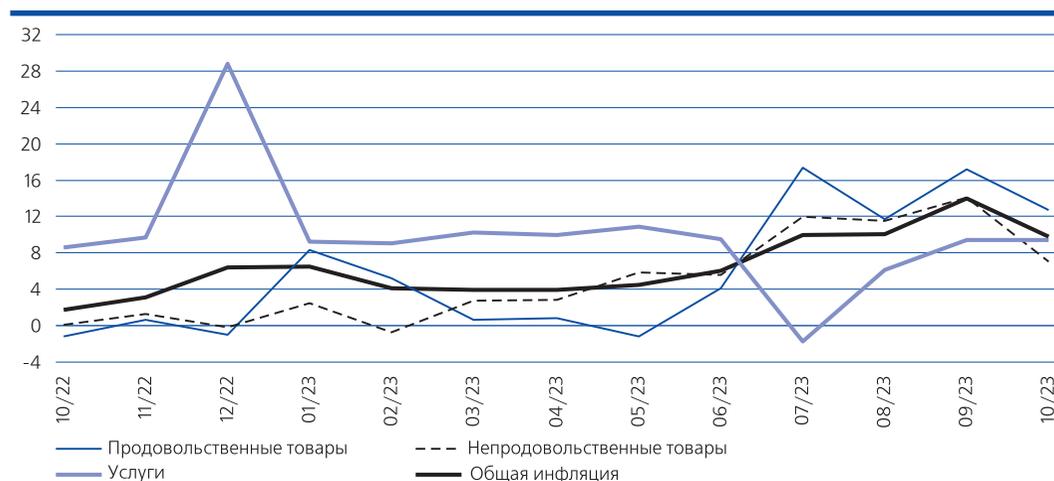
в рост заработных плат (за январь-август реальная заработная плата увеличилась на 7,5% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года), а повышенный спрос на продукцию позволяет фирмам перекладывать рост издержек в цену товаров.

В сентябре курс рубля к валютам основных торговых партнеров стабилизировался, а в октябре в результате улучшения условий торговли, а также принятых решений об ужесточении денежно-кредитной политики и возврата обязательной продажи валютной выручки⁹ укрепился на 0,8%¹⁰. Однако перенос произошедшего в первой половине года ослабления курса в цены продолжается и по-прежнему является проинфляционным фактором. Еще одним проинфляционным риском стало смягчение бюджетной политики за счет пересмотра величины базовых нефтегазовых доходов: вместо фиксированной в номинальном выражении величины в 8 трлн руб. этот показатель

будет рассчитываться в 2024 г. исходя из экспортной цены российской нефти в 60 долл./барр.¹¹, что позволит увеличить расходы на 1,7 трлн руб.

По оценкам Росстата, с 1 по 7 ноября потребительские цены выросли на 0,37%¹² — это значительно выше траектории роста цен за аналогичный период 2022 г. С начала года по 7 ноября цены выросли на 5,9%, а по оценке Министерства экономического развития, годовая инфляция ускорилась до 7,0%¹³. Вероятнее всего, цены в ноябре повысятся относительно предыдущего месяца на 0,9–1,0%, что будет соответствовать годовой инфляции на уровне 7,3–7,4%, а по итогам декабря инфляция достигнет в годовом выражении 7,5–7,6%. Согласно нашему модельному прогнозу, годовая инфляция достигнет своего пика в конце второго квартала 2024 г. (8,0%), а к концу года замедлится до 5,5–6,5%. Квартальная сезонно сглаженная инфляция начнет снижать-

Рис. 3. Динамика общей инфляции и ее основных компонент в 2022–2023 гг., в % SAAR

Источник: Росстат, расчеты авторов.

⁹ URL: <http://government.ru/news/49778/>

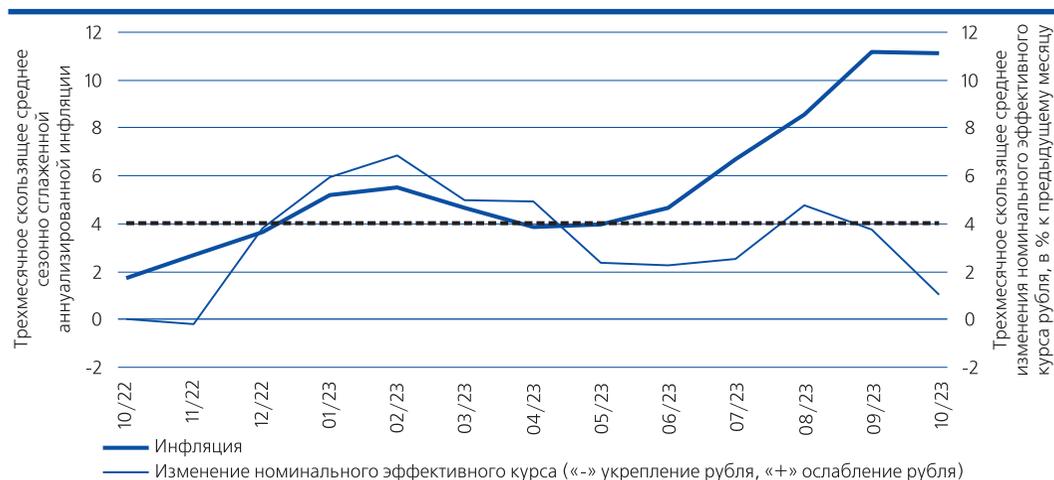
¹⁰ URL: https://www.cbr.ru/vfs/statistics/credit_statistics/ex_rate_ind/03-ex_rate_23.xlsx

¹¹ URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311020013?index=2>

¹² URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/175_10-11-2023.html

¹³ URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/fb369cecbc19d5a2211444b697c63c0f/o_tekushchey_cenovoy_situacii_10_noyabrya_2023_goda.pdf

Рис. 4. Инфляция и динамика курса рубля к доллару в 2022–2023 гг.

Источник: Росстат, ЦБ РФ.

ся уже с четвертого квартала 2023 г. Основными причинами замедления станут охлаждение потребительского и инвестиционного спроса

из-за жесткой монетарной политики, а также постепенное исчерпание эффекта переноса валютного курса в цены. ■

Accelerating Inflation Will Require a High Key Rate in 2023–2024

Yury N. Perevyshin – Senior Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: perevyshin-yn@ranepa.ru

Pavel V. Trunin – Head of Center for Macroeconomics and Finance of the Gaidar Institute for Economic Policy; Director of Center for Central Banks Studies of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: pt@iep.ru

Based on October results, the year-over-year inflation (for the past 12 months) has sped up to 6.7% with the level of consumer prices in October increasing by 0.83%, thus amounting to 9.7% in terms of annual growth rates of prices with seasonality adjusted. On October 27, the Central Bank of Russia raised the key rate by 200 basis points to 15.0% annually; as a result, in the current cycle of the monetary policy tightening which began on July 21, the key rate has already increased twofold. The signal of the monetary policy's further direction was mitigated and the regulator put its future decisions in dependence on the inflation rate's actual dynamics in the forthcoming months. The Central Bank of Russia's updated forecast allows growth in the key rate by another 100 basis points in December and its average increase by 150 basis points in 2024.

Key words: inflation, inflation expectations, monetary policy, key rate, Bank of Russia.

JEL-codes: E31, E52, F31.

ИСПОЛНЕНИЕ ФЕДЕРАЛЬНОГО БЮДЖЕТА ЗА ЯНВАРЬ-ОКТАБРЬ 2023 г.: СИТУАЦИЯ ЛУЧШЕ ОЖИДАЕМОЙ

И. А. СОКОЛОВ

Т. В. ТИЩЕНКО

Динамика доходов федерального бюджета по итогам января-октября 2023 г. относительно аналогичного периода предыдущего года была разнонаправленной: рост нефтегазовых поступлений на 2,1 п.п. ВВП сопровождался снижением рентных доходов на 2,8 п.п. ВВП. Сопутствующее увеличение государственных расходов на 0,7 п.п. ВВП за десять месяцев 2023 г. по сравнению с тем же периодом 2022 г. хотя и несколько повысило несбалансированность федерального бюджета относительно соответствующих значений прошлого года (прирост дефицита бюджета на 1,4 п.п. ВВП), но заметного усиления рисков краткосрочной неустойчивости бюджета не наблюдается.

По итогам 2023 г. вследствие проведенной корректировки налогообложения нефтегазового сектора, позволяющей не допустить дальнейшего снижения рентных доходов, сохранения динамики поступлений от НДС, опережающей темпы роста ВВП, а также неполного освоения запланированного годового объема расходов можно ожидать дефицит бюджета в пределах 2–2,5 трлн руб. При достижении запланированного объема расходов дефицит может превысить этот уровень.

Ключевые слова: федеральный бюджет, доходы, нефтегазовые доходы, нефтегазовые доходы, расходы, налоги.

JEL: H11, H50, H62, H63.

Доходы федерального бюджета за январь-октябрь 2023 г. составили 23,1 трлн руб., или 19,2% ВВП, что на 0,7 п.п. ВВП меньше по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года. (См. таблицу.) При этом объем нефтегазовых доходов сократился на 2,6 трлн руб., или на 2,8 п.п. ВВП, преимущественно из-за снижения цены на нефть до среднего уровня в 61,8 долл./барр. против 79,6 долл./барр. за аналогичный период 2022 г. Доля нефтегазовых доходов в общем объеме бюджетных доходов также снизилась – до 31,2% против 44,2% годом ранее.

Кассовое исполнение по нефтегазовым доходам федерального бюджета за январь-октябрь 2023 г. составило 81,3% против 84,5% за тот же период 2022 г. Незначительное отставание фактических объемов от прогнозируемых отмечается по всем углеводородным компонентам, кроме НДД, фактическое исполнение по которому составило 1,3 трлн руб., уже превысив прогнозируемый годовой объем

(чуть более 1,2 трлн руб.). По НДПИ наблюдалось незначительное отставание кассового исполнения, но ситуация не вызывает опасений, учитывая положительную ежемесячную динамику поступлений: в октябре объем нефтегазовых доходов увеличился в 2,5 раза относительно январских значений (1108 млрд руб. против 438 млрд руб.), в том числе по нефти (952,2 млрд руб. против 364,1 млрд руб. соответственно).

Поддержку рентным поступлениям в бюджет в последние месяцы оказывали не только достаточно высокая цена на нефть и относительно дешевый рубль, но и ежемесячные выплаты «Газпромом» дополнительного НДПИ в размере 50 млрд руб. (данный налог, как ожидается, будет действовать до конца 2025 г.). Однако в октябре наметились и продолжились в ноябре укрепление рубля и снижение цены на нефть. Сохранение этих тенденций до конца года чревато для бюджета торможением положительной динамики поступлений неф-

Соколов Илья Александрович, ведущий научный сотрудник ИИСЭТиФП Финансового университета при Правительстве РФ; ведущий научный сотрудник Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара, канд. экон. наук (Москва), e-mail: sokolov-ia@ganepa.ru; Тищенко Татьяна Владимировна, старший научный сотрудник Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара; старший научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, канд. экон. наук (Москва), e-mail: tishchenko@iep.ru

тегазовых доходов, однако с высокой вероятностью сентябрьские оценки Минфина России¹ относительно годового объема нефтегазовых доходов в размере 8863 млрд руб. при средней экспортной цене на российскую нефть в 63,4 долл./барр. и валютном курсе в 85,2 руб./долл. будут превышены. По нашим оценкам, поступление рентных доходов в бюджет по итогам года составит порядка 9,3 трлн руб.

Ненефтегазовые доходы по итогам десяти месяцев 2023 г. относительно того же периода 2022 г. заметно выросли – на 3,5 трлн руб. в номинальном выражении, или на 2,1 п.п. ВВП. Основными драйверами роста стали поступления по импортному НДС (+0,8 п.п. ВВП) и прочим неналоговым доходам (+0,9 п.п. ВВП). Поступления от ненефтегазовых доходов в бюджет в реальности выше, однако их общий объем складывается с учетом выплат по демпферу² (за первые девять месяцев текущего года нефтяникам было возвращено порядка 1,14 трлн руб.).

Уровень кассового исполнения федерального бюджета по ненефтегазовым доходам за январь-октябрь текущего года составил 80,2%

от годовых прогнозируемых объемов. По итогам 2023 г. объем ненефтегазовых доходов может составить, по нашим оценкам, порядка 19,2 трлн руб. вместо сентябрьского прогноза Минфина России в 19,8 трлн руб. – в основном за счет более сдержанной динамики платежей по прямым налогам.

Расходы федерального бюджета в январе-октябре 2023 г. выросли к соответствующему периоду предыдущего года на 2,5 трлн руб., или на 0,7 п.п. ВВП, при более высоком уровне освоения средств (76,8% против 70,0% от годовых объемов согласно сводной бюджетной росписи). Отсутствие в открытом доступе данных по расходам в функциональном разрезе за рассматриваемый период не позволяет оценить изменение их структуры, но, с учетом опережающего финансирования силовых расходов в течение года, велика вероятность некоторого уменьшения в общем объеме расходов доли производительных трат. Данный тренд вполне соответствует и положениям принятого Государственной Думой РФ Закона о федеральном бюджете на предстоящую трехлетку.

Основные параметры исполнения федерального бюджета за январь-октябрь 2022 и 2023 гг.

	Январь-октябрь 2022 г.			Январь-октябрь 2023 г.			Изменение в 2023 г. относительно 2022 г.	
	млрд руб.	в % ВВП	кассовое исполнение, в %	млрд руб.	в % ВВП	кассовое исполнение, в %	млрд руб.	в % ВВП
Доходы	22 139	19,9	79,6	23 106	19,2	80,6	967	-0,7
в том числе:								
Нефтегазовые	9788	8,8	84,5	7210	6,0	81,3	-2578	-2,8
Ненефтегазовые	12 351	11,1	76,1	15 896	13,2	80,2	3545	2,1
Расходы	21 785	19,6	70,0	24 341	20,3	76,8	2556	0,7
Профицит (+) / дефицит (-)	354	0,3		-1235	-1,1		-1589	-1,4
Ненефтегазовый дефицит	-9434	-8,5		-8445	-7,1		989	-0,7
<i>Справочно:</i> ВВП (в текущих ценах), млрд руб.		124 000			131 400			

Источник: Минфин России, портал «Электронный бюджет», Росстат, расчеты авторов.

¹ Согласно Пояснительной записке к законопроекту о федеральном бюджете на 2024 год и плановый период 2025 и 2026 годов.

² Механизм компенсации нефтеперерабатывающим заводам выпадающих доходов при продаже бензина и дизельного топлива на внутреннем рынке. Используется для сдерживания роста внутренних цен на моторное топливо.

По итогам января-октября 2023 г. дефицит федерального бюджета составил порядка 1,1% ВВП при официальном прогнозе в 1,8% ВВП. По ежемесячной динамике бюджетного сальдо прослеживается достаточно выраженная тенденция к снижению дефицита в течение года: 3,0 трлн руб. в апреле, 2,6 трлн руб. в июле, 1,2 трлн руб. в октябре. В то же время итоговое значение дефицита бюджета в первую очередь зависит от исполнения запланированного объема расходов: в случае полного их освоения и с учетом ранее сообщенных оценок поступлений в бюджет дефицит может вырасти до 3,5 трлн руб.

Основным источником погашения дефицита продолжают оставаться внутренние заимствования – их накопленный объем по состоянию на 01.11.2023 г. составил 20,4 трлн руб.³ В рассматриваемый период по счетам Фонда национального благосостояния пополнений не производилось, а общая сумма изъятий из него составила 560,7 млрд руб. На конец сен-

тября текущего года объем средств Фонда составил 13,6 трлн руб. против 10,4 трлн руб. на начало года, и этот рост был обеспечен преимущественно за счет курсовой разницы.

В целом ситуацию с исполнением федерального бюджета за десять месяцев 2023 г. можно охарактеризовать как вполне благополучную, особенно оглядываясь на гораздо более пессимистичные ожидания в начале года. Тем не менее основные риски несбалансированности бюджета в виде снижения цен на нефть вследствие начинающейся мировой рецессии и действия санкций, укрепления рубля в ответ на проводимую ЦБ РФ монетарную политику, торможения динамики российского ВВП из-за исчерпания драйверов роста, увеличения силовых расходов не только сохраняются, но и нарастают. Весьма вероятно, что предсказанные ранее экспертами потенциальные проблемы исполнения федерального бюджета не исчезают, а лишь сдвигаются на следующий год. ■

Federal Budget Execution for January-October 2023: The Situation is better than Expected

Ilya A. Sokolov – Leading Researcher of the Financial University under the Government of the Russian Federation; Leading Researcher of the Gaidar Institute for Economic Policy, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: sokolov@iep.ru

Tatyana V. Tischenko – Senior Researcher of the Gaidar Institute for Economic Policy; Senior Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: tishenko@iep.ru

The dynamic of federal budget revenues in January-October 2023 in comparison with the same period of the previous year was multidirectional: the growth of non-oil and gas revenues by 2.1 p.p. of GDP was followed by a decrease in rent revenues by 2.8 p.p. of GDP. The related increase in public expenditures by 0.7 p.p. of GDP in the first 10 months of 2023 as compared to the same period of 2022, although it slightly increased the federal budget imbalance as compared to the corresponding values of the previous year (increase in the budget deficit by 1.4 p.p. of GDP), but there is no noticeable increase in the risks of short-term budget instability.

At the end of the current year, due to the adjustment of taxation of the oil and gas sector, which makes it possible to prevent a further decline in rent revenues, preservation of the dynamics of VAT revenues outstripping the GDP growth rate, as well as incomplete utilization of the planned annual volume of expenditures, a budget deficit in the range of Rb2–2,5 trillion can be expected. If the planned volume of expenditures is achieved, the deficit may exceed this level.

Key words: federal budget, revenue, oil and gas revenues, non-oil and gas revenues, expenditure, taxes.

JEL-codes: H11, H50, H62, H63.

³ Согласно сайту Минфина России. URL: <https://minfin.gov.ru/>

МОНИТОРИНГ СИТУАЦИИ НА МИРОВОМ И РОССИЙСКОМ НЕФТЯНОМ РЫНКЕ

Е. М. МИЛЛЕР

Неоднократное и достаточно частое изменение параметров налогового законодательства, характерное для нефтяной отрасли Российской Федерации, может вызвать рост общего уровня неопределенности на рынке нефти и соответствующее снижение стимулов для инвестирования в развитие и модернизацию отрасли.

Ключевые слова: нефть, мировой рынок нефти, российский рынок нефти, нефтедобыча, цены на нефть, ОПЕК+, санкции.

JEL: L71, E3, Q3.

Соглашение о корректировке объемов добычи нефти ОПЕК+

По результатам 35-й¹ встречи министров стран ОПЕК и стран, не входящих в Организацию, было принято решение о сокращении на 1,4 млн барр./сут. общего объема добычи сырой нефти, которое в основном будет достигнуто за счет Анголы, Конго, Нигерии и России. (В таблице представлена динамика требуемых объемов добычи нефти в 2024 г.) Следующая встреча представителей стран ОПЕК запланирована на 26 ноября 2023 г., на которой планируется обсудить возможность реализации заявленного плана.

Россия до конца 2024 г. уже в третий раз² продлит свое добровольное сокращение добычи нефти на 500 тыс. барр./сут. (без учета газового конденсата). Сокращение будет осуществляться от уровня добычи, согласованного 4 июня 2023 г. (9,8 млн барр./сут.).

Международные прогнозы относительно будущей цены на нефть

Согласно прогнозам EIA [3], цена на нефть марки Brent вырастет с 90 долл./барр. в четвертом квартале 2023 г. до 94 долл./барр. в первой половине 2024 г. Рост объясняется небольшим снижением мировых запасов нефти

Динамика требуемых объемов добычи нефти согласно сделке ОПЕК+ в ноябре 2022 г. – декабре 2024 г., тыс. барр./сут.

Страна	Ноябрь 2022 г. – декабрь 2023 г.	2024 г.
Алжир	1007	1007
Ангола	1455	1280
Конго	310	276
Гвинея	121	70
Габон	177	177
Ирак	4431	4431
Кувейт	2676	2676
Нигерия	1742	1380
Саудовская Аравия	10 478	10 478
ОАЭ	3019	3219
Азербайджан	684	551
Бахрейн	196	196
Бруней	97	83
Казахстан	1628	1628
Малайзия	567	401
Мексика	1753	1753
Оман	841	841
Россия	10 478	9828
Судан	72	64
Южный Судан	124	124
ОПЕК 10	25 416	24 994
Не-ОПЕК	16 440	15 469
ОПЕК+	41 856	40 463

Источник: Monthly Oil Market Report, June 2023.

Миллер Евгения Михайловна, и.о. заведующего лабораторией системного анализа отраслевых рынков РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (Москва), e-mail: miller-em@ranepa.ru

¹ 35th OPEC and non-OPEC Ministerial Meeting concludes / OPEC. 04.06.2023. URL: https://www.opec.org/opec_web/en/press_room/7160.htm

² 1 марта 2023 г. Россия добровольно сократила производство нефти на 500 тыс. барр./сут. Первый раз она продлевала такое решение до июня 2023 г., второй – до конца 2023 г. и третий – до конца 2024 г.

в первой половине 2024 г. Ведомство предполагает, что продление добровольных сокращений в рамках соглашения ОПЕК+ до конца 2024 г. будет удерживать фактическую добычу сырой нефти значительно ниже целевых показателей, представленных в таблице. Если добыча стран соглашения ОПЕК+ будет ближе к целевым уровням, то это может привести к снижению цен в 2024 г.

Помимо этого, в прогноз цен EIA заложены следующие предположения: 1) сохранение отсутствия доступа к трубопроводу у Ирака (по сути, ограничение доступа этой страны к мировому рынку) в 2024 г. из-за спора с Турцией после решения международного суда³; 2) сохранение стабильного уровня добычи нефти в России в 2024 г.; 3) ожидание незначительного роста добычи нефти в Венесуэле в результате снятия 18 октября 2023 г. санкций США на экспорт из этой страны на шесть месяцев при условии проведения избирательной реформы (существенный рост в будущем потребует значительных инвестиций после нескольких лет отложенного обслуживания оборудования и отсутствия доступа к капиталу); 4) геополитическая напряженность в регионах Ближнего Востока из-за военного конфликта, что создает риски для поставок нефти, включая имеющиеся избыточные производственные мощности.

По прогнозу ОПЕК, средние цены на нефть марки Urals по итогам 2023 г. будут находиться в районе 61,1 долл./барр. Рост мирового спроса на нефть в 2023 г. останется на уровне 2,4 млн барр./сут.: спрос на нефть для ОЭСР вырастет на 0,1 млн барр./сут., а для стран, не входящих в ОЭСР, на 2,3 млн барр./сут. Ожидается, что в 2024 г. мировой спрос на нефть вырастет на 2,2 млн барр./сут., а основными драйверами увеличения поставок жидких уг-

леводородов станут США, Китай, Индия, Ближний Восток и другие азиатские страны.

Банк России повысил прогноз цены на нефть марки Urals в 2023 г. с 55 до 83 долл./барр. В 2024 г. регулятор ожидает, что стоимость нефти будет находиться на уровне 80 долл./барр. [1].

Международный валютный фонд прогнозирует в 2023 г. средние цены на нефть по основным сортам на уровне 80,5 долл./барр., а в 2024 г. — 79,9 долл./барр.

Прогнозы международных ведомств по ценам на нефть представлены на рисунке [4].

Изменения в законодательстве, регулирующем нефтяную отрасль РФ

В 2023 г. в законодательстве, регулирующем нефтяную отрасль России, произошел ряд изменений:

1. Приостановка предоставления и распространения официальной статистики в отношении ряда видов продукции и видов экономической деятельности на год с апреля 2023 г.⁴, что делает анализ текущей динамики ключевых показателей деятельности российского нефтяного сектора затруднительным, учитывая, что статистика по экспорту нефти и нефтепродуктов закрыта с 2022 г.

2. Введение надбавки к экспортной пошлине на бензин и дизельное топливо с 01.01.2023 г. Для пресечения использования фиктивных договоров и злоупотреблений при экспорте топлива — в частности, вывоза нефтепродуктов, которые были приобретены на внутреннем рынке и за которые из бюджета выплачен топливный демпфер, — был введен дополнительный платеж к экспортной пошлине в размере 20 тыс. руб./т.⁵ При наличии свидетельств о совершении операций по переработке нефтяного сырья или операций с прямо-

³ Доступ был прекращен с 25 марта 2023 г. — см., например, [2].

⁴ В виды продукции вошли: нефтегазовая смесь (скважинная жидкость); нефть обезвоженная, обессоленная и стабилизированная; конденсат газовый нестабильный. В виды деятельности вошли: добыча нефти и нефтяного (попутного) газа (ПНГ); добыча природного газа и газового конденсата (распоряжение Правительства РФ от 26.04.2023 г. № 1074-р / Государственная система правовой информации. 10.11.2023. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202304280072>).

⁵ Постановление Правительства РФ от 24.06.2023 г. № 1032 «О внесении изменений в методику расчета ставок вывозных таможенных пошлин на отдельные категории товаров, выработанных из нефти».

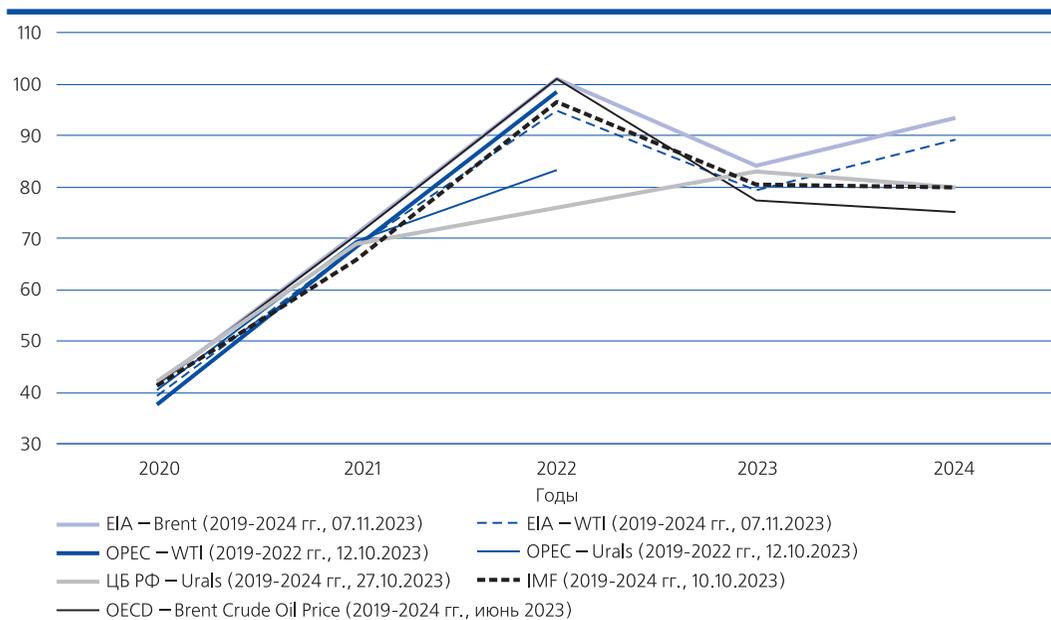
гонным бензином формула расчета экспортной пошлины на нефтепродукты осталась прежней. Установление фиксированной ставки (не зависящей от цены на нефть и валютного курса) создает риски ее корректировки при изменении внешних условий, что подтверждается на практике: с 6 октября 2023 г. дополнительный платеж был повышен до 50 тыс. руб./т.

3. Введение скидки на нефть марки Urals относительно марки Brent с 01.04.2023 г. (34 долл. с апреля, 31 долл. в мае, 28 долл. в июне, 25 долл. в июле, 20 долл. с сентября). Эти изменения вызваны попытками отразить справедливую стоимость сырья, используя котировки Urals от агентства Argus, сохранить налоговые поступления в бюджет. До 2022 г. базисами поставок были CIF Rotterdam и CIF Augusta (продукция доставляется до указанного в договоре порта назначения покупателя, страховку основной перевозки, разгрузку и перевалку оплачивает продавец). После 2022 г. котировки Urals в ЕС-портах назначения переста-

ли в полной мере отражать справедливую стоимость сырья, так как большинство сделок совершалось на конфиденциальных условиях и от участников рынка перестали поступать регулярные ценовые сигналы. Котировки нефти Urals стали рассчитываться на базисах поставки FOB Приморск, Усть-Луга и Новороссийск плюс затраты на доставку в европейские порты (цена фрахта, портовых сборов, страховки груза). Скидка Urals к Brent начала стремительно расти. Для сохранения объемов поступлений в бюджет 16.02.2023 г. были приняты поправки к Налоговому кодексу, которые с 1 апреля 2023 г. ограничили дисконт на российскую нефть марки Urals по отношению к North Sea Dated для расчета нефтяных налогов. С 01.09.2023 г. дисконт снижен до 20 долл./барр. В 2024 г. предполагается его снизить до 15 долл./барр., в 2025 г. – до 10 долл./барр., а в 2026 г. – до 6 долл./барр.

4. Создание российского биржевого индекса цен на нефть и нефтепродукты для ис-

Прогноз цен на нефть, долл./барр.

Примечание. В скобках указана дата публикации прогноза.

Источник: составлено автором по данным EIA, OPEC, IMF, ЦБ РФ, OECD.

числения налогов. Агентство Argus с начала 2024 г. прекращает публикацию котировок российской нефти на базе CIF, но продолжает рассчитывать и публиковать котировки цен нефти сорта Urals на базе FOB в российских портах (Приморск, Усть-Луга и Новороссийск), котировку Urals в портах Индии (West Coast India), а также котировку сорта российской нефти ESPO на базе FOB в порту Козьмино. СПбМТСБ, Минфин, Минэнерго, Минэкономразвития и ЦБ РФ обсуждают поправки в Налоговый кодекс, которые позволят использовать цены СПбМТСБ в качестве источника информации для определения экспортных пошлин, НДС и НДД. В проекте бюджета на 2023–2026 гг.⁶ предложено отложить применение индекса нефти СПбМТСБ на 2025 г., хотя в уже внесенном в Госдуму законопроекте по-прежнему предлагается для расчета налогов использовать наибольшую из величин: цену Urals, цену Brent с дисконтом или индекс ЦСПБ (на бирже СПбМТСБ именуемый как индекс нефти). Такая неопределенность вносит неясность в формирование бюджета на 2024–2026 гг. в части поступлений от нефтяной отрасли.

5. Снижение демпфирующей надбавки в два раза с 01.09.2023 г.⁷, позже замененное на альтернативные механизмы. Для сокращения расходов бюджета на субсидирование нефтяных компаний в условиях сужения спроса на российские нефтепродукты в формулу расчета разницы между экспортной альтернативой и средней оптовой ценой реализации в РФ вводится коэффициент, сокращающий в два раза выплаты по демпфирующему механизму для бензина и дизельного топлива. Предполагается, что с октября 2023 г. демпфер будет выплачиваться в прежнем размере, а компенса-

ция бюджетных расходов для этих выплат произойдет за счет:

- роста НДС по газовому конденсату для ПАО «Газпром» и его дочерних предприятий⁸ на коэффициент $K_{абдт}$ ⁹, увеличенный в 1,5 раза: заводы производят топливо из конденсата и получают за это демпфер, не выплачивая НДС по нефти. Данная мера уравнивает их в правах с другими производителями топлива, но и создает риск повышения цен для потребителей СУГ, метана и бензина в результате увеличения налоговой нагрузки. Из-за несопоставимости объемов переработки нефти в целом и добычи газового конденсата «Газпромом» (соответственно 276 и 18,3 млн т в 2022 г.) можно ожидать, что эта мера лишь частично покроет расходы по демпферу;
- сокращения выплат по обратному акцизу для НПЗ, которые не поставляют 40% бензина и дизельного топлива класса 5 от общего объема производства светлых нефтепродуктов на внутренний рынок (требование не распространяется на компании с долей участия государства более 25%). Объем сокращения составит 390 руб./т для налоговых периодов с 1 января по 31 августа 2024 г. и 250 руб./т с 1 сентября 2024 г. Мера учитывает только часть интересов крупных компаний с государственным участием; в зону риска попадают Волгоградский НПЗ («ЛУКОЙЛ»), Киришский НПЗ («Сургутнефтегаз»), «ТАИФ» в случае выставления в качестве приоритета экспортного направления.

Таким образом, анализ прогнозов международных агентств показал, что в 2024 г. можно ожидать роста цен на нефть, который будет обусловлен продлением добровольных

⁶ Законопроект № 448554–8 «О федеральном бюджете на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов» / Государственная система правовой информации. 10.11.2023. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/448554-8>

⁷ Законопроект № 369931-8 «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и о приостановлении действия абзаца второго пункта 1 статьи 78 части первой Налогового кодекса Российской Федерации (в части реализации отдельных положений основных направлений налоговой политики)».

⁸ У которых доля добычи газа по отношению к объему добычи углеводородного сырья составляет меньше 35%.

⁹ Коэффициент, учитывающий надбавку за бензин или дизельное топливо при изменении параметров демпфера.

сокращений объемов добычи нефти странами – участницами соглашения ОПЕК+ дополнительно к установленным квотам; конфликты на Ближнем Востоке, согласно имеющимся прогнозам, не будут оказывать значительного влияния на волатильность цен.

Что касается решения компенсировать повышение топливного демпфера для российских нефтяных компаний за счет увеличения налоговой нагрузки на ПАО «Газпром» и уменьшения выплат для части негосударственных НПЗ помимо таких эффектов, как уравнивание прав «Газпрома» с другими производителями топлива, то оно может создать определенные риски: 1) усиление дополнительной нагрузки на «Газпром», весьма чувствительной из-за ожиданий слабых финансовых результатов по итогам 2023 г.; 2) рост цен для потребителей СУГ, метана и бензина из-за увеличения налоговой нагрузки; 3) только частичное покрытие расходов по демпферу из-за несопоставимости объемов переработки нефти в целом и добычи газового кон-

денсата «Газпромом» и учета интересов только крупных компаний с государственным участием (мера могла бы принести больше поступлений в бюджет, если бы распространялась на всех участников рынка); 4) отсутствие привязки условия по ограничению экспортных поставок к курсу рубля, в случае ослабления которого мера может оказаться экономически нецелесообразной; 5) отсутствие согласованности поставок бензина и дизельного топлива на внутренний рынок, заложенных в нормативных документах и биржевых правилах.

Из всего вышесказанного следует, что если параметры налоговой системы в нефтяной отрасли не будут больше корректироваться, а санкции и их соблюдение не ужесточатся, то поступления от нефтяной отрасли, как минимум, не снизятся. В то же время частая корректировка налогового законодательства является негативным сигналом для бизнеса с точки зрения инвестирования в развитие и модернизацию его производств. ■

Литература

1. Среднесрочный прогноз Банка России по итогам заседания Совета директоров по ключевой ставке / Банк России. 27.10.2023. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/46535/forecast_231027.pdf
2. Турция приостановила экспорт нефти с севера Ирака после решения международного суда / Интерфакс. 27.03.2023. URL: <https://www.interfax.ru/world/893032>
3. Short-term energy outlook. Crude oil prices / EIA. 07.11.2023. URL: <https://www.eia.gov/outlooks/steo/marketreview/crude.php>
4. World Economic Outlook Update. 10.10.2023 / IMF. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2023/10/10/world-economic-outlook-october-2023>

References

1. The Bank of Russia's medium-term forecast based on the results of the meeting of the Board of Directors on the key rate / Bank of Russia. 27.10.2023. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/46535/forecast_231027.pdf
2. Turkey has suspended oil exports from northern Iraq after the decision of the International Court of Justice / Interfax. 27.03.2023. URL: <https://www.interfax.ru/world/893032>
3. Short-term energy outlook. Crude oil prices / EIA. 07.11.2023. URL: <https://www.eia.gov/outlooks/steo/marketreview/crude.php>
4. World Economic Outlook Update. 10.10.2023 / IMF. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2023/10/10/world-economic-outlook-october-2023>

Monitoring of Global and Russian Oil Markets

Eugenia M. Miller – Acting Head of Department for System Analysis of Sectorial Markets of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). E-mail: miller-em@ranepa.ru

Repeated and rather frequent changes in the parameters of tax legislation, typical for the oil industry of the Russian Federation, may cause growth in the overall level of oil market uncertainty and a respective decline in the incentives for investment in development and modernization.

Key words: oil, world oil market, Russian oil market, oil production, oil prices, ОПЕК+, sanctions.

JEL-codes: L71, E3, Q3.

Эконометрическое моделирование

АНАЛИЗ ВАЖНОСТИ ГЛОБАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ ДЛЯ НАУКАСТИНГА ВВП

К. С. РЫБАК

В статье показано, что использование дополнительных внешних глобальных факторов в стандартной факторной модели для наукастинга приводит к значимому улучшению качества наукастов российского ВВП. В частности, используются глобальный фактор инфляции и глобальный номинальный фактор, доступные для оценивания практически в режиме реального времени, что в итоге позволяет получать не только лучшие, но и более ранние наукасты.

Ключевые слова: наукастинг ВВП, факторная модель.

JEL: C53, C82, C38, E27.

Введение

Краткосрочное прогнозирование отдельных макроэкономических показателей является крайне актуальной задачей, существенно важной для проведения экономической политики. Наукастинг представляет собой один из видов прогнозирования, однако в данном случае прогнозируется не будущий, а текущий период времени.

Одним из наиболее широко используемых инструментов для решения задач краткосрочного прогнозирования и наукастинга являются динамические факторные модели, получившие распространение благодаря работе Стока и Вотсона [30]. Авторы предполагают, что реальный процесс порождения данных описан динамикой некоторых ненаблюдаемых факторов, для оценивания которых можно воспользоваться информацией, содержащейся в наблюдаемых (информационных) рядах. Основным методом выделения факторов из информационных рядов является метод главных компонент, имеющий некоторые технические ограничения, основное из которых — необходимость использования сбалансированной выборки.

Хотя работа Стока и Вотсона неоднократно подвергалась критике со стороны Форни и

соавторов ([19] и [20]), а также Доз и соавторов ([17] и [18]), в основном критика была направлена на улучшение получаемых оценок путем использования более продвинутых или альтернативных процедур выделения факторов из информационных рядов. Однако сравнительный анализ получаемых прогнозов при помощи теста Диебоды-Мариано ([16] и [22]), проведенный авторами исследования [12], показал, что оценки, полученные для модели Стока и Вотсона, неотличимы от остальных подходов.

Практическое применение факторные модели нашли во многих работах для наукастинга макроэкономических показателей как развитых стран — например, Канады [14], Германии [25], Норвегии [24], Ирландии [15], Новой Зеландии [26], так и развивающихся — например, Китая [21], Турции [28], а также России в работе [9]. Сравнение наукастинга с альтернативными моделями и с официальными российскими прогнозами проводилось также в исследованиях [4] и [2] соответственно.

Для развивающихся стран — нефтеэкспортеров (к которым относится и Россия) при прогнозировании следует учитывать специфические переменные, важные для данного класса экономик. Так, значимую роль для подобных

Рыбак Константин Сергеевич, младший научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (Москва), e-mail: rybak-ks@ranepa.ru

экономик играет конъюнктура сырьевых рынков, что было отмечено Мехрара и Оскуи [27]. Вклады сырьевых шоков в российскую экономику были рассмотрены в работах Полбина, Скроботова и Зубарева [29], Полбина и Скроботова [8], Шоломицкой [10], Кубоницы [23], Дробышевского и соавторов [1], Ломиворотова [5], Пестовой и Мамонова [6] и Полбина [7]. В связи с этим целесообразным представляется включение переменных, характеризующих динамику мирового сырьевого рынка, в факторную модель для наукастинга российского ВВП.

Настоящее исследование посвящено уточнению оптимального набора факторов для наукастинга российского ВВП, выходящего в официальной статистике с существенной задержкой. Одни из наименьших задержек в выходе данных наблюдаются для рядов инфляции и процентных ставок — использование таких показателей может значительно улучшить качество наукастов. Улучшение прогнозов в результате использования финансовых и инфляционных переменных обсуждалось в [19] для еврозоны. Работа выстроена следующим образом: далее следуют представление прогнозной модели и описание данных, затем — результаты прогнозирования с помощью оцененной модели, сравнение моделей с различными наборами факторов на разных временных промежутках.

Описание данных и модели

Для выделения факторов мы используем модель, формулировка которой сходна с моделью из [13]; формулировка и методика прогнозирования были также подробно описаны нами в [4] и [2]. Непосредственно для наукастинга выпуска мы используем отдельное прогнозируемое уравнение, аналогичное работе [9]. Основным отличием настоящей модели от представленной в [4] для описания динамики глобальной экономики является использование четырех факторов (вместо двух), которые впоследствии применяются для очистки российских информационных рядов и, как след-

ствие, внутренних факторов от влияния внешних. В модели используются следующие глобальные факторы: фактор экономической активности, фактор инфляции, сырьевой и номинальный факторы. Использование номинальных показателей и инфляции имеет множество неоспоримых преимуществ при построении наукастов, так как зачастую такие данные доступны практически в режиме реального времени. Кроме того, данные ряды непосредственно связаны с динамикой глобальных инфляционных процессов, что обсуждалось в [3]. Для определения необходимого количества домашних факторов применялся тест Баи и Нг [12], согласно которому мы используем первые три главных компонента, которые суммарно отвечают за 89% вариации в данных.

Для выделения глобальных факторов используется 43 информационных ряда для стран ОЭСР, США и Европы: реальные показатели выпуска и его составляющие, а также индексы промышленного производства для фактора глобальной экономической активности; индексы потребительских цен для фактора глобальной инфляции; различные сырьевые индексы и реальная цена на нефть для глобального сырьевого фактора; краткосрочные ставки процента для глобального номинального фактора. Российские информационные ряды, помимо ВВП и его составляющих, включают 20 показателей: индексы цен, промышленного производства, краткосрочных ставок процента, физического объема оборота розничной торговли продовольственными и непродовольственными товарами, норму безработицы, композитный лидирующий индикатор для России (CLI index) и ряд других номинальных показателей. Ряды рассматриваются на промежутке с первого квартала 2000 г. по первый квартал 2021 г. в квартальном выражении. Все ряды, где это необходимо, очищены от сезонности с помощью процедуры Х13. Нестационарные ряды рассматриваются в разностях, все переменные центрированы и стандартизованы при выделении главных компонент.

Для получения наукаста по описанной модели факторная модель оценивается на выборке вплоть до соответствующего наукасту периода, после чего полученные оценки факторов используются в прогнозном уравнении, оцениваемом с помощью метода наименьших квадратов:

$$y_t = Z_0 F_t + Z_1 F_{t-1} + \alpha y_{t-1} + \eta_t,$$

где y_t – реальный ВВП; F_t – вектор факторов; Z_0, Z_1 – оцениваемые параметры.

Важно отметить, что для каждого периода наукаст строится с использованием факторов (как домашних, так и внешних), оцененных на выборке вплоть до данного периода.

Результаты прогнозирования и анализ качества прогнозов

Для проверки гипотезы об улучшении качества прогнозов от добавления большего количества зарубежных факторов мы используем тестовую выборку объемом чуть более 20% от имеющегося набора данных начиная со второго квартала 2016 г.

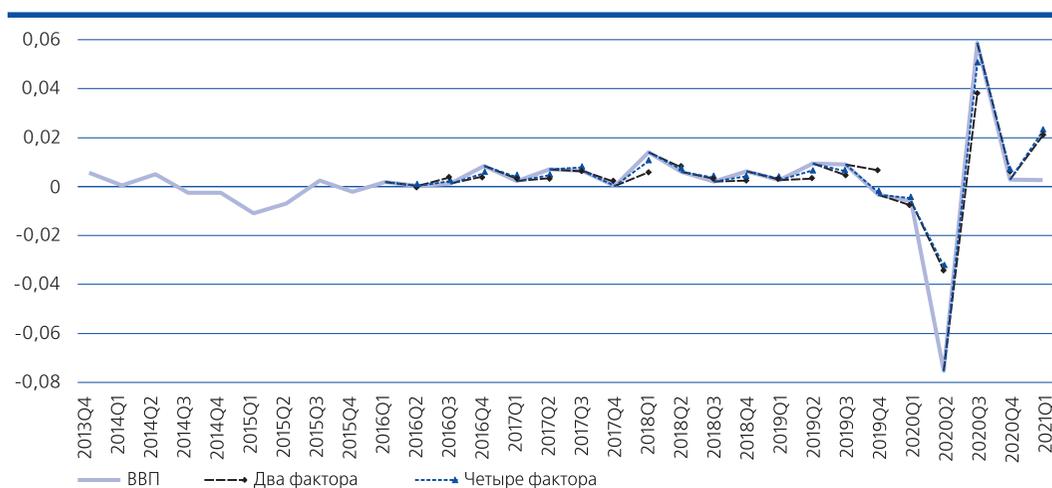
Последовательность полученных наукастов по модели с четырьмя и двумя глобальными

факторами представлена на рисунке. Видно, что наукасты на периоде до начала глобальной пандемии COVID-19 имеют достаточно высокую точность в рамках RMSE и хорошо предсказывают динамику выпуска до начала глобальной пандемии. При рассмотрении всего тестового периода точность прогноза значительно снижается ввиду нестандартной природы глобального кризиса. Основным наблюдением является значимое различие полученных прогнозов в пользу модели с большим количеством факторов на промежутке со второго квартала 2016 г. до первого квартала 2020 г. согласно тесту Диеболда-Мариано. Однако на полном периоде тестирования значимого различия не наблюдается.

Выводы

В работе представлено уточнение факторной модели, которая может быть использована для получения наукастов ВВП российской экономики. Использование большего количества зарубежных данных в виде глобальных факторов инфляции и номинального фактора позволяет повысить ранее полученную точность оценки динамики темпов роста выпуска на промежутке, предшествующем глобальной

Наукасты по факторным моделям

Источник: построено автором.

пандемии. Для периода коронавирусной инфекции качество оценки хоть и получилось несколько лучше в рамках RMSE, однако тест

Диеболда-Мариано не указывает на наличие значимой разницы с наукастами, полученными с использованием лишь двух факторов. ■

Литература

1. Дробышевский С.М., Идрисов Г.И., Каукин А.С., Павлов П.Н., Синельников-Мурылев С.Г. Декомпозиция темпов роста российской экономики в 2007–2017 гг. и прогноз на 2018–2020 гг. // Вопросы экономики. 2018. № 9. С. 5–31.
2. Зубарев А.В., Рыбак К.С. Наукастинг ВВП: динамическая факторная модель и официальные прогнозы // Экономическое развитие России. 2021. Т. 28. № 12. С. 34–40.
3. Зубарев А.В., Рыбак К.С. Оценка влияния глобальных шоков на российскую экономику в рамках факторной модели // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. Т. 4. № 56. С. 48–68.
4. Зубарев А.В., Рыбак К.С., Ломоносов Д.А. Оценка влияния глобальных шоков на российскую экономику и наукастинг ВВП в рамках факторной модели // Деньги и кредит. 2022. Т. 81. № 2. С. 49–78.
5. Ломиворотов Р. Влияние внешних шоков и денежно-кредитной политики на экономику России // Вопросы экономики. 2014. № 11. С. 122–139.
6. Пестова А., Мамонов М. Оценка влияния различных шоков на динамику макроэкономических показателей в России и разработка условных прогнозов на основе BVAR-модели российской экономики // Экономическая политика. 2016. Т. 11. № 4. С. 56–92.
7. Полбин А.В. Оценка траектории темпов трендового роста ВВП России в ARX-модели с ценами на нефть // Экономическая политика. 2020. Т. 15. № 1. С. 40–63.
8. Полбин А.В., Скроботов А.А. Тестирование наличия изломов в тренде структурной компоненты ВВП Российской Федерации // Экономический журнал ВШЭ. 2016. Т. 20. № 4. С. 588–623.
9. Поршаков А.С., Пономаренко А.А., Синяков А.А. Оценка и прогнозирование ВВП России с помощью динамической факторной модели // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. Т. 2. № 30. С. 60–76.
10. Шоломицкая Е. Влияние ключевых макроэкономических шоков на инвестиции в России // Экономический журнал ВШЭ. 2017. Т. 21. № 1. С. 89–113.
11. Bai J., Ng S. Determining the number of factors in approximate factor models // Econometrica. 2002. Vol. 1. No. 70. Pp. 191–221.
12. Barhoumi K., Darne O., Ferrara L. Are disaggregate data useful for factor analysis in forecasting French GDP? // Journal of Forecasting. 2010. Vol. 29.
13. Charnavoki V., Dolado J.J. The Effects of Global Shocks on Small Commodity-Exporting Economies: Lessons from Canada // American Economic Journal: Macroeconomics. 2014. Vol. 6. No. 2. Pp. 207–237.
14. Chernis T., Sekkel R. A dynamic factor model for nowcasting Canadian GDP // Empirical Economics. 2017. Vol. 53. Pp. 217–234.
15. D'Agostino A., McQuinn K., O'Brien D. Nowcasting Irish GDP // Journal of Business Cycle Measurement and Analysis. 2012. Vol. 2012 (2). Pp. 21–31.
16. Diebold F.X., Mariano R.S. Comparing predictive accuracy // Journal of Business and Economic Statistics. 1995. Vol. 13. Pp. 253–263.
17. Doz C., Giannone D., Reichlin L. A Quasi-Maximum Likelihood Approach for Large, Approximate Dynamic Factor Models // Review of Economics and Statistics. 2012. Vol. 94. No. 4. Pp. 1014–1024.
18. Doz C., Giannone D., Reichlin L. A two-step estimator for large approximate dynamic factor models based on Kalman filtering // Journal of Econometrics. 2011. Vol. 164. Pp. 188–205.
19. Forni M., Hallin M., Lippi M., Reichlin L. The Generalized Dynamic Factor Model // Journal of the American Statistical Association. 2005. Vol. 100. Pp. 830–840.
20. Forni M., Hallin M., Lippi M., Reichlin L. The generalized dynamic factor model consistency and rates // Journal of Econometrics. 2004. Vol. 119. Pp. 231–255.
21. Giannone D., Agrippino S., Modugno M. Nowcasting China Real GDP. 2013.
22. Harvey D., Leybourne S., Newbold P. Testing the equality of prediction mean squared errors // International Journal of Forecasting. 1997. Vol. 13. Pp. 281–291.
23. Kuboniwa M. A comparative analysis of the impact of oil prices on oil-rich emerging economies in the Pacific Rim // Journal of Comparative Economics. 2014. Vol. 42. No. 2, May. Pp. 328–339.

24. Luciani M., Ricci L. Nowcasting Norway // *International Journal of Central Banking*. 2014. Vol. 10. No. 4. Pp. 215–248.
25. Marcellino M., Schumacher C. Factor MIDAS for Nowcasting and Forecasting with Ragged Edge Data: A Model Comparison for German GDP // *Oxford Bulletin of Economics and Statistics*. 2010. Vol. 72. Pp. 518–550.
26. Matheson T.D. An analysis of the informational content of New Zealand data releases: The importance of business opinion surveys // *Economic Modelling*. 2010. Vol. 27. No. 1. Pp. 304–314.
27. Mehra M., Oskoui K.N. The sources of macroeconomic fluctuations in oil exporting countries: A comparative study // *Economic Modelling*. 2007. Vol. 24. No. 3, May. Pp. 365–379.
28. Modugno M., Soybilgen B., Yazgan E. Nowcasting Turkish GDP and news decomposition // *International Journal of Forecasting*. 2016. Vol. 32. Pp. 1369–1384.
29. Polbin A., Skrobotov A., Zubarev A. How the oil price and other factors of real exchange rate dynamics affect real GDP in Russia // *Emerging Markets Finance and Trade*. February 2019. Pp. 1–14.
30. Stock J., Watson M. Forecasting Using Principal Components From a Large Number of Predictors // *Journal of the American Statistical Association*. 2002. Vol. 97. Pp. 1167–1179.

References

1. Drobyshevsky S.M., Idrisov G.I., Kaukin A.S., Pavlov P.N., Sinelnikov-Murylev S.G. Decomposition of Russian GDP growth rates in 2007–2017 and forecast for 2018–2020 // *Voprosy Ekonomiki*. 2018. No. 9. Pp. 5–31.
2. Zubarev A.V., Rybak K.S. GDP Nowcasting: Dynamic Factor Model vs. Official Forecasts // *Russian Economic Development*. 2021. Vol. 28. No. 12. Pp. 34–40.
3. Zubarev A.V., Rybak K.S. The impact of global shocks on the Russian economy FAVAR approach // *Journal of the New Economic Association*. 2022. Vol. 4. No. 56. Pp. 48–68.
4. Zubarev A.V., Rybak K.S., Lomonosov D.A. Estimation of the impact of global shocks on the Russian economy and GDP nowcasting within the framework of the factor model // *Money and Credit*. 2022. Vol. 81. No. 2. Pp. 49–78.
5. Lomivorotov R.V. Impact of external shocks and monetary policy on Russian economy // *Voprosy Ekonomiki*. 2014. No. 11. Pp. 122–139.
6. Pestova A., Mamonov M. Estimating the influence of different shocks on macroeconomic indicators and developing conditional forecasts on the basis of BVAR model for the Russian economy // *Economic Policy*. 2016. Vol. 11. No. 4. Pp. 56–92.
7. Polbin A.V. Estimating time-varying long-run growth rate Russian GDP in the ARS model with oil prices // *Economic Policy*. 2020. Vol. 15. No. 1. Pp. 40–63.
8. Polbin A.V., Skrobotov A.A. Testing for the structural breaks in the long-run growth rate of the Russian Economy // *HSE Economic Journal*. 2016. Vol. 20. No. 4. Pp. 588–623.
9. Porshakov A.S., Ponomarenko A.A., Sinyakov A.A. Nowcasting and short-term forecasting of Russian GDP with a dynamic factor model // *Journal of New Economic Association*. 2016. Vol. 2. No. 30. Pp. 60–76.
10. Sholomitskaya E. Influence of key macroeconomic shocks on Russian investments // *HSE Economic Journal*. 2017. Vol. 21. No. 1. Pp. 89–113.
11. Bai J., Ng S. Determining the number of factors in approximate factor models // *Econometrica*. 2002. Vol. 1. No. 70. Pp. 191–221.
12. Barhoumi K., Darne O., Ferrara L. Are disaggregate data useful for factor analysis in forecasting French GDP? // *Journal of Forecasting*. 2010. Vol. 29.
13. Charnavoki V., Dolado J.J. The Effects of Global Shocks on Small Commodity-Exporting Economies: Lessons from Canada // *American Economic Journal: Macroeconomics*. 2014. Vol. 6. No. 2. Pp. 207–237.
14. Chernis T., Sekkel R. A dynamic factor model for nowcasting Canadian GDP // *Empirical Economics*. 2017. Vol. 53. Pp. 217–234.
15. D'Agostino A., McQuinn K., O'Brien D. Nowcasting Irish GDP // *Journal of Business Cycle Measurement and Analysis*. 2012. Vol. 2012 (2). Pp. 21–31.
16. Diebold F.X., Mariano R.S. Comparing predictive accuracy // *Journal of Business and Economic Statistics*. 1995. Vol. 13. Pp. 253–263.
17. Doz C., Giannone D., Reichlin L. A Quasi-Maximum Likelihood Approach for Large, Approximate Dynamic Factor Models // *Review of Economics and Statistics*. 2012. Vol. 94. No. 4. Pp. 1014–1024.
18. Doz C., Giannone D., Reichlin L. A two-step estimator for large approximate dynamic factor models based on Kalman filtering // *Journal of Econometrics*. 2011. Vol. 164. Pp. 188–205.

19. Forni M., Hallin M., Lippi M., Reichlin L. The Generalized Dynamic Factor Model // Journal of the American Statistical Association. 2005. Vol. 100. Pp. 830–840.
20. Forni M., Hallin M., Lippi M., Reichlin L. The generalized dynamic factor model consistency and rates // Journal of Econometrics. 2004. Vol. 119. Pp. 231–255.
21. Giannone D., Agrippino S., Modugno M. Nowcasting China Real GDP. 2013.
22. Harvey D., Leybourne S., Newbold P. Testing the equality of prediction mean squared errors // International Journal of Forecasting. 1997. Vol. 13. Pp. 281–291.
23. Kuboniwa M. A comparative analysis of the impact of oil prices on oil-rich emerging economies in the Pacific Rim // Journal of Comparative Economics. 2014. Vol. 42. No. 2, May. Pp. 328–339.
24. Luciani M., Ricci L. Nowcasting Norway // International Journal of Central Banking. 2014. Vol. 10. No. 4. Pp. 215–248.
25. Marcellino M., Schumacher C. Factor MIDAS for Nowcasting and Forecasting with Ragged Edge Data: A Model Comparison for German GDP // Oxford Bulletin of Economics and Statistics. 2010. Vol. 72. Pp. 518–550.
26. Matheson T.D. An analysis of the informational content of New Zealand data releases: The importance of business opinion surveys // Economic Modelling. 2010. Vol. 27. No. 1. Pp. 304–314.
27. Mehrara M., Oskoui K.N. The sources of macroeconomic fluctuations in oil exporting countries: A comparative study // Economic Modelling. 2007. Vol. 24. No. 3, May. Pp. 365–379.
28. Modugno M., Soybilgen B., Yazgan E. Nowcasting Turkish GDP and news decomposition // International Journal of Forecasting. 2016. Vol. 32. Pp. 1369–1384.
29. Polbin A., Skrobotov A., Zubarev A. How the oil price and other factors of real exchange rate dynamics affect real GDP in Russia // Emerging Markets Finance and Trade. February 2019. Pp. 1–14.
30. Stock J., Watson M. Forecasting Using Principal Components From a Large Number of Predictors // Journal of the American Statistical Association. 2002. Vol. 97. Pp. 1167–1179.

Evaluating the Role of Global Factors in GDP Nowcasting

Konstantin S. Rybak – Junior Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). E-mail: rybak-ks@ranepa.ru

This work shows that use of more than two global factors in standard factor-augmented model leads to significantly better nowcasts of Russian GDP growth rate. Global inflation and nominal factors are available for estimation almost in real-time which leads to earlier and better nowcasts.

Key words: GDP nowcasting, factor model.

JEL-codes: C53, C82, C38, E27.

АНАЛИЗ ВОЗМОЖНОСТЕЙ УЛУЧШЕНИЯ КАЧЕСТВА ПРОГНОЗОВ ЦЕН НА ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ МЕТОДАМИ КОМБИНИРОВАНИЯ НА ОСНОВЕ РЕГРЕССИОННЫХ ОЦЕНОК ВЕСОВ

Е. В. АСТАФЬЕВА
М. Ю. ТУРУНЦЕВА

Из многочисленных эмпирических работ следует, что объединение (комбинирование) прогнозов позволяет повысить точность прогнозирования по сравнению с индивидуальными прогнозами. В настоящей статье исследуются возможности регрессионных методов комбинирования прогнозов для улучшения качества прогнозов цен на нефть, алюминий, золото, никель и медь. Основой для расчетов служит база прогнозов Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара, предоставляющая массив индивидуальных (объединяемых) прогнозов. Все расчеты проводятся в режиме (псевдо) реального времени.

На основе полученных в работе оценок можно утверждать, что для цен на ресурсы независимо от рассматриваемого периода существует регрессионный метод объединения, обеспечивающий качественные преимущества относительно всех первичных прогнозов. Вместе с тем, обобщая результаты качественных характеристик регрессионных и простейших методов комбинирования, следует отметить, что выбор лучшего способа объединения прогнозов (и даже группы способов) неоднозначен и зависит от прогнозируемого показателя.

Ключевые слова: комбинирование прогнозов, объединение прогнозов, цены на нефть, цены на алюминий, цены на золото, цены на никель, цены на медь.

JEL: C53, E31.

Основным вопросом, обсуждаемым в литературе, посвященной проблемам прогнозирования, является вопрос о выборе метода прогнозирования, который обеспечивал бы максимальную точность прогноза на основе имеющихся данных. Такой подход предполагает, что этот лучший метод существует и остается только определить его. Однако многочисленные эмпирические работы противостоят данному утверждению. Можно отметить, как минимум, две причины этого. Первая состоит в том, что истинный процесс порождения данных реальных процессов неизвестен, поэтому можно наблюдать ситуации, когда доверительные интервалы прогнозов, построенных на основе разных моделей, не пересекаются и вывод о будущем поведении показателей неоднозначен. Вторая причина связана с тем, что неправильно специфицированная модель может давать лучшие по качеству прогнозы по сравнению с правильно специфицированной.

В своей работе Хансен [9], опираясь на оценки зависимости распределения оценок и тестовых статистик от выбора модели, указывает на ошибочность подхода, предполагающего возможность определения истинного процесса порождения данных и сконцентрированного на поиске единственной подходящей модели (см. также [11] и [13]).

Естественной альтернативой выбору одной модели является обобщение информации, полученной различными методами прогнозирования, т.е. путем комбинирования прогнозов. С одной стороны, такое агрегирование исключает необходимость выбора одного метода и определения будущего поведения прогнозируемого показателя только на основе его прогнозов. С другой стороны, комбинированный прогноз можно рассматривать как прогноз, основанный на более сложной модели, объединяющей информацию различных базовых (более простых, но отражающих разные аспекты) моделей,

Астафьева Екатерина Викторовна, старший научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, канд. экон. наук, доцент (Москва), e-mail: eastafyeva@ranepa.ru; Турунцева Марина Юрьевна, заведующий лабораторией макроэкономического прогнозирования РАНХиГС при Президенте Российской Федерации; заведующий лабораторией краткосрочного прогнозирования Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара, канд. экон. наук (Москва), e-mail: turuntseva@iep.ru; turuntseva@ranepa.ru

позволяющей добиться лучшей аппроксимации процесса порождения данных. И хотя такой подход не исправляет ошибки в спецификации отдельных моделей, он может сгладить их негативное воздействие на качество прогноза.

Методы комбинирования прогнозов на основе регрессионных оценок весов

Большое количество эмпирических работ подтверждает, что объединение прогнозов позволяет улучшить качество прогнозирования, причем в самых разных условиях, определяемых способом получения комбинирующих весов и методами получения объединяемых прогнозов ([7; 10; 14]). Кроме этого, оказывается, что с увеличением числа объединяемых методов точность комбинированных прогнозов повышается, а вариабельность точности различных комбинаций — уменьшается [12], но оптимальный результат достигается при использовании четырех или пяти методов.

В основе построения комбинированного (объединенного) прогноза показателя Y лежит массив индивидуальных прогнозов $\{\hat{Y}_{t+h|t}^i\}_{i=1}^n$, где $\hat{Y}_{t+h|t}^i$ — i -й индивидуальный прогноз ($i = \overline{1, n}$) на h шагов вперед, вычисленный на основе модели, оцененной по данным, доступным на момент времени t . Тогда комбинированный прогноз $F_{t+h|t}^Y$ в большинстве случаев определяется как взвешенная сумма отдельных прогнозов:

$$F_{t+h|t}^Y = \sum_{i=1}^n w_{it} \hat{Y}_{t+h|t}^i,$$

где w_{it} — вес i -го прогноза, полученного в момент времени t : $\sum_{i=1}^n w_{it} = 1$; n — количество прогнозов в массиве.

В настоящей работе мы рассматриваем методы объединения прогнозов, веса которых определяются на основе регрессионных оценок. Комбинирование прогнозов на основе регрессионных оценок традиционно связывают с работой Грейнджера и Раманатана [8], в которой авторы для объединения индивиду-

альных прогнозов предложили рассматривать в качестве весов МНК-оценки коэффициентов регрессии фактических значений показателя на отдельные прогнозные значения:

$$w_{it} = \hat{\beta}_{it} : Y_{s+h} = \sum_{i=1}^n \hat{\beta}_{is} \hat{Y}_{s+h|s}^i + \varepsilon_{s+h}, \sum_i \hat{\beta}_{is} = 1.$$

Здесь веса для объединения прогнозов в текущем периоде определяются по данным временных рядов показателя и отдельных прогнозов в предыдущие периоды. Спецификация такой модели предполагает отсутствие константы и ограничение на равенство суммы коэффициентов единице. Если в регрессии без константы снять ограничение на сумму коэффициентов, то комбинированный прогноз получится смещенным. Однако с точки зрения минимизации внутривыборочной суммы квадратов ошибок регрессия без ограничений предпочтительнее регрессии с ограничениями. Поскольку смещение может быть устранено путем включения константы в комбинирующую регрессию, альтернативный способ комбинирования основан на регрессии без ограничений:

$$\begin{aligned} F_{t+h|t}^Y &= \hat{\beta}_{0s} + \sum_{i=1}^n \hat{\beta}_{is} \hat{Y}_{s+h|s}^i : Y_{s+h} = \\ &= \hat{\beta}_{0s} + \sum_{i=1}^n \hat{\beta}_{is} \hat{Y}_{s+h|s}^i + \varepsilon_{s+h}. \end{aligned}$$

Такой комбинированный прогноз является несмещенным и имеет меньшую внутривыборочную среднеквадратическую ошибку. Однако, как отмечается в обзоре Френкеля и Суркова [3], авторы более поздних работ ([4] и [15]) приходят к выводу, что выбор между регрессией с ограничениями и без ограничений определяется выбором исследователя между точностью и объективностью комбинированного прогноза.

У регрессионного метода комбинирования есть ряд существенных недостатков: чувствительность прогнозов к выбросам; коррелированность индивидуальных прогнозов используемого массива (см. [5]); чрезмерно большое число индивидуальных прогнозов (см. [14] и [16]).

Важная для нас проблема состоит в том, что объединение на основе регрессионных оценок предполагает веса неизменными во времени (за исключением изменений, связанных с добавлением данных наблюдений в выборку, по которой производятся оценки параметров). Наиболее очевидный выход из этого положения состоит в том, чтобы оценивать регрессию на основе последних V наблюдений выборки, а для определения значения V^* , которое минимизирует среднеквадратичную ошибку комбинированного прогноза, применять итерационные алгоритмы.

Другой подход, позволяющий оценивать коэффициенты регрессии на основе всей выборки, но включать в нее недавние наблюдения с большим весом, состоит в использовании взвешенного МНК, т.е. $\hat{\beta} = \arg \min e' W e$, где $W = \{w_{\tau\tau}\}$ – квадратная матрица весовых коэффициентов $T \times T$. В большинстве случаев достаточно рассмотреть диагональную весовую матрицу, т.е. $W = \text{diag}(w_{11}, w_{22}, \dots, w_{TT})$, что означает, что $\hat{\beta} = \arg \min \sum_{t=1}^T \sum_{\tau=1}^T w_{\tau\tau} e_{\tau} e_{\tau}'$.

Упомянутая ранее оценка на основе скользящей выборки является частным случаем ВМНК-оценки для $W = \text{diag}(w_a, w_b)$, $w_a = (0, \dots, 0)'$, $w_b = (1, \dots, 1)'$.

Основные типы весовых матриц и соответствующих схем взвешивания указаны в работе Диболда и Паули [6]:

- Матрица равных весов: $w_{it} = 1$ для всех t . Схема взвешивания соответствует обычной регрессии и является частным случаем геометрической схемы при $\lambda = 1$ и схемы t -лямбда при $\lambda = 0$.
- Линейная матрица весов: $w_{it} = t$ для всех t . Схема взвешивания является частным случаем схемы t -лямбда при $\lambda = 1$.

- Геометрическая матрица весов: $w_{it} = \lambda^{t-t}$, $0 < \lambda \leq 1$, или $w_{it} = \lambda^t$, $\lambda \geq 1$. Для всех $\lambda > 1$ геометрическая схема предполагает, что $\frac{dw_{it}}{dt} = t\lambda^{t-1} > 0$, т.е. чем ближе данные к моменту оценивания, тем больший вес им приписывается, при этом $\frac{d^2w_{it}}{dt^2} = t(t-1)\lambda^{t-2} > 0$, так что скорость увеличения весов растет по мере приближения к моменту оценивания. Отличительной особенностью геометрической схемы является возможность определять веса, которые быстро обнуляются, поэтому она часто используется при оценивании комбинирующих весов в нестабильной среде.
- Весовая матрица t^{λ} (t -лямбда): $w_{it} = t^{\lambda}$, $\lambda \geq 0$. Как и предыдущая схема, схема t -лямбда предполагает, что $\frac{dw_{it}}{dt} = \lambda t^{\lambda-1} > 0$, т.е. обеспечивает больший вес недавним наблюдениям. Но поскольку $\frac{d^2w_{it}}{dt^2} = k\lambda(\lambda-1)t^{\lambda-2} \begin{cases} > 0, \lambda > 1 \\ < 0, \lambda < 1 \end{cases}$, то скорость увеличения весов может как расти, так и уменьшаться по мере приближения к моменту оценивания, что позволяет использовать данную схему для более широкого круга задач.
- Весовая матрица Бокса-Кокса: $w_{it} = \begin{cases} \frac{t^{\lambda}-1}{\lambda}, 0 < \lambda \leq 1 \\ \ln t, \lambda = 0 \end{cases}$.

Данные и методика исследования

Мы рассматриваем следующие показатели: цены на нефть марки Brent (долл./барр.), цены на алюминий (тыс. долл./т), цены на золото (тыс. долл./унцию), цены на медь (тыс. долл./т) и цены на никель (тыс. долл./т)¹, а основу для проведения расчетов составляет база прогнозов Бюллетеня краткосрочных прогнозов Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара². Анализ прогностических способностей комбинированных прогнозов, полученных

¹ Фактические значения показателей взяты из базы данных МВФ (до мая 2017 г.) и с сайта <https://ru.investing.com> (с июня 2017 г.).

² См.: http://www.iep.ru/index.php?option=com_bibiet&Itemid=124&catid=123&lang=ru&task=showwallbib. С августа по декабрь 2012 г. – бюллетень «Модельные расчеты краткосрочных прогнозов социально-экономических показателей РФ». С января 2013 г. – регулярный раздел «Научного вестника ИЭП им. Гайдара.ру»: <http://www.iep.ru/ru/ob-izdani.html>. Массивы, собранные в процессе издания бюллетеня в период с апреля 2006 г. по настоящее время, содержат для каждого месяца t прогнозы показателя на полгода вперед, полученные различными методами, и официальные статистические данные, доступные на момент прогнозирования.

регрессионными методами, осуществляется для группы простейших прогнозов как наиболее доступных и не требующих существенных затрат при построении, в которую входят наивный прогноз, наивный прогноз с дрейфом, наивный сезонный прогноз и скользящее среднее:

- наивный прогноз ($i = 1$) – прогноз в момент времени t на $h = 1, \dots, 6$ шагов вперед³, построенный по модели случайного блуждания;
- наивный прогноз с дрейфом ($i = 2$) – прогноз в момент времени t на $h = 1, \dots, 6$ шагов вперед, построенный по модели случайного блуждания с дрейфом;
- наивный сезонный прогноз ($i = 3$) – прогноз в момент времени t на $h = 1, \dots, 6$ шагов вперед, построенный по модели сезонного случайного блуждания;
- скользящее среднее ($i = 4$) – прогноз в момент времени t на $h = 1, \dots, 6$ шагов вперед, равный последнему известному на момент прогнозирования среднегодовому значению показателя.

Для объединения прогнозов в работе используется комбинирование на основе регрессионных оценок весов. Располагаемый массив данных ограничивает использование более сложных подходов, таких как комбинирование на основе главных компонент панели прогнозов. Комбинированные прогнозы оцениваются в режиме реального времени, т.е. для каждого бюллетеня t веса прогнозов рассчитываются по данным, доступным на момент времени t : полугодовым прогнозам бюллетеней и истинным значениям показателя до $t - 1$ включительно.

Для сравнения качества комбинированных прогнозов между собой и оценивания их преимуществ в сравнении с первичными прогно-

зами мы использовали среднюю абсолютную процентную ошибку прогнозирования MAPE.

Для рассматриваемых показателей в работе приводятся результаты усреднения ошибок для всего периода «апрель 2009 г. – декабрь 2022 г.»⁴.

В основе рассматриваемых в работе методов лежит предположение о том, что при комбинировании прогнозов информация о качественных характеристиках прогнозов предыдущих периодов может быть учтена регрессионными методами. В этом случае на основе доступных на момент прогнозирования (t) данных, т.е. для $s = 1, \dots, t - 1 - h$, оценивается регрессия $Y_t = \sum_{i=1}^n \beta_{it} \hat{Y}_t^i + \varepsilon_t$. Полученные в результате оценивания модели коэффициенты регрессии $\hat{\beta}_{it}$ используются в дальнейшем при расчете весов комбинированных прогнозов следующих спецификаций:

- Регрессионные прогнозы (1):

$$\{w_{it} = \hat{\beta}_{it} : Y_{s+1} = \sum_{i=1}^n \beta_{is} \hat{Y}_{s+1}^i + \varepsilon_{s+1}\} -$$
 прогнозы, комбинирующие веса которых равны коэффициентам регрессии без константы, устанавливающей зависимость наблюдаемого показателя от одношаговых прогнозов;
- Регрессионные прогнозы (h):

$$\{w_{it}^h = \hat{\beta}_{it}^h : Y_{s+h} = \sum_{i=1}^n \beta_{is}^h \hat{Y}_{s+h}^i + \varepsilon_{s+h}\} -$$
 прогнозы, комбинирующие веса которых для h -шаговых прогнозов равны коэффициентам регрессии без константы, устанавливающей зависимость наблюдаемого показателя от h -шаговых прогнозов;
- Регрессионные прогнозы (c):

$$\{w_{it} = \hat{\beta}_{it} : Y_{s+1} = \beta_0 + \sum_{i=1}^n \beta_{is} \hat{Y}_{s+1}^i + \varepsilon_{s+1}\} -$$
 прогнозы, комбинирующие веса которых равны коэффициентам регрессии с константой, устанавливающей зависимость наблюдаемого показателя от одношаговых прогнозов;

³ Учитывая, что в период t доступны реальные значения показателя только для периода ($t-1$), полугодовые прогнозы цен на ресурсы представляют собой ожидаемые значения показателя на 2–7 месяцев (а не 1–6 месяцев) вперед. Таким образом, в массив фактически не входят прогнозы на 1 месяц вперед. Так что под одношаговыми прогнозами подразумеваются прогнозы на 2 месяца вперед.

⁴ Мы также провели анализ качества прогнозов отдельно для 2019, 2020, 2021 и 2022 гг. Для экономии места мы не приводим здесь результаты этих расчетов, но иногда упоминаем о них. Результаты этих расчетов могут быть предоставлены авторами по запросу.

- Регрессионные прогнозы (I):

$$\{w_{it} = \beta_{it} : Y_{s+1} = \sum_{i=1}^n \beta_{is} \hat{Y}_{s+1|s}^i + \varepsilon_{s+1}, \sum_{i=1}^n \beta_{is} = 1\}$$
 прогнозы, комбинирующие веса которых равны коэффициентам регрессии с ограничением ($\sum_{i=1}^n \beta_{is} = 1$) без константы, устанавливающей зависимость наблюдаемого показателя от одношаговых прогнозов;
- Смешанный прогноз

$$\{w_{it} = \lambda \beta_{it} + (1 - \lambda) \frac{1}{n}\},$$
 где λ определяет распределение w_{it} между коэффициентом регрессии и равным весом.

Для данных спецификаций коэффициенты регрессии оцениваются с помощью МНК.

Кроме этого регрессионные методы построения комбинированных прогнозов позволяют при оценивании учитывать разные наблюдения с разным весом (в частности, придавать недавним наблюдениям больший вес). В этом случае комбинирующие веса, как и ранее, полагаются равными коэффициентам регрессии, но сама регрессия оценивается с помощью взвешенного МНК. Комбинированные прогнозы задаются в соответствии с матрицей $W = \{w_{it}\}$, определяющей схему взвешивания наблюдений выборки:

- Регрессионные прогнозы (*Geom*) строятся на основе оценок, использующих геометрическую матрицу весов: $w_{it} = \lambda^t, \lambda \geq 1$.
- Регрессионные прогнозы (t -лямбда) строятся на основе оценок, использующих весовую матрицу t^λ (t -лямбда): $w_{it} = t^\lambda, \lambda \geq 0$.

Анализ качества регрессионных методов комбинированных прогнозов цен на природные ресурсы

Анализ первичных прогнозов показал, что в большинстве случаев (как на всем массиве данных, так и для отдельных лет) для рассматриваемых наилучшими являются наивные прогнозы (с дрейфом или без). Поэтому в качестве базового прогноза мы рассматриваем наивный прогноз и анализируем отношение MAPE того или иного комбинированного прогноза к MAPE наивного прогноза. (В табл. 1 и 2

представлены относительные средние абсолютные ошибки прогнозирования на 1–6 шагов вперед и всего массива прогнозов для рассматриваемых показателей. Значение, превышающее единицу, означает, что наивный прогноз имеет лучшее качество, чем рассматриваемый комбинированный прогноз; меньшее единицы – лучшее качество имеет комбинированный прогноз.)

Из таблиц видно, что среди комбинированных прогнозов, полученных регрессионными методами на основе МНК-оценки (см. табл. 1), наилучшими свойствами обладают прогнозы, комбинирующие веса которых для h -шаговых прогнозов равны коэффициентам регрессии без константы, устанавливающей зависимость наблюдаемого показателя от h -шаговых прогнозов. Этот тип комбинированных прогнозов не улучшает наивный прогноз для всех рассматриваемых показателей на всем интервале времени. Также невысокие качественные характеристики демонстрируют использование регрессии без константы (регрессионные прогнозы (1)) и смешанный прогноз, использующий усреднение и регрессионные оценки (смешанный прогноз): для всех показателей такие прогнозы хуже наивного. Исключением является лишь цена нефти марки Brent: ее прогнозы на 3–6 шагов вперед, полученные такими методами комбинирования, превышают по качеству наивный прогноз.

Регрессионные прогнозы с константой, связывающие показатель и одношаговые прогнозы, улучшают качество наивного прогноза для цен нефти, алюминия и меди на горизонтах от 2 до 6 шагов. При этом для цен золота (за исключением горизонта прогнозирования, равного двум шагам) и никеля этот метод не дает желаемого улучшения.

Лучшими качественными характеристиками из простых регрессионных методов комбинирования прогнозов обладает метод с ограничением на сумму весов и без константы (регрессионные прогнозы (I)). При прогнозировании более чем на один шаг вперед для

всех показателей и практически всегда качество такого прогноза превосходит наивный.

Следует отметить две особенности рассматриваемой группы регрессионных методов комбинирования применительно к показателям цен на ресурсы. Во-первых, за исключением одно-

го случая, все они не позволяют улучшить наивный прогноз на 1 шаг вперед. Во-вторых, очень плохо прогнозируют цены на золото и никель. Лишь метод с ограничением на сумму весов и без константы позволяет получить небольшие улучшения относительно наивного прогноза.

Таблица 1
Относительная MAPE комбинированных прогнозов цен на природные ресурсы с весами, полученными регрессионными методами на основе МНК-оценки

Природный ресурс	Регрессионные прогнозы (1)						
	1 шаг	2 шага	3 шага	4 шага	5 шагов	6 шагов	Весь массив
Нефть	1,09	1,02	0,98	0,96	0,95	0,93	0,98
Алюминий	1,08	1,04	1,05	1,1	1,12	1,16	1,1
Золото	1,08	1,04	1,08	1,14	1,2	1,27	1,15
Медь	1,05	1,01	1,02	1,08	1,14	1,14	1,08
Никель	1,15	1,22	1,34	1,46	1,58	1,66	1,44
	Регрессионные прогнозы (h)						
	1 шаг	2 шага	3 шага	4 шага	5 шагов	6 шагов	Весь массив
Нефть	1,09	1,11	1,1	1,14	1,12	1,14	1,12
Алюминий	1,08	1,13	1,16	1,2	1,15	1,24	1,17
Золото	1,08	1,11	1,06	1,07	1,08	1,2	1,11
Медь	1,05	1,03	1,06	1,18	1,33	1,3	1,18
Никель	1,15	1,23	1,29	1,38	1,46	1,5	1,36
	Регрессионные прогнозы (с)						
	1 шаг	2 шага	3 шага	4 шага	5 шагов	6 шагов	Весь массив
Нефть	1,09	1,01	0,97	0,97	0,96	0,97	0,99
Алюминий	1,12	0,96	0,9	0,93	0,93	0,95	0,95
Золото	1,07	0,98	1,02	1,07	1,13	1,19	1,09
Медь	1,15	0,98	0,92	0,92	0,93	0,9	0,95
Никель	1,37	1,2	1,14	1,14	1,15	1,14	1,18
	Регрессионные прогнозы (l)						
	1 шаг	2 шага	3 шага	4 шага	5 шагов	6 шагов	Весь массив
Нефть	1,07	0,98	0,95	0,94	0,93	0,93	0,96
Алюминий	1,04	0,98	0,95	0,98	0,99	0,99	0,98
Золото	1,05	1	0,94	0,92	0,9	0,91	0,94
Медь	0,98	0,95	0,94	0,94	0,94	0,94	0,95
Никель	1,02	1,01	1	0,99	0,99	0,99	1
	Смешанный прогноз						
	1 шаг	2 шага	3 шага	4 шага	5 шагов	6 шагов	Весь массив
Нефть ($\lambda=0,87$)	1,08	1,02	0,98	0,96	0,94	0,93	0,97
Алюминий ($\lambda=0,74$)	1,1	1,08	1,05	1,06	1,08	1,11	1,08
Золото ($\lambda=0,62$)	1,04	1,06	1,09	1,12	1,15	1,17	1,12
Медь ($\lambda=0,74$)	1,06	1,01	1	1,04	1,06	1,03	1,03
Никель ($\lambda=0,1$)	1,23	1,13	1,09	1,09	1,06	1,05	1,09

Примечание. Жирным шрифтом выделены методы комбинирования, улучшающие наивный прогноз.
Источник: расчеты авторов.

Отличительная особенность комбинированных прогнозов, полученных на основе ВМНК-оценок коэффициентов регрессии (см. табл. 2), состоит в том, что для цен нефти, алюминия и меди они превосходят по качеству наивные прогнозы для всех рассматриваемых периодов. Улучшение, достигаемое с помощью таких методов, превышает любой из методов комбинирования на основе МНК-оценок. Особенно это заметно для прогнозов цены нефти с использованием геометрической матрицы весов и цены меди с использованием матрицы t -лямбда.

Так же, как и отмечено выше, прогноз цен на золото и никель не удастся улучшить относительно наивного, используя регрессионные методы на основе ВМНК-оценки.

Заключение

На основе полученных в работе оценок можно заключить, что для цен на ресурсы комбинирование прогнозов с использованием регрессионных оценок весов является одним из

возможных способов улучшить качество прогнозирования по сравнению с отдельными моделями. Для всех показателей независимо от рассматриваемого периода существует метод объединения, обеспечивающий качественные преимущества перед всеми первичными прогнозами (но не для всех горизонтов прогнозирования). Хуже всего методы комбинирования работают для цен золота и никеля: лишь один метод для отдельных горизонтов прогнозирования позволяет получать улучшения относительно наивного прогноза. Как это ни парадоксально, сложнее всего улучшить прогноз на один шаг вперед.

Тем не менее, обобщая результаты качественных характеристик регрессионных и простейших⁵ методов комбинирования, невозможно выбрать способ объединения прогнозов (и даже группу способов), обеспечивающий лучший результат независимо от периода усреднения ошибки и показателя.

Для сравнения различных методов объединения первичных прогнозов проранжиру-

Таблица 2
Относительная MAPE комбинированных прогнозов цен на природные ресурсы с весами, полученными регрессионными методами на основе ВМНК-оценки

Природный ресурс	Регрессионные прогнозы (Geom)						
	1 шаг	2 шага	3 шага	4 шага	5 шагов	6 шагов	Весь массив
Нефть ($\lambda_1=1,06$)	1,07	0,86	0,77	0,77	0,79	0,8	0,83
Алюминий ($\lambda_1=1,03$)	0,89	0,87	0,88	0,91	0,9	0,9	0,89
Золото ($\lambda_1=1,00$)	1	1,03	1,06	1,09	1,13	1,15	1,09
Медь ($\lambda_1=1,04$)	0,95	0,94	0,95	0,94	0,92	0,91	0,93
Никель ($\lambda_1=1,06$)	1,02	1,01	1,03	1,07	1,08	1,06	1,05
	Регрессионные прогнозы (t-лямбда)						
	1 шаг	2 шага	3 шага	4 шага	5 шагов	6 шагов	Весь массив
Нефть ($\lambda_2=2,9$)	1,08	0,95	0,9	0,9	0,91	0,91	0,93
Алюминий ($\lambda_2=0,1$)	0,94	0,93	0,92	0,95	0,95	0,95	0,94
Золото ($\lambda_2=0,1$)	1	1,03	1,06	1,09	1,14	1,16	1,09
Медь ($\lambda_2=2,9$)	0,89	0,85	0,84	0,84	0,84	0,81	0,84
Никель ($\lambda_2=2,4$)	1,07	1,08	1,11	1,15	1,16	1,12	1,12

Примечание. Жирным шрифтом выделены методы комбинирования, улучшающие наивный прогноз.
Источник: расчеты авторов.

⁵ Нами было проведено оценивание свойств комбинированных прогнозов рассматриваемых показателей на основе методов, не относящихся к регрессионным (так называемых простейших методов комбинирования). Сводные результаты ранжирования этих методов включены в табл. 3 для сравнения с регрессионными методами (см. [1]).

ем их по данным средней за период абсолютной процентной ошибки (ранг 1 соответствует методу, демонстрирующему минимальную ошибку). Кроме этого найдем средние ранги по группам способов комбинирования.

Результаты ранжирования (см. табл. 3) позволяют выявить следующее:

- во всех случаях лучшими по качеству (обладают наименьшими рангами) являются регрессионные прогнозы, основанные на ВМНК-оценках весов, и комбинированные прогнозы с весами, обратно пропорциональными дисконтированным ошибкам отдельных прогнозов, причем регрессионные методы оказываются качественно предпочтительнее при прогнозировании цен на нефть, алюминий и медь, методы дисконтирования – для цен на золото и никель;
- во всех случаях худшее качество демонстрируют методы, приписывающие весь вес одному прогнозу, который имеет самую низкую среднюю квадратическую ошибку прогноза в предыдущем периоде. ■

Таблица 3
Средний ранг метода комбинирования цен на природные ресурсы

	Нефть	Алюминий	Золото	Медь	Никель
Простое среднее	12	13	13	12	8
Медиана	9	9	11	10	6
Простое усреднение	10,5	11	12	11	7
Последний лучший (<i>t</i>)	13	15	8	13	10
Последний лучший (<i>h</i>)	14	16	15	16	15
Последний лучший (<i>6t</i>)	16	11	16	14	14
Последний лучший (<i>6h</i>)	15	14	14	15	16
Последний лучший	14,5	14	13,3	14,5	13,8
Дисконтированный (<i>t</i>)	10	12	4	9	5
Дисконтированный (<i>h</i>)	4	4	1	5	1
Оптимальный	5	3	2	6	2
Дисконтированный	6,3	6,3	2,3	6,7	2,7
Регрессионные прогнозы (<i>1</i>)	7	8	12	8	13
Регрессионные прогнозы (<i>h</i>)	11	10	9	11	12
Регрессионные прогнозы (<i>c</i>)	8	5	6	4	11
Регрессионные прогнозы (<i>l</i>)	3	6	3	3	3
Смешанный прогноз	6	7	10	7	7
МНК-регрессионный	7	7,2	8	6,6	9,2
Регрессионные прогнозы (<i>Geom</i>)	1	1	5	2	4
Регрессионные прогнозы (<i>t</i> -лямбда)	2	2	7	1	9
ВМНК-регрессионный	1,5	1,5	6	1,5	6,5

Примечание. Жирным шрифтом выделены средние значения по группам способов комбинирования, синим и белым цветом – группы с двумя минимальными рангами.

Источник: расчеты авторов.

Литература

1. Турунцева М., Астафьева Е. Анализ возможностей повышения качества прогнозирования цен на некоторые виды сырья простейшими методами комбинирования отдельных прогнозов. *(Находится на рецензировании в журнале «Прикладная эконометрика».)*
2. Турунцева М., Астафьева Е. и др. Модельные расчеты краткосрочных прогнозов социально-экономических показателей РФ // Научный вестник ИЭП им. Гайдара.ру.
3. Френкель А.А., Сурков А.А. Методологические подходы к улучшению точности прогнозирования путем объединения прогнозов // Вопросы статистики. 2015. № 8. С. 17–36.
4. Clemen R.T. Linear constraints and the efficiency of combined forecasts // Journal of Forecasting. 1986. Vol. 5. Pp. 31–38.
5. Diebold F.X. Serial Correlation and the Combination of Forecasts // Journal of Business & Economic Statistics. Jan. 1988. Vol. 6. No. 1. Pp. 105–111.
6. Diebold F.X., Pauly P. Structural change and the combination of forecasts // Journal of Forecasting. 1987. Vol. 6. Pp. 21–40.
7. Elliott G., Timmermann A. Optimal Forecast Combinations under General Loss Functions and Forecast Error Distributions // Journal of Econometrics. 2004. Vol. 122. Pp. 47–79.
8. Granger C.W.J., Ramanathan R. Improved methods of combining forecasting // Journal of Forecasting. 1984. Vol. 3. Pp. 197–204.
9. Hansen B.E. Challenges for econometric model selection // Econometric Theory. 2005. Vol. 21 (1). Pp. 60–68.
10. Kapetanios G., Labhard V., Price S. Forecasting using bayesian and information-theoretic model averaging: An application to UK inflation // Journal of Business & Economic Statistics. 2008. Vol. 26 (1). Pp. 33–41.
11. Leeb H., Potscher B.M. Can One Estimate the Unconditional Distribution of Post-Model Selection Estimators? // Working paper. Department of Statistics, University of Vienna. 2003.
12. Makridakis S., Winkler R.L. Averages of Forecasts: Some Empirical Results // Management Science. Sept. 1983. Vol. 29. No. 9. Pp. 987–996.
13. Potscher B.M. The effect of model selection on inference // Econometric Theory. 1991. Vol. 7. Pp. 163–185.
14. Stock J.H., Watson M.W. Combination Forecasts of Output Growth in a Seven-Country Data Set // Journal of Forecasting. 2004. Vol. 23. Pp. 405–430.
15. Trenkler G., Liski E.P. Linear constraints and the efficiency of combined forecasts // Journal of Forecasting. 1986. Vol. 5. Pp. 197–202.
16. Wei X. Regression-Based Forecasts Combination Methods // Romanian Journal of Economic Forecasting. Jan. 2009. Vol. 12 (4). Pp. 5–18.

References

1. Turuntseva M., Astafieva E. Analysis of the possibilities of improving the quality of forecasting prices for certain types of raw materials using the simplest methods of combining individual forecasts. *(It is under review in the journal «Applied Econometrics».)*
2. Turuntseva M., Astafieva E. et al. Model calculations of short-term forecasts of socio-economic indicators of the Russian Federation // Scientific Bulletin of the IEP named after.ru
3. Frenkel A.A., Surkov A.A. Methodological approaches to improving forecasting accuracy by combining forecasts // Questions of Statistics. 2015. No. 8. Pp. 17–36.
4. Clemen R.T. Linear constraints and the efficiency of combined forecasts // Journal of Forecasting. 1986. Vol. 5. Pp. 31–38.
5. Diebold F.X. Serial Correlation and the Combination of Forecasts // Journal of Business & Economic Statistics. Jan. 1988. Vol. 6. No. 1. Pp. 105–111.
6. Diebold F.X., Pauly P. Structural change and the combination of forecasts // Journal of Forecasting. 1987. Vol. 6. Pp. 21–40.
7. Elliott G., Timmermann A. Optimal Forecast Combinations under General Loss Functions and Forecast Error Distributions // Journal of Econometrics. 2004. Vol. 122. Pp. 47–79.
8. Granger C.W.J., Ramanathan R. Improved methods of combining forecasting // Journal of Forecasting. 1984. Vol. 3. Pp. 197–204.
9. Hansen B.E. Challenges for econometric model selection // Econometric Theory. 2005. Vol. 21 (1). Pp. 60–68.
10. Kapetanios G., Labhard V., Price S. Forecasting using bayesian and information-theoretic model averaging: An application to UK inflation // Journal of Business & Economic Statistics. 2008. Vol. 26 (1). Pp. 33–41.
11. Leeb H., Potscher B.M. Can One Estimate the Unconditional Distribution of Post-Model Selection Estimators? // Working paper. Department of Statistics, University of Vienna. 2003.

12. Makridakis S., Winkler R.L. Averages of Forecasts: Some Empirical Results // Management Science. Sept. 1983. Vol. 29. No. 9. Pp. 987–996.
13. Potscher B.M. The effect of model selection on inference // Econometric Theory. 1991. Vol. 7. Pp. 163–185.
14. Stock J.H., Watson M.W. Combination Forecasts of Output Growth in a Seven-Country Data Set // Journal of Forecasting. 2004. Vol. 23. Pp. 405–430.
15. Trenkler G., Liski E.P. Linear constraints and the efficiency of combined forecasts // Journal of Forecasting. 1986. Vol. 5. Pp. 197–202.
16. Wei X. Regression-Based Forecasts Combination Methods // Romanian Journal of Economic Forecasting. Jan. 2009. Vol. 12 (4). Pp. 5–18.

Analysis of Opportunities to Improve the Quality of Natural Resource Price by Combining Forecasts Resulting from Methods Based on Regression Estimates of Weights

Ekaterina V. Astafyeva – Senior Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor (Moscow, Russia). E-mail: eastafyeva@ranepa.ru

Maria Yu. Turuntseva – Head of the Laboratory of Macroeconomic Forecasting of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Head of the Laboratory of Short-term Forecasting of the Gaidar Institute of Economic Policy, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: turuntseva@iep.ru; turuntseva@ranepa.ru

Numerous empirical works indicate that combining (aggregation) forecasts can improve forecast accuracy compared to individual forecasts. This paper investigates the possibilities of regression methods of forecast aggregation to improve the forecast quality of prices for oil, aluminum, gold, nickel and copper. The calculations are based on the forecast database of the Gaidar Institute for Economic Policy. E.T. Gaidar Institute for Economic Policy, which provides an array of individual (aggregated) forecasts. All calculations are performed in (pseudo) real time.

Based on the findings obtained in the paper, it can be argued that for resource prices, regardless of the period under consideration, there is a regression method of aggregation that provides qualitative advantages relative to all primary forecasts. At the same time, summarizing the results of qualitative characteristics of regression and simple aggregation methods, it should be noted that the choice of the best method of combining forecasts (and even a group of methods) is ambiguous and depends on the indicator.

Key words: forecasts combination, forecast aggregation, oil prices, aluminum prices, gold prices, nickel prices, copper prices.

JEL-codes: C53, E31.

Промышленность

ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫЕ САНКЦИИ, ИХ ВЛИЯНИЕ НА АНТИКРИЗИСНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННЫМ ПРЕДПРИЯТИЕМ И НЕКОТОРЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПО ПРЕОДОЛЕНИЮ САНКЦИОННОГО КРИЗИСА

А. В. ФУЗИК

Цель статьи — исследовать факторы, определяющие системную устойчивость российской промышленности в условиях введения ограничительных санкций и выявить направления антикризисного управления промышленным производством в современных условиях. В результате исследования выявлена роль антикризисного управления промышленным производством в России для его восстановления. Проанализированы подходы различных авторов, предложены некоторые решения и пути по преодолению кризисных явлений. Описаны риски, связанные с деятельностью промышленных предприятий. Раскрыто, что управление в условиях санкций зависит не только от деятельности самих предприятий на основании внутренних и внешних процессов, но и от политики государства.

Ключевые слова: санкции, промышленность, антикризисное управление, производство.

JEL: F51, H12, M10.

Актуальность темы противодействия санкциям «недружественных» стран против России неуклонно возрастает. В результате действия обширных экономических рестрикций эффективность использования всех производственных факторов изменилась — речь идет об арендной плате за землю, процентах на капитал, зарплате, прибыли от предпринимательской деятельности, т.е. о доходах от пользования факторами производства. Производственные компании оказались в ситуации, схожей с кризисной, но вызванной не естественными причинами, а жесткими экономическими санкциями. Предприятиям, столкнувшимся с ограничительными трудностями, стал необходим поиск и нахождение путей и методов преодоления санкционных ограничений. Для этого требуется создать систему управления предприятием в новых, кардинально изменившихся, экономических условиях.

При наблюдении за последовательными и объемными по своему содержанию пакетами ограничений предприниматели стали задумы-

ваться об их воздействии на российскую экономику в целом. Несомненно, множественные ограничения повлекли и повлекут за собой в дальнейшем разнообразные последствия, при этом серьезные не только для промышленности, но и для сельского хозяйства, сферы услуг, социальной сферы. В 2022 г. российский ВВП сократился на 2,1%, объемы производства снизились на 0,6%, реальные доходы населения — на 1%¹.

Таким образом, важнейшей целью предпринимателей в настоящее время стало нахождение максимально сбалансированного варианта функционирования и дальнейшего стабильного развития в условиях санкций. Нам представляется, что основной путь преодоления негативного влияния санкций на российскую экономику заключается в построении такой системы управления производством, которая максимально бы использовала возможности взаимозаменяемости факторов производства. Так, многие природные материалы возможно поменять на схожие по свойствам

Фузик Андрей Владиславович, аспирант Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития России (Москва), e-mail: zikva@yandex.ru

¹ URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/198546>; URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/02/08/962243-realnie-dohodi-naseleniya>

искусственные аналоги, а труд рабочего — на соответствующее технологическое оборудование. Комбинирование факторов в других пропорциях даст возможность сбалансировать производство, повысить прибыльность и сократить затраты.

Несмотря на растущий интерес к обозначенной проблеме, основы теории антикризисного управления экономикой России в условиях внешних ограничений только начинают складываться. Еще только предстоит решить множество принципиально важных проблем, выявить содержание антикризисного управления, определить своеобразие отношений, начавших формироваться между экономическими агентами. Необходимо разработать реальные рекомендации и стратегии антикризисного управления предприятием, которые учитывали бы разнообразие факторных комбинаций внутренней и внешней среды предприятия в санкционных условиях. Следует выявить и обосновать пути модернизации и осмыслить уже имеющуюся практику антикризисного управления предприятием.

После введения ограничительных санкций российская экономика стала объектом как политического, так и значительного экономического давления со стороны «недружественных» стран. На первых этапах санкций она не почувствовала значимых перемен и даже где-то выигрывала. Но это был короткий период после введения только импортных санкций — за разрывом отношений со странами Запада последовало снижение экспорта газа в европейские страны и, как следствие, падение его добычи почти на 12%². Изменение Россией направления экспорта в направлении Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) вызвало временный рост экспорта нефти в 2022 г. Эмбарго на импорт российской нефти морским путем и ограничение цен на нее начали дейст-

вовать с декабря 2022 г. Когда же были включены и экспортные санкции, экономика начала ощущать их совместное влияние — так, нефтегазовые доходы сократились в первом полугодии 2023 г. к аналогичному периоду предыдущего года на 47% — до 3,38 трлн руб.³.

В марте и по август 2023 г. включительно Россия ввела ограничение добычи нефти на 500 тыс. барр./сут. [2]. С сентября поставки на нефтяные рынки сократились не менее чем на 300 тыс. барр./сут.⁴. После того как 5 февраля 2023 г. были введены еще и запретные меры на импорт российских нефтепродуктов и ограничение цен на них, переадресовать их экспорт в направлении других стран не получилось, так как государства АТР сами экспортируют свое топливо.

Таким образом, в целом некоторые положительные результаты 2022 г., полученные в основном за счет экспортной составляющей, не означают, что санкции не сыграли своей роли и были безболезненными для российской экономики: сегодня заметно, что экономика стала проседать по многим направлениям — как по внешнеторговому (в экспорте и импорте), так и по производственному. Из официальных данных Росстата о состоянии промышленного сектора в феврале 2023 г. видно, что объемы промышленного производства в этом месяце сократились относительно соответствующего периода 2022 г. на 1,7% и на 2,1% по сравнению с январем 2023 г.⁵ Но уже начиная с мая и по август 2023 г. они выросли по сравнению с аналогичными периодами 2022 г. В целом за первое полугодие 2023 г. индекс промышленного производства увеличился в годовом выражении на 2,6%⁶.

Введение экономических санкций против России повлияло как на различные составляющие отечественной экономики, так и на ее безопасность. Весной 2022 г., когда все нача-

² URL: <https://www.rbc.ru/economics/07/07/2023/64a7da249a7947c89fe51f0c>

³ Там же.

⁴ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6138114>

⁵ URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/202192>

⁶ URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/115_26-07-2023.html

ли избавляться от акций российских компаний, это привело к немалым их убыткам. Последовали проблемы с логистикой, преимущественно на европейском направлении, а также ее резкое удорожание на других. Начались закрытия на неопределенный срок множества компаний и фирм. Практически полностью была остановлена инвестиционная деятельность из-за рубежа.

С 2014 г. в стране начала проводиться политика импортозамещения. Однако фактические ее результаты были невелики. И это закономерно, поскольку основное оборудование, а часто и все необходимые комплектующие или сырье, ввозились из-за границы. Используемой техники российского производства сегодня в стране чуть больше половины, но и в ней основные составляющие — западные⁷. Но если в Россию не будут поставляться новые технологии, это приведет к замедлению темпов ее экономического развития. А поскольку интеграция страны в мировую экономику произошла довольно давно, то такая изоляция во всех отношениях создает угрозу не только для ее дальнейшего экономического развития, но и для ее стабильной, нормальной жизни. Следовательно, отечественной экономике необходимо выстроить новое технологическое партнерство с «дружественными» и нейтральными странами.

Со времени введения первых экономических санкций в 2014 г. и по сегодняшний день предпринимателям недостает серьезных разработок и конкретных практических рекомендаций по преодолению кризисных условий работы, вызванных санкциями. В основном то, что имеется, — это методологические подходы общего характера или общегосударственные решения в области экономики. (См. [4] и ⁸.) Хотя, конечно, есть и некоторые полезные рекомендации, и одна из них — понятие страте-

гического планирования [6], но этот подход определяет только часть необходимых действий, которые разрабатываются для преодоления классических кризисных явлений согласно теории бизнес-циклов⁹. У нас же наблюдается не стандартная ситуация экономического кризиса, а кризис, вызванный жесточайшими ограничительными мерами.

Актуальность стратегического планирования в условиях санкций и неопределенности во внешней среде постоянно возрастала, но после 24 февраля 2022 г. она стала особенно острой. Начиная с санкций 2014 г., затем в период пандемии и дальнейшей экономической нестабильности российская экономика несла потери, что, безусловно, дало возможность накопить некоторый опыт антикризисных мер в этих сложных условиях. Однако сегодняшний масштаб санкционного пресса не дает возможности ограничиться уже накопленным опытом — стало необходимым разработать более эффективные стратегии для стабильной работы. Сложившаяся ситуация требует серьезной переработки имеющихся методик и разработки новых подходов к анализу неопределенности внешней среды [1] и поиска новых стратегий при высокой изменчивости во внешнем окружении [2].

Использование гибких, адаптируемых к ситуации, методов стратегического планирования, дающих возможность анализа положения в экономике и максимизировать эффективность использования доступных ресурсов, обеспечит функционирование предприятий даже в непредвиденных обстоятельствах. Хороший инструментарий для таких случаев предоставляет сценарное планирование, позволяющее смоделировать разные варианты течения событий (ситуационный и кризис-менеджмент). Это дает возможность выстроить процедуру принятия хозяйственных решений

⁷ URL: <https://rg.ru/2023/02/25/god-pod-sankciiami-kak-izmenilas-ekonomika-rossii.html>

⁸ Постановление Правительства РФ от 29 июня 2022 г. № 1160 «О внесении изменений в приложение № 8.6 к государственной программе Российской Федерации "Социальная поддержка граждан"» // Собрание законодательства Российской Федерации. 4 июля 2022 г. № 27. Ст. 4851.

⁹ URL: https://www.cfin.ru/management/antirecessionary_management.shtml

с точки зрения воздействия таких событий на деятельность самого предприятия.

Из бесед с руководителями предприятий выясняется, что многие из них столкнулись в новых условиях с нехваткой практических рекомендаций, подходящих конкретно для их производства. Так как промышленное производство – это почти 25% ВВП России [7], то любые потери в этом важном секторе экономики негативно сказываются на всех других секторах и уровнях.

Каждый кризис вызывается множеством экономических факторов, вследствие которых возникают сложности и риски управления на предприятиях. Но для любого предприятия можно найти многовариантные пути выхода из острых кризисных ситуаций – например, реализовать разнообразные инновации в организационных процессах производства, но одновременно всегда будет существовать и возможность углубления и нарастания разрушающего кризисного воздействия. А множественность внешних ограничений переносит деятельность предприятий в зону особого повышенного риска. Поэтому стало насущным использовать в первую очередь различные методы и системные подходы к антикризисному управлению на предприятиях, ведущих свою деятельность в условиях санкций [1].

Так, одни авторы (например, К. Никулин) основывают антикризисное управление предприятием на его своевременной диагностике, анализе экономической деятельности, разработке определенных мер по предотвращению и минимизации рисков, влияющих на его функционирование, профилактике банкротства и улучшении финансового положения [5].

Другие (Д.С. Черешкин и В.Н. Цыгичко, Р. Браун и Н. Ли) опираются на принципы непрерывного реагирования на ожидания кризисной ситуации, срочность и адекватность реагирования, профилактические действия, приоритет потребления внутренних ресурсов, оптимизацию внешней санации, эффективность управленческих решений. И все они рекомендуют при управлении в условиях внеш-

них ограничений применять наработки и стратегии управляемого развития с использованием многообразных нестандартных подходов в решении управленческих задач [9; 10].

Задача управления предприятием в условиях санкций должна включать в себя необходимую реакцию на возникающие изменения, приводящие к падению уровня его финансового и хозяйственного положения или даже к банкротству. Б. Келлерман предлагает для реализации управленческих функций на предприятии в санкционном окружении принимать такие решения, которые предполагают применение сравнительного анализа всех использованных ресурсов и степени достигнутых утвержденных целей [12].

Согласно подходу М.А. Тихоновой и Ж.М. Саркисян, управление рисками предприятия основывается на данных о состоянии его внешнего и внутреннего окружения, финансово-экономических показателей, подтверждающих результативность его экономической деятельности [8]. На этой основе разрабатываются эффективные меры, обеспечивающие его финансовую и хозяйственную деятельность, на базе чего создается и реализуется эффективная антикризисная программа.

Сегодня можно столкнуться с отсутствием очевидных возможностей улучшения состояния предприятия. Это говорит о том, что следует расширять аналитические функции, так как в отсутствие явных путей оптимизации своей деятельности встает задача поиска скрытых внутренних взаимосвязей различных показателей экономической деятельности предприятия с целью их возможного воздействия на другие показатели. Это решается с помощью методов факторного анализа, позволяющих вскрыть неочевидные связи между выявленными показателями и найти способы улучшения показателей, необходимых для работы [4]. В условиях кризиса зачастую падает спрос, растут избыточные мощности, потребители ориентируются на дешевые товары, приводя к снижению относительных цен на продукцию предприятия, что, в определенной степени,

может быть скомпенсировано сокращением затрат. Но проблема в том, что при этом падает не только спрос конечных потребителей, но одновременно могут вырасти цены на сырье, используемое в процессе производства.

Сказанное выше не позволяет удерживать отпускные цены на прежнем уровне [2]. Рост себестоимости продукции, вызванный подорожанием сырья, материалов, комплектующих, логистики и возможностей ремонтной базы, создает большие проблемы для отечественных предпринимателей. Увеличение издержек производства ведет к отсутствию стабильного грузопотока и зависимости от зарубежных компаний «дружественных» стран в ряде технологий. Особые проблемы создает и отсутствие стабильных поставок при высоком уровне использования морально устаревшего оборудования.

Все это требует разработки новых стратегий и подходов к управлению, необходимых предприятиям, чтобы уйти от возникших всеобъемлющих рисков и быть готовыми к неопределенности в будущем. Управление в ситуации внешних ограничений связано с реализацией комплексных мер по предупреждению и устранению рисков и их негативных воздействий. Так, П. Канкуртаран и М. Беверленд предлагают: чтобы сохранить в перспективе имеющийся бизнес, предприятиям следует минимизировать расходы, тратить деньги исключительно на прибыльные проекты, оптимизировать штат сотрудников [11].

При принятии предприятием стратегии управления в нынешних обстоятельствах следует учитывать не только факторы, определяемые санкционным кризисом, но и требования законодательства РФ, ситуацию на внутреннем рынке, оказывающую воздействие на деятельность компании.

Выбор стратегии – это не просто анализ финансово-экономического состояния предприятия на конкретный момент времени, но и его оценка и анализ в определенном временном интервале. И основной акцент в ходе анализа при этом следует делать на финансово-хозяйственную составляющую деятельности

предприятия – на базе проделанного анализа необходимо рассчитать прогнозный баланс его доходов и расходов, в который включаются и расчеты вероятности банкротства. Для этого можно построить график, отражающий состояние предприятия и содержащий ряд этапов от момента его создания до окончания деятельности. Эти данные могут дать возможность определить, как развивается предприятие и каковы у него дальнейшие перспективы нормальной работы, и особенно его финансовой составляющей. На базе выявленных проблем и проделанных вычислений выбирается наиболее эффективная антикризисная стратегия, оптимизирующая экономический потенциал предприятия.

Выработка оптимизирующей стратегии управления предприятием в условиях санкционных ограничений позволит сохранить на удовлетворительном уровне его экономические показатели и вовремя внести необходимые коррективы в его работу для поддержания экономической живучести.

После ухода с российского рынка многих зарубежных фирм возник спрос на импортозамещение, и предприятия, желающие работать в России, будут пытаться его удовлетворить. В этих условиях немалую роль, своей социально экономической политикой, должно сыграть государство, главная задача которого состоит в сохранении функционирования предприятий на уровне, позволяющем избежать дефолтов и банкротств. И чем быстрее предприятие примет решение о корректировках в своей работе, тем скорее оно поддержит свою экономическую независимость и стабильность. Это должно стать регулярной системой действий, включающей различные антикризисные меры, обеспечивающие снижение рисков. Между тем с момента введения санкций информационная статистическая база России стала отличаться недостоверностью и ограниченностью, что, безусловно, тоже оказывает отрицательное влияние на принимаемые управленческие решения и управление в целом.

Подытоживая сказанное, отметим, что сегодня устойчивость государства обеспечивается состоянием его экономики, и, следовательно, ограничение экономических взаимосвязей делает проведение санкционной политики мощным инструментом воздействия на все его (государства) составляющие.

Для противодействия санкциям предприятиям необходимо быстро реагировать на изменившиеся условия, разрабатывая стратегические планы по замещению попавших под санкции факторов производства на другие доступные отечественные ресурсы или ресурсы, импортируемые из «дружественных» стран. В России предприятия и фирмы очень медленно отзываются на быстрые изменения ситуации, требующей отвлечения от текущих оперативных задач, вместо того чтобы, напротив, немедленно взяться за решение стратегических вопросов. Сегодня работа руководителей должна быть сконцентрирована на решении стратегических проблем, потому что если они уже обозначились, то оперативные задачи, например по причине банкротства предприятия, могут стать неактуальными.

Главный ориентир любого предприятия в настоящее время – это качественный менеджмент в надежных правовых рамках. При этом

важно вспомнить о задачах и методах таких научных дисциплин, как «менеджмент», «экономико-математические методы», и рассмотреть возможность работы на их стыке.

Выживаемость предприятия сегодня зависит от поведения его владельца и топ-менеджеров в ближайшей перспективе. Для обеспечения возможности обезопасить свой бизнес от краха в период санкционных ограничений и работы в ситуации неопределенности следует придерживаться ряда правил. Так, во-первых, необходимо сократить затраты и объемы займов в целях снижения себестоимости выпускаемой продукции. Во-вторых, изменить контрактные условия с контрагентами и уделить большее внимание разработке гибкой системы продаж. В-третьих, пересмотреть стратегию своей деятельности и постараться усовершенствовать связи с постоянными и новыми партнерами по бизнесу и поставщиками для удовлетворения своих производственных потребностей.

Действующие ограничительные санкции стали основным внешним фактором воздействия на российскую экономику в последнее время. А поэтому еще предстоит большая работа по выработке конкретных методов и рекомендаций по сглаживанию их влияния. ■

Литература

1. Бабушкина Е.А., Бирюкова О.Ю., Верещагина Л.С. Антикризисное управление. М.: Т8 RUGRAM, 2020. 160 с.
2. Бжассо А.А., Котлярова О.А. Диагностика риска банкротства как основа экономической безопасности предприятия в современных условиях // Экономика и бизнес. Теория и практика. 2020. Т. 2-1 (60). С. 153–156.
3. Комплексный экономический анализ: Учебное пособие / М.М. Микушина и др. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2018. 152 с. URL: <http://elar.rsvpu.ru/978-5-8050-0659-4>
4. Меры поддержки бизнеса в 2022 году. URL: https://www.ryazangov.ru/ryazan/socio_economic/mpb
5. Никулин К. Разработка стратегии антикризисного управления как основы экономической безопасности предприятия. М.: ЛитРес, 2020. 98 с.
6. Осипов В.А., Осипов А.В., Люй Гуанхай, Вичковский Н.А. Формирование стратегического управленческого решения в промышленности (методологические аспекты) // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского гос. ун-та экономики и сервиса. 2022. № 2. С. 78–87. DOI: 10.24866/VVSU/2073-3984/2022-2/078-087.
7. Промышленное производство в России. 2021: Стат. сб. П 81. М.: Росстат, 2021. 305 с.
8. Тихонова М.А., Саркисян Ж.М. Реактивный подход к антикризисному управлению компаниями на этапе цифровой трансформации // В сб.: Цифровая экономика: создание информационного общества, формирование и усиление роли России на мировой арене: Сб. материалов МНПК. М.: ИПР РАН, 2020. С. 12–14.

9. Черешкин Д.С., Цыгичко В.Н. Антикризисное управление социально-экономической системой в условиях цифровой экономики // Информационное общество. 2019. № 4–5. С. 44–53.
10. Brown R., Lee N. Strapped for cash? Funding for UK high growth SMEs since the global financial crisis // Journal of Business Research. 2019. Vol. 99. Pp. 37–45.
11. Cankurtaran P., Beverland M. Using design thinking to respond to crises: B2B lessons from the 2020 COVID-19 pandemic // Industrial Marketing Management. 2020. Vol. 88. Pp. 255–260.
12. Kellerman B. Bad Leadership: What It Is, How It Happens, Why It Matters. Cambridge. MA. U.S.A.: Harvard Business School. 2004.
13. Miller C. How Russia Survived Sanctions / Foreign Policy Research Institute. 2018. URL: <https://www.fpri.org/article/2018/05/how-russia-survived-sanctions>
14. Mitroff I.I., Alpaslan M.C. Preparing for Evil // Harvard Business Review. 2003. No. 81 (4). Pp. 109–115.
15. Mitroff I.I., Pearson C.M. Crisis Management: A Diagnostic Guide for Improving Your Organization's Crisis-Preparedness. San Francisco: Jossey-Bass. 1993.
16. Paraskevas A. Crisis Management or Crisis Response System? A Complexity Science Approach to Organizational Crises // Management Decision. 2006. No. 44 (7). Pp. 892–907.
17. Picardo E. How US & European Union Sanctions Impact Russia / Investopedia. 2008. URL: <https://www.investopedia.com/articles/investing/011515/how-us-european-unionsanctions-impact-russia.asp>
18. Robert B., Lajtha C. A New Approach to Crisis Management // Journal of Contingencies and Crisis Management. 2002. No. 10 (4). Pp. 181–191.
19. Russia Industrial Production MoM / Trading Economics. URL: <https://tradingeconomics.com/russia/industrial-production-mom>
20. Russian Industrial Production Increases / RT. 2023. URL: <https://www.rt.com/business/577295-russia-industrial-output-increase/>
21. Sahin S., Ulubeyli S., Kazaza A. Innovative Crisis Management in Construction: Approaches and the Process // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2015. No. 195. Pp. 2298–2305.
22. Wagner C.G. Proactive Crisis Management // The Futurist. 2005. No. 9 (2). P. 6.

References

1. Babushkina E.A., Biryukova O.Yu., Vereshchagina G.S. Anti-crisis management. Moscow: T8 RUGRAM, 2020. 160 p.
2. Bzhasso A.A., Kotliarova O.A. Diagnostics of bankruptcy risk as the basis of economic security of the enterprise in current environment // Economy and Business: Theory and Practice. 2020. Vol. 2-1 (60). Pp. 153–156.
3. Complex economic analysis: Textbook / M.M. Mikushina et al. Ekaterinburg: Russian State Professional Pedagogical University Press, 2018. 152 p. URL: <http://elar.rsvpu.ru/978-5-8050-0659-4>
4. Business support measures in 2022. URL: https://www.ryazangov.ru/ryazan/socio_economic/mpb
5. Nikulin K. ITS Development of anti-crisis management strategy as a basis for economic security of the enterprise. Moscow: LitRes, 2020. 98 p.
6. Osipov V.A., Osipov A.V., Gui Guanhai, Vichkovsky N.A. Formation of strategic management decision in industry (methodological aspects) // Territory of new opportunities. Bulletin of Vladivostok State University of Economics and Service. 2022. No. 2. Pp. 78–87. DOI: 10.24866/VVSU/2073-3984/2022-2/078-087.
7. Industrial production in Russia. 2021: Statistical book. P 81. Moscow: Rosstat, 2021. 305 p.
8. Tikhonova M.A., Sarkisyan Zh.M. Reactive approach to crisis management of companies at the stage of digital transformation // In Collection: Digital Economy: Creating an Information Society, Shaping and Strengthening Russia's Role on the World Stage: Compilation of materials MNPk. Moscow: MEI RAS, 2020. Pp. 12–14.
9. Chereshin D.S., Tsygichko V.N. Anti-crisis management of socio-economic system in the conditions of digital economy // Information Society. 2019. No. 4–5. Pp. 44–53.
10. Brown R., Lee N. Strapped for cash? Funding for UK high growth SMEs since the global financial crisis // Journal of Business Research. 2019. Vol. 99. Pp. 37–45.
11. Cankurtaran P., Beverland M. Using design thinking to respond to crises: B2B lessons from the 2020 COVID-19 pandemic // Industrial Marketing Management. 2020. Vol. 88. Pp. 255–260.
12. Kellerman B. Bad Leadership: What It Is, How It Happens, Why It Matters. Cambridge. MA. U.S.A.: Harvard Business School. 2004.
13. Miller C. How Russia Survived Sanctions / Foreign Policy Research Institute. 2018. URL: <https://www.fpri.org/article/2018/05/how-russia-survived-sanctions>

14. Mitroff I.I., Alpaslan M.C. Preparing for Evil // Harvard Business Review. 2003. No. 81 (4). Pp. 109–115.
15. Mitroff I.I., Pearson C.M. Crisis Management: A Diagnostic Guide for Improving Your Organization's Crisis-Preparedness. San Francisco: Jossey-Bass. 1993.
16. Paraskevas A. Crisis Management or Crisis Response System? A Complexity Science Approach to Organizational Crises // Management Decision. 2006. No. 44 (7). Pp. 892–907.
17. Picardo E. How US & European Union Sanctions Impact Russia / Investopedia. 2008. URL: <https://www.investopedia.com/articles/investing/011515/how-us-european-unionsanctions-impact-russia.asp>
18. Robert B., Lajtha C. A New Approach to Crisis Management // Journal of Contingencies and Crisis Management. 2002. No. 10 (4). Pp. 181–191.
19. Russia Industrial Production MoM / Trading Economics. URL: <https://tradingeconomics.com/russia/industrial-production-mom>
20. Russian Industrial Production Increases / RT. 2023. URL: <https://www.rt.com/business/577295-russia-industrial-output-increase/>
21. Sahin S., Ulubeyli S., Kazaza A. Innovative Crisis Management in Construction: Approaches and the Process // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2015. No. 195. Pp. 2298–2305.
22. Wagner C.G. Proactive Crisis Management // The Futurist. 2005. No. 9 (2). P. 6.

Restrictive Sanctions, Their Impact on Anti-crisis Management of an Industrial Enterprise and Some Directions for Coping with the Sanctions Crisis

Andrey V. Fuzik – Postgraduate Student of the Department of Management and Marketing, Russian Academy of Foreign Trade under the Ministry of Economic Development of Russia (Moscow, Russia). E-mail: zikva@yandex.ru

The aim of the article is to examine the factors determining the systemic sustainability of Russian industry in the context of restrictive sanctions and to identify the directions of anti-crisis management of industrial production in current environment. The study reveals the role of anti-crisis management of industrial production in Russia for its recovery. The approaches of various authors are analyzed, some solutions and ways to overcome crisis phenomena are proposed. The risks associated with the activities of industrial enterprises are described. It is revealed that management under sanctions depends not only on the activities of enterprises themselves based on internal and external processes, but also on the state policy.

Key words: sanctions, industry, crisis management, production.

JEL-codes: F51, H12, M10.

ХОЗЯЙСТВЕННОЕ ОБОЗРЕНИЕ (сентябрь-декабрь 2023 г.)¹

С. П. АУКУЦИОНЕК
А. С. ЕГОРОВ
И. А. БАШИРОВА
Т. В. СЕРЖАНТОВА

Большая часть обследуемых «Российским экономическим барометром» показателей в сентябре 2023 г. оказалась примерно на уровне предыдущего месяца, а значит, снова выглядела оптимистично. Не обошлось и без рекордов за всю историю наблюдений в «РЭБ». Например, нового максимума достиг уровень загрузки производственных мощностей — 93%. Максимальное, хоть и не в первый раз, значение оказалось у уровня загрузки рабочей силы (99%). Объем заказов составил 103% от нормального месячного уровня, приравняемого к 100% (2-е место). Доля предприятий в «хорошем» или «нормальном» финансовом состоянии повысилась до уровня 98% (на 4 пункта выше предыдущего рекорда). А минимального значения достиг диффузный индекс ожидаемой через три месяца задолженности банкам — 12%.

Ключевые слова: Россия, промышленность, промышленные предприятия, уровень цен, заработная плата, занятость, производство, инвестиции, банковская задолженность, объем заказов, объем запасов готовой продукции, загрузка производственных мощностей, банкротство, экономическая политика, продолжительность кризиса.

JEL: D22, D24, G31, L23, P23.

СЕНТЯБРЬ 2023 г.

Цены

Снижение цен на свою продукцию отметили около 3% предприятий — участников опроса, о неизменности сообщили 68%, о повышении — 30%.

Цены на приобретаемую продукцию росли у 81%, не менялись — у 19% и ни у кого не снижались.

Соотношение цен и издержек

Неблагоприятный для своих предприятий сдвиг ценовых пропорций отметили 36% респондентов, благоприятный — 3%. По мнению остальных 61%, соотношение «своих» и «чужих» цен практически не изменилось.

Чаще всего на неблагоприятный сдвиг ценовых пропорций указывали представители

химической (70%) и пищевой (65%) промышленности, на предприятиях лесопромышленного комплекса (50%) и в металлургии (38%).

Заработная плата

О ее повышении сообщили 27% предприятий, о сохранении на прежнем уровне — 59%, о снижении — 14%. В среднем по всем предприятиям выборки заработная плата за месяц выросла на 1% (в предыдущем месяце также увеличилась на 1%).

Ее средний уровень составил 56 000 руб. Средние доходы высшего управленческого персонала предприятий составили 126 000 руб.

Занятость и производство

Около 61% респондентов сообщили о сохранении прежней занятости на своих предпри-

Аукуционек Сергей Павлович, руководитель Центра по изучению переходной экономики ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, канд. экон. наук (Москва), e-mail: reb@imemo.ru; *Егоров Андрей Станиславович*, старший научный сотрудник Центра по изучению переходной экономики ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, канд. экон. наук (Москва), e-mail: andrese@mail.ru; *Баширова Инесса Анатольевна*, научный сотрудник Центра по изучению переходной экономики ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН (Москва), e-mail: bashirova@imemo.ru; *Сержантова Татьяна Валентиновна*, научный сотрудник Центра по изучению переходной экономики ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН (Москва), e-mail: serzhantovatv@yandex.ru

¹ Материал подготовлен сотрудниками Центра по изучению переходной экономики Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН специально для журнала «Экономическое развитие России» по результатам опроса 200 предприятий всех отраслей и регионов РФ.

ятиях, 19% отметили ее сокращение и 19% – увеличение.

Об увеличении объемов производства по сравнению с предыдущим месяцем сообщили 39% руководителей, 28% отметили сохранение прежних объемов выпуска и 33% – уменьшение.

Инвестиции

Около 24% респондентов отметили рост закупок оборудования, 43% указали на неизменность данного показателя и 3% – на его сокращение. Остальные – 30% предприятий – не закупали оборудование в течение двух и более месяцев подряд (в августе 2023 г. – 32%).

Задолженность банкам

Задолженность банкам (у имеющих ее предприятий) составила 74% от уровня, который респонденты считают нормальным для этого месяца (месяц назад – 73%).

Портфель заказов

Портфель заказов у 63% предприятий остался неизменным, у 26% он пополнился и у 11% – «похудел». Рост заказов отмечали в основном

на предприятиях лесопромышленного комплекса (70%), в машиностроении (36%), в пищевой и химической промышленности (по 35%).

В среднем по выборке объем заказов составил 103% от нормального месячного уровня (в августе – 101%). Самым высоким уровнем заказов в сентябре 2023 г. оказался в лесопромышленном комплексе (115%), машиностроении (113%) и в пищевой отрасли (97%), а самым низким он был у представителей легкой промышленности (78%).

Запасы готовой продукции

Около 15% респондентов сообщили об увеличении таких запасов, 36% отметили их уменьшение и 48% не заметили перемен.

В среднем по выборке запасы готовой продукции составили 81% от нормального для этого месяца уровня (месяц назад – 88%). Самыми большими (в относительном выражении) были запасы в пищевой отрасли (93%), у металлургов (89%) и в легкой промышленности (88%), а самыми незначительными – у представителей химической промышленности (65%) и в лесопромышленном комплексе (68%).

Таблица 1

Отраслевые показатели за сентябрь 2023 г., в % (нормальный месячный уровень=100%)

	Загрузка производственных мощностей	Загрузка рабочей силы	Запасы готовой продукции	Портфель заказов	Задолженность банкам	Финансовое положение*
Черная и цветная металлургия	93	98	89	94	36	100
Машиностроение и металлообработка	92	101	79	113	84	93
Химия и нефтехимия	98	107	65	92	90	100
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность	102	102	68	115	-	100
Производство стройматериалов	88	90	78	90	63	100
Легкая промышленность	98	98	88	78	95	100
Пищевая промышленность	85	95	93	97	135	100
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ	93	99	81	103	74	98

* – Доля предприятий с «хорошим» или «нормальным» финансовым положением, в %.

Источник: опросы РЭБ.

Загрузка производственных мощностей

В среднем она составила 93% от нормального уровня (в предыдущем опросе — 90%). Ни одно из промышленных предприятий выборки не работало менее чем на 1/2 своей мощности, и 62% работали более чем на 9/10.

Лидируют по загрузке мощностей предприятия лесопромышленного комплекса (102%), легкой и химической промышленности (по 98%), а самой низкой она была в пищевой отрасли (85%) и у производителей строительных материалов (88%).

Загрузка рабочей силы

Она составила 99% от нормального уровня (в предыдущем месяце — 95%). Ни на одном из предприятий выборки рабочая сила не была занята менее чем на 1/2, а у 95% участников опроса ее загрузка составила более 9/10.

Финансовое положение

Около 17% респондентов оценили финансовое положение своих предприятий как «хорошее», около 81% посчитали его «нормальным» и 3% оценили его как «плохое». (См. табл. 1.)

Факторы, лимитирующие производство

В минувшие полгода сильнее всего сдерживали производство такие факторы, как недостаток рабочей силы — 43% и нехватка квалифицированной рабочей силы — 38%. Значимыми ограничителями производства оказались: высокие цены на сырье, материалы и полуфабрикаты — 32% и недостаток спроса на выпускаемую продукцию — 27%. Меньшее значение имели: дефицит сырья, материалов и полуфабрикатов и нехватка оборудования и помещений, на что указали по 11% участников опроса. Недостаточный объем финансовых средств и высокие налоги отметили по 8% респондентов. Высокая стоимость рабочей силы сдерживала производство лишь у 6% предприятий.

На недостаток рабочей силы чаще всего указывали представители лесопромышленно-

го комплекса и химической промышленности (по 70%), в металлургической (63%) и легкой (55%) отраслях. Дефицит квалифицированной рабочей силы более всего ограничивал производство в химической промышленности и в лесопромышленном комплексе (по 70%), в легкой промышленности и в металлургии (по 50%). Высокие цены на сырье, материалы и полуфабрикаты сдерживали производство в основном в пищевой (100%) и легкой (45%) промышленности, металлургии (38%), в лесопромышленном комплексе и в производстве строительных материалов (по 35%). Недостаток спроса на выпускаемую продукцию чаще всего отмечали производители строительных материалов (65%), в легкой (55%) и пищевой (35%) промышленности. Дефицит сырья, материалов и полуфабрикатов ограничивал производство в первую очередь у представителей машиностроения (20%) и в металлургии (13%), а нехватка оборудования и помещений — в химической промышленности (35%), машиностроении и металлургии (по 13%). Нехватку финансовых средств острее всего ощущали металлурги (25%), а высокие налоги являлись ограничителем производства в лесопромышленном комплексе и в производстве строительных материалов (по 35%).

ПРОГНОЗЫ НА ДЕКАБРЬ 2023 г.

Цены

Подорожание своей продукции к декабрю 2023 г. (по сравнению с сентябрем 2023 г.) предсказывают 41% респондентов, 54% не ждут изменений, а у 5% цены снизятся.

Соответствующие оценки для приобретаемых товаров: 78, 19 и 3%.

Средний по выборке ожидаемый к декабрю 2023 г. прирост цен составит 3,5%, в том числе 2% для производимой и 5% для покупаемой продукции.

Больше всего неблагоприятных ценовых сдвигов опасаются представители химической промышленности: их оценки трехмесячного роста «входящих» цен на 8 п.п. превышают

оценки роста «выходящих» цен. Для остальных отраслей этот разрыв ожидается в промежутке от 2 до 5 пунктов.

Зарботная плата

Ее повышения ожидают 27%, понижения – 16% и сохранения на прежнем уровне – около 57% предприятий, охваченных опросом.

Общий трехмесячный прогноз по выборке: заработная плата вырастет на 1%.

Занятость и производство

Сокращения занятости на своих предприятиях ожидают 3% участников опроса, у 75% она не изменится и у 22% – возрастет.

Падение производства на своих предприятиях предполагают 28% респондентов, рост – 47%, остальные 25% не предвидят особых изменений.

Портфель заказов

Ожидается, что он пополнится примерно у 29%, не изменится – у 46% и «похудеет» – у 26% предприятий. Чаще всего роста заказов ожидали на предприятиях пищевой отрасли

(65%), лесопромышленного комплекса (55%), производители строительных материалов и в машиностроении (по 30%).

Инвестиции

По сообщению 28% респондентов, оборудование на их предприятиях не закупалось и в ближайшие три месяца закупаться не будет. По остальной части выборки закупки увеличатся на 1%.

Задолженность банкам

Ожидается, что через три месяца задолженность возрастет у 6% предприятий выборки, не изменится – у 12% и у 21% – уменьшится. Остальные – 61% производителей – не пользуются банковским кредитом. Средняя ставка, по которой предвидится получение рублевых кредитов, – 10% годовых.

Финансовое положение

Через три месяца его улучшения ожидают 19% предприятий, 11% предполагают его ухудшение и примерно у 69% оно не изменится. (См. табл. 2.)

Таблица 2

Отраслевые прогнозы на декабрь 2023 г., в % (сентябрь 2023 г.=100%)

	Цены «свои»	Цены «чужие»	Заработная плата	Занятость	Закупки оборудования	Банковский процент*	Финансовое положение**	Портфель заказов**
Черная и цветная металлургия	102	104	101	100	100	8	38	35
Машиностроение и металлообработка	101	104	99	101	106	9	60	57
Химия и нефтехимия	102	110	106	100	100	3	50	33
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность	102	107	100	101	90	-	66	75
Производство стройматериалов	101	105	101	99	100	12	50	49
Легкая промышленность	105	110	100	100	100	15	25	25
Пищевая промышленность	101	105	101	100	-	15	83	84
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ	102	105	101	100	101	10	54	52

* – Ожидаемый процент на привлекаемые банковские кредиты в годовом исчислении.

** – Диффузный индекс: доля предприятий (в %), чей показатель к декабрю 2023 г. улучшится (увеличится).

Источник: опросы РЭБ.

СЕКТОРА ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

(Производство потребительских товаров – сектор 1, производство инвестиционных товаров – сектор 2)

Цены

В сентябре 2023 г. по сравнению с предыдущим месяцем ухудшение соотношения «своих» и «чужих» цен отметили 50% производителей потребительских товаров и 27% – инвестиционных. Ощутивших улучшение в первом секторе оказалось 13%, во втором их не было.

Предполагается, что к декабрю 2023 г. цены на продаваемую продукцию вырастут на 2% в обоих секторах. Цены на покупаемую продукцию, по прогнозам руководителей предприятий, вырастут на 6% в первом секторе и на 5% – во втором.

Загрузка производственных мощностей

В сентябре 2023 г. она составила 93% в потребительском и 91% – в инвестиционном секторе.

Портфель заказов

Этот показатель составил 92% от нормального месячного уровня в первом и 107% – во втором секторе.

Роста заказов через три месяца ожидают 44% предприятий потребительского и 27% инвестиционного сектора, а уменьшения – 33% в первом и 18% во втором секторе.

Финансовое положение

Как «плохое» в сентябре 2023 г. его не оценил никто из производителей потребительского сектора и 5% оценили таким образом в инвестиционном, как «нормальное» – 88% предприятий в первом и 77% во втором секторе. В потребительском секторе 13% руководителей оценили финансовое состояние своего предприятия как «хорошее»; в инвестиционном секторе таких предприятий оказалось 18%.

К декабрю ожидают улучшения своего финансового состояния 44% производителей потребительского сектора и 14% предприятий инвестиционного. Опасаются ухудшения ситуации 22% в первом секторе, и никто не ожидает во втором.

СРАВНЕНИЕ СЕНТЯБРЯ 2023 г. С СЕНТЯБРЕМ 2022 г.

Соотношение цен и издержек

Баланс оценок динамики «входящих» и «выходящих» цен кардинально ухудшился: год назад неблагоприятный для своих предприятий сдвиг

Таблица 3

Отраслевые прогнозы на март 2024 г., в % (сентябрь 2023 г.=100%)

	Цены «свои»	Цены «чужие»	Заработная плата	Занятость	Выпуск*	Финансовое положение**
Черная и цветная металлургия	104	105	107	101	103	50
Машиностроение и металлообработка	105	108	104	102	103	57
Химия и нефтехимия	103	112	108	101	109	50
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность	105	110	104	102	106	67
Производство стройматериалов	102	106	103	100	94	50
Легкая промышленность	107	114	107	106	86	25
Пищевая промышленность	105	113	104	99	107	84
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ	104	108	105	101	103	56

* – Реальный объем продукции, работ, услуг.

** – Доля предприятий (%), чье финансовое положение через 6 месяцев улучшится (дифф. индекс).

Источник: опросы РЭБ.

Диффузные индексы, в %

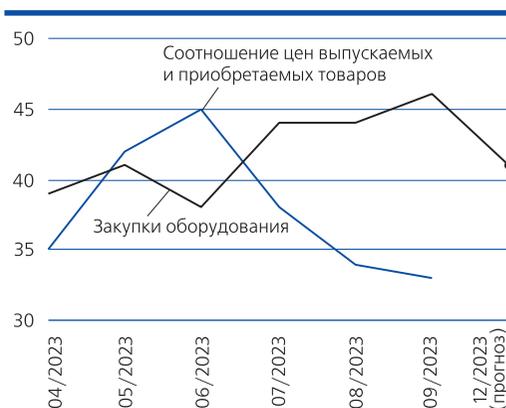
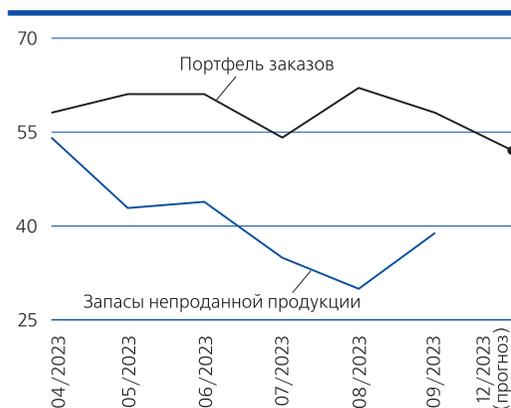
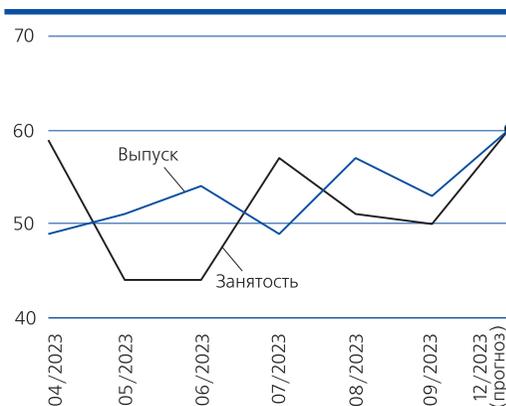
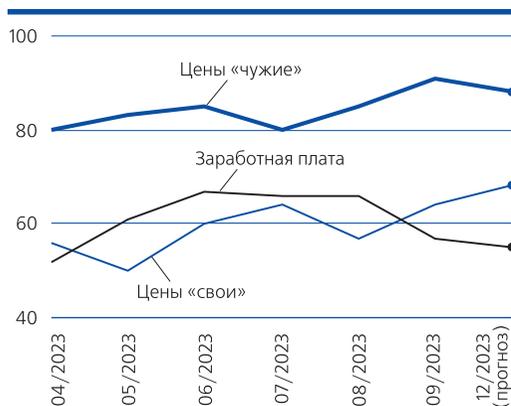

Таблица 4
Диффузные индексы: предприятия с растущими показателями
(по сравнению с предыдущим месяцем), в %*

	04/23	05/23	06/23	07/23	08/23	09/23	12/23 (прогноз)**
Цены «свои»	56	50	60	64	57	64	68
Цены «чужие»	80	83	85	80	85	91	88
Заработная плата	52	61	67	66	66	57	55
Занятость	59	44	44	57	51	50	60
Выпуск	49	51	54	49	57	53	60
Портфель заказов	58	61	61	54	62	58	52
Запасы непроданной продукции	54	43	44	35	30	39	-
Соотношение цен выпускаемых и приобретаемых товаров	35	42	45	38	34	33	-
Закупки оборудования	39	41	38	44	44	46	41

* – Диффузный индекс (D) определяется по формуле $D = (A + 0.5 \cdot B) \cdot 100\% / N$, где А – число предприятий, сообщивших об увеличении/улучшении показателя; В – число предприятий, у которых он остался примерно на том же уровне; N – общее число ответивших.

** – Декабрь 2023 г. по сравнению с сентябрем 2023 г.

Источник: опросы РЭБ.

ценовых пропорций отметили 18% респондентов, а благоприятный — 12%; в сентябре 2023 г. таковых было 36 и 3% соответственно.

Заработная плата

Год назад о ее повышении сообщали 21%, о снижении — 12% предприятий; ныне — 27 и 14% соответственно.

Занятость и производство

Пропорция между предприятиями, где численность персонала сократилась и увеличилась, в сентябре 2022 г. составила 22:19, а в сентябре 2023 г. — 19:19.

Аналогичные соотношения по выпуску составили: в 2022 г. — 52:30, а в 2023 г. — 33:39.

Инвестиции

Доля предприятий, не покупающих оборудование в течение двух и более месяцев подряд, увеличилась: с 25% в сентябре 2022 г. до 30% ныне.

Кредит

Относительная задолженность предприятий-должников банкам за год сократилась на 22 п.п.:

с 96% (от нормального месячного уровня) в сентябре 2022 г. до 74% в сентябре 2023 г. При этом доля предприятий, регулярно пользующихся банковским кредитом, за это время снизилась на 20 п.п.: с 59% в 2022 г. до 39% ныне.

Портфель заказов

Заметно улучшился баланс предприятий по динамике портфеля заказов: год назад пропорция между числом предприятий с пополненным портфелем и «похудевшим» составляла 31:25, а ныне — 26:11. Его относительная наполненность выросла на 8 п.п.: с 95% в 2022 г. до 103% в 2023 г. (считая от нормального месячного уровня, соответствующего 100%).

Запасы готовой продукции

В лучшую сторону изменилось соотношение числа предприятий, где происходило накопление и сокращение таких запасов: в сентябре 2022 г. оно равнялось 24:41, а в сентябре 2023 г. — 15:36. При этом относительный объем запасов за год сократился на 6 п.п.: с 87% в 2022 г. до 81% в 2023 г.

Таблица 5
Изменение трехмесячных прогнозов за 12 месяцев, в %*

	Цены «свои»	Цены «чужие»	Заработная плата	Занятость	Закупки оборудования**	Банковский процент***
Черная и цветная металлургия	+2	+3	-1	-2	0	-6
Машиностроение и металлообработка	-1	0	-3	-1	-19	+1
Химия и нефтехимия	+6	+8	-1	-2	-110	-3
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность	+8	+7	+3	+5	-10	-
Производство стройматериалов	+4	+4	+1	+4	+30	+2
Легкая промышленность	+5	+10	+1	+6	0	+10
Пищевая промышленность	-3	-2	-1	-2	-	+6
ПРОМЫШЛЕННОСТЬ	+2	+2	0	0	-9	+1

* — Приведены разности между оценками трехмесячных изменений, предсказанных респондентами в сентябре 2023 г. и в сентябре 2022 г.

** — Реальный объем закупок оборудования.

*** — Ожидаемый процент на привлекаемые банковские кредиты в годовом исчислении: изменения абсолютного уровня за 12 месяцев (процентные пункты).

Источник: опросы РЭБ.

Загрузка производственных мощностей

По сравнению с прошлым годом она увеличилась на 6 п.п.: с 87% (относительно нормального месячного уровня) в сентябре 2022 г. до 93% в сентябре 2023 г. При этом доля предприятий, работающих менее чем на 1/2 своей мощности, сократилась на 6 п.п.: с 6% в 2022 г. до 0% в 2023 г.; а доля предприятий, загруженных более чем на 9/10 своих мощностей, увеличилась на 2 п.п.: с 60% в 2022 г. до 62% в 2023 г.

Загрузка рабочей силы

За год она существенно выросла: с 93% (от нормального уровня) в сентябре 2022 г. до 99% в сентябре 2023 г. В 2022 г. на 3% предприятий выборки рабочая сила была занята менее чем на 1/2; ныне таких предприятий не оказалось вообще (0%).

Финансовое положение

Доля финансово благополучных предприятий за год основательно выросла: с 85% в 2022 г. до 98% в 2023 г.

Трехмесячные прогнозы

Ожидаемый ежемесячный темп прироста цен заметно увеличился: с +0,5% в сентябре 2022 г. до +1,2% в сентябре 2023 г.

В худшую сторону изменился прогноз по балансу портфеля заказов: год назад его пополнения ожидали 27% и 18% предполагали его сокращение; ныне — соответственно 29 и 26%.

Почти не изменились показатели инвестиционной активности предприятий: год назад около 27% предприятий не закупали и не собирались (в течение трех месяцев) закупать оборудование; ныне их доля составила 28%.

Что касается банковской задолженности, то год назад 10% предприятий ожидали ее роста, а 24% — сокращения; в сентябре 2023 г. эти показатели составили 6 и 21% соответственно.

И наконец, прогнозы финансового состояния: год назад его улучшения в течение трех месяцев ожидали 9%, а ухудшения — 16% предприятий, ныне эти показатели составили 19 и 11% соответственно. (См. табл. 5.) ■

Survey of Current Business (September-December 2023)

Sergey P. Aukutsionek — Head of Center for Transition Economy Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: reb@imemo.ru

Andrey S. Yegorov — Senior Researcher of the Center for Transition Economy Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Candidate of Economic Sciences (Moscow, Russia). E-mail: andrese@mail.ru

Inessa A. Bachirova — Researcher of the Center for Transition Economy Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: bachirova@imemo.ru

Tatyana V. Serzhantova — Researcher of the Center for Transition Economy Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: serzhantovatv@yandex.ru

Most of the indicators studied by the REB in September 2023 turned out to be approximately at the level of the previous month, which means they looked optimistic again. There were also records for the entire history of REB's observations. For example, the level of the capacity utilization rate showed a new maximum — 93%. The maximum value, though not for the first time, was reached by the labor utilization rate (99%). The volume of orders was 103% of the normal monthly level, taken as 100 (second place). The share of enterprises in «good» or «normal» financial condition has increased to 98% (4 points above the previous record). At the same time the diffusion index of the expected in 3 months debt to banks reached its minimum value — 12%.

Key words: Russia, industry, industrial enterprises, price level, wages, employment, output, investment, indebtedness to banks, order-book level, stocks of finished products, capacity utilization rate, financial situation, production restrictive factors.

JEL-codes: D22, D24, G31, L23, P23.

Финансовый сектор

БАНКОВСКИЕ РЕСУРСЫ В ЯНВАРЕ-АВГУСТЕ 2023 г.

С. А. ЗУБОВ

Эффективные меры регулирования кредитно-финансовой сферы, предпринятые правительством и ЦБ РФ, а также реализация политики создания резервов банковского капитала обеспечили устойчивость банковского сектора в течение первых восьми месяцев 2023 г. Ресурсная база банков существенно выросла благодаря как поступлениям на счета предприятий по линии финансирования бюджетных расходов, так и притоку средств во вклады физических лиц в условиях роста доходов населения в первом полугодии 2023 г.

Ключевые слова: российский банковский сектор, банковские ресурсы, клиентская база банков, средства физических лиц, средства юридических лиц. Банк России.

JEL: E58, G21, G28.

Главным ресурсом кредитных организаций остаются средства клиентов (физических и юридических лиц) на банковских счетах и депозитах. На 1 сентября 2003 г. общий объем клиентских средств составил 111,0 трлн руб., увеличившись с начала года на 13,5%, что существенно выше аналогичного показателя, зафиксированного годом ранее, когда было отмечено его повышение на 3,3%.

Общий объем средств физических лиц (без учета средств на счетах эскроу) на 1 сентября 2023 г. достиг 40,4 трлн руб. — их прирост за анализируемый период в абсолютном выражении составил 3,8 трлн руб., или 10,4%, тогда как за соответствующий период 2022 г. было зафиксировано их снижение на 0,9 трлн руб., или на 2,6%. Прирост средств за первое полугодие 2023 г., в условиях стабилизации макроэкономической ситуации, был обеспечен ростом реальных доходов населения. В третьем квартале повышение ключевой ставки и, как следствие, ставок по вкладам стало дополнительным фактором притока средств граждан на банковские счета. (См. рисунок.)

Общий объем средств на счетах и депозитах юридических лиц (индивидуальных предпринимателей) в течение первых восьми ме-

сяцев 2023 г. увеличился на 2,2 трлн руб., или на 8,2%, — до уровня 28,9 трлн руб. (за тот же период 2022 г. был зафиксирован отток средств в объеме 2,2 трлн руб., или 9,5%). Главным иницирующим фактором увеличения фондирования в 2022–2023 гг. остается финансирование корпоративного сектора из государственного бюджета.

В условиях высоких темпов денежной эмиссии в 2023 г. продолжился рост остатков средств на расчетных и текущих счетах корпоративных клиентов: в течение рассматриваемого периода они пополнились на 2,4 трлн руб. (на 19,2%) — до 22,4 трлн руб., что несколько ниже показателя за аналогичный период прошлого года (4,0 трлн руб., или 24,9%).

Высокие темпы роста зафиксированы по средствам государственных организаций, которые за восемь месяцев 2023 г. выросли на 41,2% (годом ранее — на 20,8%). Их общий объем на 01.09.2023 г. достиг значения 12,1 трлн руб.

Начиная с 2022 г. наблюдается изменение структуры средств физлиц в пользу краткосрочных вкладов. Эта тенденция сохраняется и в 2023 г. Однако, в отличие от прошлого года, когда средства населения на средне- и

Зубов Сергей Александрович, старший научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, канд. экон. наук, доцент (Москва), e-mail: zubov@iepr.ru

долгосрочных вкладах значительно сократились, в текущем году такого снижения не произошло. На фоне общего роста средств физических лиц сумма вкладов сроком свыше 1 года увеличилась на 9,0%. В то же время средства на счетах, вклады до востребования и краткосрочные вклады до 1 года выросли на 10,7%. Больше половины всех срочных вкладов (51,1%) приходится на вклады сроком от 90 до 181 дня.

За анализируемый период средства в рублях на счетах и депозитах физлиц увеличились на 10,8%, средства в валюте – на 6,7% (прирост второго показателя связан с ростом курса иностранной валюты).

Интерес к краткосрочным депозитам со стороны предприятий также повысился: корпоративные депозиты сроком свыше 1 года снизились на 5,5%, в то время как средства на счетах и краткосрочные депозиты до 1 года выросли на 21,6%.

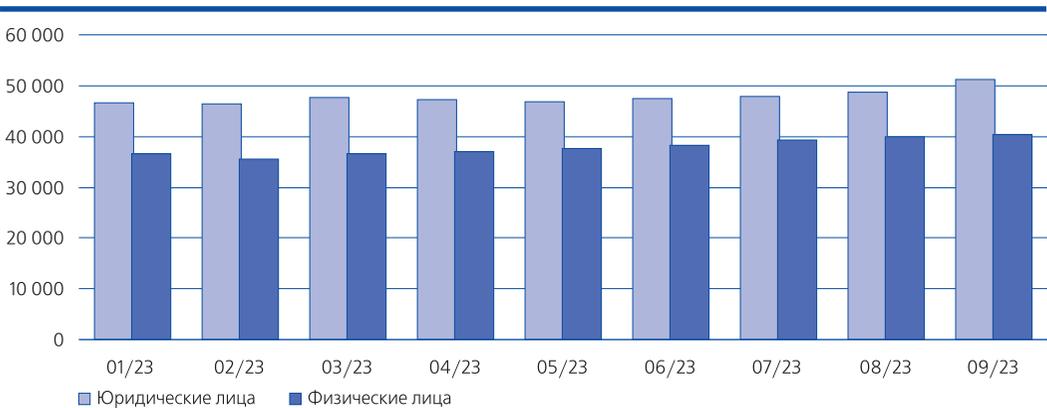
Средства на счетах эскроу продолжили рост и достигли значения 4,9 трлн руб., однако темпы их прироста (20,5%) существенно снизились по сравнению с предыдущим годом (30,2%), что обусловлено падением темпов расширения рынка ипотечного кредитования.

Существенным фактором повышения устойчивости кредитных организаций стал рост их финансового результата: прибыль сектора за восемь месяцев 2023 г. составила 2,4 трлн руб., что соответствует результату за весь (рекордный) 2021 г.

20 июля 2023 г. был зафиксирован структурный дефицит ликвидности – это произошло впервые с мая 2022 г. Структурный дефицит ликвидности – состояние банковского сектора, характеризующееся наличием у кредитных организаций устойчивой потребности в привлечении ликвидности за счет операций с Банком России. В настоящее время объем кредитов ЦБ РФ, предоставленных банкам, составляет всего лишь 4,5 трлн руб. (прирост с начала года на 2,4%). Если структурный дефицит ликвидности станет постоянным, то темп роста долга сектора перед регулятором существенно вырастет уже в самое ближайшее время.

Проведенный ЦБ РФ стресс-тест банковского сектора страны продемонстрировал устойчивость банковской системы. По оценкам экспертов, банковский сектор способен выдержать неблагоприятные сценарии развития. В 2022 г. Банк России на основании стресс-тестирования оценивал потребность банков-

Динамика суммарных объемов задолженности по счетам и депозитам физических и юридических лиц в 2023 г. (на начало месяца), млрд руб.

Источник: Статистические показатели банковского сектора Российской Федерации (интернет-версия) / Банк России.
 URL: https://cbr.ru/banking_sector/statistics/

ского сектора в докапитализации в 700 млрд руб. Однако своевременные меры правительства и ЦБ РФ способствовали стабилизации кредитно-финансовой сферы, и в настоящее время лишь небольшое число банков испытывает проблемы с достаточностью капитала.

При отсутствии внешних источников фондирования кредитные организации вступают в острую фазу борьбы за ресурсы на внутреннем рынке. Уровень конкуренции за краткосрочные ресурсы транзакционного характера (расчетные и текущие счета) существенно повысился в связи с проникновением на рынок финтех-компаний и цифровых банков, предлагающих своим клиентам привлекательные условия для ведения счетов такого типа. Также значительную долю ресурсов может поглотить и рынок криптовалют, особенно в случае легализации некоторых видов криптовалюты как платежного средства.

Ожидаемое введение цифрового рубля также может усилить конкурентную борьбу за ресурсы. По разным оценкам, отток клиентских средств в цифровые рубли на платформе Банка России может составить до 4 трлн руб., способствуя формированию структурного дефицита ликвидности¹, что, в свою очередь, может негативно повлиять на уровень платежеспособности кредитных организаций.

В 2023 г. восходящий тренд на рынке корпоративных и государственных ценных бумаг

также остается сдерживающим фактором для роста ресурсной базы, особенно это было заметно в первой половине года на фоне низких ставок по банковским депозитам. Вместе с тем существующий порядок инвестиционного вычета по налогу на доходы физлиц в случае открытия индивидуального инвестиционного счета после введения соответствующего налога на банковские вклады усиливает привлекательность вложений в ценные бумаги по сравнению с банковскими вкладами.

В связи с исчерпанием потенциала расширения рынка корпоративных акций и перспективой дальнейшего повышения ставок по вкладам и депозитам возможно изменение поведения банковских клиентов, и часть средств с фондового рынка может пополнить ресурсную базу кредитных организаций.

В условиях достаточно сильного инфляционного давления в ближайшие месяцы (до конца 2023 г.) Центробанк не пойдет на смягчение текущей денежно-кредитной политики, вероятность повышения ключевой ставки достаточно высока. В нынешней ситуации следует ожидать дальнейшего роста процентных ставок по вкладам и депозитам, что позволит банкам стабилизировать ресурсную базу, одновременно увеличит стоимость фондирования и приведет к коррекции беспрецедентно высокого уровня банковской прибыли. ■

Banking Resources in January-August 2023

Sergey A. Zubov — Senior Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor (Moscow, Russia). E-mail: zubov@iep.ru

The RF Government's and the Central Bank of Russia's effective regulation of the credit and financial sector, as well as implementation of the policy on establishment of banking capital provisions have facilitated the banking sector's sustainability in January-August 2023. Banks' funding base has considerably increased owing both to growth in enterprises' bank account balances as a result of budget expenditures funding and an inflow of funds to individuals' deposits amid growth in households' incomes in H1 2023.

Key words: Russian banking sector, banking resources, banks' customer base, households' resources, corporate resources, Bank of Russia.

JEL-codes: E58, G21, G28.

¹ URL: [http://www.cbr.ru/Content/Document/File/150582/on_2024\(2025-2026\).pdf](http://www.cbr.ru/Content/Document/File/150582/on_2024(2025-2026).pdf)

ИПОТЕЧНОЕ КРЕДИТОВАНИЕ В ЯНВАРЕ-СЕНТЯБРЕ 2023 г.**С. А. ЗУБОВ**

За первые три квартала 2023 г. объем выданных ипотечных кредитов существенно (на 71,8%) превысил аналогичный показатель соответствующего периода 2022 г. Катализатором роста спроса стали рост доходов населения, льготные программы ипотечного кредитования, ожидания, связанные с его ужесточением, а также совместные программы банков и застройщиков. В последнее время наблюдается ухудшение стандартов кредитования: увеличивается доля ипотечных кредитов заемщикам с высоким показателем долговой нагрузки (ПДН).

Ключевые слова: ипотечное жилищное кредитование, ставки по ипотечным кредитам, льготные ипотечные программы.

JEL: E58, G21, G28.

Совокупный портфель ипотечных жилищных кредитов (ИЖК) на 1 октября 2023 г. достиг объема в 16,9 трлн руб. Прирост показателя за первые три квартала года составил 3,1 трлн руб., или 22,1%, что существенно превышает показатели за аналогичный период прошлого года, когда портфель ипотечных кредитов вырос на 1,3 трлн руб., или на 11,2%.

Всего за девять месяцев 2023 г. было выдано около 1,5 млн кредитов общим объемом 5,5 трлн руб. (соответствующие значения предшествующего года составили 0,9 млн кредитов объемом 3,2 трлн руб. и прирост стоимостного объема выдач относительно прошлогоднего периода 71,8%). В целом объемы выдач за рассматриваемый период уже превысили аналогичный показатель за весь 2022 г., а в конце года могут превысить рекордный объем выдач ипотечных кредитов за 2021 г. (6,2 трлн руб.).

Структура ипотечного кредитования в рассматриваемый период не претерпела серьезных изменений: под влиянием продления государственных программ со сниженной процентной ставкой объем ипотечного кредитования на первичном рынке (ИЖК по ДДУ¹) составил 40,1% от общего объема выдач (в 2022 г. за аналогичный период данный показатель составлял 44,5%).

Абсолютно все сделки заключались в рублевом сегменте — начиная с июля 2022 г. кредиты в иностранной валюте не предоставлялись. В настоящее время задолженность по валютным кредитам составляет 7,7 млрд руб., или менее 0,1% от общего объема задолженности по ипотечным кредитам. Предоставление кредитов в иностранной валюте нецелесообразно как для заемщиков (по причине нестабильности рубля), так и для банков (в силу действия заградительной надбавки к коэффициентам риска — от 200% и выше в зависимости от ПСК²).

Средний размер ипотечного кредита за год вырос на 16,5% — до 4,6 млн руб. (в октябре 2022 г. он составлял 3,95 млн руб.), что обусловлено ростом цен на недвижимость в условиях ажиотажного спроса. В настоящее время цена перестает быть самым важным фактором при заключении сделки для банковских клиентов — в большей степени они ориентируются на размер ежемесячного платежа, который, в свою очередь, также увеличился на 15,0% и на 1 октября 2023 г. составил 30,8 тыс. руб. (годом ранее — 26,8 тыс. руб.).

Средневзвешенный срок кредитования увеличился: к концу третьего квартала 2023 г. он составил 24,6 года (годом ранее — 23,2 года, прирост на 6,0%). Увеличение срока кредита

Зубов Сергей Александрович, старший научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, канд. экон. наук, доцент (Москва), e-mail: zubov@ier.ru

¹ Ипотечные жилищные кредиты под залог прав требования по договорам участия в долевом строительстве.

² Полная стоимость кредита.

позволяет снизить ежемесячную долговую нагрузку на заемщиков, ослабляя тем самым риск невозврата кредита.

К положительным тенденциям 2023 г. можно отнести сокращение доли рефинансирования в совокупном портфеле выданных ипотечных кредитов – на конец третьего квартала года она составила 0,4% от общего объема задолженности (год назад – 2,5%). В течение года спрос на рефинансирование снижался под влиянием роста рыночных ставок.

Объемы секьюритизации выросли за исследуемый период на 25,1% – до уровня в 1,15 трлн руб. Однако доля сделок секьюритизации в портфеле кредитов осталась практически неизменной – 6,7% (годом ранее – 6,9%). Таким образом, ожидаемого развития ипотечной секьюритизации после принятия поправок в законодательстве, облегчающих выдачу закладных на договоры долевого участия, и распространения цифровой ипотеки не произошло.

Качество кредитного портфеля остается на приемлемом уровне – просроченная задолженность за первые три квартала 2023 г. увеличилась незначительно – на 2,2% и на 01.10.2023 г. составила всего лишь 0,4% от объема сово-

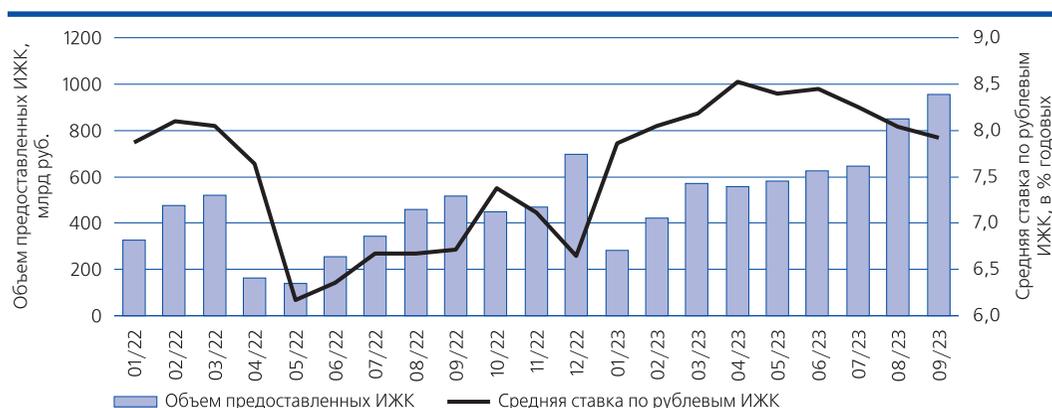
купной задолженности по ИЖК (на конец третьего квартала 2022 г. – 0,5%), что значительно меньше, чем по другим видам банковского кредитования (около 4%).

В первой половине 2023 г. у средневзвешенной ставки по ипотечным кредитам наблюдалась тенденция к росту. Однако в третьем квартале, несмотря на резкое повышение ключевой ставки ЦБ РФ, средневзвешенная ставка скорректировалась в сторону снижения благодаря увеличению доли кредитования по программам господдержки. К концу сентября ставка первичного рынка составила 5,9% годовых, вторичного рынка – 9,9% годовых. (Динамика объемов кредитования и средневзвешенной ставки по рублевым ИЖК приведена на рисунке.)

Несмотря на невысокий уровень просроченной задолженности, ЦБ РФ вынужден констатировать, что стандарты предоставления ипотеки в России ухудшаются³ – около половины ипотечных кредитов предоставлено заемщикам с ПДН (показатель долговой нагрузки) от 80% и выше.

Распространение совместных программ банков и застройщиков, которые первоначально были призваны стимулировать спрос на

Динамика ежемесячных объемов кредитования и процентных ставок на рынке ипотечного жилищного кредитования в 2022–2023 гг.

Источник: Ипотечное жилищное кредитование. URL: <https://www.cbr.ru/statistics/pdco/Mortgage/ML/>

³ URL: <https://realty.ria.ru/20231009/ipoteka-1901468783.html?ysclid=losrp6sfwf100964904>

ИЖК за счет снижения ставки по кредиту («околонулевая» ипотека), привело к общему подорожанию жилья на первичном рынке и увеличению разрыва в ценах с вторичным рынком. В этих условиях банковские риски по кредитам, предоставленным на первичном рынке, повышаются из-за невозможности реализовать квартиру по цене первичного рынка в случае неплатежеспособности заемщика.

В связи с этим Центробанк принял решение о повышении с 1 мая 2023 г. надбавок к коэффициентам риска по ипотечным кредитам — банки должны формировать дополнительные резервы, размер которых определяется уровнем первоначального взноса (в интервале от 10 до 30%). Однако в скором времени ЦБ РФ вынужден был признать, что майского повышения надбавок по ипотеке оказалось недостаточно.

С 1 октября Центробанк вновь повысил надбавки к коэффициентам риска по ипотечным кредитам для ограничения рисков заемщиков и банков — повышение затронуло надбавки к коэффициентам риска в зависимости от уровня первоначального взноса (от 0 до 100%) и значения ПДН заемщика.

Несмотря на ухудшение стандартов ипотечного кредитования и меры, связанные с охлаждением рынка, Банк России прорабатывает возможность создания отдельных кредитных продуктов для клиентов, финансовое положение которых хуже среднего, но еще позволяет осуществлять регулярное обслуживание долга⁴ (обычно банки не предоставляют долгосрочных кредитов таким клиентам). Таким образом, инициатива Центробанка связана не с ограничением, а со стимулированием

кредитной активности банков, что в перспективе может привести к росту закрежденности населения и, как следствие, к увеличению числа банкротств физических лиц.

Перспективы льготной ипотеки в настоящее время остаются неопределенными. Программа льготной ипотеки с господдержкой должна завершиться, согласно плану, в середине 2024 г. Вероятность ее продления в том формате, в котором она существует в последние годы (начиная с 2020 г.), невысока — растущую разницу между льготной и рыночной ставкой, которая доходит до 8–9 п.п., государству становится покрывать все сложнее. Но и полная отмена льготной ипотеки представляется маловероятной — падение спроса на недвижимость и снижение объема продаж отрицательно скажутся на развитии строительной отрасли, что повлечет за собой замедление роста экономики в целом. Поэтому наиболее вероятным вариантом является обновление льготной программы с введением дифференцированных ставок, привязанных к уровню доходов граждан в разных регионах страны.

До конца 2023 г. ипотека с господдержкой будет удерживать рынок от обвала — при росте доли льготной ипотеки общее число выданных кредитов будет стагнировать. Однако потенциально высокий спрос позволит банкам со временем адаптироваться к меняющимся условиям и продолжить агрессивную политику в виде наращивания портфеля ипотечных кредитов. Возможным выходом из кризиса станет разработка бюджетных вариантов ипотеки (зеленая ипотека, ипотека на строительство частных домов) и их частичная поддержка со стороны государства. ■

⁴ URL: <https://tass.ru/ekonomika/18948951?ysclid=lp7xiehvg2227468986>

Mortgage lending in January-September 2023

Sergey A. Zubov – Senior Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor (Moscow, Russia). E-mail: zubov@iep.ru

In the first three quarters of 2023, the volume of mortgage loans issued significantly exceeded (by 71.8%) the same indicator of the corresponding period of 2022. The growth of household incomes, preferential mortgage lending programs, expectations related to its tightening, as well as joint programs of banks and developers are drivers of demand growth. Recently, there has been a deterioration in lending standards: the share of mortgage loans to borrowers with high debt burden ratio (DLR) has been increasing.

Key words: mortgage lending, subsidized mortgage programs, mortgage lending market overheating.

JEL-codes: E58, G21, G28.

Зеленая экономика

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЭРЫ: ОБРАЩЕНИЕ С ОТХОДАМИ ЭЛЕКТРОННОГО И ЭЛЕКТРИЧЕСКОГО ОБОРУДОВАНИЯ В РФ

А. М. АВДОНИНА

Научно-технический прогресс и рост доходов населения определяют быстрое увеличение объемов производства электронных и электрических устройств, которые, утрачивая свои потребительские свойства, становятся отходами. Их состав, с одной стороны, включает ценные для производства компоненты, с другой стороны – делает их опасными для окружающей среды и здоровья людей. Поэтому существует необходимость управления потоками таких отходов.

В статье особое внимание уделено анализу процессов обращения с отходами электронного и электрического оборудования, современного состояния рассматриваемой сферы, в том числе существующей нормативно-правовой базы, в свете формирования в РФ экономики замкнутого цикла как единого процесса обращения с сырьем и материалами, исключающего образование отходов, т.е. обеспечивающего повторное многократное использование сырья с учетом приоритетов сокращения использования первичных материалов, ресурсо- и энергосбережения.

Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС при Президенте Российской Федерации.

Ключевые слова: экономика замкнутого цикла, электронное и электрическое оборудование, электролом, отходы электронного и электрического оборудования (ОЭЭО), твердые коммунальные отходы (ТКО), расширенная ответственность производителя (РОП), утилизация, национальный проект «Экология».

JEL: O13, Q01, Q53, R36.

Введение

Процессы хозяйственной деятельности общества являются источниками значительного объема различных по своим свойствам отходов, накопление и захоронение которых приводит к загрязнению окружающей среды. Только в 2021 г. в РФ образовалось около 8,5 млрд т отходов производства и потребления, а всего их накоплено в стране к настоящему моменту 53 млрд т¹.

Отходы содержат значительное количество полезных компонентов, которые могут быть извлечены и возвращены в обращение в качестве вторичного сырья. Стратегическая инициатива «Экономика замкнутого цикла» (одна из 42 стратегических инициатив Правительства

РФ), утвержденная в 2021 г., направлена на трансформацию существующей линейной модели производства на базе новых принципов обращения с отходами, в частности их переработки и повторного использования². Мероприятия национального проекта «Экология», способствующие достижению национальной цели «Формирование комфортной и безопасной среды для жизни», дают возможность создать устойчивую систему обращения с отходами, обеспечивающую не только сортировку отходов и снижение их полигонного захоронения, но также и возврат ценных компонентов в производственный цикл³.

Особую категорию отходов составляет вышедшее из употребления электронное и элек-

Авдонина Александра Михайловна, старший научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, канд. биол. наук, доцент (Москва), e-mail: avdonina-am@ranepa.ru

¹ По данным Росприроднадзора. URL: <https://ria.ru/20220718/otkhody-1803287582.html?ysclid=lnwww96xs4326702358>

² Распоряжение Правительства РФ от 06.10.2021 г. № 2816-р (ред. от 14.03.2022) «Об утверждении перечня инициатив социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года».

³ URL: https://www.mnr.gov.ru/docs/np_ecology/passport_ecology.pdf?ysclid=lnwx3v73n8814535155

трическое оборудование, которого в России образуется 1,6⁴–1,7⁵ млн т в год, а перерабатывается всего около 6%. Обычно под отходами электронного и электрического оборудования (ОЭЭО) понимается произведенное и/или использованное электротехническое и электронное оборудование, непригодное или вышедшее из употребления в связи с утратой потребительских свойств и требующее удаления.

К отходам электронного и электрического оборудования относится широкий спектр продуктов, содержащих электрические схемы или компоненты и питающихся от электросети или аккумуляторов⁶. В мировой практике для такой категории отходов используются наименования *waste electrical and electronic equipment (WEEE, E-Waste)*.

В нормативно-правовой базе РФ отходы электронного и электрического оборудования объединены в группу однородных отходов «Оборудование компьютерное, электронное, электрическое, оптическое, утратившее потребительские свойства», в которую входят виды отходов, включенные в подтипы видов отходов с кодами ФККО 4 73 000 00 00 0 «Отходы оборудования, содержащего озоноразрушающие вещества», 4 81 000 00 00 0 «Оборудование компьютерное, электронное, оптическое, утратившее потребительские свойства», 4 82 000 00 00 0 «Оборудование электрическое, утратившее потребительские свойства» (за исключением групп видов отходов с кодами 4 82 200 00 00 0, 4 82 410 00 00 0, 4 82 902 00 00 0)⁷.

Обоснование необходимости регулирования обращения с отходами электронного и электрического оборудования

В 2017 г. более 70 видов электронных и электрических изделий вошли в перечень отходов, содержащих полезные компоненты, которые не подлежат захоронению⁸. До этого момента подавляющее число отходов электроники если и собиралось, то перерабатывалось незаконно, часто опасными для окружающей среды и здоровья людей способами. Только необходимость сбора лома и отходов драгоценных металлов⁹, а также немногочисленные инициативы торговых сетей по сбору отслужившей свой срок бытовой техники формировали незначительный объем ОЭЭО, перерабатываемых законно. С 2021 г. более 180 видов электронных товаров из 14 групп, включая офисное и коммуникационное оборудование, бытовую технику, были включены в список изделий, подлежащих обязательной утилизации после утраты ими потребительских свойств¹⁰, что способствовало увеличению объема их сбора.

С 1 сентября 2023 г. в России вступили в силу новые правила утилизации ОЭЭО, предъявляющие требования к глубине, техническим процессам и условиям утилизации отходов электроники: переработчики должны будут использовать для получения продукции (в том числе направлять на дальнейшую переработку) не менее 85% утилизированных ОЭЭО¹¹. Это условие ограничит деятельность компа-

⁴ По данным ППК РЭО. URL: <https://reo.ru/tpost/oac9fp5b61-chislo-punktov-po-priemu-othodov-elektro>

⁵ По данным группы «М.Видео-Эльдорадо» и СКО «Электроника–утилизация». URL: https://news.solidwaste.ru/wp-content/uploads/2023/09/Isledovanie_M.Video_pererabotka.pdf

⁶ Step Initiative. 2014. One Global Definition of E-Waste. United Nations University 3576 (June). URL: https://collections.unu.edu/eserv/UNU:6120/step_one_global_definition_amended.pdf

⁷ Приказ Минприроды России от 11.06.2021 г. № 399 (ред. от 04.04.2023 г.) «Об утверждении требований при обращении с группами однородных отходов I-V классов опасности» (зарегистрировано в Минюсте России 30.11.2021 г. № 66097). Раздел V // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_402074/

⁸ Распоряжение Правительства РФ от 25.07.2017 г. № 1589-р «Об утверждении перечня видов отходов производства и потребления, в состав которых входят полезные компоненты, захоронение которых запрещается». URL: <https://docs.cntd.ru/document/436754215>

⁹ Федеральный закон от 26.03.1998 г. № 41-ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18254/

¹⁰ Распоряжение Правительства РФ от 31.12.2020 г. № 3721-р «Об утверждении перечней товаров, упаковки товаров, подлежащих утилизации после утраты ими потребительских свойств». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_373601/

¹¹ Приказ Минприроды России от 04.04.2023 г. № 173 «О внесении изменений в Требования при обращении с группами одно-

ний, которые извлекают из отходов только наиболее ликвидные фракции, и предоставит новые возможности ответственным переработчикам.

Видов отходов, относящихся к ОЭЭО, достаточно много, и единой классификации, которую использовали бы все страны, не разработано. В мировой практике, например, для целей глобального мониторинга электронных и электрических отходов, осуществляемого Глобальным партнерством по статистическим данным об электронных отходах (*Global E-waste Statistics Partnership, GESP*), ОЭЭО подразделяются на 54 различные товарно ориентированные группы, объединенные в 6 крупнейших категорий, состав которых не полностью совпадает с таковым для России:

1. Терморегулирующее оборудование.
2. Экраны и мониторы.
3. Лампы (в РФ они не относятся к ОЭЭО!).
4. Крупногабаритное оборудование.
5. Малогабаритное оборудование.
6. Малогабаритное оборудование ИТ и электросвязи [4].

В Российской Федерации используется классификация в соответствии с Федеральным классификационным каталогом отходов (ФККО). (См. табл. 1.)

Электронные отходы составляют около 2% от всего объема ТКО, однако в них содержится самый большой спектр опасных и токсичных веществ. ОЭЭО содержат в своем составе более 70 химических элементов (железо, медь, алюминий, свинец, кадмий, ртуть, титан и др.), включая драгоценные (золото, серебро и др.), значительная часть которых в настоящее время теряется, но может быть использована повторно. При этом многие химические соединения этих элементов являются озоноразрушающими или ядовитыми веществами, которые представляют угрозу для экосистем, жизни и здоровья людей. При попадании ОЭЭО на несанкционированные свалки или их сжигании на открытом воздухе образуются токсичные соединения (диоксины, фураны, ароматические углеводы и др.), формирующие вторичное загрязнение среды [1]. Кроме того, отходы от использования товаров, со-

Таблица 1
Классификация и классы опасности ОЭЭО¹²

Наименование отхода	Код ФККО	Класс опасности
Отходы оборудования, содержащего озоноразрушающие вещества	4 73 000 00 00 0	2, 3, 4
Оборудование компьютерное, электронное, оптическое, утратившее потребительские свойства	4 81 000 00 00 0	2, 3, 4
Оборудование электрическое, утратившее потребительские свойства	4 82 000 00 00 0 Есть исключения: группы видов отходов, не относящиеся к ОЭЭО: – 4 82 200 00 00 – батареи и аккумуляторы, утратившие потребительские свойства; – 4 82 410 00 00 0 – лампы накаливания или газоразрядные лампы; дуговые лампы, светодиодные лампы, утратившие потребительские свойства; – 4 82 902 00 00 0 – конденсаторы электрические, утратившие потребительские свойства	2, 3, 4

Источник: составлено автором на основании Федерального классификационного каталога отходов.

родных отходов I–V классов опасности, утвержденные приказом Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 11 июня 2021 г. № 399». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_448219/

¹² Приказ Росприроднадзора России от 22.05.2017 г. № 242 (ред. от 16.05.2022) «Об утверждении Федерального классификационного каталога отходов» (зарегистрировано в Минюсте России 08.06.2017 г. № 47008). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_218071/

держат в своем составе пластмассы, металлы, стекла, имеют длительный срок разложения (более 100 лет).

Таким образом, с одной стороны, ОЭЭО – источник ценных компонентов для отраслей народного хозяйства, с другой – фактор опасного загрязнения окружающей среды. Поэтому существует необходимость контроля и учета в отношении обращения с такими отходами.

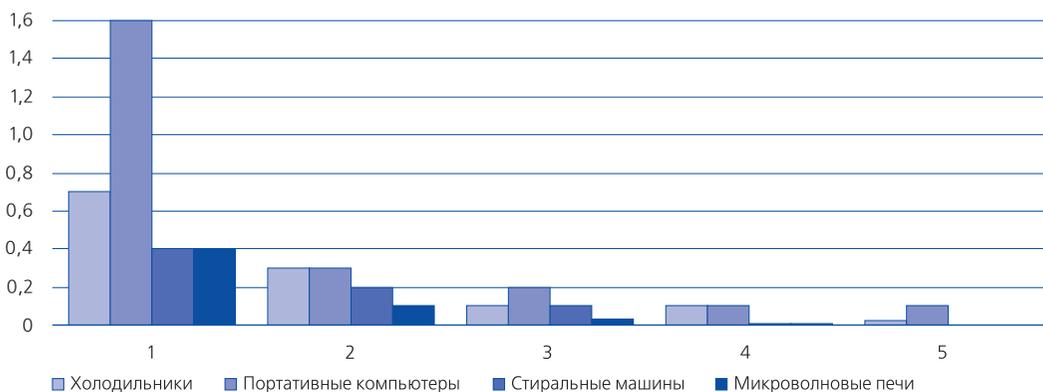
Если общий объем образования ОЭЭО в России соизмерим с их образованием в таких странах, как Великобритания, Германия, Франция, Индонезия, Мексика, Италия, то по объему на душу населения показатель РФ близок к таковому в Аргентине, Бразилии, Уругвае, Венесуэле, Болгарии, Хорватии, Черногории, Польше, Румынии, Словакии, Латвии, Литве, Малайзии, Турции [4].

Электрические и электронные устройства представляют собой широкий спектр продуктов, применяемых в быту и в производстве. Объем различных групп в структуре отходов

различен. По данным ППК «РЭО», большая часть отходов электроники в РФ – это бытовая техника (67%), климатическое и холодильное оборудование (22%), IT-оборудование и офисная техника (9%)¹³. Зарубежные исследования показывают, что их количество на душу населения зависит от уровня доходов. (См. рисунок.) То есть чем выше уровень доходов населения, тем больше объем образующихся ОЭЭО. При этом степень утилизации ОЭЭО определяется возможностью сбора этой группы однородных отходов, т.е. наличием и эффективностью работы в стране системы расширенной ответственности производителя (РОП) [2], в том числе формирования инфраструктуры для централизованного сбора и переработки ОЭЭО от организаций и населения.

Следует отметить, что в странах с высоким индексом развития экономики замкнутого цикла (*Circular Economy Development Index, CEDI*) хорошо работает принцип РОП – в Германии, например, он значительно выше (55%), чем в России (6%) [3]. Кроме того,

Среднемировой показатель количества различных бытовых приборов на душу населения в разбивке по уровню дохода страны (средний доход по паритету покупательной способности в долларах США на душу населения)

Примечание: группы стран: 1 (высокий уровень дохода) – 51,581; 2 (уровень дохода выше среднего) – 21,697; 3 (средний уровень дохода) – 9,874; 4 (уровень дохода ниже среднего) – 3,503, 5 (низкий уровень дохода) – 1,261.

Источник: составлено автором по данным Глобального мониторинга электронных отходов, 2020 год: объемы, потоки и потенциал циркуляционной экономики [4].

¹³ URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2022/08/04/reo-raskril-dannie-ob-obeme-pererabotki-elektroloma-v-rossii?ysclid=lnwgv4xf5268767387

активно внедрять РОП начинают страны с быстрорастущими экономиками [5].

В оценке достижения целей устойчивого развития (ЦУР) электронные отходы предлагается учитывать при расчете подпоказателей 11.6.1 «Доля твердых коммунальных отходов, которые регулярно собираются и надлежащим образом удаляются, в общей массе городских отходов» (ЦУР 11 – «Устойчивые города и населенные пункты»), 12.5.1 «Национальный уровень переработки отходов» и 12.4.2 «Образование опасных отходов на душу населения и доля обрабатываемых опасных отходов в разбивке по видам обработки» (ЦУР 12 – «Ответственное производство и потребление») [4].

В России, где механизм РОП введен с 2015 г., за последние три года в три раза выросло число экокочков, магазинов и других мест, где принимают электронные отходы, – сейчас их более 1400¹⁴. То есть постепенно уве-

личивается и степень утилизации электроники, достигнув, по разным оценкам, в 2022 г. 10–15% от общего количества образуемых ОЭЭО¹⁵, а также значительно растет собираемость экологического сбора. (Утилизационные нормативы и ставки сбора на 2023 г. приведены в табл. 2.)

Быстрорастущими группами электронных товаров в последние годы являются мобильные средства связи и детские игрушки, содержащие электронную «начинку», а также новое направление – электронные сигареты – с темпами роста, ежегодно превышающими 30%¹⁶. Такие изменения в структуре источников отходов следует учитывать при пересмотре нормативов утилизации и ставок экологического сбора, а также выборе технологий переработки.

Для формирования экономики замкнутого цикла в РФ необходимы понимание причин значительного роста объема ОЭЭО, выявление

Таблица 2
Нормативы утилизации и ставки экологического сбора для категорий ОЭЭО в 2023 г.^{17,18}

Наименование группы товаров	Утилизационный норматив, в %	Ставка сбора, руб./т
Компьютеры и периферийное оборудование, офисное оборудование	15	26 469
Мониторы, приемники телевизионные	15	26 469
Оборудование коммуникационное	15	26 469
Техника бытовая электронная	15	26 469
Приборы оптические и фотографическое оборудование	15	26 469
Оборудование электрическое осветительное	15	9956
Приборы бытовые электрические	15	26 469
Приборы бытовые неэлектрические	15	26 469
Инструменты ручные с механизированным приводом	15	26 469
Оборудование промышленное холодильное и вентиляционное	15	26 469

Источник: составлено автором на основании распоряжения Правительства РФ от 31.12.2020 г. № 3722-р (ред. от 19.08.2022) «Об утверждении нормативов утилизации отходов от использования товаров на 2021–2023 годы» и постановления Правительства РФ от 09.04.2016 г. № 284 (ред. от 31.10.2018) «Об установлении ставок сбора по каждой группе товаров, группе упаковки товаров, отходы от использования которых подлежат утилизации, уплачиваемого производителями товаров, импортерами товаров, которые не обеспечивают самостоятельную утилизацию отходов от использования товаров (экологического сбора)».

¹⁴ Число пунктов по приему отходов электротехники в России превысило 1400. URL: <https://reo.ru/tpost/oac9fp5b61-chislo-punktov-po-priemu-othodov-elektro>

¹⁵ URL: <https://www.vedomosti.ru/ecology/esg/articles/2023/09/08/994080-pererabotka-elektroniki-v-rossii-s-2019-g-viroslavtvoe?ysclid=lnx93lnuge558782960>

¹⁶ URL: <https://nicon.ru/blog/tpost/zb6kr89ds1-chto-proishodit-na-rinke-elektronnih-sre?ysclid=lnxc7es1du51272664>

¹⁷ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_373500/

¹⁸ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_196689/

ние затруднений при управлении ими и возникающих в связи с этим рисков.

Причина роста ОЭЭО в мире и в РФ общая — увеличение объемов потребления электронных и электрических устройств, связанный с научно-техническим прогрессом и с ростом доходов населения. Усугубляют ситуацию следующие процессы:

- отставание темпов сбора и утилизации от темпов роста ОЭЭО;
- сокращение жизненного цикла товара (в том числе сроков эксплуатации электронных и электрических устройств из-за появления новых моделей, моды, запланированного устаревания (износа) и др.).

Трудность управления потоками при обращении с этими отходами определяется:

- наличием нескольких источников и, как следствие, нескольких потоков ОЭЭО;
- многокомпонентностью сырья, определяющей затруднения при выборе технологии утилизации;
- нехваткой технологий и технических мощностей для утилизации ОЭЭО;
- недобросовестностью исполнителей — переработчиков отходов;
- необходимостью управления возникающими экологическими, экономическими и социальными рисками.

При этом для ОЭЭО, как и для других видов отходов, наиболее эффективными способами обращения с ними являются минимизация и предотвращение их образования.

Выводы и рекомендации

Образующийся в нынешней России объем ОЭЭО составляет 1,6–1,7 млн т в год (что, например, в полтора раза больше общего объема меди, добываемой в стране). При этом уровень утилизации ОЭЭО остается достаточно низким — около 6%. Хотя темпы переработки электронных отходов в мире также отстают от темпов их образования, мировой показатель официального задокументированного сбора

и переработки электронных отходов составляет уже около 18% (2020). Последние изменения в нормативно-правовой базе РФ направлены на увеличение объема и глубины переработки таких отходов, но технологических решений для этого пока недостаточно. Новые геополитические условия требуют быстрого замещения уже используемого импортного оборудования, а также новых отечественных научно-технических разработок.

Степень утилизации ОЭЭО определяется эффективностью работы в стране системы РОП, в том числе сформированностью инфраструктуры для централизованного сбора и переработки ОЭЭО. В этом отношении необходимо продолжить расширение инфраструктуры обращения с ОЭЭО в регионах, в первую очередь — увеличение количества доступных специализированных оборудованных мест сбора ОЭЭО. Для понимания региональной специфики и потребностей требуется организация странового и регионального мониторинга объема и структуры потоков ОЭЭО. Следует также поддерживать и внедрять механизмы и сервисы совместного использования электронных и электрических устройств и оборудования, ремонтных мастерских (как коммерческих, так и в формате социально значимых инициатив), а также бизнес-модели «Электроника как услуга»¹⁹ на местном уровне.

В целях совершенствования правовых механизмов управления ОЭЭО необходимо проанализировать эффективность и риски реализации инициатив, касающихся запрета на уменьшение срока службы новых версий уже используемых на рынке товаров, продления срока службы бытовой техники, а также требований к обязательности изготовления производителем компонентов для ремонта техники в течение всего срока гарантии.

Информационное сопровождение изменений, просвещение населения и бизнеса по вопросам обращения с ОЭЭО, формирование

¹⁹ A New Circular Vision for Electronics: Time for a Global Reboot. In: support of the United Nations E-waste Coalition, PACE, January 2019. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_A_New_Circular_Vision_for_Electronics.pdf

культуры ответственного потребления, поддержка общественных инициатив, особенно на муниципальном уровне в тесном контакте с региональными операторами и местным

бизнес-сообществом, позволят объединить усилия всех заинтересованных сторон для эффективного обращения с ОЭЭО на основе принципов экономики замкнутого цикла. ■

Литература

1. Агаев Б.С., Абдуллаева М.Я. Вредное воздействие электронных отходов на здоровье человека // Вестник Воронежского гос. ун-та инженерных технологий. 2022. Т. 84. № 2. С. 234–242. DOI: 10.20914/2310-1202-2022-2-234-242.
2. Гуреев П.М., Гришин В.Н. Концепция расширенной ответственности производителя в системе управления электронными отходами // Отходы и ресурсы. 2023. Т. 10. № 2. DOI: 10.15862/05ECOR223.
3. Пахомова Н.В., Рихтер К.К., Ветрова М.А. Переход к циркулярной экономике и замкнутым цепям поставок как фактор устойчивого развития // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. 2017. Т. 33. Вып. 2. С. 244–268. DOI: 10.21638/11701/spbu05.2017.203.
4. Forti V., Balde C.P., Kuehr R., Bel G. The Global E-waste Monitor 2020: Quantities, flows and the circular economy potential / UNU/UNITAR SCYCLE, ITU, ISWA. Bonn/Geneva/Rotterdam URL: https://ewastemonitor.info/wp-content/uploads/2020/11/GEM_2020_def_july1_low.pdf
5. Madkhali H., Duraib S., Nguyen L., Prasad M., Sharma M., Joshi S. A Comprehensive Review on E-Waste Management Strategies and Prediction Methods // A Saudi Arabia Perspective. Knowledge. 2023. 3 (2). Pp. 163–179. DOI: 10.3390/knowledge3020012.

References

1. Agayev B.S., Abdullaeva M.Ya. Harmful effects of E-waste on human health // Bulletin of the Voronezh State University of Engineering Technologies. 2022. Vol. 84. No. 2. Pp. 234–242. DOI: 10.20914/2310-1202-2022-2-234-242.
2. Gureev P.M., Grishin V.N. The concept of extended producer responsibility in the electronic waste management system // Conservation and Recycling. 2023. Vol. 10. No. 2. URL: <https://resources.today/PDF/05ECOR223.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.). DOI: 10.15862/05ECOR223.
3. Pakhomova N.V., Richter K.K., Vetrova M.A. Transition to circular economy and closed-loop supply chains as driver of sustainable development // Bulletin of the St. Petersburg University. 2017. Vol. 33. Issue 2. Pp. 244–268. DOI: 10.21638/11701/spbu05.2017.203.
4. Forti V., Balde C.P., Kuehr R., Bel G. The Global E-waste Monitor 2020: Quantities, flows and the circular economy potential / UNU/UNITAR SCYCLE, ITU, ISWA. Bonn/Geneva/Rotterdam. URL: https://ewastemonitor.info/wp-content/uploads/2020/11/GEM_2020_def_july1_low.pdf
5. Madkhali H., Duraib S., Nguyen L., Prasad M., Sharma M., Joshi S. A Comprehensive Review on E-Waste Management Strategies and Prediction Methods // A Saudi Arabia Perspective. Knowledge. 2023. 3 (2). Pp. 163–179. DOI: 10.3390/knowledge3020012.

New Challenges of the Information Age: Waste Management of Electronic and Electrical Equipment in the Russian Federation

Alexandra M. Avdonina – Senior Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Candidate of Biological Sciences, Associate Professor (Moscow, Russia). E-mail: avdonina-am@ranepa.ru

Scientific and technological progress and the population growth determine the increase in production volumes of electrical and electronic equipment, further becoming electrical and electronic waste. Their composition, on the one hand, includes components valuable for production, on the other hand, makes them dangerous to the environment and human health. Therefore, there is a need to manage the flows of such waste.

In the article, special attention is paid to the analysis of the processes of waste management of electronic and electrical equipment, the current state of affairs, including the regulatory framework in this area, in the light of the formation of a closed-cycle economy in the Russian Federation as a general cycle of materials,

excluding the formation of waste, i.e. ensuring the reusable reuse of raw materials on the basis of the priorities of reducing the use of primary materials, resource- and energy conservation.

The article was prepared as part of the research work of the state task of the RANEPА.

Key words: circular economy (CE), closed-loop economy, electrical and electronic equipment (EEE), waste electrical and electronic equipment (WEEE, E-Waste), municipal solid waste (MSW), extended producer responsibility (EPR), recycling, national project «Ecology».

JEL-codes: O13, Q01, Q53, P36.

Налогообложение

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ САХАРОСОДЕРЖАЩИХ НАПИТКОВ

Е. Е. ЧЕРНЯКОВА
А. Ф. БОГАТЫРЕВА
Е. А. ЯСТРЕБОВА

С 1 июля 2023 г. в России начал действовать акциз на сахаросодержащие напитки. Обложению им подлежат сахаросодержащие напитки, под которыми понимаются упакованные в потребительскую упаковку, изготовленные с использованием питьевой или минеральной воды напитки, в состав которых в качестве компонентов входят сахар (глюкоза, фруктоза, сахароза, декстроза, мальтоза, лактоза), и (или) сироп с сахаром, и (или) мед и количество углеводов в пищевой ценности которых составляет более 5 г на 100 мл напитка. Ставка акциза установлена в размере 7 руб./л. Говорить даже о первых результатах включения сахаросодержащих напитков в число подакцизных товаров в РФ пока рано. Однако Россия является не первой страной в мире, которая ввела акциз на сахаросодержащие напитки. В этой области уже накоплен определенный международный опыт.

В статье рассмотрен международный опыт взимания налогов на сладкие напитки. Приведены результаты исследований, отражающие позитивные результаты введения соответствующего обложения. Отмечены аспекты зарубежного опыта, не отраженные в российском законодательстве, которые целесообразно рассмотреть при подготовке изменений в действующее российское законодательство.

Ключевые слова: акциз, сахаросодержащие напитки, международный опыт, налоги на сладкие напитки.
JEL: H20, H25, K34.

По информации на сентябрь 2023 г. [17], порядка 60 стран уже взимают налоги на сладкие напитки (*Sugary Drink Taxes*). По информации на август 2020 г., более 40 стран мира ввели соответствующие налоги [1]. Таким образом, можно утверждать, что число стран, которые вводят налоги на сладкие напитки, растет.

Большая часть налогов на сладкие напитки была введена за последние 10 лет, что свидетельствует о возросшем внимании к вопросу вреда, связанного с потреблением сладких напитков, и необходимости проведения экономически эффективной политики по ограничению высокого потребления сахара [18].

В Европе, по данным на сентябрь 2023 г., соответствующие налоги введены в Бельгии, Великобритании, на о-ве Мэн, на о-ве Святой Елены, в Венгрии, Ирландии, Испании, Лат-

вии, Польше, Португалии, Финляндии, Франции, Хорватии [17]. При этом в Великобритании, на о-ве Мэн, в Венгрии, Ирландии, Испании, Португалии, Польше, Франции, Хорватии применяется дифференциация налоговых ставок в зависимости от количества сахара в напитке. В Великобритании, например, установлены только две ставки, тогда как в Португалии и Хорватии – четыре. В Хорватии установлены следующие ставки: 0 хорватских крон за гектолитр (гл) для напитков с содержанием сахара ≤ 2 г/мл; 10 хорватских крон за 1 гл (~1,4 руб.) на напитки с содержанием сахара 2–5 г/мл; 30 хорватских крон за 1 гл (~4,2 руб.) на напитки с содержанием сахара 5–8 г/мл; 60 хорватских крон за 1 гл (~8,4 руб.) на напитки с содержанием сахара >8 г/мл. При этом по энергетическим напиткам, содержащим ме-

Чернякова Елена Евгеньевна, и.о. заведующего и старший научный сотрудник лаборатории развития налоговой системы РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (Москва), e-mail: Chernyakova-ee@ranepa.ru; Богатырева Анна Федоровна, научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (Москва), e-mail: bogatyreva-af@ranepa.ru; Ястребова Екатерина Александровна, научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (Москва), e-mail: yastrebova-ea@ranepa.ru

тилксантин или таурин, установлены более высокие налоговые ставки. В обеих указанных странах ставки специфические, а не адвалорные, однако в Португалии они устанавливаются в расчете на литр, как в России, а в Хорватии – на гекалитр.

В Великобритании в 2018 г. введен налог на производство безалкогольных напитков (*UK Soft Drinks Industry Levy*). Установлены две ставки: 0,18 фунта стерлингов за литр (~21,96 руб.) для напитков с содержанием сахара от 5 до 8 г/100 мл и 0,24 фунта стерлингов за литр (~29,28 руб.) на напитки с содержанием сахара >8 г/100 мл. Напитки, содержащие менее 5 г сахара на 100 мл, не облагаются налогом, как и в России. Предполагалось, что установление нескольких ставок должно побудить промышленность пересмотреть рецептуру своей продукции, снизив содержание сахара, чтобы избежать более высокой налоговой ставки. Введение *Soft Drinks Industry Levy* привело к значительному сокращению содержания сахара в напитках в Великобритании: за год действия налога потребление сахара в напитках (облагаемых и необлагаемых) снизилось в стране на 10%, что составило примерно меньше 30 г сахара на семью в неделю [10]. Отметим, что, в то время как общий объем продаж облагаемых налогом сладких напитков увеличился в стране за период с 2015 до 2019 гг. на 15%, количество сахара в облагаемых напитках сократилось на 35% из-за того, что напитки стали содержать меньше сахара [12]. При этом, что особенно важно на наш взгляд, сокращение потребления сахара по соответствующим напиткам было более значительным, чем наблюдалось среди продуктов питания, по которым существовали добровольные программы снижения уровня сахара.

В Ирландии налогом на напитки, подслащенные сахаром (*Sugar Sweetened Drinks Tax*), облагаются готовые к употреблению напитки, если они удовлетворяют трем критериям:

- классифицируются в рамках определенных товарных позиций, которые охватывают соки, воду и/или напитки на основе соков;
- содержат добавленный сахар;
- общее содержание сахара в напитке составляет не менее 5 г/100 мл [15].

Таким образом, в этой стране облагаются налогом ароматизированная вода, газированные напитки, энергетические, спортивные напитки, напитки на основе соков, напитки, содержащие молочные жиры с содержанием кальция менее 119 мг/100 мл, напитки на основе сои, злаков, семян или орехов с содержанием кальция менее 119 мг/100 мл¹. Подобные особенности (определенный уровень содержания кальция как критерий обложения налогом) не предусмотрены в российском законодательстве. И хотя данный аспект не является принципиальным, однако в России не облагаются акцизом и напитки на основе соков, а также ароматизированная вода. На наш взгляд, такие напитки целесообразно облагать налогом в РФ.

Кроме того, в Ирландии облагаются налогом концентрированные напитки, подслащенные сахаром, представляющие собой твердые или жидкие вещества, которые требуют подготовки для получения готовых к употреблению напитков. Их приготовление включает добавление одного или нескольких из компонентов к концентрированному веществу в соответствии с инструкциями производителя – воды, льда, углекислого газа. Концентрированные продукты подлежат обложению в соответствии с теми же критериями, что и готовые к употреблению напитки. Отметим, что в ряде стран ставки по концентратам и готовым к употреблению напиткам различаются.

В России концентрированные напитки не подлежат налогообложению. При этом соответствующие напитки, изготовленные и упакованные организациями и ИП, оказывающи-

¹ До 1 января 2019 г. протеиновые напитки с растительным белком и напитки, содержащие молочные жиры, были специально исключены из сферы применения налога на напитки, подслащенные сахаром. С 1 января 2019 г. эти напитки по-прежнему не облагаются налогом, если они соответствуют минимальному порогу содержания кальция (119 мг на 100 мл).

ми услуги в сфере общественного питания, не облагаются акцизом.

В Ирландии также установлены специфические ставки в зависимости от содержания сахара в напитке: 16,26 евро/гл (~1 718,46 руб.) на напитки с общим содержанием сахара 5 г и более, но менее 8 г на 100 мл; 24,39 евро/гл (~2 577,69 руб.) на напитки с общим содержанием сахара 8 г и более на 100 мл.

В Бельгии уплачивается акциз на безалкогольные напитки с добавлением подсластителей, ставка акциза составляет 0,068 евро/л (~7,19 руб.), акциз на жидкие концентраты составляет 0,41 евро/л (~43,33 руб.) и порошкообразные концентраты – 0,68 евро/100 кг (~71,87 руб.). Соответственно, ставки в этой стране различаются по готовым к употреблению напиткам и концентратам, при этом ставка акциза не зависит от уровня содержания сахара в напитке.

Во Франции акцизом облагаются напитки, содержащие сахар или искусственные подсластители. Максимальная ставка в 20 евро/гл (~2113,73 руб.) действует, если содержание сахара превышает 11 г на 100 мл напитка. При введении налога в 2012 г. была установлена фиксированная ставка 0,07 евро/гл (~7,4 руб.) независимо от содержания сахара. Опыт Франции интересен в первую очередь тем, что законодательство в стране было изменено в сторону учета содержания уровня сахара в напитке при обложении сахаросодержащих напитков. Также важно, что здесь облагаются налогом напитки, содержащие искусственные подсластители, чего нет в России. Кроме того, при введении налога ставка примерно соответствовала уровню, установленному в России, а сейчас превышает ее почти в три раза.

В Латвии акциз применяется в отношении напитков с добавлением сахара, подсластителей или других ароматизаторов (как мы уже говорили выше, в России напитки с искусственными подсластителями и ароматизаторами ставками не облагаются). Ставка акциза в этой стране составляет 0,074 евро/л (~7,82

руб.), что соответствует уровню налогообложения в России, где ставка равна 7 руб./л.

Отметим, что в Польше и Венгрии налоги установлены на напитки, содержащие не только подсластители, но и кофеин, таурин, L-аргинин. Так, в Польше предусмотрены следующие ставки – 0,50 польского злотого (~11 руб.) за напитки с содержанием сахара, равным или менее 5 г на 100 мл напитка, или за содержание хотя бы одного подсластителя в любом количестве, и 0,05 злотого (~1 руб.) дополнительно за каждый 1 г сахара, превышающий порог в 5 г на 100 мл напитка. Дополнительно 0,10 злотого (~2 руб.) взимается за 1 л по напиткам с добавлением таурина или кофеина (например, энергетическим напиткам). Однако максимальная сумма налога на сахар не может превышать 1,20 злотого (~26 руб.) за 1 л напитка. Отметим, что за напитки с повышенным содержанием сахара (более 5 г на 100 мл) в стране установлена пониженная ставка, если они содержат фрукты, овощи или фруктово-овощные соки с содержанием не менее 20% от состава сырья, или если они представляют собой углеводно-электролитные растворы (например, изотонические напитки). Таким образом, в Польше облагаются налогом все напитки, в которых содержится хотя бы минимальное количество подсластителей, при этом по напиткам, содержащим кофеин или таурин, установлена повышенная ставка. Пониженная ставка установлена по фруктово-овощным напиткам.

Рассмотрим ряд исследований, которые касаются опыта введения налога на сахаросодержащие напитки в Европе. Так, в работе голландских ученых С.К. Джойосоепарто и др. [6], посвященной решению вопроса о целесообразности введения налога на сахаросодержащие напитки в Нидерландах, были приведены также результаты введения налога на сахаросодержащие напитки в Великобритании, Франции и Норвегии. В частности, исследователи ссылаются на данные Голландского национального института общественного здравоохранения и окружающей среды: в соответствии с ними в результате введения налога на

сахаросодержащие напитки в этих странах были выявлены сокращение закупок сахаросодержащих подкацизных напитков и увеличение закупок здоровых альтернатив. При этом указывается, что по Великобритании имеются данные о том, что налог способен побудить производителей снизить уровень сахара в безалкогольных напитках. Подтверждение этому мы также приводим в статье выше при описании опыта Великобритании.

Вместе с тем сами Нидерланды не вводят налог, а заключают соглашения с производителями о снижении ими сахара в напитках. И, одновременно, указанные исследователи акцентируют внимание на существующем в научных кругах мнении, что налог на сахаросодержащие напитки должен быть частью общей политики и, в частности, сопровождаться субсидиями на фрукты и овощи или быть расширенным до всех калорийных подсластителей [6].

Исследователи мнений о налоге на безалкогольные напитки в Польше отмечают, что особенность местного налога заключается в том, что, помимо сахаросодержащих напитков, облагаются налогом также напитки, содержащие подсластители (например, ксилит, сорбит или аспартам), и напитки с добавлением таурина и/или кофеина [8]. Официальными обоснованиями этого решения являются предотвращение увеличения потребления энергетических напитков среди подростков и сдерживание тенденции к закреплению вредных привычек в питании.

Без сомнения, подобная система ставок значительно усложняет администрирование и не может быть рекомендована нами для имплементации в России. Вместе с тем польский опыт интересен с точки зрения обложения так называемых «легких» и «нулевых» по калорийности, а также энергетических напитков. Что касается последних, то в России они облагаются акцизом на сахаросодержащие напитки, но не по повышенной ставке.

Авторы работы [8] акцентируют внимание на том, что введение налога не сопровожда-

ется дополнительными решениями, связанными с маркировкой упаковки, которые могли бы повысить осведомленность потребителей о добавленном содержании сахара в продукте.

Остановимся и на исследовании К. Лаубер и др. [9], также посвященном налоговой политике в части обложения налогом сахаросодержащих напитков в ЕС. Оно показало следующее: 10 стран Европейского региона облагают налогом такие напитки, однако, например, Словения и Эстония отказались от планов введения подобного налога, а Норвегия его отменила. Самым распространенным налогом в регионе является акциз, который взимается с производителей. Заявленная цель для введения налога чаще всего обозначается как мера общественного здравоохранения, но мотивация в виде получения дохода в бюджет также имеет место. Схемы налогообложения необязательно являются неизменными на протяжении нескольких лет — некоторые страны, такие как Франция и Португалия, продолжают вносить изменения в соответствующее налоговое законодательство. Общественную поддержку налогу обеспечивает использование поступлений на цели здравоохранения.

Противниками данного налога являются коммерческие субъекты, участвующие в производстве и продаже сахаросодержащих газированных напитков. Экономический аргумент против введения налога заключается в возможном влиянии на экономику и занятость, а также на деятельность предприятий малого бизнеса. Там, где налоги на сахаросодержащие напитки в основном рассматривались как бюджетная, а не медико-санитарная мера при разработке политики (например, во Франции и Бельгии), коммерческие субъекты выступали против них на этом основании, утверждая, что законы недостаточно разработаны и, следовательно, не подходят для защиты общественного здоровья [7].

В Азии, Африке, на Ближнем Востоке многие страны также применяют налоги на слад-

кие напитки, при этом ставки устанавливаются здесь не только специфические, но и преимущественно адвалорные. Индия облагает налогом на товары и услуги (GST) в размере 28% газированные напитки и лимонады (в дополнение к GST по ставке 12% по всем упакованным напиткам).

ЮАР стала первой африканской страной, которая ввела соответствующее налогообложение в 2018 г. В этой стране налогом на укрепление здоровья (*Health Promotion Levy*) по ставке 0,021 южноафриканского рэнда за 1 г сахара (-0,1 руб.) облагают сладкие напитки и концентраты (напитки с содержанием сахара менее 4 г на 100 мл налогом не облагаются). Если количество сахара не указывается, то налог по умолчанию взимается из расчета 20 г сахара на 100 мл. Покупки облагаемых налогом напитков с 2014 г. (до введения обложения) по 2019 г. сократились примерно на 29% [14]. С момента объявления о введении обложения налогом сахаросодержащих напитков и в течение первого года после его введения потребление сахара во всех напитках снизилось примерно на 5 г на душу населения в день. Преимущественно это снижение произошло из-за того, что потребители выбрали другие напитки или сократили объем приобретаемых сладких напитков [2].

Объединенные Арабские Эмираты облагают 50%-ным акцизом подслащенные напитки и 100%-ным акцизом энергетические напитки. В Катаре, Бахрейне, Саудовской Аравии также действуют акцизы на данные виды напитков. В Катаре и Бахрейне существуют 50%-ный акциз на газированные безалкогольные напитки (за исключением газированной воды без вкусовых добавок), 100%-ный акциз на концентраты, 100%-ный акциз на энергетические напитки. В Саудовской Аравии установлены 50%-ный акциз на подслащенные безалкогольные напитки и 100%-ный акциз на энергетические напитки (отметим, что с 2017 до 2019 гг. 50%-ный акциз был установлен в стране только на газированные напитки). Соответственно, в ряде указанных стран повы-

шенная ставка налога устанавливается по энергетическим напиткам, облагаются налогом концентраты и напитки со вкусовыми добавками. Все эти аспекты в России не учитываются при налогообложении сахаросодержащих напитков.

Опыт Филиппин интересен тем, что в стране не облагаются налогом напитки со стевией, кокосовым сахаром. При этом установлена повышенная ставка для напитков, в которых используется подсластитель HFCS (кукурузный сироп с высоким содержанием фруктозы). Налоги на сладкие напитки также применяются в Марокко, Гане, Нигерии, Омане, Таиланде, Малайзии, Брунее, на Мальдивах, Сейшелах, Маврикий [17]. Вместе с тем Израиль, сначала введший акциз на сладкие напитки в 2022 г., в 2023 г. отменил его.

В Мексике, Карибском бассейне, Центральной и Южной Америке также применяются налоги на сладкие напитки. В Мексике действует специфическая ставка акциза 1 песо/л (-5 руб.), которой облагаются все напитки с добавлением сахара, за определенным исключением. Мексика, страна с одним из самых высоких уровней потребления сладких напитков в мире до введения налога, ввела налогообложение сахаросодержащих напитков еще в 2014 г., и ставка до сих пор осталась прежней. Введение обложения налогом сахаросодержащих напитков привело к сокращению закупок облагаемых налогом напитков и увеличению закупок бутилированной воды без изменения общей занятости [3–6].

В Чили действуют адвалорные ставки акциза, применяются ставки 10 и 18% в случае содержания сахара <6,25 г/100 мл и >6,25 г/100 мл соответственно. В Эквадоре одновременно применяются специфическая и адвалорная ставки – адвалорная ставка в размере 10% по безалкогольным напиткам с содержанием сахара <25 г/л, а также по энергетическим напиткам независимо от содержания сахара; если же по напиткам содержание сахара >25 г/л, то применяется специфическая ставка -0,2 руб. за 1 г сахара.

В Перу и Колумбии установлены дифференцированные ставки акциза. В Перу ставка акциза установлена в размере 12% на напитки с содержанием сахара менее 0,5 г/100 мл, 17% – с содержанием сахара 0,5–6 г/100 мл и 25% на напитки, содержащие >6 г сахара на 100 мл.

В США налогообложение сахаросодержащих напитков введено в отдельных городах некоторых штатов. Так, например, в штате Калифорния в городах Беркли, Олбани, Окленде, Сан-Франциско облагаются сахаросодержащие напитки в размере 1 цент (~1 руб.) за унцию, в Сан-Франциско – напитки с добавлением сахара с учетом их калорийности (напитки калорийностью более 25 ккал на 12 унций), облагаются также концентраты жидкие и порошковые, а освобождают от налога 100%-ный сок, искусственно подслащенные напитки, детские смеси, молочные продукты, медицинские и алкогольные напитки. В Сиэтле (штат Вашингтон) ставка выше – 1,75 цента (~1,75 руб.) за унцию. Интересно, что в Навахо-Нейшен в 2015 г. был введен налог на нездоровую пищу в размере 2% на «продукты питания с минимальной или нулевой пищевой ценностью», который взимается в том числе и по напиткам, подслащенным сахаром. Отметим, что 2021-й был годом повышения интереса в США к обложению налогом сахаросодержащих напитков: сразу четыре штата рассматривали возможность обложения сахаросодержащих напитков – Коннектикут, Гавайи, Нью-Йорк и Вашингтон [16]. По данным на сентябрь 2023 г., сахаросодержащие напитки облагаются налогом, помимо указанных выше регионов, в Боулдере (штат Колорадо) и в Филадельфии (штат Пенсильвания). Таким образом, можно сказать, что существовавшие инициативы не были реализованы в стране в виде законодательства.

Приведем данные двух исследований по США – первых, в которых, по общему мнению, было всесторонне оценено долгосрочное влияние налогообложения на все типы

магазинов и на все продаваемые напитки и сладости [13].

В первом исследовании авторы рассмотрели экономические последствия введения налога, и анализ показал, что через два года после его введения цены на облагаемые налогом напитки выросли на 1,04 цента (~1 руб.) за унцию, что соответствует 59%-ной налоговой ставке, объем продаж облагаемых налогом напитков снизился при этом на 22%, трансграничные покупки не изменились [11]. Второе исследование было сосредоточено на влиянии налога на объем сахара в напитках, продаваемых через два года после введения налога. Здесь исследователи обнаружили, что через год и два года после введения налога количество граммов сахара в продаваемых и облагаемых налогом напитках сократилось на 23%. И хотя анализ показал некоторое замещение – увеличение на 4% объема сахара в продаваемых сладостях в оба года и первоначальное увеличение количества граммов сахара в не облагаемых налогом напитках, продаваемых только в первый год, – по прошествии двух лет количество граммов сахара в облагаемых налогом напитках сократилось на 19% [6].

Обложение налогом сахаросодержащих напитков введено в провинциях Канады – Британской Колумбии, Ньюфаундленде и Лабрадоре. Отметим, что в этой стране облагаются налогом напитки, содержащие не только сахар, но и подсластители – как искусственные, так и натуральные.

Более десяти тихоокеанских островных государств облагают налогом сахаросодержащие напитки. Например, на Самоа обложение соответствующих напитков было введено еще в 1984 г. и установлена ставка акциза 0,525 самоанского тала за 1 л (~20 руб.) на подслащенные безалкогольные напитки и ароматизированную воду.

Из сказанного выше можно сделать ряд выводов об особенностях налогообложения сахаросодержащих напитков в мире:

1. На сегодняшний день уже довольно много стран, порядка 60, взимают налоги на сладкие напитки. И число таких стран за последние годы выросло. Справедливости ради отметим, что есть и страны, которые ранее применяли налогообложение сахаросодержащих напитков, но впоследствии отменили его.

2. Преимущественно страны облагают сладкие напитки акцизами. При этом вместо акцизов могут применяться повышенная ставка НДС или налог с продаж, а также специальные налоги – например, в Великобритании существует налог на производство безалкогольных напитков.

3. Ставки акцизов в большинстве случаев являются специфическими, но применяются и адвалорные ставки. Есть несколько стран, где применяются и та и другая. В России применяется специфическая ставка.

4. Специфические ставки могут устанавливать страны с учетом содержания сахара в напитке на 1 мл, 100 мл. Однако это не является важным различием – по сути используется один подход с небольшим изменением. Так, в России ставка установлена с учетом содержания сахара в напитке на 100 мл.

5. В большинстве случаев существует необлагаемый уровень содержания сахара в напитках, в том числе и уровень в 5 г/100 мл, что соответствует российскому уровню.

6. Ряд стран применяют сразу несколько ставок в зависимости от содержания сахара в напитках, и чем выше содержание сахара, тем выше ставка налога. Применение сразу нескольких ставок должно стимулировать производителей производить напитки с меньшим содержанием сахара, что и произошло, например, в Великобритании. Вместе с тем очевидно, что данный подход усложняет администрирование, – в России он не применяется.

7. В первую очередь облагаются налогом напитки, подслащенные сахаром. Однако в ряде стран облагаются им и напитки с иными, включая искусственные, подсластителями. Подобный аспект не затрагивается в россий-

ском законодательстве, но, на наш взгляд, с учетом складывающейся практики (добавление иных, нежели сахар, ингредиентов, дающих эффект сладости, включая модуляторы вкуса, для сохранения привычного вкуса при меньшем содержании сахара), его следует учитывать.

8. В ряде стран прямо указывается на обложение налогом ароматизированных напитков, включая ароматизированную воду. Этот аспект не учитывается в российском законодательстве, хотя, на наш взгляд, он требует внимания.

9. облагаются налогом не только сами напитки, но и концентраты в жидком и твердом виде. Это дает возможность облагать налогом непосредственно производство, а не точки общественного питания, где из концентратов делают сладкие напитки, что упрощает администрирование. В России же концентраты не подлежат налогообложению, так же как не облагаются и сахаросодержащие напитки, изготовленные в рамках общественного питания. На наш взгляд, этот аспект зарубежного опыта также требует к себе внимания.

10. В ряде стран облагаются налогом энергетические напитки, при этом по ним могут быть установлены значительно более высокие ставки. В России энергетические напитки облагаются налогом, но по стандартной ставке. По нашему мнению, целесообразно рассмотреть вопрос о повышении в РФ ставки по энергетическим напиткам.

11. Налог на сахаросодержащие напитки может быть частью системы мер государства, применяемых в целях здравоохранения – например, могут быть предусмотрены субсидии на покупку фруктов и овощей. При этом возможно целевое использование полученных доходов бюджета, что характеризует данный налог как нацеленный именно на решение задач здравоохранения, а не на пополнение бюджета, от чего может зависеть наличие или отсутствие его поддержки со стороны населения. На наш взгляд, предоставление в России субсидий на покупку фруктов и овощей

нецелесообразно. Что касается целевого использования полученных доходов бюджета, то в России предусмотрено использование полученных доходов на борьбу с сахарным диабетом².

Таким образом, основываясь на зарубежном опыте, акцентируем внимание на следующих аспектах, которые целесообразно учесть в России в отношении исследуемой темы.

Облагать акцизом целесообразно не только сахаросодержащие напитки, но и напитки, содержащие различные искусственные подсластители, модуляторы вкуса (которые дают возможность избегать обложения акцизами и являются вредными в первую очередь для детей и подростков – основных потребителей сахаросодержащих напитков), а также ароматизаторы. В данном случае может быть применен подход, используемый в рамках меж-

дународного опыта: соответствующие напитки подпадают под налогообложение вне зависимости от содержания сахара в напитке.

Также целесообразно в будущем облагать акцизом фруктово-ягодные соки, нектары, морсы, за исключением 100%-ных соков. Далее, следует рассмотреть вопрос об обложении налогом концентратов и для упрощения администрирования установить такую же ставку, как и по готовым к употреблению сахаросодержащим напиткам. Для определения того, подпадают ли концентраты под акцизное налогообложение, следует исходить из технологии изготовления готовых к употреблению напитков из концентратов, которая предлагается производителем концентратов. Кроме того, целесообразно рассмотреть вопрос о повышении ставки акциза по энергетическим напиткам. ■

Литература / References

1. Корниенко Н.Ю., Минина Е.Е., Аслаповская Л.А. Обложение сахаросодержащих безалкогольных напитков в мире и России // *Финансы*. 2022. № 1. С. 20–25. / Kornienko N.Yu., Minina E.E., Aslapovskaya L.A. Taxation of sugar-containing soft drinks in the world and Russia // *Finances*. 2022. No. 1. Pp. 20–25.
2. Bercholz M., Ng S.W., Stacey N., Swart E.C. Decomposing consumer and producer effects on sugar from beverage purchases after a sugar-based tax on beverages in South Africa // *Econ. and Hum. Biol.* Aug. 2022. 46.
3. Colchero M.A., Guerrero-Lopez C.M., Molina M., Rivera J.A. Beverages sales in Mexico before and after implementation of a sugar sweetened beverage tax // *PLOS One*. 2016. 11 (9).
4. Colchero M.A., Molina M., Guerrero-Lopez C.M. After Mexico Implemented a Tax, Purchases of Sugar-Sweetened Beverages Decreased and Water Increased: Difference by Place of Residence, Household Composition, and Income Level // *Journal of Nutrition*. 2017. 147 (8). Pp. 1552–1557.
5. Colchero M.A., Popkin B.M., Rivera J.A., Ng S.W. Beverage purchases from stores in Mexico under the excise tax on sugar sweetened beverages: Observational study // *BMJ*. Jan. 2016. 352:h6704.
6. Djojoseparto S.K., Eykelenboom M., Poelman M.P. et al. PEN Consortium. Stakeholder views on the potential impact of a sugar-sweetened beverages tax on the budgets, dietary intake, and health of lower and higher socioeconomic groups in the Netherlands // *Arch. of Public Health*. Nov. 2020. 78 (1). 125.
7. Guerrero-Lopez C.M., Molina M., Colchero M.A. Employment changes associated with the introduction of taxes on sugar-sweetened beverages and nonessential energy-dense food in Mexico // *Prev. Med.* Sept. 2017. 105. Pp. 43–49.
8. Hageaars L.L., Jeurissen P.P.T., Klazinga N.S. The taxation of unhealthy energy-dense foods (EDFs) and sugar-sweetened beverages (SSBs): An overview of patterns observed in the policy content and policy context of 13 case studies // *Health Policy*. Aug. 2017. 121 (8). Pp. 887–894.
9. Lauber K., Rippin H., Wickramasinghe K., Gilmore A.B. Corporate political activity in the context of sugar-sweetened beverage tax policy in the WHO European Region // *European Journal of Public Health*. Sept. 2022. 32 (5). Pp. 786–793.

² Согласно документу «Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов», полученные средства должны быть направлены на финансирование мероприятий федерального проекта «Борьба с сахарным диабетом».

10. Pell D., Mytton O., Penney T.L. et al. Changes in soft drinks purchased by British households associated with the UK soft drinks industry levy: Controlled interrupted time series analysis // *BMJ*. March 2021. 10. 372:n254.
11. Powell L.M., Leider J. Impact of a sugar-sweetened beverage tax two-year post-tax implementation in Seattle, Washington, United States // *Journal of Public Health Policy*. Dec. 2021. 42 (4). Pp. 574–588. URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/34732842/>
12. Public Health England. Sugar reduction: Report on progress between 2015 and 2019. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/984282/Sugar_reduction_progress_report_on_progress_between_2015_and_2019/
13. Research reveals new evidence that sugary beverage tax impacts are sustainable, effective // *UIC Today*. URL: <https://today.uic.edu/research-reveals-new-evidence-that-sugary-beverage-tax-impacts-are-sustainable-effective/>
14. Stacey N., Edoka I., Hofman K., Swart E.C., Popkin B., Ng S.W. Changes in beverage purchases following the announcement and implementation of South Africa's Health Promotion Levy: An observational study // *Lancet Plan Health*. April 2021. 5 (4).
15. Sugar Sweetened Drinks Tax (SSDT). Irish tax and customs. URL: <https://www.revenue.ie/en/companies-and-charities/excise-and-licences/sugar-sweetened-drinks-tax/taxable-sugar-sweetened-drinks.aspx>
16. Sugar taxes back on the menu / Tax foundation. URL: <https://taxfoundation.org/sugar-taxes/>
17. Sugary drink taxes around the world // GLOBAL FOOD RESEARCH PROGRAM at UNC – CHAPEL HILL. URL: https://www.globalfoodresearchprogram.org/wp-content/uploads/2023/03/GFRP-UNC_Tax_maps_combined_2023_09.pdf
18. Taxing sugary drinks: A fiscal policy to improve public health // GLOBAL FOOD RESEARCH PROGRAM at UNC – CHAPEL HILL. URL: https://www.globalfoodresearchprogram.org/wp-content/uploads/2022/11/GFRP_FactSheet_SugaryDrinkTaxes_2022_11.pdf

International Experience in Taxation of Sugar-Sweetened Beverages

Elena Ye. Chernyakova – Acting Head and Senior Researcher of Department for Tax System Development of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). E-mail: Chernyakova-ee@ranepa.ru

Anna F. Bogatyreva – Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). E-mail: bogatyreva-af@ranepa.ru

Ekaterina A. Yastrebova – Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). E-mail: yastrebova-ea@ranepa.ru

From July 1, 2023, an excise tax on sugar-sweetened beverages began to apply in Russia. Sugar-containing drinks are subject to taxation, which means drinks packaged in consumer packaging, made using drinking or mineral water, the components of which include sugar (glucose, fructose, sucrose, dextrose, maltose, lactose), and (or) syrup with sugar, and (or) honey and the amount of carbohydrates in the nutritional value of which is more than 5 grams per 100 ml of drink. It's still too early to discuss the first results of including sugary drinks in excisable goods in Russia. To tax sugar-sweetened beverages is not a new concept in the world. It has already gained some international experience.

The article explores the global experience of taxing sugary beverages and presents research findings that demonstrate the beneficial effects of the implementation of appropriate taxation. Aspects of foreign experience that are not currently reflected in Russian law are noted and should be considered when drafting changes to the country's current legal framework.

Key words: excise tax, sugar-sweetened drinks, international experience, taxes on sweet drinks.

JEL-codes: H20, H25, K34.

Социальная сфера

ПРОБЛЕМЫ ВОВЛЕЧЕНИЯ ЧАСТНОГО СЕКТОРА В СИСТЕМУ ДОЛГОВРЕМЕННОГО УХОДА ЗА ГРАЖДАНАМИ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА И ИНВАЛИДАМИ В РОССИИ В СРАВНЕНИИ С ЗАРУБЕЖНЫМИ СТРАНАМИ

М. Г. ГИРИЧ
Т. А. ИЛЮШНИКОВА
С. О. СОРОКИН
А. Д. ЛЕВАШЕНКО
И. С. ЕРМОХИН

С 2018 г. в России запущена система долговременного ухода, основная задача которой – оказание пожилым лицам и инвалидам, нуждающимся в уходе, социальных, медицинских и реабилитационных (абилитационных) услуг, чтобы такие лица имели возможность осуществлять самообслуживание, самостоятельно передвигаться, обеспечивать свои основные жизненные потребности. Планируется, что до конца 2023 г. система долговременного ухода будет запущена во всех регионах России.

В статье анализируются основные проблемы финансирования системы, включая низкие тарифы на социальные услуги, которые, с одной стороны, должны быть доступны для граждан, с другой – являются невыгодными и не позволяют вовлекать в систему долговременного ухода частных поставщиков. Кроме того, рассматриваются проблемы привлечения частных инвестиций в инфраструктуру долговременного ухода в России, а также примеры зарубежного опыта для решения таких проблем.

Ключевые слова: система долговременного ухода, ОЭСР, поставщики социальных услуг, социальные услуги, лица старше трудоспособного возраста, инвалиды.

JEL: H53, I38.

Введение

В России в 2018 г. началась реализация системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами, нуждающимися в постороннем уходе, в рамках федерального проекта «Старшее поколение» национального проекта «Демография». К 2023 г. количество субъектов РФ, участвующих в проекте по внедрению системы долговременного ухода (далее – СДУ), увеличилось до 34¹. СДУ предназначена для поддержки здоровья лиц старше трудоспособного возраста и инвалидов, которые в связи с нарушением психиче-

ских и физических функций (ограничение мобильности, снижение когнитивных способностей и активности, проблемы со слухом и зрением, недоедание, утрата социальных связей, депрессии и одиночество) полностью или частично утратили способность к самообслуживанию, обеспечению основных жизненных потребностей.

В России только начала развиваться система долгосрочного ухода, что ставит множество задач с точки зрения финансирования системы (в том числе обновления инфраструктуры для оказания услуг), вовлечения частного

Гирич Мария Георгиевна, научный сотрудник Российского центра компетенций и анализа стандартов ОЭСР при РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (Москва), e-mail: girichmari@mail.ru; Илюшникова Татьяна Александровна, заместитель министра экономического развития Российской Федерации (Москва), e-mail: mineconom@economy.gov.ru; Сорокин Святослав Олегович, директор Департамента развития социальной сферы и сектора некоммерческих организаций Минэкономразвития России (Москва), e-mail: mineconom@economy.gov.ru; Левашенко Антонина Давидовна, старший научный сотрудник Института международной экономики и финансов ВАВТ Минэкономразвития России (Москва), e-mail: antonina.lev@gmail.com; Ермохин Иван Сергеевич, аналитик Института международной экономики и финансов ВАВТ Минэкономразвития России (Москва), e-mail: i.ermokhin@gmail.com

¹ Приказ Минтруда России от 15.12.2022 г. № 781 «О реализации в отдельных субъектах Российской Федерации в 2023 году Типовой модели системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами, нуждающимися в уходе».

сектора в инфраструктуру, определения минимального набора услуг СДУ, а также тарифов на такие услуги и пр. В данной статье будут отражены перечисленные проблемы в РФ с применением анализа международного опыта.

Проблема развития СДУ актуальна не только в России, но и за рубежом, так как наблюдается общемировая тенденция старения населения, которая ведет к росту количества нуждающихся в уходе. Так, по прогнозам ВОЗ, в период с 2015 по 2050 гг. доля населения в мире старше 60 лет почти удвоится — с 12 до 22%². Кроме того, прогнозируется повышение ожидаемой продолжительности жизни [3]. Это вызывает рост расходов на социальные и медицинские услуги. В России, по прогнозам Финансового университета при Правительстве РФ и Ассоциации СДУ, к 2035 г. численность получателей социальных услуг составит 3,4 млн человек, а рост расходов непосредственно на оказание услуг увеличится в три раза³.

Страны ОЭСР уже производят траты в размере до 1,5% ВВП на долговременный уход (включая здравоохранение и социальные услуги), при этом больше всего тратят Нидерланды (4,1%), Норвегия (3,7%), Дания (3,6%) и Швеция (3,4%). Развитие системы СДУ может быть эффективно не только с точки зрения общественного здоровья, но и для сокращения расходов на медицинское обслуживание стареющего населения. Подсчитано, что внедрение пилотного проекта по страхованию в рамках СДУ в Шанхае сократило общие расходы на здравоохранение на 8,6 юаня на каждый 1 юань, потраченный на СДУ [6].

Таким образом, СДУ является важной частью поддержки стареющего населения, которое с возрастом нуждается не только в медицинской помощи, но и в помощи осуществлять ежедневные дела — например, готовить пищу, стирать одежду, убирать квартиру, соблюдать личную гигиену, выполнять рекомен-

дации врача и пр. При этом родственник уход для поддержания нуждающегося может быть невыгоден для семьи: неоплачиваемый труд родственников и расходы домохозяйств при уходе за гражданами пожилого возраста и инвалидами, в том числе с различными видами деменции, составляют около 1,3 трлн руб. [1].

В первой части статьи рассмотрим проблему отказа от участия частных поставщиков в СДУ из-за низких тарифов на социальные услуги. Вторая часть посвящена рассмотрению возможностей использования инструмента государственно-частного партнерства для привлечения частного финансирования в инфраструктуру долговременного ухода (например, в строительство стационаров для пожилых людей).

Низкие тарифы на социальные услуги как проблема вовлечения частных поставщиков услуг в СДУ

В России количество негосударственных поставщиков услуг в социальной сфере невелико — так, например, в Москве из 194 поставщиков таких услуг только 76 частные (39%), в Мордовии — 19 частных поставщиков из 59 (32%), во Владимирской области — 17 из 68 (25%), в Камчатском крае — 7 из 29 (24%), в Калужской области — 6 из 34 (17,5%), в Костромской области — 4 из 52 (7,5%), в Ставропольском крае из 73 поставщиков нет ни одного частного поставщика (данные на основе реестров поставщиков социальных услуг регионов). То есть на начало 2023 г. среди поставщиков социальных услуг частные поставщики составляли менее 30–35%. Стационарные услуги чаще всего оказывают государственные поставщики: по данным Ассоциации СДУ, более 90% организаций, предоставляющих социальные услуги в стационарной форме, являются государственными учреждениями, что и формирует проблему отсутствия частных инвестиций в секторе⁴.

² URL: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/ageing-and-health>

³ URL: https://ltc-rus.org/sdu_russia

⁴ Там же.

Большинство зарубежных стран отдают приоритет в оказании социальных услуг частным поставщикам. Например, в Германии законодательно установлен приоритет заключения соглашений с частными поставщиками и некоммерческими организациями, если стоит выбор между ними и государственными поставщиками (§ 72 книги XI Кодекса социального страхования (далее – SGB)). Поэтому в Германии 65% поставщиков домашних услуг и 42% поставщиков стационарных услуг – частные коммерческие организации [5]. В Израиле, Швеции и Японии установлено право нуждающегося выбрать любого поставщика, который участвует в системе СДУ, а также установлен принцип равного участия в конкурсе на закупку услуг всех поставщиков. Так, в Японии доля коммерческих поставщиков увеличилась с 30% в 2000 г. до 63% в 2012 г.⁵ В 2017 г. во Франции насчитывалось 6992 дома престарелых, из которых 42% были государственными, 32% – частными некоммерческими и 26% – частными коммерческими.

Приоритет частных поставщиков перед государственными – важный принцип привлечения частных поставщиков на рынок услуг. В соответствии со ст. 16 Федерального закона от 28.12.2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан» в индивидуальную программу услуг, где указаны форма социального обслуживания, виды, объем, периодичность, условия, сроки предоставления социальных услуг, входит перечень рекомендуемых поставщиков социальных услуг. По опросу экспертов, проведенному ВАВТ Минэкономразвития России в 2022 г., на практике перечень рекомендуемых поставщиков социальных услуг может ограничивать доступ к частным поставщикам, так как могут предлагаться только услуги государственных поставщиков.

Кроме того, наблюдается проблема отказа от участия в СДУ частных поставщиков из-за низких тарифов на социальные услуги, уста-

навливаемых на региональном уровне. В России при установлении тарифов на социальные услуги на региональном уровне сначала рассчитываются подушевые нормативы финансирования на одну социальную услугу, которые представляют собой объем финансовых средств, рассчитанный с учетом затрат на оказание социальных услуг. Такие нормативы формируются региональными органами власти либо на основе собственных расчетов с использованием федеральной методики расчета подушевого норматива финансирования (по Постановлению Правительства РФ от 1 декабря 2014 г. № 1285⁶), либо с использованием собственной методики расчета себестоимости услуг, либо на основе расчетов поставщиков социальных услуг, включенных в реестр поставщиков социальных услуг, которые направляют экономически обоснованные предложения.

В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 1 декабря 2014 г. № 1285 подушевой норматив финансирования одной социальной услуги рассчитывается путем сложения прямых расходов (на оплату труда персонала, расходные материалы на непосредственное оказание услуги получателю и пр.) и косвенных расходов (на оплату труда управленческого персонала, общехозяйственных расходов, необходимых для обеспечения собственных нужд поставщика услуг). Исходя из норматива формируются стоимость социальных услуг с учетом формы их оказания (стационарная, полустационарная, социального обслуживания на дому), категория получателей (инвалиды, пенсионеры, одинокие граждане и пр.), массовость и ресурсоемкость оказания услуги (например, с трудоемкостью свыше 0,5 часа, свыше 1 часа и пр.).

Однако Постановление не содержит рекомендаций по включению в тариф инвестиционных расходов (на расширение деятельности поставщика, инвестиции в новые объекты для оказания социальных услуг), расходов,

⁵ URL: <https://globaldialogue.isa-sociology.org/articles/long-term-care-sweden-and-japan-compared>

⁶ Постановление Правительства РФ от 1 декабря 2014 г. № 1285 «О расчете подушевых нормативов финансирования социальных услуг».

связанных с нуждами поставщиков на капитальный ремонт помещений, обновление оборудования, аренду зданий и пр. При этом для государственных бюджетных учреждений ежегодно выделяются средства на содержание такого учреждения (например, на аренду, капитальный ремонт, обновление оборудования), в то время как частные поставщики не получают подобного финансирования. То есть государственные поставщики дополнительно получают денежные средства на собственное содержание и развитие, тогда как частные поставщики должны извлекать эти средства из собственной прибыли, однако политика формирования тарифа на услуги, из которых складывается доход поставщика, не учитывает такие расходы. Поэтому невыгодный тариф является одной из причин отказа от участия в СДУ частных поставщиков. Так, согласно исследованию Сбербанка, средний региональный тариф на проживание и уход за одним нуждающимся составляет 18 000 руб. в месяц, однако эта плата не покрывает затраты на эксплуатацию здания, выплату кредита банку, не может быть использована для инвестиций. Тариф, позволяющий предложить достойный уход, составляет примерно 2000–8000 руб. в день⁷.

Хотя некоторые регионы, например Москва⁸, Тюменская область⁹, при расчете себестоимости социальных услуг учитывают затраты на капитальный ремонт помещений, на приобретение уникального и дорогостоящего оборудования. Таким образом, некоторые регионы в целом создают экономически обоснованный тариф, закладывая в него возможности капитального ремонта, замены устаревшего оборудования и пр.

Рассматривая зарубежный опыт, можно отметить, что в Швеции, Японии, Франции стоимость услуг по уходу формируется с учетом анализа рыночных цен, цен поставщиков

и ежегодно устанавливается муниципалитетами. При этом чаще всего инвестиционная составляющая также не включается в расходы, однако стоимость учитывает рост цен на более новые технологии, препараты, устройства для оказания услуг.

Например, в Японии в рамках Закона об СДУ установлена целая система определения и пересмотра тарифов. Изначально тарифы формируются с учетом анализа рынка, и каждые два года они пересматриваются. Прежде всего определяется глобальный коэффициент пересмотра – совокупный взвешенный по объему коэффициент пересмотра стоимости услуг и фармацевтических препаратов. Ставка коэффициента определяется на основе тенденций последних трех лет, и прогнозируется увеличение расходов в результате старения населения (расходы на душу населения увеличиваются по мере старения возрастной группы) и их повышение из-за перехода на более дорогие товары вследствие развития технологий (например, от компьютерной томографии к МРТ). Коэффициент отражает размер бюджета, который планируется потратить на СДУ, – максимальный годовой потолок. Далее цены на услуги пересматриваются постатейно по каждому их виду. В конце устанавливается общая ставка пересмотра платы за медицинские услуги. За год, предшествующий пересмотру, Министерство проводит обзор доходов и расходов поставщиков услуг. Если бы их прибыль увеличилась или была стабильной, возникло бы давление с целью снижения ставки. С другой стороны, если бы их прибыль снизилась или у них появился бы дефицит, возникло бы давление с целью повышения ставки.

В связи с этим при формировании тарифов в России важно проводить обзор рынка поставщиков услуг, а также их затрат, в том числе на переход к более новому оборудова-

⁷ URL: <https://sber.pro/publication/vozmozhnosti-ukhoda-kak-effektivno-ispolzovat-gchp-v-sotsialnoi-sfere>

⁸ Приказ Департамента труда и социальной защиты г. Москвы от 17.12.2014 г. № 1033 «Определение тарифов на социальные услуги по подушевому нормативу финансирования».

⁹ Распоряжение Департамента социального развития Тюменской области от 18 декабря 2018 г. № 61-р «Об утверждении Порядка утверждения тарифов на социальные услуги на основании подушевых нормативов финансирования социальных услуг».

нию, проведение ремонта и пр. В целом важно привлекать поставщиков к формированию тарифов. Например, в Южной Корее результаты пересмотра цен в обязательном порядке должны обсуждаться с поставщиками; в соответствии со ст. 46 Закона об СДУ тарифы формируются здесь министром здравоохранения с согласия специального Комитета по долгосрочному уходу, который состоит из представителей организации работников, организации работодателей, организации пожилых людей и поставщиков услуг. Комитет формирует стоимость услуг, учитывая расходы на заработную плату персонала (который оказывает услуги), амортизационные и некоторые другие расходы. Расходы, которые не связаны с оказанием услуг СДУ, не учитываются.

Некоторые страны напрямую устанавливая запрет на включение в тариф инвестиционной составляющей. Например, такой запрет установлен § 82 SGB, в соответствии с которым поставщики не могут включать в тариф расходы на капитальные затраты (строительство, приобретение, техническое обслуживание или ремонт зданий и других амортизируемых активов), плату аренды за землю, здания или другие активы и пр. Вместе с тем в Германии существует механизм возмещения подобных затрат — вводится субсидирование таких расходов со стороны государства. Учреждение социального обслуживания отдельно рассчитывает расходы и направляет заявку в компетентный орган региона для получения единовременной субсидии.

В целом в некоторых странах выработаны методики расчета тарифов. Так, в Германии услуги переводятся в баллы в зависимости от трудоемкости и сложности ухода. Некоторые услуги ограничены и могут оплачиваться до трех раз в день, еженедельно или два раза в год, а некоторые являются взаимоисключающими. Баллы переводятся в цену. Количество баллов за услугу и финансовая сумма за услугу различаются в разных землях и у разных поставщиков. Базовая стоимость услуги составляет около 5–6 евро за 100 баллов.

Например, в Баварии помощь в переодевании, уход за полостью рта и зубами или уход за протезами, помощь в расчесывании, уходе за кожей составляют 50 баллов; мытье тела полностью, стирка/заправка/смена белья — 100 баллов, поход за покупками, включая составление плана покупок и пр., — 150 баллов. При этом каждые 50 баллов стоят 2,86 евро, т.е. 100 баллов = 5,71 евро, 150 баллов = 8,57 евро и пр.

При этом в Германии кассы страхования СДУ, заключая договор с поставщиками услуг, определяют вид, объем и способы оплаты услуг, чтобы расходы на их услуги не превышали доход от взносов («принцип стабильности ставок взносов») (§ 70). Соглашения о размере вознаграждения, противоречащие принципу стабильных ставок взносов, недействительны.

Во Франции существует специальная методика формирования тарифов на стационарные услуги. Например, при финансировании домов престарелых — интернатов тариф состоит из трех частей: пакета медицинского обслуживания, пакета СДУ и платы за проживание. Стоит отметить, что до 2017 г. во Франции действовала система, при которой в конце каждого года, основываясь на результатах бюджета, органы власти либо возмещали любой профицит, либо покрывали дефицит организации. Таким образом, у учреждений не было стимула быть эффективными, а скорее тратить больше, чтобы обеспечить будущее финансирование.

На данный момент система финансирования в стране поменялась. Пакет услуг медицинской помощи рассчитывается для каждого учреждения с использованием синтетического показателя, называемого «взвешенной группой iso-care» (*Weighted Iso-care Group*), который соответствует средним потребностям в медицинской помощи и уровню нуждаемости людей, проживающих в учреждении. Потребности в уходе измеряются врачом — координатором учреждения с использованием классификации под названием *pathos*, которая идентифицирует 50 клинических состояний с 12 профилями ухода,

требуемыми для этих состояний, что составляет 238 пар «профилей состояния». Для каждого из этих профилей были определены восемь групп ресурсов (врач, психиатр, сестринское дело, реабилитация, психометрия, биология, визуализация и фармацевтика), которые определяют уровень необходимых ресурсов для оказания помощи. Для медицинских работников это соответствует, например, времени, необходимому для оказания услуг пациенту с соответствующим профилем состояния. Средний уровень ресурсов, необходимый для каждой из 238 пар, был определен специалистами (врачами-гериатрами) и представлен в баллах за статью расходов. Например, специалисты подсчитали, что для пары «сердечная недостаточность» с профилем «тщательное наблюдение» требуется 13 минут времени гериатра в день, 36 минут времени медсестры и т.д. Средний балл *pathos* (*Average Pathos Score*) представляет собой сумму баллов по уходу, требуемых в восьми группах ресурсов, взвешенных по коэффициенту, зависящему от группы ресурсов и выраженному в среднем на человека.

Пакет услуг по уходу также корректируется с учетом уровня нуждаемости, который рассчитывается по показателям нуждаемости СДУ, включая 10 переменных физической и умственной активности (ориентация, способность ходить в туалет, одеваться, есть, воздерживаться от еды, вставать с постели и ложиться и пр.) и 7 переменных домашней и социальной активности (приготовление пищи, домашние обязанности, пользование транспортом, покупки, управление финансами, прием лекарств, внешняя активность).

В итоге сумма пакета услуг для каждого учреждения представляет собой средневзвешенный балл, умноженный на базовую/индексную цену за балл, определенную на национальном уровне (*valeur du point*) Министерством здравоохранения. Существуют различные индексы цен для разных типов домов престарелых — например, с частичным бюджетом, где финансируются только расходы на

стационарную медицинскую бригаду, либо с глобальными бюджетами, где средства покрывают также расходы на амбулаторную помощь (на врачей общей практики, физиотерапевта, биолога и радиолога). Дома престарелых также могут иметь собственную аптеку; в этом случае финансирование покрывает расходы на лекарства.

Плата за пакет услуг СДУ (личный и социальный уход) в домах престарелых рассчитывается в соответствии с группами GMP (взвешенной группой *iso-care*) со средним баллом по группе. Для группы устанавливается балл СДУ, по которому определяется размер платы. Например, в 2017 г. стоимость пакета услуг для нуждающихся с низкой степенью зависимости от ухода составляла в среднем 5,5 евро в день, для лиц с умеренной степенью зависимости — 12,9 евро в день и 20,4 евро в день для лиц с высокой степенью зависимости.

Тарифы на оплату проживания устанавливаются свободно в зависимости от «стандарта услуг», предлагаемых учреждением (комфортность комнат, качество приготовления пищи и т.д.). Дома престарелых с выделенными местами для получения социальной/государственной помощи не могут запрашивать более высокую цену за проживание, чем та, которая установлена местными властями. Цены на места, которые не имеют права на государственную поддержку, устанавливаются свободно, но темпы роста ежегодно контролируются и регулируются центральным правительством — например, максимально допустимый темп роста цен на услуги составляет 0,46%.

Если рассматривать опыт надомной помощи, то во Франции чаще всего такие услуги оказывают самозанятые медсестры, которые работают не по найму, но получают оплату услуг от системы медицинского страхования. Цены на услуги устанавливаются в ходе переговоров с представителями самозанятых медсестер. Цены определены для нескольких типов базовых медицинских услуг с использованием общей номенклатуры профессиональных

услуг (*General Nomenclature of Professional Acts*). Первый тип — акты медицинского ухода (технические действия, касающиеся обработки ран, введения инъекций, всего 16 групп актов); стоимость варьируется от 3,15 евро за акт (действие) (например, простая инъекция) до 47,25 евро (например, сеанс инфузии продолжительностью более одного часа с непрерывным наблюдением для людей, больных раком). Второй тип — акты сестринского ухода — акты оказания помощи в ежедневных действиях (гигиена и надзор, всего 5 типов действий). Цены зависят от уровня потребности и требуемого времени — например, цена варьируется от 7,95 евро за получасовой сеанс ухода до 42,4 евро за постоянное наблюдение дома с 8 вечера до 8 утра. Существуют дополнительные выплаты за работу в ночное время и в выходные дни, пройденное расстояние, разовые действия и за координацию.

В настоящее время для этой системы проводится реформа — будет вводиться единая плата за день. Исходя из уровня зависимости человека будут устанавливаться три дневные цены: 13 евро в день при низкой зависимости, 18,2 евро в день при средней зависимости и 28,7 евро в день при высокой зависимости (на сегодня такая система введена для людей старше 90 лет).

Таким образом, можно сделать следующие выводы. В рассматриваемых странах при установлении стоимости услуги используется рыночный тариф. При этом в тариф не входит «инвестиционный» компонент, тем не менее рыночные цены чаще всего включают расходы на капитальный ремонт, строительство, обновление оборудования; вместе с тем, например, в Германии государство дополнительно компенсирует расходы, которые не связаны с оказанием услуг, а необходимы поставщику для развития собственной деятельности и покрытия собственных расходов. Кроме того, по опыту Франции можно сделать вывод, что тарифы на услуги в домах престарелых меняются в зависимости от того, участвует ли государство в финансировании учреждения.

Возникает вопрос, как в России возможно изменить тарифы таким образом, чтобы оказание услуг по уходу было выгодным для частных поставщиков?

Первый вариант — оставить в тарифе расходы, направленные непосредственно на оказание услуг (прямые и косвенные) без учета амортизации и инвестиционной составляющей. В таком случае будет существовать проблема низких тарифов на социальные услуги, в результате чего частные поставщики будут отказываться оказывать услуги СДУ. Действительно, государственные учреждения получают средства на оказание таких услуг из разных источников — не только плату за собственно оказание услуг, но и субсидии на капитальный ремонт, гранты и пр., тогда как частные поставщики получают доход только за оказание услуг. И здесь возможно использовать опыт Германии: в тариф не включаются расходы на капитальные затраты (строительство, приобретение оборудования, техническое обслуживание или ремонт зданий и других амортизируемых активов), на приобретение и освоение земли, плата аренды за землю, здания или другие активы — такие расходы могут покрываться государством в виде единовременной субсидии.

Второй вариант — включить в тариф расходы, связанные не только с оказанием услуг (прямые и косвенные), но и с учетом необходимости обеспечения деятельности поставщика услуг через доведение тарифа до экономически обоснованного. В этом случае существуют риски высокой стоимости услуг для населения и необходимо изменение системы СДУ: либо путем внедрения механизмов бюджетного финансирования (по опыту Швеции), либо внедряя систему страхования для СДУ, либо ограничивая категории нуждаемости — например, отменить доступ к СДУ для нуждающихся, которым необходим уход менее двух часов в неделю.

Важным является вовлечение в процесс утверждения тарифов ассоциаций в сфере долгосрочного ухода и частных поставщиков услуг. По опыту Франции, на первоначальном

этапе необходимо провести исследование стоимости услуг на рынке с учетом всех расходов поставщиков, далее — разработать процедуру согласования стоимости услуг с их поставщиками и ассоциациями в сфере СДУ.

Проблемы привлечения частных инвестиций в инфраструктуру СДУ

В России существует проблема устаревшей инфраструктуры социальных услуг; кроме того, рост демографической нагрузки увеличивает потребности пожилых граждан в предоставлении услуг в специализированных учреждениях [2]. До 2024 г. на строительство стационарных социальных объектов в федеральном бюджете заложено 39 млрд руб. (без учета региональных бюджетов). Но, по расчетам Сбербанка, инвестиции в одну койку в стационаре составляют около 5 млн руб., поэтому выделенных средств федерального бюджета хватит на создание примерно 7800 коек, тогда как потребность в стационарных учреждениях намного выше¹⁰.

В рамках Федерального проекта «Старшее поколение» национального проекта «Демография» предусмотрено возведение до 2024 г. 79 новых объектов стационарного обслуживания. По данным Ассоциации СДУ, это обеспечит 5% потребности в обновлении инфраструктуры стационарного социального обслуживания РФ¹¹. И в этом случае одним из способов решить проблему привлечения частного финансирования может стать механизм государственно-частного партнерства (далее — ГЧП) [4].

Организация экономического сотрудничества и развития и Всемирный банк выделяют три модели ГЧП для сектора здравоохранения и социальных услуг (2013 г.)¹²:

1) оказание услуг — контракт на оказание медицинских услуг или услуг социального обслуживания (концессия, аренда): частный опе-

ратор привлекается для управления и предоставления финансируемых государством медицинских услуг в государственном учреждении. Частный партнер оказывает услуги по эксплуатации и техническому обслуживанию. Управление общественными объектами осуществляется при этом частными лицами, заключаются договоры аренды;

2) финансирование объекта — государственное учреждение заключает контракт с частным оператором на проектирование, строительство, финансирование и эксплуатацию больничного учреждения. Медицинские услуги в учреждении предоставляются государством. Частный партнер осуществляет проектирование, строительство, владение, управление объектом, может получить его в собственность;

3) комбинированная модель — совместное предприятие, где частный оператор строит или арендует объект и предоставляет бесплатные (или субсидируемые) медицинские или социальные услуги определенным группам населения. Частный партнер осуществляет восстановление существующих объектов, управление и передачу собственности государству, заключаются соглашения об оказании услуг с государственной администрацией.

За рубежом осуществляется ряд проектов ГЧП в сфере социального обслуживания и здравоохранения, например строительство кампуса Joondalup Health Campus в Австралии¹³: государство производит платеж для покрытия капитального финансирования со стороны частного сектора два раза в год. Также происходит единовременная оплата клинических услуг с максимальной суммой платежа, устанавливаемой ежегодно. Объекты совместно используются государственным и частным секторами, поэтому капитальные затраты на строительство объектов распределяются между ними пропорционально количеству паци-

¹⁰ URL: <https://sber.pro/publication/vozmozhnosti-ukhoda-kak-efektivno-izpolzovat-gchp-v-sotsialnoi-sfere>

¹¹ URL: https://lrc-rus.org/sdu_russia

¹² URL: https://ieg.worldbankgroup.org/sites/default/files/Data/reports/lp_Health_PPP_1116.pdf

¹³ URL: <https://www.pwc.com/gx/en/healthcare/assets/ppps-in-healthcare.pdf>

ентов, которым планируется оказывать услуги. Другой ГЧП-проект — строительство госпиталя La Ribera в Испании, в рамках которого был установлен годовой лимит прибыли, который могут получать частные партнеры. Ставка на капитальные затраты ежегодно увеличивается с ростом дохода государственного партнера и корректируется в соответствии с индексом потребительских цен. В процессе закупок частный участник проекта должен взять на себя обязательство обслуживать пациентов по цене, не превышающей 80% от средней стоимости государственной медицинской помощи.

Это примеры комбинированной модели ГЧП, которая активно используется и в России. Например, в Башкирии в деревне Татарский Саскуль открылся негосударственный пансионат для пожилых и инвалидов «Добрый дом» на 32 койко-места (17 мест для граждан, признанных нуждающимися, 15 — коммерческие места). Объем финансирования бюджетных мест ежегодно составит 2,9 млн руб. Концессионер инвестировал в проект более 7,5 млн руб. на реконструкцию и оборудование, пансионат размещен в здании бывшей школы.

Государство также выделяет средства на финансирование ГЧП-проектов в СДУ. Например, реализуя Постановление Правительства от 04.12.2021 г. № 2200, государственная корпорация развития «ВЭБ.РФ» выступает агентом Правительства в части осуществления региональных проектов по созданию (реконструкции) объектов социального обслуживания с применением механизмов ГЧП и концессионного соглашения в рамках федерального проекта «Старшее поколение» национального проекта «Демография». Предоставляется капитальный грант, который покрывает часть расходов субъекта России (концедента) по концессионному соглашению в целях софинансирования расходов концессионера на создание (реконструкцию) объекта социального обслуживания до ввода объекта социального обслуживания в эксплуатацию. Субсидия предоставляется на модернизацию существующей инфраструкту-

ры стационарных организаций (строительство и реконструкцию зданий).

Механизм покрывает инвестиционный платеж концедента (субъекта) из средств федерального бюджета. В рамках платежа 80% средств поступает из бюджета (капитальный грант), из которых 86% — из федерального бюджета и 14% — из регионального. Частный концессионер дофинансирует еще 20%, а также осуществляет разработку проектно-сметной документации, реконструкцию и оснащение помещения, получает проект в эксплуатацию (самостоятельную или с привлечением оператора). Регионы также предоставляют земельные участки и субсидируют затраты на оказание социальных услуг.

Для концессионных соглашений (далее — КС) или ГЧП в социальной сфере важно устанавливать право частной стороны осуществлять оказание платных услуг с использованием объекта соглашения, т.е. указывать в договоре, какая часть услуг финансируется государством, а какая часть услуг является коммерческой. Обычно соотношение варьируется соответственно от 40 до 60% с возможностью частной стороны устанавливать свои тарифы на коммерческие места.

Стимулировать развитие ГЧП-проектов может также плата концедента, которая покрывает платеж по процентам — возмещение уплаты процентов по привлеченному финансированию. Постановление Правительства от 04.12.2021 г. № 2200 покрывает инвестиционный платеж (возмещение расходов концессионера на создание объекта), тогда как можно использовать механизм покрытия платежа по процентам, который направлен на покрытие расходов концессионера по кредитным обязательствам на период строительства инфраструктуры. То есть если частный партнер взял кредит для реализации проекта, то государство может покрывать платеж по процентам.

Следует отметить, что, например, в сфере образования существует проект ВЭБ.РФ «Прощола», основанный на привлечении частных

инвестиций. Он реализуются либо путем закупки, либо с использованием КС. В соответствии с ним из бюджета выделяются средства на предоставление как капитального гранта (инвестиционный платеж), так и на покрытие платежа по процентам (на оплату кредитных обязательств концессионера). Также по КС предоставляется финансирование на аренду объекта образовательному учреждению, покрывающее расходы концессионера на аренду земельного участка и уплату налога на имущество. При этом для КС-проектов предоставляются земельные участки без обременений. Однако по итогам соглашения объект переходит в собственность региона. Подобный инструмент может быть использован и в проектах для КС в сфере СДУ.

Хорошим инструментом поддержки ГЧП-проектов могут стать различные льготы. Например, в России существует инструмент покрытия процентной ставки по кредитам инвестиционных проектов в социальной сфере. В соответствии с Постановлением Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. № 2390 российским кредитным организациям предоставляются субсидии из федерального бюджета на возмещение недополученных доходов по выданным кредитам на реализацию инвестиционных проектов в сфере социального обслуживания населения. Данная программа проводится в рамках подпрограммы «Модернизация и развитие социального обслуживания населения» государственной программы «Социальная поддержка граждан» и рассчитана на деятельность по уходу за гражданами с обеспечением проживания или без проживания в стационаре (полустационаре), в том числе на объектах СДУ.

Минтруд России отбирает инвестиционные проекты в сфере СДУ, по которым уже заключены кредитные договоры между банком и инвестором. Банк предоставляет кредит по льготной процентной ставке, а государство покрывает расходы. Льготная ставка составляет 4% годовых со сроком погашения кредита от 10 лет. Установлена возмож-

ность реализации инвестпроекта на территории двух и более регионов путем заключения одного кредитного договора, отсутствует необходимость заключения ГЧП-соглашения с субъектами РФ.

Кроме того, могут предоставляться различные налоговые и другие льготы. Что касается ГЧП, в России на федеральном уровне предусмотрено довольно малое количество льгот для ГЧП-проектов. Например, на федеральном уровне льготы установлены ст. 251 НК РФ: при определении налоговой базы корпоративного налога не учитывается имущество или имущественные права, полученные по КС, соглашению о ГЧП/МЧП, за исключением денежных средств, полученных от концедента или публичного партнера по соглашениям.

Однако в соответствии со ст. 374 НК РФ по КС и ГЧП уплачивается региональный налог на имущество. И только некоторые регионы устанавливают льготы по налогу на имущество для концессионных или ГЧП-проектов. Например, в соответствии со ст. 3.3 Закона Республики Башкортостан от 28 ноября 2003 г. № 43-з «О налоге на имущество организаций», от налога освобождаются организации, заключившие с Правительством Башкортостана или органами местного самоуправления соглашение о ГЧП или КС. Аналогично, в Республике Бурятия предусмотрено освобождение на 10 лет от налога, в Мурманской области и Ханты-Мансийском автономном округе — на 5 лет, в Республике Коми — полное освобождение на период действия соглашения в отношении имущества, которое будет принадлежать государству, в Республике Удмуртия, Рязанской области, Санкт-Петербурге и Ленинградской области — в отношении всего имущества в рамках концессионного соглашения и пр. Кроме того, некоторые регионы предоставляют льготы по налогу на прибыль организаций. Например, в Республике Бурятия концессионеры и частные партнеры по проектам республиканского уровня могут воспользоваться пониженной ставкой по налогу на прибыль организаций в размере 13,5% годовых по региональ-

ной части (12,5% – с 2018 по 2020 гг.), сроком до 2023 г.

Отметим, что перечисленные льготы для ГЧП- и концессионных проектов эффективны в том случае, когда существует уже какая-либо инфраструктура для оказания услуг и частный партнер в рамках ГЧП уже может оказывать социальные услуги и получать выручку.

Предусмотрены также отдельные льготы для социальных предприятий. Например, в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 26.06.2015 г. № 638 «Об утверждении перечня социальных услуг по видам социальных услуг, предоставляемых организациями, осуществляющими социальное обслуживание граждан, для применения налоговой ставки 0% по налогу на прибыль организаций», устанавливается нулевой налог на прибыль для организаций, которые включены в реестр поставщиков социальных услуг субъекта РФ; доходы от деятельности по социальному обслуживанию составляют при этом не менее 90%, численность работников – не менее 15 работников. От налога освобождается деятельность по уходу за больными, инвалидами и престарелыми (ст. 284.1 и 284.5 НК РФ). Для ГЧП это может иметь значение, если в рамках таких проектов предприятие не только осуществляет ремонт инфраструктуры, но и оказывает услуги.

Таким образом, в России следует продолжать развивать государственно-частное партнерство в СДУ. Например, в рамках действующих программ по развитию ГЧП-проектов в сфере СДУ – включить в них плату концедента, которая покрывает платеж по процентам, т.е. направлена на возмещение уплаты процентов по привлеченному финансированию для покрытия расходов концессионера по кредитным обязательствам на период строительства инфраструктуры. И если частный партнер взял кредит для реализации проекта, то государство может покрывать платеж по процентам.

Эффективным инструментом будет введение на федеральном и региональном уровнях

льгот для ГЧП- и КС-проектов в социальной сфере – например, освобождение от налогов в период действия концессионного соглашения, в частности нулевая ставка НДС, налога на имущество, земельного налога, пониженные ставки налога на прибыль, безвозмездное предоставление земельных участков и пр.

Выводы

Система долгосрочного ухода за пожилыми людьми и инвалидами была запущена в России только в 2018 г., поэтому возникают вопросы, касающиеся ее финансирования, – в частности, как привлекать частные инвестиции и новых поставщиков в сектор оказания услуг долгосрочного ухода.

Если говорить о привлечении новых поставщиков на рынок, то важно скорректировать тарифы на социальные услуги таким образом, чтобы частным поставщикам было выгодно сотрудничать с государством. Проблема состоит в том, что тарифы часто не являются экономически обоснованными, включают только расходы непосредственно на услугу и не учитывают нужды ее поставщика на ремонт, обновление оборудования, аренду земли и зданий. И если государственные поставщики получают субсидию на такие расходы, то частные оплачивают расходы из собственных средств, что делает их работу невыгодной. Поэтому в России возможно либо сохранить действующие тарифы, компенсируя частным поставщикам расходы в виде единовременных субсидий, либо довести тарифы до экономически обоснованных, однако серьезное повышение стоимости услуг потребует поддержки граждан, с тем чтобы обеспечить их доступ к таким услугам. Важно также создать процедуру вовлечения в процесс утверждения тарифов ассоциаций в сфере долгосрочного ухода и частных поставщиков услуг.

Наконец, важно продолжать поддерживать в стране развитие инфраструктуры СДУ, особенно стационарной, в том числе за счет ГЧП-проектов. Действенным механизмом такого

рода может быть покрытие государством платежа по процентам, если концессионер взял, например, кредит на период строительства инфраструктуры. Также важно предоставление льгот для ГЧП- и КС-проектов в социальной

сфере, включая освобождение от налогов в период действия концессионного соглашения или снижение налоговых ставок, а также безвозмездное предоставление земельных участков, зданий и пр. ■

Литература

1. Дерен И.И., Самофатова К.А. Экономика системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста // Вестник университета. 2023. № 2. С. 110–118. DOI: 10.26425/1816-4277-2023-2-110-112.
2. Исаев Д.В. Развитие форм государственно-частного партнерства в сфере социального обслуживания // Экономика и управление: проблемы, решения. 2018. Т. 2. № 6. С. 182–189.
3. Пудова О.С. К вопросу о введении системы долговременного ухода // Социальное обслуживание семей и детей: научно-методический сборник. 2019. № 17. С. 21–32.
4. Самофатова К.А. Специфика организации системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста в Российской Федерации // Социальная политика и социология. 2019. Т. 18. № 1 (130). С. 68–79. DOI: 10.17922/2071-3665-2019-18-1-68-79.
5. Federal Ministry of Health. Germany Peer Review on «Germany's latest reforms of the long-term care system» – Host Country Discussion Paper. 2017.
6. Feng J., Wang Z., Yu Y. Does long-term care insurance reduce hospital utilization and medical expenditures? Evidence from China // Social Science and Medicine. May 2020. DOI: 10.1016/j.socscimed.2020.113081.

References

1. Deren I.I., Samofatova K.A. Economics of long-term care for senior citizens // Bulletin of the University. 2023. No. 2. Pp. 110–118. DOI: 10.26425/1816-4277-2023-2-110-112.
2. Isaev D.V. Development of forms of public-private partnership in the sphere of social services // Economy and Management: Problems, Solutions. 2018. Vol. 2. No. 6. Pp. 182–189.
3. Pudova O.S. Towards the introduction of a long-term care system // Social Services for Families and Children: Scientific and Methodological Collection. 2019. No. 17. Pp. 21–32.
4. Samofatova K.A. Specifics of organization of the system of long-term care for elderly citizens in the Russian Federation // Social Policy and Sociology. 2019. Vol. 18. No. 1 (130). Pp. 68–79. DOI: 10.17922/2071-3665-2019-18-1-68-79.
5. Federal Ministry of Health. Germany Peer Review on «Germany's latest reforms of the long-term care system» – Host Country Discussion Paper. 2017.
6. Feng J., Wang Z., Yu Y. Does long-term care insurance reduce hospital utilization and medical expenditures? Evidence from China // Social Science and Medicine. May 2020. DOI: 10.1016/j.socscimed.2020.113081.

Problems of Involving the Private Sector in the System of Long-term Care for Elderly Citizens and People with Disabilities in Russia in Comparison with Foreign Countries

Maria G. Girich – Researcher of Russia-OECD Center under the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). E-mail: girichmari@mail.ru

Tatyana A. Ilyushnikova – Deputy Minister of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation (Moscow, Russia). E-mail: mineconom@economy.gov.ru

Svyatoslav O. Sorokin – Director of Department for Social Services and Non-Profit Sector Development, Ministry of Economic Development of the Russian Federation (Moscow, Russia). E-mail: mineconom@economy.gov.ru

Antonina D. Levashenko – Senior Researcher of the Institute of International Economics and Finance, Russian Foreign Trade Academy under the Ministry for Economic Development of the Russian Federation (Moscow Russia). E-mail: antonina.lev@gmail.com

Ivan S. Ermokhin – Researcher of the Institute of International Economics and Finance, Russian Foreign Trade Academy under the Ministry for Economic Development of the Russian Federation (Moscow Russia). E-mail: i.ermokhin@gmail.com

Since 2018, long-term care system has been launched in Russia to provide social, medical and rehabilitation (habilitation) services to elderly and disabled people in need of care. Long-term care system supports an opportunity to elderly and disabled people to self-serve, move independently, and provide basic life needs. It is planned that by the end of 2023, the long-term care system will be launched in all regions of Russia.

The article analyzes the main problems of financing the system, including low tariffs for social services, which, on the one hand, should be accessible to citizens, but on the other hand, are unprofitable and do not allow the involvement of private providers in the long-term care system. In addition, the article discusses the problems of attracting private investment in long-term care infrastructure in Russia, as well as examples of foreign experience for solving such problems.

Key words: long-term care system, OECD, social service providers, social services, elderly people, disabled people.

JEL-codes: H53, I38.

Регионы

РЕГИОНАЛЬНЫЕ БЮДЖЕТЫ В ТРЕТЬЕМ КВАРТАЛЕ 2023 г.

А. Н. ДЕРЮГИН

Благодаря ускорению роста российской экономики в третьем квартале 2023 г. темпы прироста налоговых и неналоговых доходов консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации достигли двузначных значений, что, при сохранении во втором и третьем кварталах относительно невысоких темпов роста бюджетных расходов, стало залогом высоких показателей бюджетной сбалансированности региональных и местных бюджетов по итогам первых девяти месяцев 2023 г.

Ключевые слова: бюджеты регионов, доходы бюджетов регионов, расходы региональных бюджетов, межбюджетные трансферты, региональный долг.

JEL: H61, H62, H63, H71, H72, H74, H77.

Доходы

Без учета данных по новым субъектам Российской Федерации¹ общий объем доходов консолидированных бюджетов регионов по итогам первых девяти месяцев 2023 г. составил 15,4 трлн руб., увеличившись по отношению к аналогичному периоду 2022 г. на 9,8%, что выше как уровня инфляции², так и темпов прироста бюджетных доходов по итогам первого полугодия 2023 г. (+7,3%). Во второй половине 2023 г. влияние перехода налогоплательщиков на уплату налогов через единый налоговый счет на динамику бюджетных доходов регионов стало ослабевать, и данная динамика все в большей степени отражает ситуацию с доходной базой региональных и местных бюджетов.

Увеличение темпов прироста бюджетных доходов по итогам января-сентября 2023 г. обязано высоким показателям третьего квартала, в течение которого доходы региональных и местных бюджетов выросли по отношению к соответствующему периоду 2022 г. на 14,7%.

Наибольший вклад в рост доходов консолидированных бюджетов регионов за январь-сентябрь 2023 г. внесли налоговые и неналоговые доходы (+12,1%), которые также стали драйвером роста бюджетных доходов регионов в третьем квартале 2023 г. (+23,5%). Основную роль в этом сыграл рост ВВП, индекс физического объема которого за этот период, согласно предварительной оценке Росстата³, составил 105,5%.

Среди основных налогов наибольший прирост за девять месяцев 2023 г. показали: налог на прибыль организаций — +19,0% (+54,7% за третий квартал 2023 г.), НДС — +12,0% (+24,9%) и налоги на совокупный доход — +8,8% (+14,3%). Другие налоги росли темпами, близкими к уровню инфляции или ниже: акцизы — +3,3% (-0,6%), налоги на имущество — +5,0% (-13,8%). Сократились неналоговые доходы — -2,9% (-0,7%) и безвозмездные поступления от других бюджетов — -1,9% (-23,2%).

Отрицательная динамика межбюджетных трансфертов в июле-сентябре 2023 г. наблю-

Дерюгин Александр Николаевич, и.о. заведующего лабораторией бюджетной политики Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара; старший научный сотрудник РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (Москва), e-mail: deryugin@ranepa.ru

¹ Здесь и далее, если не указано иное, в целях обеспечения сопоставимости показателей бюджетной статистики регионов, государственного и муниципального долга, а также темпов их роста, приводятся данные без учета данных по Донецкой и Луганской народным республикам, Запорожской и Херсонской областям.

² По данным Росстата, в сентябре 2023 г. по отношению к сентябрю 2022 г. индекс потребительских цен составил 106,0%, а за январь-сентябрь 2023 г. к январю-сентябрю 2022 г. — 105,4%.

³ URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/vvp_15-11-2023.html

далась у большинства видов межбюджетных трансфертов: дотации на сбалансированность показали -77,3%, субсидии — -15,0%, субвенции — -43,5%, иные межбюджетные трансферты — -47,5%. И только прирост дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности остался в положительной зоне — +0,2%.

По итогам января-сентября 2023 г. положительные темпы роста доходов консолидированных бюджетов наблюдались в 72 субъектах РФ, а наиболее высокие — в г. Севастополе (+30,9%, основной рост обеспечили дотации на сбалансированность и безвозмездные поступления от негосударственных организаций), Ленинградской области (+27,4%, налог на прибыль организаций и безвозмездные поступления от государственных (муниципальных) организаций), Краснодарском крае (+26,8%, налог на прибыль организаций и безвозмездные поступления от государственных (муниципальных) организаций), Смоленской области (+24,4%, налог на прибыль организаций, НДФЛ и субсидии) и Еврейской автономной области (+22,5%, налог на прибыль организаций и субсидии).

Из 13 субъектов РФ, столкнувшихся с падением бюджетных доходов, у четырех оно превысило 10%: в Ненецком автономном округе (-27,4%), Республике Хакасия (-21,1%), Республике Мордовия (-19,0%) и Кемеровской области — Кузбассе (-16,1%), в которых основной причиной сокращения доходов можно назвать высокую базу за девять месяцев 2022 г.⁴

Основными источниками доходов новых субъектов Российской Федерации за январь-сентябрь 2023 г. стали дотации на поддержку мер по обеспечению сбалансированности бюджетов (28,0%), иные дотации, не связанные с выравниванием бюджетной обеспеченности и обеспечением сбалансированности (54,5%), НДФЛ (7,7%), налог на прибыль организаций (2,9%) и неналоговые доходы (1,7%). При этом доля налоговых и неналого-

вых доходов (14,4%) с начала года имела устойчивую тенденцию к росту.

Восстановление высоких темпов роста основных налоговых доходов регионов в третьем квартале 2023 г. снижает потребность в предоставлении им дополнительной финансовой помощи и будет способствовать сохранению устойчивости субнациональных бюджетов.

Расходы

По итогам первых девяти месяцев 2023 г. расходы консолидированных бюджетов регионов составили 14,3 трлн руб., увеличившись по отношению к аналогичному периоду предыдущего года на 11,9%, что выше как уровня инфляции, так и темпов роста бюджетных доходов (+9,8%). При этом темпы роста расходов в течение года были неравномерными: после резкого скачка на 20,0% в первом квартале во втором и третьем кварталах они росли существенно медленнее (+8,4 и +9,4% соответственно).

Лидерами роста стали расходы на национальную безопасность и правоохранительную деятельность (+54,0%), ЖКХ (+23,3%), общегосударственные вопросы (+18,4%), социальное обеспечение населения (+17,6%), культуру и кинематографию (+15,4%), сельское хозяйство и рыболовство (+14,5%), транспорт (+14,0%), а также общее образование (+13,7%). Значительный рост расходов регионов на национальную оборону объясняется эффектом низкой базы предыдущего года, поскольку даже после многократного увеличения доля таких расходов составила всего 0,6% от общего объема расходов консолидированных бюджетов регионов.

Из-за сворачивания многих антиковидных мероприятий практически не изменились расходы на здравоохранение (+0,1%), а сокращение объема коммерческого долга регионов вследствие его замещения бюджетными кредитами привело к существенному уменьше-

⁴ Темпы роста доходов консолидированных бюджетов указанных субъектов РФ по итогам девяти месяцев 2022 г. по отношению к аналогичному периоду 2021 г. составили: в Ненецком автономном округе — +20,4%, Республике Хакасия — +52,7%, Республике Мордовия — +42,0%, Кемеровской области — Кузбассе — +64,6%.

нию расходов на его обслуживание (-28,7%).

Расходы консолидированных бюджетов регионов за январь-сентябрь 2023 г. выросли в 76 субъектах РФ, а в 65 из них рост превысил инфляцию за аналогичный период. Лидерами роста бюджетных расходов стали г. Севастополь (+38,3%, основной прирост пришелся на национальную оборону, ЖКХ, социальную политику, здравоохранение и культуру), Республика Адыгея (+27,5%, общее образование, культура, социальное обеспечение), Новгородская область (+26,4%, дорожные фонды, образование, культура), г. Санкт-Петербург (+25,7%, транспорт, дорожное хозяйство, ЖКХ), Смоленская область (+25,2%, ЖКХ, дорожное хозяйство и здравоохранение).

Сократились бюджетные расходы в Тюменской области (-11,5%), Карачаево-Черкесской Республике (-6,4%), Ненецком автономном округе (-4,3%), Амурской области (-4,0%) и Республике Тыва (-3,9%). В Тюменской области это сокращение носило характер коррекционного отскока после роста на 52,0% за аналогичный период предыдущего года, а в остальных регионах снижение расходов было небольшим и не оказало заметного негативного влияния на текущее исполнение бюджета.

Структура расходов новых субъектов Российской Федерации в первом полугодии 2023 г. отличалась от структуры остальных регионов меньшей долей расходов на национальную экономику (8,1% против 21,3%), ЖКХ (2,6% против 10,5%) и образование (14,3% против 24,2%), но большей долей расходов на национальную безопасность и правоохранительную деятельность (5,1% против 1,5%), а также социальную политику (50,0% против 20,1%). Если оценивать разницу в структуре бюджетных расходов рассматриваемых групп регионов как сумму абсолютных величин отклонений удельных весов бюджетных расходов по разделам функциональной классификации, то на протяжении 2023 г. можно отметить слабо выраженную тенденцию к ее сокращению.

Сбалансированность региональных бюджетов и государственный долг

Профицит консолидированного бюджета наблюдался у 67 российских регионов, а его общий объем составил 1,1 трлн руб., или 7,5% общего объема доходов консолидированных бюджетов субъектов РФ без учета субвенций. Среди новых регионов с профицитом консолидированный бюджет был исполнен только у Запорожской области.

Высокие показатели текущей сбалансированности региональных бюджетов по-прежнему не находят отражения в динамике государственного долга, объем которого продолжал расти и по состоянию на 1 октября 2023 г. составил 3,15 трлн руб. Таким образом, рост долга с начала года составил 356,5 млрд руб., или 12,8%, а относительно соответствующего периода 2022 г. – 451,2 млрд руб., или 16,7%. Основными причинами увеличения госдолга при высоком уровне бюджетного профицита являются казначейские кредиты на покрытие кассовых разрывов, возникших у регионов вследствие изменения сроков поступления в бюджет налоговых доходов, а также предоставление регионам инфраструктурных бюджетных кредитов, объем которых не зависит от величины бюджетного баланса.

Размер долговой нагрузки регионов⁵, хотя и вырос в период с 1 октября 2022 г. по 1 октября 2023 г. с 20,0 до 21,5%, продолжает оставаться ниже большинства значений на указанную дату в период с 2014 г. (См. рис. 1.)

Число регионов с долговой нагрузкой выше 50% выросло за 12 месяцев с 23 до 25, но по-прежнему не представляет угрозы для стабильности региональных бюджетов. (См. рис. 2.)

При этом впервые за длительный период не осталось субъектов РФ, имеющих долговую нагрузку выше 100% объема налоговых и неналоговых доходов регионального бюджета.

В целом за 12 месяцев, с конца сентября 2022 г по конец сентября 2023 г., государст-

⁵ Размер долговой нагрузки субъекта РФ определяется как отношение объема государственного долга региона к объему налоговых и неналоговых доходов регионального бюджета.

Рис. 1. Долговая нагрузка субъектов РФ по состоянию на 01.10.2023 г., в %

Источник: рассчитано автором по данным Минфина России и Федерального казначейства.

Рис. 2. Число субъектов РФ с уровнем долговой нагрузки выше 50% по состоянию на 01.10.2023 г., в %

Источник: рассчитано автором по данным Минфина России и Федерального казначейства.

венный долг вырос у 73 субъектов Федерации, а долговая нагрузка – у 47.

В результате проводимой федеральным правительством в 2022–2023 гг. политики замещения дорогого в обслуживании регионального коммерческого госдолга (кредитов кредитных организаций и государственных ценных бумаг) бюджетными кредитами доля кредитов кредитных организаций в общем объеме государственного долга регионов со-

кратилась на 1 октября 2023 г. до 1,7%, а государственных ценных бумаг – до 19,2%. В свою очередь, доля бюджетных кредитов за 12 месяцев выросла с 69,6% до рекордных 77,9%. (См. рис. 3.)

Таким образом, в третьем квартале 2023 г. имело место продолжение тенденции предыдущих месяцев – рост регионального госдолга на фоне высоких показателей бюджетной сбалансированности – которая, очевид-

Рис. 3. Структура государственного долга субъектов РФ по состоянию на 01.10.2023 г., в % к итогу

Источник: рассчитано автором по данным Минфина России.

но, будет наблюдаться до конца 2023 г. вследствие продолжения предоставления регионам инфраструктурных бюджетных кредитов. При этом традиционного декабрьского скачка госдолга не ожидается как из-за вы-

соких текущих темпов роста собственных налоговых и неналоговых доходов региональных бюджетов, так и по причине совокупного профицита по итогам января-сентября 2023 г. ■

Regional Budgets in Q3 2023

Alexander N. Deryugin – Acting Head of Department for Budget Policy of the Gaidar Institute for Economic Policy; Senior Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; (Moscow, Russia). E-mail: deryugin@ranepa.ru

As a result of the accelerated growth of the Russian economy in Q3 2023, the growth rates of tax and non-tax revenues of the consolidated budgets of the subjects of the Russian Federation reached double-digit values, which, while maintaining relatively low growth rates of budget expenditures in Q2 and Q3, became a precondition for high indicators of fiscal balance of regional and local budgets following the results of 9 months of 2023.

Key words: regions' budgets, revenues of regional budgets, expenditures of regional budgets, intergovernmental fiscal transfers, regional debt.

JEL-codes: H61, H62, H63, H71, H72, H74, H77.

Вопросы совершенствования организационно-экономического механизма управления промышленными предприятиями на основе теории системной экономики и системного менеджмента

Коряков Алексей Георгиевич

д.э.н., профессор Департамента менеджмента факультета «Высшая школа управления», Финансовый университет при Правительстве РФ

Окумбекова Мадинат

ст. преподаватель Департамента стратегического и инновационного развития факультета «Высшая школа управления», Финансовый университет при Правительстве РФ

Окумбеков Ринат

преподаватель Департамента стратегического и инновационного развития факультета «Высшая школа управления», Финансовый университет при Правительстве РФ

В современном мире постоянных перемен и экономических вызовов, перед промышленными предприятиями встаёт задача не только выживания, но и динамичного развития. В этом контексте ключевую роль играет совершенствование организационно-экономического механизма управления, которое позволяет адаптироваться к меняющимся условиям рынка и обеспечивает устойчивый рост промышленному предприятию. Применение принципов системной экономики и системного менеджмента открывает новые горизонты для эффективного управления предприятием, интегрируя различные аспекты деятельности в единую хорошо скоординированную систему. В данной статье осуществлена попытка анализа того, как теория системной экономики может трансформировать организационно-экономический механизм управления предприятия промышленности и вывести его на новый уровень функционирования.

Ключевые слова: промышленное предприятие, организационно-экономический механизм, системная экономика, системный менеджмент, модель.

JEL classification: B00, D20, E22, E44, L23, L51, L52, M11, M20, M30, Z33

Исследования способов управления промышленными предприятиями указывают на единство взглядов на системность как фундамент. Это ключевой принцип в науке и экономике. Однако разбор тенденций в системных методах поможет улучшить управленческие техники.

Слова «система» и «системность» стали привычными в научном обороте. Они встречаются в разных сферах (актерское мастерство, астрономия, социальное развитие). Изучение системности как научного явления началось век назад, но сама концепция возникла с началом Вселенной, являясь её неизменной чертой. Определить и понять принципы системности в разных сферах — сложная задача. Чтобы упростить её, существует наука системный анализ, которая развивается уже десятки лет [1].

В XIX веке научный интерес сосредоточился на изучении устройства мира и его познания. Учёные как Кондильяк, Кант и Пуанкаре исследовали это, а Гегель внёс вклад в теорию диалектики, видя в Мировом Разуме ключ к развитию систем. Он утверждал, что системы развиваются через противоречия. Маркс, опираясь на материализм, развил эти идеи, оказав влияние на политику XX века. Несмотря на ошибки в реализации социализма, диалектические принципы остаются важными [1].

В начале XX века Л. Берталанфи из Австрии, анализируя вековой ход науки в систематике, создал основы теории систем. Он ввел определение системы, актуальное до сих пор: сущности, имеющие разнообразные составляющие, стремящиеся к общей цели [1]. Берталанфи подчеркивал, что системы

неразрывно связаны с окружением через обмен ресурсами. Это понимание стало краеугольным для изучения систем в разных областях знаний. Со временем теорию дополнили новшества из разных наук.

К. Шеннон и Н. Винер, основоположники кибернетики, утверждали, что информация — основа функционирования сложных систем. Они работают за счет обмена данными, где важны обратные связи для контроля. Информация растет за счет мышления управляющего, что приводит к упорядоченности системы, уменьшая хаос, что соответствует закону информированности [1].

В середине XX века была обогащена системная теория понятием синергии и самоорганизации, благодаря работам ученых Хакена и Пригожина. Они изучали самоорганизацию в физике на фоне давнего диссонанса со вторым законом термодинамики. По закону, энтропия в системе возрастает, что, казалось бы, предвещает хаос. Но исследователи показали, что хаос и порядок в системах существуют синхронно, создавая условия для новой структуры при достижении критической точки бифуркации [1].

Исследователи пришли к выводу, что хаос и порядок — это аспекты одного феномена, «хаордизма». В различных научных областях найдены доказательства этого. Теория самоорганизации показала, как система, отвергая старое, переходит в хаотичное состояние, а затем достигает новой гармонии через борьбу противоположностей.

Самоорганизация породила радикальный виток в науке, акцентируя внимание на дисбалансе как ключе к эволюции систем, будь то природа или общество. В рамках современной эпистемологии это понятие становится фундаментом для прогресса. Для анализа таких изменчивых и хаотических явлений требуются усовершенствованные математические подходы [2]:

- Комплексные системы решений, отражающие взаимосвязи внутри гигантских хаотичных структур;

- Фаззи-логика как метод для представления неопределенности процессов в периоды изменений систем и их эволюции;

- Моделирование на компьютере, показывающее реакцию сложных систем на разные условия окружающей среды;

- Феноменологический подход в моделировании помогает изобразить сложные структуры, где трудно сразу уловить законы их развития. Такие модели обеспечивают описание системных связей, минуя детализацию процессов. Они эффективны для короткосрочных прогнозов, но требуют обновления и доработки;

- Игровая визуализация систем стала ключевым элементом в обучении, появившись в XX веке с распространением компьютеров, что упростило разработку и применение математических методов.

В 20-м столетии системология стала развитой теорией для решения задач в разных сферах. Особенности её применения в экономике связаны с традиционным сегментированием наук до 70-х годов, когда специалисты ограничивались своими узкими областями. К концу века стало очевидно, что такой подход неэффективен в сложной экономической действительности. Сейчас акцент на подготовке экономистов с системным видением, умеющих видеть общую картину и применять это в работе, что требует интегрированного использования системного анализа в экономике и управлении [3].

Венгерский экономист Янош Корнай первым глубоко изучил командно-плановую систему на своей Родине еще во времена коммунистической идеологии. С переходом Восточной Европы к рыночному типу хозяйствования он проанализировал универсальные модели развития экономик, создав их классификацию для упрощения исследований. Его теоретическая концепция развивается и другими учеными. В России эти исследования проводит Г.Б. Клейнер (ЦЭМИ РАН, Финансовый университет при Правительстве РФ) [2], [5], [8].

Данный метод основывается на предположении, что экономическая система, к которой относится промышленное предприятие, состоит из множества различных процессов, в рамках которых ресурсы подвергаются обработке в экономических структурах. Особое значение при этом отводится двум ключевым типам ресурсов: пространственным и временным. Именно в зависимости от способа использования этих ресурсов экономические системы - предприятия классифицируются на четыре основных типа (см. таблицу 1).

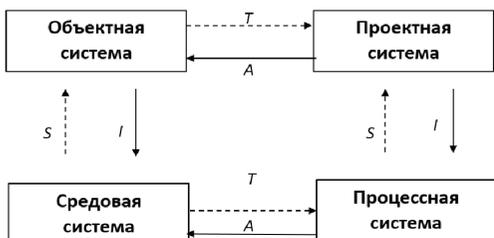
Таблица 1

Виды экономических систем и способы распределения пространственных и временных ресурсов

Типа системы	Использование пространства	Использование времени
Средовая (α)	Не ограничено	Не ограничен
Объектная (δ)	Ограничено	Не ограничено
Процессная (β)	Не ограничено	Ограничено
Проектная (γ)	Ограничено	Ограничено

Источник: [4]

В теоретическом подходе Г.Б. Клейнера, эффективная работа экономической системы любого уровня требует наличия четырех типов подсистем, составляющих так называемую экономическую тетраду. Эти подсистемы взаимосвязаны путем обмена ресурсами: временем в его статическом измерении (T), пространством в его статическом измерении (S), активностью, связанной с использованием времени (A), и интенсивностью использования пространства (I). Визуальное представление этой структуры проиллюстрировано на Рисунке 1.

Источник: [2], [5]

Рисунок 1 – Общая конфигурация экономической тетрады

Каждая экономическая система (промышленное предприятие), за исключением средовой, сталкивается с необходимостью преодолевать свои ограничения касательно ресурсов времени и пространства. Это обусловлено задачей экономической системы по созданию благ для последующего использования внешним окружением. В случае объектной системы распространение благ за её пределы подразумевает их физическое перемещение из занимаемого объектом пространства. Для процессной системы это означает передачу результатов деятельности вне установленного временного интервала действия процесса. Проектная система требует учета как временных, так и пространственных параметров. С другой стороны,

средовые системы лишены чётко определённых временных или пространственных рамок; следовательно, их продукция неразрывно связана с действием других систем и заключается в создании условий для функционирования различных типов систем [6].

Экономические структуры, ограниченные в контексте пространства и времени, должны стремиться к расширению этих границ и выступать в роли получателей соответствующих ресурсов. В то же время системы с неограниченным доступом к пространственно-временным ресурсам служат донорами для первых. Доступность таких ресурсов является только предпосылкой для развития экономических систем. Для полноценного использования их потенциала необходима определённая характеристика систем — активность в использовании этих ресурсов, которая в терминах системной экономики называется “энергией деятельности”. При ограничениях по пространству и времени экономическая система должна максимально бережливо расходовать базовые ресурсы. Такие системы с ограничениями по времени проявляют повышенную экономическую активность за счет способности совершать множество операций за единичный интервал времени. Системы, ограниченные пространством, действуют интенсивно — стремятся к оптимизации использования занятого объёма пространства. Энергетические свойства экономических структур отражены в табл.2.

Таблица 2

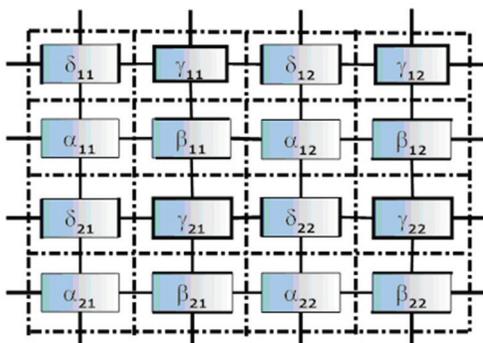
Разновидности экономических структур в соответствии с энергетическими параметрами их функционирования

Типа системы	Ресурс интенсивности	Ресурс активности
Средовая (α)	Присутствует	Отсутствует
Объектная (δ)	Отсутствует	Отсутствует
Процессная (β)	Отсутствует	Присутствует
Проектная (γ)	Присутствует	Присутствует

Источник: [7]

При анализе тетрад как интегральных элементов, они объединяются и взаимодействуют в рамках экономической структуры не случайным образом, а следуя определённым правилам. Эти элементы вступают во взаимосвязь друг с другом, руководствуясь теми же законами, что действуют и в пределах

каждой индивидуальной тетрады. В этом контексте количество экономических агентов фактически удваивается. В частности, в общей структурной сетке экономики объектная система одновременно связывается с двумя окружающими системами, принадлежащими к различным тетрадам, также, как и с двумя проектными системами из разных тетрад. Окружающая система по аналогии соединена с двумя процессуальными и двумя объективными системами из разных тетрад. Аналогичный порядок коммуникаций наблюдается для систем других типов. В результате складывается «паркетная» структура организации экономической деятельности, приведенная на рис. 2.

Источник: [8]

Рисунок 2 – Схема «паркетной» структуры организации экономики

В основе данной структуры лежит принцип избыточности системных связей, что гарантирует её эффективное функционирование в условиях меняющейся внешней среды. В случае, если из-за непредвиденных событий какой-либо коммуникационный канал, интегрирующий эту экономическую систему с другими в контексте одной тетрады, перестанет эффективно работать, то система способна переориентироваться на второстепенный канал с аналогичными функциями из другой тетрады. Это обеспечивает сохранение функциональности рассматриваемой системы [9].

Что касается количественного описания работы тетрады в рамках системной экономической концепции, предлагается использовать модифицированный подход к производственным функциям. Этот подход представляет собой класс экономико-математических

моделей для анализа соотношений между результатами работы производственных систем и объемами ресурсов, которые они задействуют. Пример классического представления таких моделей - это производственная функция Кобба–Дугласа, демонстрирующая связь между выпуском продукции Y и парой используемых ресурсов X_1 и X_2 [10]:

$$Y = X_1^\alpha * X_2^\beta \quad (1)$$

Тогда, α и β – эмпирически устанавливаемые коэффициенты, причем функция Кобба – Дугласа применима при условии $\alpha + \beta = 1$, т.е. эластичность замещения между ресурсами единичная.

В альтернативных экстремальных ситуациях значения эластичности замещения могут демонстрировать различные тенденции – когда показатель неограниченно возрастает, то есть можно полностью исключить использование одного из ресурсов в пользу другого, применяется линейный тип производственной функции [10]:

$$Y = \alpha * X_1 + \beta * X_2 \quad (2)$$

В случае когда эластичность замещения равна нулю, это указывает на то, что присутствие обоих типов ресурсов является обязательным условием. Отказ от использования любого из ресурсов невозможен, и в данной ситуации функционирование системы можно описать с помощью леонтьевской производственной функции:

$$Y = \min\{\alpha * X_1, \beta * X_2\} \quad (3)$$

В случае экономической тетрады ее функционирование в целом характеризуется обобщенным показателем результативности $R\Sigma(t)$, где t – конкретный момент времени, $\Sigma = \alpha, \beta, \delta, \gamma$.

Из двух основных типов ресурсов — S (пространство) и T (время), ограничение для системы объектов δ существует только по пространству. Таким образом, ее результативность на момент времени t представляется как $R_\delta(t) = I_\delta(t) * S_\delta(t)$.

В случае процессной системы, главная задача заключается в управлении временем, так как именно этот ресурс является ограниченным для неё. Следовательно, её производственная функция представляется следующим образом: $R_\beta(t) = A_\beta(t) * T_\beta(t)$.

Результативность проектной системы выражается с учетом того, что она ограничена по обоим видам ресурсов и должна их осваивать:

$$R_{\gamma}(t) = \min\{I_{\gamma}(t)S_{\gamma}(t), A_{\gamma}(t)T_{\gamma}(t)\} \quad (4)$$

Здесь используется функция Леонтьева, так как для проектной системы одинаково важны оба вида ресурса, и ни от одного из них она не может отказаться. Соответственно, результат тетрады в целом выражается как:

$$R_{\Sigma}(t) = \min\{I_{\Sigma}(t)S_{\Sigma}(t), A_{\Sigma}(t)T_{\Sigma}(t)\} , \\ \Sigma = \beta, \gamma, \delta \quad (5)$$

В данном контексте применяется функция Леонтьева, поскольку в соответствии с фундаментальными принципами системной экономической теории, для эффективной работы четырехкомпонентной системы необходимо наличие всех типов систем [10]

Для окружающих систем ($\Sigma = \alpha$), формула типа (6) неприменима, так как они не имеют ограничений в отношении своих пространственных и временных ресурсов ($S\Sigma(t) = T\Sigma(t) = \infty$). По этой причине производственная функция для окружающих систем, аналогичная математическим моделям других экономических систем, отсутствует. Основная задача окружающих систем заключается в осуществлении функций коммуникационного канала между объектными и процессуальными системами; они выступают связующим звеном между ними. Следовательно, эффективность окружающих систем является результатом эффективности других видов систем.

Ключевой задачей при применении системного анализа в экономической сфере является идентификация конкретной системы, точное определение ее пределов и классификация по одному из четырех типов. Согласно научным работам, посвященным концепции системной экономики, был разработан стандартный набор экономических систем различных видов. Например, в качестве объектной системы обычно рассматривают компанию, оперирующую на рынке в определенном месте. Рынок же представляет собой характерный пример средовой системы: он формируется из многочисленных компаний и функционирует как независимая единица собственных правил, оказывая влияние на действия каждой отдельной компании [11]. В случае создания нового продукта и его продвижении компанией возникает процессная система, так как продукт распространяется на рынке неограниченно в пространстве, но имеет ограниченный временной цикл. И если

в рамках самой компании происходит инновация локального значения, это будет проектная подсистема. Эти примеры являются упрощением реальности и могут менять свое значение в зависимости от экономического контекста.

Применение системного анализа к экономическим объектам может оказаться весьма полезным, если корректно идентифицировать функции и значение каждой отдельной системы. В качестве иллюстрации можно рассмотреть компанию «Водоканал» [12]. В базовом смысле она представляет собой просто одну из множества систем, генерирующих продукты или услуги. Однако, взглянув на неё как на элемент, обеспечивающий коммуникационную инфраструктуру, она преобразуется в фундаментальную часть экономической и социальной структуры региона. Системный подход универсален: для каждого объекта важно понять его уникальное место и функцию в рамках большей экосистемы, что требует глубокого анализа от учёных-исследователей и специалистов-практиков.

В заключение следует подчеркнуть, что совершенствование организационно-экономического механизма управления предприятиями через призму теории системной экономики открывает новые горизонты для повышения их эффективности. Внедрение системного подхода позволяет комплексно анализировать внутренние и внешние факторы, влияющие на деятельность предприятий, и принимать более обоснованные стратегические решения. Применение принципов системной экономики способствует оптимизации ресурсов, координации процессов и улучшению коммуникаций между отделами и сотрудниками. Такой подход может значительно повысить адаптивность организаций к изменениям рыночной среды, что является ключевым фактором успеха в условиях постоянных инноваций и конкуренции. Именно комплексное осознание всех элементов системы позволяет достичь гармоничного развития предприятий и стабильного экономического роста.

Литература

1. Коряков А.Г., О.И. Жемерикин, М.В. Захарова, Окумбекова М. Организационно-экономический механизм управления химическими предприятиями. Монография. М.:

Издательство «СОЛОН-Пресс». 2023. 197 с. Тираж 500 экз. ISBN 978-5-91359-580-5

2. Клейнер Г.Б. Системный менеджмент и системная оптимизация предприятия // Современная конкуренция. 2018. Т. 12. № 1 (67). С. 104-113.

3. Окумбекова М. Природа «вертикальной интеграции» и особенности управления в данных структурах // Московский экономический журнал. 2021. № 12. С.24

4. Голубев С.С., Цивилева А.Е. Управление региональной и отраслевой экономикой в современных условиях. Монография. М.: Издательство: Ваш формат. 2023. С.212.

5. Клейнер Г.Б., Пирогов Н.Л. Главная задача - совершенствование организационно-экономического механизма развития российских предприятий // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2018. Т. 9. № 2. С. 248-259.

6. Коряков А.Г., Пономарев Ф.В. Экономико-организационные аспекты получения тераностических агентов в российской фармацевтике // Московский экономический журнал. 2017. № 2. С. 24.

7. Секерин В.Д., Горохова А.Е., Семенова В.В., Скубрий Е.В. Инновация как ключевой фактор экономического развития // Друкеровский вестник. 2023. № 4 (54). С. 24-30.

8. Клейнер Г.Б. Системная парадигма как теоретическая основа стратегического управления экономикой в современных условиях // Управленческие науки. 2023. Т. 13. № 1. С. 6-19.

9. Трифонов И.В., Пулатов О.О. Совершенствование ключевых показателей эффективности организации // Инновационное развитие экономики. 2022. № 1-2 (67-68). С. 215-224.

10. Гумеров М.Ф. Развитие модельных инструментов выработки управленческих решений в условиях цифровой экономики // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2023. № 3. С. 12-14.

11. Жидиков В.В. Стимулирование инновационной активности сотрудников на предприятиях машиностроения // Экономика и управление в машиностроении. 2020. № 3. С. 24-27.

12. Бобрышев А.Д., Краснянская О.В., Грибов П.Г. Элементы теории и методологии построения механизмов организации иннова-

ционного развития промышленности, ориентированной на потребительский спрос // Вестник Национального Института Бизнеса. 2023. № 2 (50). С. 37-52.

Issues of improving the organizational and economic mechanism of industrial enterprises management based on the theory of systemic economics and system management

Koryakov A.G., Okumbekova M., Okumbekov R.

Financial University under the Government of the Russian Federation

In the modern world of constant changes and economic challenges, industrial enterprises face the task of not only survival, but also dynamic development. In this context, the key role is played by improving the organizational and economic management mechanism, which allows adapting to changing market conditions and ensures sustainable growth of an industrial enterprise. The application of the principles of systemic economics and system management opens up new horizons for effective enterprise management, integrating various aspects of activity into a single well-coordinated system. This article attempts to analyze how the theory of systemic economics can transform the organizational and economic management mechanism of an industrial enterprise and bring it to a new level of functioning.

Keywords: industrial enterprise, organizational and economic mechanism, system economy, system management, model.

References

1. Koryakov A.G., O.I. Zhererikin, M.V. Zakharova, Okumbekova M. Organizational and economic mechanism for managing chemical enterprises. Monograph. M.: Publishing house "SOLON-Press". 2023. 197 p. Circulation 500 copies. ISBN 978-5-91359-580-5
2. Kleiner G.B. System management and system optimization of the enterprise // Modern competition. 2018. Т. 12. No. 1 (67). pp. 104-113.
3. Okumbekova M. The nature of "vertical integration" and management features in these structures // Moscow Economic Journal. 2021. No. 12. P.24
4. Golubev S.S., Tsivileva A.E. Managing regional and sectoral economies in modern conditions. Monograph. M.: Publishing house: Your format. 2023. P.212.
5. Kleiner G.B., Pirogov N.L. The main task is to improve the organizational and economic mechanism for the development of Russian enterprises // MIR (Modernization. Innovation. Development). 2018. Т. 9. No. 2. P. 248-259.
6. Koryakov A.G., Ponomarev F.V. Economic and organizational aspects of obtaining theranostic agents in Russian pharmaceuticals // Moscow Economic Journal. 2017. No. 2. P. 24.
7. Sekerin V.D., Gorokhova A.E., Semenova V.V., Skubriy E.V. Innovation as a key factor in economic development // Drucker Bulletin. 2023. No. 4 (54). pp. 24-30.
8. Kleiner G.B. System paradigm as a theoretical basis for strategic economic management in modern conditions // Management Sciences. 2023. Т. 13. No. 1. P. 6-19.
9. Trifonov I.V., Pulatov O.O. Improving key performance indicators of an organization // Innovative development of the economy. 2022. No. 1-2 (67-68). pp. 215-224.
10. Gumerov M.F. Development of model tools for developing management decisions in the digital economy // Modern science: current problems of theory and practice. Series: Economics and law. 2023. No. 3. pp. 12-14.
11. Zhidikov V.V. Stimulating the innovative activity of employees at mechanical engineering enterprises // Economics and management in mechanical engineering. 2020. No. 3. pp. 24-27.
12. Bobryshev A.D., Krasnyanskaya O.V., Gribov P.G. Elements of theory and methodology for constructing mechanisms for organizing innovative development of industry focused on consumer demand // Bulletin of the National Institute of Business. 2023. No. 2 (50). pp. 37-52.

Управление развитием кадрового потенциала гостиничного предприятия

Ивановский Василий Серафимович

д.э.н., профессор кафедры управления в международном бизнесе и индустрии туризма, Государственный университет управления, unv2010@mail.ru

Латфуллин Габдельхат Рашидович

д.э.н., профессор кафедры теории и организации управления, Государственный университет управления, gr_latfullin@guu.ru

Зайцева Наталия Александровна

д.э.н., профессор кафедры индустрии гостеприимства, туризма и спорта, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, zaitseva-itig@mail.ru

Лавров Андрей Павлович

аспирант кафедры управления в международном бизнесе и индустрии туризма, Государственный университет управления, dro1999@mail.ru

Лавров Кирилл Павлович

аспирант кафедры управления в международном бизнесе и индустрии туризма, Государственный университет управления, lavrovkirill1999@mail.ru

Статья посвящена вопросу управления развитием кадрового потенциала на предприятиях сферы гостеприимства, который играет важную роль в формировании их конкурентных преимуществ. В работе дано определение понятию «ресурсный потенциал», выделены его составляющие. Отмечено, что кадровый потенциал является одной из первостепенных составляющих ресурсного потенциала гостиничного предприятия в силу специфики функционирования отрасли. Выявлены внешние и внутренние причины, побуждающие к активизации деятельности по развитию кадрового потенциала. Рассмотрены основные изменения, произошедшие в сфере гостеприимства в 2022 году и повлиявшие на дефицит квалифицированных специалистов в ней. Сделан вывод о необходимости разработки гармонично выстроенной системы управления кадровым потенциалом, включающей такие направления, как формирование кадрового потенциала, его использование и развитие.

Ключевые слова: ресурсный потенциал, кадровый потенциал, управление развитием кадрового потенциала, гостиничный бизнес.

JEL classification: B00, D20, E22, E44, L23, L51, L52, M11, M20, M30, Z33

Современный мир столкнулся с беспрецедентными вызовами, требующими от бизнеса умения быть проактивными и гибкими, адекватно реагировать на изменения потребностей клиентов, чтобы оставаться конкурентоспособным. Важную роль в формировании конкурентных преимуществ играют ресурсы предприятия.

Ресурсный потенциал представляет собой совокупность материальных и нематериальных ресурсов, имеющихся в распоряжении предприятия и позволяющих ему осуществлять свою хозяйственную деятельность.

Можно выделить следующие виды ресурсного потенциала [4]:

— организационный (способность использовать методы разработки, принятия и реализации управленческих решений);

— информационно-технический (особые знания, информационные технологии и ресурсы, позволяющие организации своевременно получать, анализировать и использовать информацию);

— технологический (способность организации применять современные технологии, методы и формы реализации товаров и услуг, обслуживания потребителей);

— финансово-инвестиционный (способность организации инвестировать необходимый объем денежных средств в развитие с целью укрепления свои рыночных позиций);

— кадровый (способность организации рационально использовать трудовые ресурсы для выполнения намеченных ею текущих и стратегических задач).

Специфика гостиничного бизнеса позволяет заключить, что кадровый потенциал является одной из первостепенных составляющих ресурсного потенциала, играя определяющую роль в его развитии. Кадровый потенциал гостиничного предприятия отражает способность трудовых ресурсов достигать в процессе выполнения своей профессиональной деятельности определенных результатов в заданных условиях, а также совершенствоваться в процессе труда и решать принципиально новые задачи, что требует динамично развивающаяся внешняя и внутренняя среда.

Новые условия хозяйствования диктуют новые требования к профессиональным и личностным компетенциям сотрудников. Трансформация труда при переходе к новому технологическому укладу требует систематического повышения квалификации работников всех уровней.

Однако стоит отметить, что не только внешние причины побуждают к началу деятельности по обучению и развитию персонала. Например, низкий уровень лояльности персонала к своему предприятию, высокая текучесть кадров, снижение производственно-финансовых показателей конкретного предприятия также активизирует работу по повышению профессиональной компетентности кадров, развитию их личностных качеств, необходимых для успешной деятельности и, что важно, соответствующих современным требованиям рынка труда.

Рассмотрим основные изменения, произошедшие в сфере гостеприимства в 2022 году. По данным эксперта по найму топ-менеджмента в индустрии гостеприимства, число квалифицированных специалистов существенно сократилось [3]. Особенно это касается топ-менеджмента. Время, затрачиваемое на поиск подходящего человека на должность, увеличивается, что заставляет отельеров увеличивать так называемые зарплатные «вилки», внедрять нематериальную мотивацию, активнее транслировать ценности компании.

Дефицит квалифицированных специалистов в гостиничном бизнесе, который, к

слову, наблюдался и ранее, усугубили следующие актуальные факторы [3]:

— отток кадров в Турцию, ОАЭ, Армению, Казахстан и открытие ресторанными холдингами заведений на Ближнем Востоке и в Центральной Азии, что открыло для эмигрантов возможности для трудоустройства;

— изменения требований к работникам в новых реалиях (предпочтение отдается универсалам, способным оперативно и грамотно действовать в условиях нестабильной внешней среды, увеличивая качественные и количественные показатели деятельности, а не просто удерживая их);

— формирование мнения о непрестижности отрасли (молодые специалисты выбирают наиболее современные сферы деятельности (например, IT), а работу в сфере гостеприимства рассматривают в качестве временной или сезонной).

Меняются условия трудоустройства, требования к кандидатам. Осведомленность о происходящих изменениях позволит сократить риски, связанные с персоналом, грамотно выстроить стратегию управления им. Каких вызовов и тенденций ждать в сфере гостиничного бизнеса?

Текучесть кадров, обусловленная миграционным потоком в ближайшее зарубежье, поспособствовала тому, что работодатели при закрытии вакантной должности начали отдавать предпочтение девушкам, иностранным гражданам и мужчинам старше 55 лет [3]. Задача — обеспечить непрерывность бизнес-процессов, на которую негативно сказывается текучесть кадров.

Наблюдается спрос на аналитиков, которые смогут качественно работать с информацией, связанный с уходом с рынка крупных консалтинговых компаний, к которым обращались предприятия индустрии гостеприимства в силу сложности их операционной деятельности [3].

Кроме того, кризис повлиял на психоэмоциональное состояние людей, что сказалось в свою очередь на коммуникациях внутри коллективов, их продуктивности, вовлеченности в реализацию целей компании и т.д. Это требует организации регулярных командных сессий с психологами или коучами, в рамках которых будет осуществляться психологическая работа с личностью.

Нагрузка на отдел кадров предприятий индустрии гостеприимства значительно возрастает, а ключевой задачей становится работа не только на привлечение квалифицированных специалистов в отрасль, но и на их удержание.

Уход с рынка крупных управляющих компаний не прошел бесследно: отдел работы с персоналом остался без стандартов подбора и обучения персонала, чем обусловлена потребность формирования сильной команды в нем, способной адаптировать сотрудников к новым реалиям современного мира, создать актуальные стандарты работы [3].

Что именно должен развивать каждый сотрудник сферы гостеприимства?

Выделим наиболее существенные характеристики, которые помогут увереннее себя чувствовать в радикально меняющемся современном мире и выводить уникальную линию развития бизнеса:

— умение работать в режиме многозадачности;

— умение налаживать экологичные коммуникации;

— умение быть командным игроком;

— умение анализировать и критически мыслить;

— умение справляться с рисками;

— умение работать с современными программами, создавать контент и направлять на целевую аудиторию и др.

Основу развития персонала организации составляет его профессиональное обучение, направленное на развитие перечисленных выше компетенций, которые и определяют необходимые направления этого обучения.

Изначально для каждой должности работника гостиничного предприятия определен необходимый базовый уровень профессиональной подготовки, позволяющий ему выполнять требуемые должностные обязанности. Речь идет об уровне образования, наличии определенного опыта работы или возможности его отсутствия.

Но для дальнейшего развития кадрового потенциала требуются дополнительные направления обучения, среди которых можно выделить [1]:

— специализированное обучение, предполагающее посещение отраслевых выставок и участие в деловой части их программ,

мастер-классов, тренингов и других подобных мероприятий, позволяющих узнавать о новых тенденциях на гостиничном рынке;

— обучение, направленное на восполнение недостающей квалификации работников гостиницы, получение второго образования или специальности и способствующее тем самым повышению мобильности персонала;

— обучение, ориентированное на развитие личностных качеств путем, например, посещения соответствующих тренингов, занятий с психологом и т.д.

Поддержание полученных компетенций требует от работников систематического самообучения посредством изучения специальной литературы, интернет-сайтов, общения с коллегами и т.д. [1]

Можно заключить, что развитие кадрового потенциала позволяет на практике реализовывать такие актуальные в настоящий момент концепции, как концепция самообучающейся организации или непрерывного образования.

В современном сложном мире знания, умения и навыки – это, пожалуй, единственный источник формирования конкурентных преимуществ, поэтому постоянное обучение — это инструмент достижения организацией целей и ответ на сложные задачи бизнеса.

Тогда важно суметь заинтересовать персонал в этом развитии, грамотно выстроив систему его развития, позволяющую сформировать кадры, которые будут действительно востребованы в сфере гостиничного дела. В данном процессе важна консолидация усилий всех заинтересованных сторон, к числу которых можно отнести:

— непосредственно гостиничные предприятия;

— профильные учебные заведения;

— органы государственного и муниципального управления в сфере туризма и гостеприимства и др.

Таким образом, успешность работы гостиничного предприятия зависит не только от квалифицированных кадров, но и от гармонично выстроенной системы работы с ними, которая должна основываться на мониторинге кадров предприятия [2]. Система управления кадровым потенциалом включает в себя целый комплекс взаимосвязанных элементов, где оценка состояния персонала является

одной из ключевых подсистем, задающей основные направления работы всех остальных подсистем и позволяющей получить необходимую информацию о текущем уровне квалификации сотрудника, принять соответствующие решения относительно его карьеры, запланировать обучение [2].

При этом для эффективного функционирования систему необходимо постоянно анализировать и корректировать, адаптируя её под текущие условия внешней среды [2].

Для реализации адекватной системы управления кадровым потенциалом недостаточно только своевременно организовывать обучение сотрудников. Нужен исключительно комплексный подход к её формированию, который будет способствовать росту уровня производительности труда и укреплению тем самым конкурентоспособности гостиничного предприятия.

Необходимо составлять индивидуальные планы карьерного роста сотрудников, внедрять стимулирующие системы, включающие как материальные, так и нематериальные компоненты; осуществлять поиск новых методов управления стрессами и конфликтами в рабочей среде; внедрять современные методы работы; устанавливать гибкий график работы и др.

Обобщив вышесказанное, можно выделить такие основные направления эффективной системы управления кадровым потенциалом, как:

— непосредственно формирование кадрового потенциала, включающее в себя процедуру планирования потребности в кадрах; маркетинг персонала; поиск, набор, отбор и адаптацию персонала;

— использование кадрового потенциала, включающее процесс его оценки, мотивации и стимулирования; организацию труда: нормирование труда;

— развитие кадрового потенциала, включающее обучение персонала, планирование его карьеры; ротацию; формирование кадрового резерва.

Грамотно разработанная программа развития кадрового потенциала будет способствовать не только обеспечению компании штатом квалифицированных специалистов, но и решению таких задач, как вовлечение сотрудников в активную реализацию текущих

и стратегических целей организации, переход к обучающейся организации, развитие корпоративного социального партнерства, жизнеобеспечение персонала во внешней среде, реализация активной молодежной политики и ряда других, которые обеспечат устойчивое развитие предприятия в долгосрочной перспективе [2].

Литература

1. Котелевская Ю. В. Практики развития кадрового потенциала гостиничных предприятий / Ю. В. Котелевская, А. А. Майстренко // Научные вызовы экономического развития в контексте цифровых трансформаций : сборник научных трудов по результатам Всероссийской национальной (с международным участием) научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и магистрантов, Севастополь, 13–15 января 2022 года. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2022. – С. 143-146.

2. Развитие кадрового потенциала // Акцион Кадры и HR [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hr-director.ru/article/66702-qqq-17-m5-razvitie-kadrovogo-potentsiala> (дата обращения: 01.08.2023).

3. Спрос на аналитиков и психологов: что ждет рынок труда в HoReCa в 2023-м // РБК [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/63ab08299a794753353a0cd4> (дата обращения: 01.08.2023).

4. Ушаков Р. Н. Развитие ресурсного потенциала гостиничного предприятия, - 2-е изд., стереотипное - Москва: НИЦ ИНФРА-М, 2016. - 168 с.

Management of the development of the personnel potential of the hotel enterprise
Ivanovsky V.S., Latfullin G.R., Zaitseva N.A., Lavrov A.P., Lavrov K.P.

State University of Management, Plekhanov Russian University of Economics

The article is devoted to the issue of managing the development of human resources at hospitality enterprises, which plays an important role in the formation of their competitive advantages. The paper defines the concept of "resource potential", highlights its components. It is noted that the personnel potential is one of the primary components of the resource potential of a hotel enterprise due to the specifics of the functioning of the industry. External and internal reasons have been identified that encourage the activation of human resources development activities. The main changes that

occurred in the hospitality industry in 2022 and affected the shortage of qualified specialists in it are considered. It is concluded that it is necessary to develop a harmoniously structured system of personnel potential management, including such areas as the formation of personnel potential, its use and development.

Keywords: resource potential, human resource potential, human resource development management, hotel business.

References

1. Kotelevskaya Yu. V. Practices for developing the personnel potential of hotel enterprises / Yu. V. Kotelevskaya, A. A. Maistrenko // Scientific challenges of economic development in the context of digital transformations: a collection of scientific papers based on the results of the All-Russian National (with international participation) scientific-practical conference of young scientists, graduate students and undergraduates, Sevastopol, January 13–15, 2022. – Simferopol: Limited Liability Company "Publishing House Typography "Arial", 2022. – P. 143-146.
2. Development of human resources // Aktion Personnel and HR [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.hr-director.ru/article/66702-qqq-17-m5-razvitie-kadrovogo-potentsiala> (date of access: 08/01/2023).
3. Demand for analysts and psychologists: what awaits the labor market in HoReCa in 2023 // RBC [Electronic resource]. – Access mode: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/63ab08299a794753353a0cd4> (access date: 08/01/2023).
4. Ushakov R. N. Development of the resource potential of a hotel enterprise, - 2nd ed., stereotypical - Moscow: NIC INFRA-M, 2016. - 168 p.

Совершенствование бизнес-процессов обеспечения средствами индивидуальной защиты при формировании механизма устойчивого развития экономики промышленного предприятия

Коряков Алексей Георгиевич

д.э.н., профессор Департамента менеджмента факультета «Высшая школа управления», Финансовый университет при Правительстве РФ

В эпоху неуклонного технологического прогресса и возрастающей озабоченности вопросами безопасности труда, совершенствование бизнес-процессов обеспечения средствами индивидуальной защиты на производстве выступает не просто как требование времени, но и как стратегический элемент устойчивого развития промышленных предприятий. Передовые практики показывают, что грамотный подход к данному аспекту может значительно повысить уровень безопасности сотрудников и в то же время способствовать росту эффективности производства. В этой статье мы рассмотрим ключевые методики оптимизации процесса обеспечения средствами индивидуальной защиты и проанализируем практические случаи, демонстрирующие успехи предприятий на этом пути. Статья направлена на получение комплексного представления о данном направлении в управлении промышленной безопасностью и устойчивым развитием предприятия.

Ключевые слова: промышленное предприятие, охрана труда, средства индивидуальной защиты (СИЗ), бизнес-процесс, методы поставки

JEL classification: B00, D20, E22, E44, L23, L51, L52, M11, M20, M30, Z33

Практическое внедрение стратегического подхода к охране труда на производственном предприятии требует целенаправленного влияния на все аспекты бизнес-активности, относящиеся к данной сфере. Это обусловлено тем, что стратегия по охране труда эволюционирует в корреляции с операционной стратегией компании и основывается на управлении бизнес-процессами.

Изучение научной литературы по этой проблематике позволяет определить бизнес-процесс как комплекс взаимодействующих процедур и действий, которые направлены на производство конечного продукта со значимостью для потребителя или же на выполнение отдельного этапа, который является частью процесса достижения этой цели [1], [8].

Бизнес-процессы традиционно классифицируют на три основные категории:

- **Руководящие** — они занимаются регулированием и обеспечивают стабильную работу компании (включая корпоративное управление и стратегическое планирование);
- **Основные операционные** — создают главный продукт компании и являются источником ее доходов (закупки, производство,

маркетинг, продажи, управление дебиторской задолженностью);

- **Вспомогательные** — предоставляют необходимую поддержку для первых двух категорий бизнес-процессов (бухгалтерия, найм сотрудников, техническая поддержка, административно-хозяйственная деятельность).

Процессы в сфере охраны труда относятся к вспомогательным. Они не создают конечный товар для потребителя напрямую; однако они обеспечивают ценное промежуточное благо – безопасные условия работы персонала [2].

Каждую из этих трех групп можно дополнительно разделить на две подгруппы: процедуры приобретения необходимых ресурсов для действий в рамках данной группы и сам процесс эксплуатации этих ресурсов. Примером этого могут служить бизнес-процессы по охране труда связанные с закупками и поставками необходимых средств для выполнения этой функции [3], [9].

В современной экономике индустрия средств для обеспечения безопасности на

рабочем месте достигла значительного прогресса, как на международном уровне, так и в пределах Российской Федерации. Отчеты Минтруда и Минздрава указывают на то, что в перечне организаций с аккредитацией в этой области числится 2260 компаний. Эти организации распределены по стране довольно равномерно, функционируют в соответствии с законодательными нормами и предоставляют заказчикам возможность приобрести требуемые товары на условиях контракта в удобное время. Однако рынок не однороден: некоторые его части более развиты, чем другие. Услуги аутсорсинга в области безопасности труда еще не достигли полной зрелости и являются относительно новыми. Лишь незначительное количество компаний специализируется исключительно на аутсорсинге такого рода услуг. Аутсорсинг должен служить дополнением к основным видам деятельности предприятия, однако не все лицензированные компании фактически предоставляют эти услуги. Средний доход аутсорсинговых фирм в России составляет около 4 миллиона рублей; при этом зарегистрировано всего 624 таких компании, что позволяет оценить общий объем рынка примерно в 2 миллиарда рублей [4], [5], [6].

Образовательный сектор по технологиям безопасности труда значительно опережает аутсорсинг по степени своего развития. В России функционирует 1372 учебных заведений, которые специализируются на подобных программах обучения. Обычно учебное заведение представляет собой предприятие малого бизнеса с ограниченным числом работников и невысоким объемом операций. В среднем такое учреждение генерирует доход в размере от 3 до 4 миллионов рублей в год, имея штат из примерно 8-10 постоянных преподавателей и столько же приглашенных специалистов. Стоимость услуг по всей стране в среднем около 2000 рублей, хотя цены значительно колеблются в зависимости от региона. Общий объем рынка оценивается примерно в 5 миллиардов рублей [4], [7].

Когда дело доходит до рынка физических средств, используемых для обеспечения безопасности труда, эксперты классифицируют его как так называемый “закрытый” рынок. Динамика этого рынка пока ещё не очень хорошо изучена, и его конкретные особенности известны лишь тем, кто напрямую связан с

этой областью профессиональной деятельности. По оценкам экспертов, оборот на данном рынке составляет около \$1 миллиарда в России. Текущая тенденция показывает, что этот показатель может значительно возрасти вследствие возможного изменения законодательства в области безопасности на рабочих местах [8], [15].

В настоящее время на рынках Запада наблюдается застой в сегменте специализированной одежды и средств по обеспечению безопасности труда, что делает рынки России, стран СНГ и других развивающихся государств привлекательными для иностранных компаний. В наши дни многие зарубежные предприятия активно осваивают российский рынок через партнёров-дистрибьюторов. Несмотря на это, отечественные производители сохраняют полный контроль лишь над сегментом спецодежды. Вместе с тем, Россия также становится активным игроком на глобальном рынке трудозащитных средств, принимая заказы на производство одежды из-за границы, особенно востребованными являются товары у Китая и Индонезии; при этом 60% продукции отечественных изготовителей в категории защитных систем для дыхания приходится на импорт [9], [10], [13].

Тем не менее, западные фирмы испытывают затруднения в освоении российского рынка спецодежды из-за неспособности предложить продукцию по конкурентным ценам – а это ключевой фактор для управленцев компаний, нуждающихся в такого рода продукции. Поэтому большинство русских производителей выпускает спецодежду маленькими или средними партиями, опираясь на инновационные технические разработки.

Глобальная тенденция к прогрессированию высокотехнологичных мер защиты дыхательных путей год от года набирает обороты, что может оказать негативное влияние на спрос на изделия российских производителей. Это связано с тем, что большинство из них не обладают достаточными возможностями для осуществления перехода к передовым технологическим решениям в этом направлении. Ожидалось, что положение дел может улучшиться, если европейские компании начнут размещать производства на территории России так же активно, как они это делают в Китае и Индонезии. Однако, теперь

в новых реалиях беспрецедентного санкционного давления на это рассчитывать не придется. Заметим, что за последние три года прирост рынка средств индивидуальной защиты замедлился до 15-20% ежегодно по сравнению с более чем 30% в прошлые 8-10 лет. Средняя прибыльность на данном рынке составляет 12-15%, и эта цифра меняется незначительно даже с учетом предоставляемых скидок. Главным параметром для клиентов при выборе продукции является её цена [11], [12].

В последнее время ключевую роль в развитии этого рынка играет стремление промышленных предприятий улучшить качество предпринимаемых мер безопасности. Несмотря на медленные изменения, отечественный рынок все же движется в направлении соответствия западным стандартам. Этот перевод фокуса производителей на высокое качество способствует увеличению объема рынка в финансовом выражении. В то же время потребительский спрос увеличивается не так динамично, поскольку новые технологии позволяют оптимизировать численность работников, что приводит к снижению потребности в защите и замедление темпов производства до 5 – 7% [14].

Возможно увеличение спроса в таких секторах экономики, как услуги и аграрный сектор, где на данный момент наблюдается заметный дефицит в оборудовании для защиты работников. В частности, труд занятых в агропромышленном комплексе подвержен воздействию большого количества пыли, равно как и работа на производстве, что требует обеспечения рабочих необходимыми респираторами и предупредительными жилетами наравне с операторами спецтранспорта. Однако активных шагов по улучшению этой ситуации пока недостаточно [15].

На российском рынке средств охраны труда представлено свыше тысячи производственных компаний. Эти фирмы характеризуются различной степенью оснащенности: некоторые из них контролируют всю цепочку поставок: от выпуска продукции до её доставки конечным пользователям, другие фокусируются исключительно на распределении товаров, полагая наличие собственного производства невыгодным экономически и делая акцент на расширение товарного ассортимента.

Более того, определенные компании ориентированы лишь на локальные региональные рынки со своей базой потребителей, что гарантирует им стабильный доход. В то же время другие стремятся к активному увеличению своего присутствия на рынке. Одной из стратегий для этого может служить разработка консультационных услуг – перспективной области бизнеса из-за возрастающего числа промышленных предприятий, нуждающихся в создании эффективной системы безопасности труда. Такое направление работы связано с детальным изучением условий работы и организации труда в компаниях для определения эффективности применяемых мер защиты. Стоимость данных услуг достаточно высока и составляет около 5–6 тысяч рублей за каждого рабочего [16], [17].

Участники рынка выделяют как основную проблематику несовершенство законодательных актов, касающихся бесплатного предоставления рабочей одежды, обуви и других средств личной защиты в производственной сфере. Улучшение законодательной базы могло бы способствовать уменьшению числа травм на рабочих местах и значительно стимулировать рост данного рынка. В связи с этим компании стремятся улучшить внутренние нормативы в данных аспектах, однако для системных изменений необходимо обновление государственных законов [18].

Большинство игроков отрасли являются членами Ассоциации разработчиков, производителей и поставщиков средств индивидуальной защиты (Ассоциация СИЗ), которая активно занимается подготовкой предложений по модификации действующих нормативов для последующего представления в Министерство труда и социального развития. Прогресс в этом направлении замедлен из-за процесса реорганизации соответствующих министерских структур. Минздрав и Минтруд, пока что не создали новых правил или стандартов в этой области [19].

Рынок защитных средств напрямую подчиняется действующему регулированию. Общеизвестно, что российские стандарты значительно уступают иностранным, поэтому приближение новых норм к европейским стандартам может спровоцировать всплеск на рынке. К примеру, гармонизация стандар-

тов на выдачу сигнальной одежды с отражающими элементами к западным может привести к удвоению объема рынка. Изменения в нормативах по распределению защитных средств для рук способны вызвать до 50% прироста данного сегмента [9], [11].

Для промышленного предприятия перво-степенное значение имеет верный выбор модели кооперации с поставщиком оборудования для безопасности труда, который бы соотвечествовал развитию и потенциалу данного предприятия. Существуют три известные методики организации поставок необходимых ресурсов для систем охраны труда на производствах.

Методика MRP (планирование материальных ресурсов) стала разрабатываться в начале 60-х годов XX века и сегодня является неотъемлемой частью большинства интегрированных информационных систем управления бизнес-процессами. Несмотря на это, распространение таких современных интегрированных систем на российских предприятиях еще не достигло широкого масштаба, причем особенно остро стоят вопросы в области MRP. Адаптация этих систем показана в следующих обстоятельствах [14], [20], [22]:

Фундаментальный принцип MRP-систем заключается в обеспечении доступности всех необходимых материалов и компонентов для производства изделий в точно рассчитанное время и в точном количестве. Главная выгода от внедрения таких систем проистекает из создания оптимизированной последовательности операций с материалами и комплектующими, что гарантирует своевременное производство деталей и полуфабрикатов для успешного выполнения общего плана выпуска финальной продукции.

Ключевые элементы MRP-систем можно классифицировать как показано на рисунке 1.

Рисунок 1. Состав системы MRP [13], [18]

Спецификация материалов (СМ) является перечнем всех необходимых материалов и их количества для создания определенного компонента или готового изделия. В комбинации со структурой изделия она помогает формировать полную карту готовой продукции, необходимых материалов и деталей для каждого изделия, а также описывает структуру самого изделия, включая узлы, элементы, компоненты, материалы и связи между ними [2], [17].

Материальный учет и структура продукции являются данными, занесенными в таблицы базы данных, которые должны точно отражать актуальную информацию. При модификациях в материальной основе продукта или изменениях в перечне материалов необходимо незамедлительно провести корректировку соответствующих записей в этих таблицах [19].

Информация о текущем уровне запасов отображается в систематизированных таблицах баз данных, которые включают все важные атрибуты для каждой учетной единицы. Независимо от того, применяется ли учетная единица в одном изделии или используется в разных готовых продуктах, она должна иметь уникальный идентификатор с соответствующим кодом. Обычно запись об учетной единице содержит множество деталей и характеристик, необходимых для функционирования MRP-систем (систем планирования материальных ресурсов). Эти данные можно структурировать так, как показано на рисунке 2.

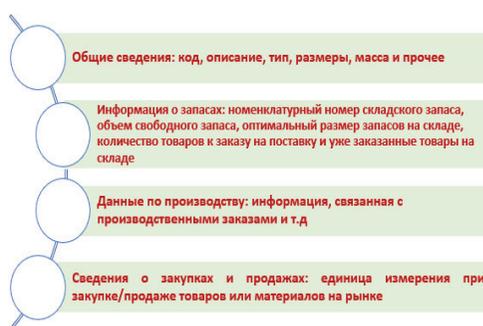

Рисунок 2. Структура данных в MRP – системах [21]

Обновление записей о количестве запасов происходит после каждой операции, связанной с управлением запасами — будь то планирование закупок, размещение заказов

на поставку, приемка товаров на склад, списание брака и так далее. Система MRP осуществляет ряд ключевых функций на основе получаемой информации (см. рис.3).

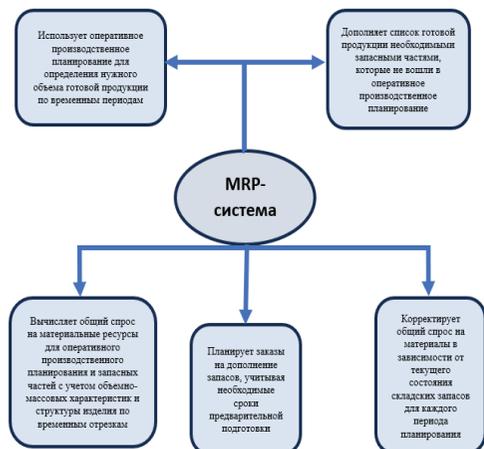

Рисунок 3. Основные функции системы MRP на основе получаемой информации [20]

Работа системы MRP заканчивается формированием графика поставок материальных ресурсов для нужд производства и детализацией данных о каждом элементе материалов и компонентов для всех временных периодов в контексте обеспечения оперативного производственного планирования.

Система Just-In-Time (JIT), что означает “точно в срок”, представляет собой логистическую концепцию, при которой материалы и компоненты поставляются на производственные мощности небольшими объемами с высокой регулярностью, соответственно реальным потребностям производственного процесса. Это позволяет свести к минимуму расходы на их хранение.

Концепция “Just-in-Time” представляет собой передовую технологическую стратегию организации логистических процессов в сфере операционного управления на предприятиях, включающих закупки и распределение. Эта концепция строится на точной координации поставок материалов и выпуска продукции, гарантирующей их наличие в нужном месте и количестве в точно отведенное время для оптимизации издержек, связанных с хранением запасов. С точки зрения логистики, “Just-in-Time” подразумевает детальную синхронизацию потоков ресурсов со

спросом, который определяется планом производства изделий. Такая координация требует тесного взаимодействия основных направлений логистической деятельности: закупок и управления производством. Данная концепция оказывает влияние на все аспекты логистического цикла. В идеальных условиях ресурсы или готовая продукция поступают в конкретную часть цепочки поставок или канала распределения ровно тогда, когда возникает потребность, что позволяет избежать ненужных запасов как на этапе производства, так и при распределении товара. Множество новейших логистических систем промышленных предприятий используют этот подход и фокусируются на минимализации времени циклов, что требует быстрого отклика всех звеньев системы на любые изменения спроса или производственные планы.

Концепция “Just-In-Time” (JIT) предполагает ряд преобразований в бизнес-процессах по нескольким основным направлениям [18]:

Запасы: компаниям необходимо определить и ликвидировать факторы, приводящие к накоплению запасов, и стремиться к их чрезвычайному сокращению как на этапе производства в процессе выполнения, так и для конечной продукции.

Качество: задачей является уменьшение до нуля доли бракованной продукции путем применения комплексных систем управления качеством.

Поставщики: следует гарантировать бесперебойное функционирование клиентских операций за счет установления долгосрочных связей с ограниченным числом надежных поставщиков и транспортных компаний.

Размер партий: целесообразно направлять усилия на сокращение объема производственных партий для обеспечения коротких циклов изготовления, что позволит предупредить избыточное складирование товаров.

Сроки выполнения заказов: важно активно работать над уменьшением периода исполнения заказов для минимизации рисков, связанных с изменением состояния рынка во время продолжительного ожидания поставок.

Надежность: все операции должны выполняться стабильно без отклонений или задержек, что подразумевает отсутствие неисправностей оборудования, выхода из строя или простоя рабочих мест.

Персонал: желательна разработка и поддержка культуры кооперации между всеми служащими — от производственного персонала до руководства — поскольку общий успех зависит от гармонии в команде; каждый работник заслуживает равного и справедливого подхода, а любое предложение по оптимизации рабочих процессов должно быть серьезно рассмотрено.

Эти направления помогают создать более эффективную операционную систему, повышая конкурентоспособность организации на рынке.

В стратегии производства «точно в срок» ключевую роль играет потребительский спрос, который направляет потоки ресурсов — от сырья до готовых изделий. Использование данного подхода предполагает минимизацию временных интервалов на всех этапах логистической цепи, что обычно приводит к необходимости размещения основных поставщиков в непосредственной близости от производственных мощностей компании. С целью обеспечения бесперебойности процесса, компания заинтересована в формировании партнерских отношений с ограниченным числом поставщиков, которые могут гарантировать надежные поставки и высочайшее качество своих товаров и услуг, так как любое замедление или проблемы на этапе снабжения могут серьезно нарушить запланированные производственные графики.

Ключевые достоинства подхода JIT показаны на рис.4.

Все рассматриваемые подходы к управлению инвентаризацией исходят из предположения, что персонал компании несет ответственность за планирование потока ресурсов. Однако наблюдается современное направление в области логистики, которое предпочитает стратегию управления запасами поставщиком (Vendor Managed Inventory, VMI). Сущность этой стратегии заключается в передаче поставщику определенной информации от клиента о товарах или ассортименте. Поставщик, в свою очередь, принимает на себя обязательства по контролю за сохранением необходимого уровня запасов на складе или у розничного продавца. Заключая договоренности заблаговременно, стороны согласовывают стандарты обслуживания и размеры требуемых запасов. Применение системы VMI часто

также предусматривает передачу ответственности за разнообразие и полноту ассортимента от клиента к поставщику. В дополнение к двустороннему соглашению между покупателем и продавцом часто привлекаются третьи стороны — операторы контрактной логистики для оказания специализированных услуг всем заинтересованным лицам.

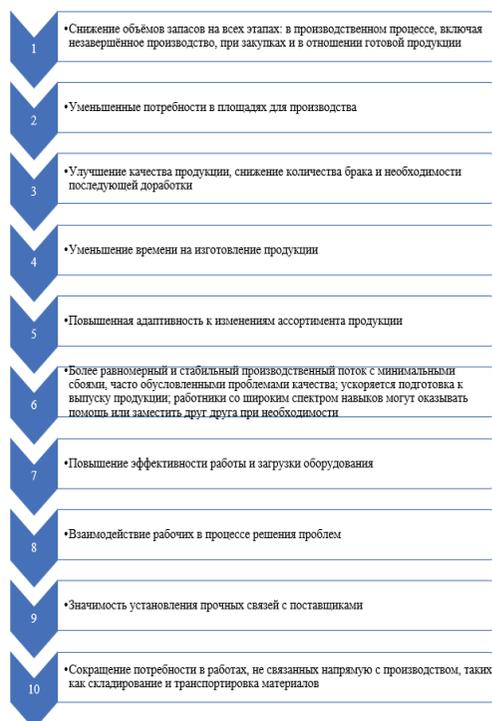

Рисунок 4. Основные достоинства подхода «точно в срок» [17], [20]

Принципиальные выгоды от использования системы VMI включают [4], [10]:

- минимизацию риска возникновения дефицита у клиента;
- понижение объема накопленных запасов у клиента;
- уменьшение размера запасных активов у продавца.

Данные преимущества обеспечиваются путём повышения уровня видимости запасов на всех этапах цепочки поставок как со стороны поставщика, так и со стороны потребителя. Это дает возможность оперативно отслеживать колебания спроса и гарантировать своевременное распределение товаров

по складам или точкам продаж конечного клиента. Типично, что продавец обладает более глубокими знаниями о тенденциях своей продукции на рынке и может оперативнее отслеживать сокращение запасов у покупателя, нежели сам покупатель. Поставщик способен выполнять доставки продукции без ожидания заказа или его подтверждения со стороны покупателя, что в классической системе управления запасами между поставщиком и клиентом влечет за собой значительные временные потери.

Центральный элемент таковых соглашений состоит в переложении рисков устаревания товара с покупателя на поставщика в местах хранения или точках продажи, принадлежащих клиенту. Это может осуществляться либо через механизм возврата неликвидных товаров обратно поставщику (реверсивная логистика), либо через передачу права собственности на товар к покупателю при его непосредственной продаже конечному потребителю. В данном контексте клиент выступает скорее в роли хранителя запасов для поставщика, что часто определяют как “консигнационную торговлю”. Один из методов VMI — это система торговли на основе сканирования (SBT), где ответственность за товары остается у поставщика до момента их фактического сканирования при процессе продажи [15].

Такая модель взаимодействия с поставщиками активно используется компанией Wal-Mart и другими значительными розничными сетями. Производители нефтепродуктов применяют подобную систему для контроля над запасами топлива на обслуживаемых ими заправочных станциях. В России эта бизнес-практика также получила распространение среди основных игроков рынка FMCG (товары повседневного спроса) в рамках работы с дистрибьюторами.

Применение принципов управления запасами по модели Vendor Managed Inventory (VMI) способствует повышению понимания между участниками цепочки поставок. Однако вместе с плюсами, есть определённые организационные сложности, связанные с применением VMI (см. рисунок 5).

В основном, концепция управления запасами по принципу VMI направлена на увеличение эффективности процесса закупки всех

категорий материалов, которые используются на предприятии, включая те, что необходимы для обеспечения безопасности труда. Реализация данного подхода позволяет добиться сохранения или повышения результативности работы предприятия или его подразделений при одновременном сокращении расходов, необходимых для достижения данных результатов. Это становится возможным благодаря оптимизации затрат на содержание складских помещений и административно-управленческого персонала, отвечающего за логистические процедуры. В заключение отметим, что применение системы VMI в логистике способствует более интенсивному развитию систем безопасности труда на промышленных предприятиях. В то же время доминирование методологий MRP и JIT в сфере приобретений средств защиты свидетельствует о более экстенсивном характере развития данной области, так как непрерывность функционирования системы безопасности в этом случае достигается за счет привлечения дополнительных ресурсов — как человеческих, так и материальных. Усложнения по пути более глубокого освоения модели VMI на российских промышленных предприятиях становятся ещё более значительными; однако крупные компании имеют возможность извлекать выгоду из этой модели максимально эффективно благодаря положительному эффекту от масштаба производства и товарооборота.

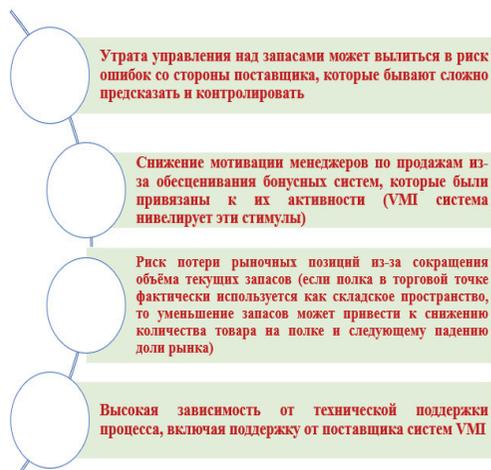

Рисунок 5. Негативные последствия применения модели VMI [21]

Литература

1. Коркачев В.А., Коряков А.Г. Проблемные аспекты формирования стратегии управления охраной труда на предприятии // Экономика и управление инновациями. 2019. № 3 (10). С. 78-87.
2. Афанасенко И.Д. Логистика снабжения / И.Д. Афанасенко, В.В. Борисова. – СПб.: Питер, 2018. – 384 с.
3. Варзунов А.В. Анализ и управление бизнес-процессами / А.В. Варзунов, Е.К. Торосян, Л.П. Сажнева. – СПб.: Университет ИТМО, 2016. – 112 с.
4. Зайцев Е.И. Логистика и синергетика. Новая парадигма в теоретической логистике / Е.И. Зайцев // Логистика и управление цепями поставок. – 2004. - №1 (1). – С. 7 – 13.
5. Гвилия Н.А. Управление цепями поставок / Н.А. Гвилия, А.В. Дмитриев. – М.: Юрайт, 2017. – 209 с.
6. Пудовкина С.Г. Анализ и оптимизация бизнес-процессов / С.Г. Пудовкина. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2013. – 49 с.
7. Григорьев М.Н. Информационные системы и технологии в логистике / М.Н. Григорьев, Н.Н. Дигусов, С.А. Уваров. – М.: Юрайт, 2018. – 507 с.
8. Коряков А.Г. Методические подходы к моделированию устойчивого развития промышленных предприятий // Вестник экономики, права и социологии. 2012. № 3. С. 36-40.
9. Григорьев М.Н. Коммерческая логистика: теория и практика / М.Н. Григорьев, В.В. Ткач, С.А. Уваров. – М.: Юрайт, 2018. – 507 с.
10. Филатов С.К. Логистика. Транспортное обеспечение коммерческой деятельности / С.К. Филатов. – Волгоград: Донской ГАУ, 2017. – 134 с.
11. Гусев С.А. Когнитивная логистика / С.А. Гусев. – Саратов: СГТУ имени Гагарина Ю.А, 2017. – 132 с.
12. Долганова О.И. Моделирование бизнес-процессов / О.И. Долганова, Е.В. Виноградова, А.М. Лобанова. – М.: Издательство Юрайт, 2016. – 289 с.
13. Елиферов В.Г. Бизнес-процессы: регламентация и управление / В.Г. Елиферов. – М.: НИЦ ИНФРА-М, 2013. – 319 с.
14. Корнилов С.Н. Основы логистики / С.Н. Корнилов, М.Н. Рахмангулов. – М.: Учебно-методический центр по образованию на железнодорожном транспорте, 2016. – 302 с.
15. Левкин Г.Г. Организация интермодальных поставок / Г.Г. Левкин, В.М. Курганов. – СПб.: Лань, 2018. – 128 с.
16. Пирогова Е.В. Управление бизнес-процессами предприятия / Е.В. Пирогова. – Ульяновск: УлГТУ, 2017. – 107 с.
17. Бобрышев А.Д., Панова Е.С. Совершенствование методических подходов к внедрению новаций на промышленных предприятиях // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2016. Т. 7. № 1 (25). С. 89-96.
18. Плоткин Б.К. Становление и современная трансформация логистики / Б.К. Плоткин, С.Г. Плешиц. – СПб.: СПбГЭУ, 2016. – 150 с.
19. Владимиров А.С. Логистика, виды логистики и глобальные системы / А.С. Владимиров, Ю.И. Василюк // Актуальные вопросы экономических наук. – 2016. - 51. – С. 108 – 112.
20. Сергеев В.И. Логистика снабжения / В.И. Сергеев, И.П. Эльяшевич. – М.: Юрайт, 2018. – 384 с.
21. Воронин Г.П. Качество логистики – логистика качества / Г.П. Воронин, И.А. Рачковская // Логистика. – 2014. – 12 (97). – С. 24 – 29.
22. Коневский К.П. Материально-техническое обеспечение как элемент работоспособности сотрудников / К.П. Коневский // Вектор экономики. – 2019. - №3 (33). – С. 105.

Improving the business processes of providing personal protective equipment in the formation of a mechanism for the sustainable development of the economy of an industrial enterprise

Koryakov A.G.

Financial University under the Government of the Russian Federation

In an era of steady technological progress and increasing concern about occupational safety, improving business processes for providing personal protective equipment at work acts not only as a requirement of the time, but also as a strategic element of sustainable development of industrial enterprises. Best practices show that a competent approach to this aspect can significantly increase the level of employee safety and at the same time contribute to increased production efficiency. In this article, we will look at the key techniques for optimizing the process of providing personal protective equipment and analyze practical cases demonstrating the success of enterprises along this path. The article is aimed at obtaining a comprehensive understanding of this area in the management of industrial safety and sustainable development of the enterprise.

Keywords: industrial enterprise, labor protection, personal protective equipment (PPE), business process, methods

References

1. Korkachev V.A., Koryakov A.G. Problematic aspects of forming a strategy for managing occupational safety and health at an enterprise // *Economics and innovation management*. 2019. No. 3 (10). pp. 78-87.
2. Afanasenko I.D. Supply logistics / I.D. Afanasenko, V.V. Borisova. – St. Petersburg: Peter, 2018. – 384 p.
3. Varzunov A.V. Analysis and management of business processes / A.V. Varzunov, E.K. Torosyan, L.P. Sazhnev. – St. Petersburg: ITMO University, 2016. – 112 p.
4. Zaitsev E.I. Logistics and synergetics. New paradigm in theoretical logistics / E.I. Zaitsev // *Logistics and supply chain management*. – 2004. - No. 1 (1). – P. 7 – 13.
5. Gviliya N.A. Supply chain management / N.A. Gviliya, A.V. Dmitriev. – M.: Yurayt, 2017. – 209 p.
6. Pudovkina S.G. Analysis and optimization of business processes / S.G. Pudovkina. – Chelyabinsk: SUSU Publishing Center, 2013. – 49 p.
7. Grigoriev M.N. Information systems and technologies in logistics / M.N. Grigoriev, N.N. Digusov, S.A. Uvarov. – M.: Yurayt, 2018. – 507 p.
8. Koryakov A.G. Methodological approaches to modeling sustainable development of industrial enterprises // *Bulletin of Economics, Law and Sociology*. 2012. No. 3. P. 36-40.
9. Grigoriev M.N. Commercial logistics: theory and practice / M.N. Grigoriev, V.V. Tkach, S.A. Uvarov. – M.: Yurayt, 2018. – 507 p.
10. Filatov S.K. Logistics. Transport support for commercial activities / S.K. Filatov. – Zernograd: Don State Agrarian University, 2017. – 134 p.
11. Gusev S.A. Cognitive logistics / S.A. Gusev. – Saratov: SSTU named after Yu.A. Gagarin, 2017. – 132 p.
12. Dolganova O.I. Modeling of business processes / O.I. Dolganova, E.V. Vinogradova, A.M. Lobanova. – M.: Yurayt Publishing House, 2016. – 289 p.
13. Eliferov V.G. Business processes: regulation and management / V.G. Eliferov. – M.: NIC INFRA-M, 2013. – 319 p.
14. Kornilov S.N. Fundamentals of logistics / S.N. Kornilov, M.N. Rakhmagulov. – M.: Educational and Methodological Center for Education in Railway Transport, 2016. – 302 p.
15. Levkin G.G. Organization of intermodal deliveries / G.G. Levkin, V.M. Kurganov. – St. Petersburg: Lan, 2018. – 128 p.
16. Pirogova E.V. Management of enterprise business processes / E.V. Pirogov. – Ulyanovsk: UISTU, 2017. – 107 p.
17. Bobryshev A.D., Panova E.S. Improving methodological approaches to the implementation of innovations at industrial enterprises // *MIR (Modernization. Innovation. Development)*. 2016. T. 7. No. 1 (25). pp. 89-96.
18. Plotkin B.K. Formation and modern transformation of logistics / B.K. Plotkin, S.G. Pleschits. – St. Petersburg: St. Petersburg State Economic University, 2016. – 150 p.
19. Vladimirova A.S. Logistics, types of logistics and global systems / A.S. Vladimirova, Yu.I. Vasilyuk // *Current issues of economic sciences*. – 2016. - 51. – P. 108 – 112.
20. Sergeev V.I. Supply logistics / V.I. Sergeev, I.P. Elyashevich. – M.: Yurayt, 2018. – 384 p.
21. Voronin G.P. Quality of logistics – quality logistics / G.P. Voronin, I.A. Rachkovskaya // *Logistics*. – 2014. – 12 (97). – P. 24 – 29.
22. Konevsky K.P. Logistics support as an element of employee performance / K.P. Konevsky // *Vector of economics*. – 2019. - No. 3 (33). – P. 105.

Некоторые особенности постиндустриальной экономики, как экономики знаний

Валинурова Лилия Сабиховна

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой инновационной экономики, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», valinurovalilia@mail.ru

Мазур Наталья Зиновьевна

доктор экономических наук, профессор кафедры инновационной экономики, ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», г. Уфа, Российская Федерация, tittip@mail.ru

Россинская Галина Михайловна

доктор экономических наук, старший научный сотрудник, профессор кафедры инновационной экономики ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», g-ross@mail.ru

В статье рассмотрены основные тенденции, свойственные развитию постиндустриальной экономической системы, показана роль информации и инноваций в развитии экономики и производства. Отмечена неравномерность развития различных территорий, в том числе из-за сохранения привязки к природным ресурсам и производственным локациям, что представлено в качестве маркеров предыдущей индустриальной эпохи. Проанализированы преимущества и риски глобализационных процессов. Отмечена роль знания и компетенций в экономике нового типа, особо выделена проблема дефицита кадров, обладающих инновационными компетенциями.

Ключевые слова: экономика, цифровизация, глобализация, постиндустриальная экономика, аграрная экономика, индустриальная экономика, кластеризация, компетенции, кадровый дефицит.

JEL classification: D20, E22, E44, L10, L13, L16, L19, M20, O11, O12, Q10, Q16, R10, R38, R40, Z21, Z32

В экономической и производственной истории человеческой цивилизации на основании разнообразных критериев принято выделять определенные периоды, в рамках которых в обществе действуют и используются схожие принципы и механизмы экономических отношений, технологии производства, рекреационные и демографические паттерны. Согласно одной из наиболее распространенных классификаций, выделяются три ключевых стадии общественно-экономического развития: доиндустриальная, индустриальная и постиндустриальная.

Доиндустриальная стадия цивилизационной динамики называется также аграрной, традиционной. Для нее характерен особый тип экономической системы – добывающий. Аграрная стадия является наиболее продолжительной в истории человечества; она, как отмечает Л. Г. Батракова, воплощается в различных формах – от общества, занятого охотой и собирательством, до вполне развитых социальных систем, обладающих продвинутыми технологиями земледелия и животноводства. Доиндустриальная стадия имела место на территории России по XIX в. вклю-

чительно: несмотря на колоссальные объемы отечественного промышленного производства, т. н. «первичный» сектор народного хозяйства долгое время оставался доминирующим [3, с. 60].

Индустриальный тип экономики определяется детерминирующей ролью «вторичного сектора» – многоотраслевой промышленностью при росте убыточности аграрных видов деятельности. В начале XX в. можно было отметить первые признаки терциаризации экономики – замену «вторичного» сектора «третичным». «Третичная» экономика воплощается в превалировании непродовственных отраслей и знаменует собой переход к современной, постиндустриальной стадии развития общества.

Существуют и другие классификации цивилизационных этапов. Е.В. Балацкий, к примеру, говорит о трех «мегаволнах». Первая аграрная «мегаволна» характеризуется функционированием относительно стабильной денежной системы и развитым производством. До этого периода выделять этапы развития экономико-производственных систем, по мнению автора, не вполне корректно, так как полноценных структурированных систем

экономики и производства ранее не существовало в принципе [2, с. 8]. Считать признаком сформированного аграрного общества овладение человечеством пищевым ресурсом едва ли возможно. Основными чертами второй «мегаволны» выступают освоение энергетического ресурса и создание промышленности. В настоящее время большая часть национальных экономико-производственных систем функционируют в условиях третьей «мегаволны» – информационной, когда «в каждый дом пришла информация в форме компьютера, подключенного к глобальной информационной сети» [2, с. 8]. Главным и наиболее востребованным типом ресурса становится информация, заключенная в памяти компьютера, человека, социума.

Можно сказать, что первые три «мегаволны» уже состоялись и сегодня мы наблюдаем парадигмальный сдвиг в производстве, экономике, финансах и в обществе в целом, что свидетельствует о скором наступлении четвертой «мегаволны», витальный ресурс которой – время. Увеличение продолжительности жизни, сокращение рабочей недели и пропорциональное увеличение времени на досуг, супербыстрые квантовые вычисления, позволяющие произвести любые информационные процедуры в доли секунды, – именно эти тенденции озвучиваются сегодня в большинстве научных прогнозов.

Несмотря на то, что в условиях постиндустриальной экономики мы живем уже несколько десятилетий, далеко не все проблемные аспекты этой эпохи изучены досконально. Более того, в информационном поле возникают все новые тенденции и явления, не характерные для предыдущих эпох. В данной связи представляется актуальным провести обзор и анализ новейших тенденций постиндустриальной экономики и на этой основе составить перечень ее характеристик.

Информация, компетенции и знания.

Как отмечено выше, постиндустриальная экономика отличается доминированием третичного и четвертичного (торговля, страхование, недвижимость, финансы) секторов, повышением роли информации, компетенций и знаний. Можно отметить также такие черты, как деструкция классовой социальной си-

стемы и замена ее на профессиональное деление общества. Приоритет информации и знаний влечет за собой рост удельной доли наукоемких производств и стремительное развитие информационно-компьютерных технологий [3, с. 61].

Безусловно, наиболее близким синонимом к термину «постиндустриальная экономика» является категория «экономика знаний». Данный термин актуализирует отмеченное выше доминирование информации над физическими, осязаемыми ресурсами, важными в предшествующие эпохи. Современная экономика не просто развивается в условиях мультипликации знаний – знания формируют ее будущие очертания. Как указывает Н.Н.Трофимова, человеческий опыт и коммерческие инновации – ключевые драйверы экономического роста [9, с. 4].

Термин «экономика знаний» был впервые упомянут в работах экономиста Ф.Махлупа – он обозначал им один из секторов народного хозяйства, главной целью которого было производство информации. Концепция экономики знаний распространилась благодаря работам бизнес-консультанта П.Друкера («Эффективный руководитель» 1966 г., «Эпоха разрыва» 1969 г.). Согласно П.Друкеру, экономика знаний подразумевает лишь те отрасли, которые аккумулируют, преобразуют, анализируют или порождают информацию. Экономика знаний в сущности отождествлялась с так называемыми *creative and cultural industries* – креативными технологиями: рекламой, искусством, архитектурой, дизайном, модой, кинематографом, программным обеспечением, издательской деятельностью, масс-медиа [8, с. 130]. Сегодня термин «экономика знаний» получает более широкую интерпретацию и не ограничивается лишь «информационными» отраслями, охватывая всю экономическую систему государства и даже глобальную экономическую парадигму.

В постиндустриальной экономике знания обладают субъектными, объектными и инструментальными свойствами: они есть самцель развития государства и личности (объект), они создают базис и импульс для развития экономики и производства (субъект) и сами выступают средством достижения макроэкономических, микроэкономических и

индивидуальных целей (инструмент). Схожие утверждения можно обнаружить в публикациях ряда исследователей. Н.Н.Трофимова, к примеру, говорит о том, что знания есть: (1) результат деятельности; (2) продукт потребления; (3) фактор производства; (4) инструмент для создания экономических благ; (5) предмет сделок на рынке и средство распределения экономических благ; (6) результат и средство аккумуляции глобального, локального и личного интеллекта; (7) инструмент для воспроизводства общественных институтов [9, с. 5].

Экономика знаний опирается на интеллектуальные возможности, а не на природные ресурсы или производственные мощности. Как отмечает О.В.Авдейчик, люди гордятся тем, что в условиях природной заданности мира они смогли создать вторую природу – технизированный мир, стирающий границы между естественным и искусственным [1, с. 15]. Парадокс экономики знаний заключается в том, что она, кардинальным образом отличаясь от предыдущих типов экономики своей независимостью от природы, осязаемых ресурсов и естественных процессов (сезонности, погоды, сырья), в ряде случаев сталкивается при этом с барьерами и вызовами естественной среды. Природные катаклизмы в Юго-Восточной Азии, к примеру, оказались способными в корне изменить глобальные рынки компьютеров и полупроводников. Таким образом, обеспеченность страны ископаемыми ресурсами по-прежнему во многом определяет ее геополитический статус и вектор экономического развития.

Знания и «передел мира». Индустриальная экономика была привязана к природным ресурсам. Производственные объекты располагались в непосредственной близости от источников сырья; люди проживали в местах, где удобнее всего было осуществлять аграрные практики, охотиться, добывать полезные для жизни и торговли материалы. Сегодня экономические единицы разных уровней – страны, группы, компании, домохозяйства – в меньшей степени испытывают подобную территориальную привязку, ведь знаниями можно обладать в любой точке мира и распоряжаться ими там, где это удобно. Недавний пандемический цикл подтверждает этот тезис: решить любую насущную проблему, работать и отдыхать можно удаленно.

Постиндустриальная экономика не только привела к повышению мобильности людей, но и перегруппировала социальные прослойки и промышленные объекты, демонстрируя отчетливую тенденцию к кластеризации отраслей, сосредоточенных в конкретной географической зоне. Примером такого кластера Н.Н.Трофимова считает концентрацию предприятий автомобильной промышленности в Германии, высокотехнологичных корпораций в «Кремниевой долине» и электронной промышленности в Южной Корее [9, с. 6]. Многие предприятия образуют альянсы, укрупняются – только так они могут сохранять конкурентоспособность на рынке. Выбирая стратегию инновационного развития – единственно возможную в постиндустриальном мире – мелкие и средние предприятия приходят к осознанию того, что в одиночку проводить исследования и внедрять разработки достаточно затруднительно. Объединив ресурсы посредством инкорпорации в крупную бизнес-единицу, предприятия стимулируют исследовательскую деятельность, обеспечивают себе возможности регулярной и продуктивной инновационной деятельности [7, с. 2754].

Люди при этом вынуждены перемещаться в направлении ближайших источников знаний, инноваций, финансовых потоков. Тенденция к урбанизации, начавшаяся еще во вторую индустриальную «мегаволну», продолжается до сих пор. Крупные города сохраняют за собой статус центров социально-экономического развития и распространения инноваций. Урбанизация, характерная для постиндустриальной экономики, сталкивается с тем, что город сам по себе не способен к самообеспечению – города, как и ранее, нуждаются в поставке продукции аграрного сектора. В результате взаимовыгодного сотрудничества прилегающие сельские местности начинают развиваться вместе с городами, что приводит к появлению новых формаций – агломераций, городов-спутников, урбанизированных территорий. В исследовании С.Ю.Шарова и др. убедительно показано, что обслуживаемые крупными городами территории в Сибири составляют окружности диаметром в несколько сотен километров [10, с. 77].

Несмотря на то, что город и периферия плодотворно и тесно сотрудничают, именно

города являются центрами пространственного развития экономико-социальных систем государств. Люди едут в города, движимые потребностями в развитой инфраструктуре, трудоустройстве, экономических благах. Крупные города, выступающие ядрами агломераций, в результате перестают производить собственную продукцию первичного и вторичного секторов. Они начинают специализироваться на сфере услуг и знаниевых отраслях, что еще более ускоряет процессы деиндустриализации.

Информатизация общества, тотальное покрытие сетью Интернет территории планеты, мобильность населения привели к глобализации. Компании объединяются в сложные транснациональные структуры, люди находят удаленную работу в другой стране, ресурсы транспортируются на дистанции в несколько тысяч километров. Все это привело к формированию мегатрендов – тенденций, которые охватывают не конкретные территории, а абсолютное большинство стран мира [6, с. 117].

Последствия таких тенденций неоднозначны. Как показывает недавняя практика (к примеру, кризис 2008 г.), глобализация финансовых рынков может привести к быстрому распространению финансовых кризисов по всему миру. Это связано с возможностью быстрого перемещения капитала и риском переноса финансовых инструментов в трансграничном пространстве. Кроме того, глобализация представляет собой серьезный вызов для национальных экономик: страны становятся чересчур зависимыми от экспорта/импорта, и в результате обрыва транснациональных цепочек поставок под угрозой могут оказаться целые отрасли народного хозяйства [5, с. 54]. Открытые рынки могут представлять угрозу для национальных отраслей экономики, особенно тех, которые не конкурентоспособны на мировой арене. Это может вызвать необходимость субсидирования ключевых отраслей, таких как сельское хозяйство и местное производство.

Несмотря на то, что постиндустриальная эпоха – наиболее благополучная по множеству показателей, она влечет за собой усиление экономического разрыва между развивающимися и развитыми странами и территориями. К примеру, в 1990-х годах в России

можно было констатировать нахождение разных регионов в различных цивилизационных эпохах: от доиндустриальной до постиндустриальной [3, с. 62]. Дагестан, Тува, Калмыкия, Бурятия характеризовались процессами вторичной аграризации. Развитый третичный сектор наблюдался только в европейской части страны, куда постепенно стекались люди из менее благополучных регионов.

Страны с развитой экономикой, обладающие высокими технологическими ресурсами и капиталом, могут получать больше выгод от глобальной торговли, чем бедные и развивающиеся страны. Неравномерное распределение экономических выгод от глобализации может привести к маргинализации некоторых групп населения или даже целых территорий, что, в свою очередь, может вызвать социальную нестабильность или даже сформировать угрозу национальному суверенитету.

Дефицит кадров для формирования человеческого капитала. Переход от индустриальной к постиндустриальной экономике обнажил проблему нехватки компетенций и знаний кадров. Правительства стран пришли к осознанию того, что истинным двигателем экономики знаний выступают не абстрактные инновации и даже не инновационные предприятия, а люди, которые работают на этих предприятиях. На сегодняшний день наблюдается ощутимый разрыв между желаемым количеством и качеством специализированных кадров и фактическим состоянием кадрового резерва. Работникам все чаще не хватает актуальных знаний, умений и навыков. Выпускники вузов понимают, что знания, полученные ими, за период обучения уже устарели и практически нерелевантны в новых условиях рынка труда. Ежегодно возникают новые отрасли, но кадровое «наполнение» этих отраслей отстает от требуемого уровня.

В этой связи государства, действующие в условиях экономики знаний, ставят модернизацию образовательных систем во главу угла. Набирает популярность концепция опережающей профессиональной подготовки – образования, нацеленного на перспективные отрасли экономики знаний, образования, которое формирует не компетенции прошлого, а компетенции будущего. Не до конца понятно, возможно ли в принципе реализовать концепцию образовательного опережения в

реальной практике: как справедливо отмечает Е.В.Богданова, уже сейчас в научном массиве циркулирует колоссальный объем «мертвой» информации. Масштабы и объемы информационных потоков невообразимо велики, тогда как человеческие интеллектуальные возможности, даже подкрепленные искусственным интеллектом, остаются ограниченными. Соответственно, «научная информация увеличивается, однако ученый не в состоянии обработать весь информационный массив накопленных знаний в своей области, при том, что информационный поток не прекращается» [4, с. 15].

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1) Экономика знаний становится синонимом для постиндустриальной экономики, что подчеркивает исключительную важность информации и знаний в современной экономике. Постиндустриальная экономика характеризуется доминированием информационного и знанияевого компонентов, что приводит к росту наукоемких производств и развитию информационных технологий. За счет этого роста достигается инновационное развитие национальных социально-экономических систем. Человеческий опыт и производственно-коммерческие инновации играют ключевую роль в обеспечении экономического роста в постиндустриальную эпоху.

2) Постиндустриальная экономика открывает возможности для глобализации, кластеризации, повышения мобильности финансовых, производственных и кадровых ресурсов. Нарастает взаимозависимость экономик.

3) Нехватка компетентных кадров становится критической проблемой в формировании человеческого капитала для обеспечения нужд постиндустриальной экономики.

Литература

1. Авдейчик, О. В. Интеллектуальный компонент конвергентных технологий постиндустриальной экономики / О. В. Авдейчик // EESJ. – 2021. – №11-3 (75). – С. 14-22.

2. Балацкий, Е. В. Постиндустриальное общество и экономика досуга: новая кадровая парадигма/ Е. В. Балацкий // Journal of new economy. – 2021. – №4. – С. 5-23.

3. Батракова, Л. Г. Особенности постиндустриальной экономики и перспективы ее

развития в регионах России / Л. Г. Батракова // Социально-политические исследования. – 2021. – №1 (10). – С. 58-69.

4. Богданова, Е. В. Рынок труда в постиндустриальной экономике: глобальные вызовы и перспективы / Е. В. Богданова // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. – 2021. – №14. – С. 14-18.

5. Жиронкин, С. А. Методология постиндустриальной экономики и неоиндустриального развития в условиях шоков / С. А. Жиронкин, Е. Ю. Доценко, О. Г. Алешина // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2022. – №4 (47). – С. 53-68.

6. Екимова, Н. А. Глобальные мегатренды и новые технологии: вызовы и угрозы постиндустриальной экономике / Н. А. Екимова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2021. – №5. – С. 116-134.

7. Марфина, Л. В. Особенности инновационных процессов в постиндустриальной экономике: микроэкономический подход / Л. В. Марфина, Н. Р. Шевко // КЭ. – 2020. – №11. – С. 2747-2756.

8. Титов, С. А. Креативные технопарки в постиндустриальной трансформации экономики Китая / С. А. Титов, А. О. Кокорина, П. А. Быков, Е. С. Горбачев, Ф. Ф. Шарипов // Пространственная экономика. – 2019. – №3. – С. 125-146.

9. Трофимова, Н. Н. Проблемы и перспективы формирования экономики знаний в условиях постиндустриальной экономики / Н. Н. Трофимова // Стратегии бизнеса. – 2021. – №1. – С. 4-8.

10. Шаров, С. Ю. Особенности постиндустриального развития агломераций как ядра экономики / С. Ю. Шаров, И. М. Шнейдерман // Народонаселение. – 2020. – №1. – С. 76-87.

Some features of post-industrial economy as knowledge economy

Valinurova L.S., Mazur N.Z., Rossinskaya G.M.

Ufa University of Science and Technology

The article examines some of the main trends of the post-industrial economic system, the role of information and innovation in the development of the economy and production of countries is described. The uneven development of various territories is noted, including due to the preservation of links to natural resources and production locations, which are presented as markers of the previous industrial era. The advantages and risks of globalization processes are analyzed. The role of knowledge and competencies in a new type of economy

is noted, and the problem of shortage of personnel with innovative competencies is highlighted.

Keywords: economy, digitalization, globalization, post-industrial economy, agricultural economy, industrial economy, clusterization, competencies, personnel deficit.

References

1. Avdeychik, O. V. Intellectual component of convergent technologies of the post-industrial economy / O. V. Avdeychik // EESJ. – 2021. – No. 11-3 (75). – P. 14-22.
2. Balatsky, E. V. Post-industrial society and the leisure economy: a new personnel paradigm / E. V. Balatsky // Journal of new economy. – 2021. – No. 4. – P. 5-23.
3. Batrakova, L. G. Features of the post-industrial economy and prospects for its development in the regions of Russia / L. G. Batrakova // Socio-political studies. – 2021. – No. 1 (10). – pp. 58-69.
4. Bogdanova, E. V. Labor market in the post-industrial economy: global challenges and prospects / E. V. Bogdanova // Bulletin of Polotsk State University. Series D. Economic and legal sciences. – 2021. – No. 14. – pp. 14-18.
5. Zhironkin, S. A. Methodology of post-industrial economy and neo-industrial development in conditions of shocks / S. A. Zhironkin, E. Yu. Dotsenko, O. G. Aleshina // Vectors of well-being: economics and society. – 2022. – No. 4 (47). – P. 53-68.
6. Ekimova, N. A. Global megatrends and new technologies: challenges and threats to the post-industrial economy / N. A. Ekimova // Economic and social changes: facts, trends, forecast. – 2021. – No. 5. – pp. 116-134.
7. Marfina, L.V. Features of innovative processes in the post-industrial economy: microeconomic approach / L.V. Marfina, N.R. Shevko // CE. – 2020. – No. 11. – pp. 2747-2756.
8. Titov, S. A. Creative technology parks in the post-industrial transformation of the Chinese economy / S. A. Titov, A. O. Kokorina, P. A. Bykov, E. S. Gorbachev, F. F. Sharipov // Spatial Economics. – 2019. – No. 3. – pp. 125-146.
9. Trofimova, N. N. Problems and prospects for the formation of a knowledge economy in a post-industrial economy / N. N. Trofimova // Business Strategies. – 2021. – No. 1. – P. 4-8.
10. Sharov, S. Yu. Features of post-industrial development of agglomerations as the core of the economy / S. Yu. Sharov, I. M. Shneiderman // Population. – 2020. – No. 1. – P. 76-87.

Трансформация российской экономики в условиях импортозамещения и экономических санкций: оценка рисков и возможностей

Рыбинец Александр Геннадьевич

к.э.н., доцент кафедры мировой экономики, Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, rybinets@yandex.ru

Толмачев Петр Иванович

д.э.н., профессор, профессор кафедры мировой экономики, Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, pt53@yandex.ru

Говорков Николай Александрович

аспирант кафедры мировой экономики, Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, koljann97@mail.ru

В статье проводится критический анализ материалов работ ученых, представивших свои оценки влиянию санкций на российскую экономику, делаются выводы о неоднозначности и неполноте выводов различных авторов относительно причин и последствий западных санкций для России, а также недооценке мер, предпринимаемых государством для преодоления санкционного давления. Авторы статьи используют статистические данные для аргументации своих выводов и определяют направления научного поиска в сфере исследования влияния санкционных режимов на национальную экономику.

Ключевые слова: трансформация российской экономики; импортозамещение; экономические санкции; разрыв экономических связей; диффузия высоких технологий; альтернативные каналы сбыта.

JEL classification: D20, E22, E44, L10, L13, L16, L19, M20, O11, O12, Q10, Q16, R10, R38, R40, Z21, Z32

Российская экономика в условиях санкционного режима оказалась в ситуации неопределенности и турбулентности, в условиях, когда приходится достаточно быстро и оперативно принимать управленческие решения и постепенно менять саму модель экономического развития зачастую методом проб и ошибок. Таки процессы вынуждают ученых и практиков искать новые подходы к оценке стремительно развивающихся событий и предлагать свои инструменты и способы решения возникающих проблем. В российской науке складывается мощная дискуссионная площадка, в рамках которой идет научный поиск новых экономических и управленческих идей по преодолению последствий западных санкций. В силу этого целью настоящей статьи является критический анализ предлагаемых некоторыми авторами подходов к оценке последствий антироссийских санкций и методов их преодоления.

К.А. Пурик в своей статье «Трансформация российской экономики в условиях глобального санкционного давления» от 2023 года, обосновывал основные причины, связанные с зависимостью экономики России от

санкций и определял способы, которые по мнению автора оказались способными кардинально улучшить государственное управление экономическими процессами [8]. Автор на основании анализа данных Росстата были исследованы экономические показатели топливно-энергетического комплекса Российской Федерации в период с 2018 по 2022 гг. и был сделан вывод о сокращении объемов добычи нефти и газа под воздействием санкций ЕС в контексте запрета на импорт российской нефти по морским путям [8].

Здесь необходимо указать, что К.А. Пурик в своей статье упускает из виду введение потолка цен на уровне \$60 за один баррель нефти, импортируемой из России странами ЕС, США и их союзниками и выступающим в качестве одной из основных санкционных мер воздействия на российскую экономику [12]. При этом автор в качестве ключевой возможности трансформации российской экономики недооценивает ответные контрмеры Российской Федерации, выступающие одним из способов эффективного государственного управления экономическими процессами в

условиях глобального санкционного давления, связанным с запретом продажи нефти по контрактам с иностранными компаниями и физлицами на основе использования механизма формирования предельной цены на нефть и вынуждающим по сути российских нефтедобытчиков развивать альтернативные каналы сбыта [9]. Также автором не указана основная причина снижения поставок российского газа в страны Евросоюза, которая связана с диверсией (взрывами на газопроводах) «Северный поток» и «Северный поток – 2» [10].

К.А. Пурик в своей статье опираясь на мнение Д.Н. Назарчука и Н.И. Промского [6], которые в 2012 году исследовали особенности российского экспорта и его проблемы в азиатском регионе, утверждает, что в условиях санкционного воздействия Российская Федерация не сможет перенаправить экспортные потоки нефти на азиатский регион [8].

В соответствии с нашим мнением, в аргументации следует опираться на актуальные статистические данные Росстата и стран-импортеров из азиатского региона для более точной оценки ситуации (рис. 1.).

Рис. 1. Динамика экспорта сырой нефти из России в страны ЕС, страны АТР и прочие страны (млн тонн)

Источник: составлено автором по материалам [3;4;5;13]

Следует отметить, что экспорт сырой нефти из России по итогам санкционных 2022 и 2023 гг. в натуральном выражении увеличился на 16 млн тонн (6,92%) относительно 2021 г. и основные поставки пришлись на страны Азиатско-тихоокеанского региона (АТР), при этом добровольное сокращение объемов добычи нефти Российской Федерации связано не с санкционным

воздействием со стороны стран ЕС, США и их союзников, как утверждает в своей статье К.А. Пурик [8], а с мерами контроля при формировании высоких цен на нефть на мировом рынке со стороны стран ОПЕК+, в пул которых входит в том числе и Российская Федерация.

Кроме того, экспорт нефтепродуктов из России в страны АТР и прочие страны, также увеличился, что свидетельствует об успешном решении вопросов диверсификации топливно-энергетических поставок (рис. 2).

Рис. 2. Динамика экспорта нефтепродуктов из России в страны ЕС, страны АТР и прочие страны (млн тонн)

Источник: составлено автором по материалам [3;4;5;13]

Подводя итоги анализа, отметим что экспорт нефтепродуктов из России по итогам санкционных 2022 и 2023 гг. в натуральном выражении сократился на 18 млн. тонн (12,32%) относительно 2021 г., но при этом поставки в страны АТР и прочие страны в аналогичном временном периоде увеличились на 24,6 млн. тонн (42,12%). Как нам представляется – данная тенденция в ближайшей перспективе сохранится.

Таким образом, можно утверждать, что тезис К.А. Пурик о том, что топливно-энергетический сектор Российской Федерации в условиях санкционного воздействия не сможет перенаправить экспортные потоки нефти на азиатский регион, оказался несостоятельным. Нужно отметить, что, конечно, рост товаропотоков в страны АТР во многом будет зависеть от транспортно-логистических решений, но, несомненно, что тенденция на увеличение экспорта на Восток будет только усиливаться.

Между тем, К.А. Пурик абсолютно справедливо и обосновано указывает в своей статье на тот факт, что в текущих санкционных условиях в России разрушена международная кооперация при реализации новых нефтегазодобывающих проектов, санкционное воздействие затрагивает поставки иностранных технологий и современного оборудования, но при этом автор указывает, что только время и финансовые ресурсы требуются российским нефтегазодобытчикам для импортозамещения зарубежных поставок [8]. Однако, по нашему мнению, международная кооперация и развитие сотрудничества с дружественными странами, такими как Китай, Индия, ОАЭ, Саудовская Аравия и другие в плане развития технологий и создания высокотехнологичного оборудования на базе реализации новых нефтегазодобывающих проектов, значительно ускорят процессы импортозамещения.

В контексте исследуемой темы интерес представляет интернет-обзор А. Бойко и Д. Мосолкиной в рамках состоявшейся дискуссии на пленарной сессии Московского финансового форума в 2023 году «В поисках нового баланса: российская финансово-экономическая система в период мировой трансформации» [1]. Авторы отмечают, что экономика России смогла справиться с санкционным воздействием «благодаря перестройке с «больных» западных рынков на «здоровые» восточные» [1]. Данное утверждение на наш взгляд как минимум некорректно, так как рынки не могут быть «здоровы или больны», здесь следовало указать в качестве характеристики ситуации недобросовестную конкуренцию и политическую ангажированность стран ЕС, США и их союзников, которые по сути собирались нанести экономике России стратегический ущерб в условиях состоявшейся трансформации архитектуры мирового порядка, потому и произошел по сути односторонний разрыв хозяйственных и финансовых связей с западными партнерами.

Также заявление участников форума о том, что российская экономика практически полностью восстановилась до докризисных уровней не дает ответа обществу как об устойчивости новых партнеров России – Китая и Индии, так и о выработке принципиально новых механизмов управления российской экономикой в условиях нарастающего

глобального санкционного давления, вызывающего волатильность рубля, повышенную инфляцию, возникновение новых барьеров для торговли, возникновение новых барьеров для привлечения инвестиций и обмена технологиями [1].

Фрагментация мировых торговых связей негативно воздействует на всю финансовую систему страны, при этом азиатские страны в первую очередь демпингуют и наделяют преференциями своих производителей, следовательно, экономика российского государства, по нашему мнению, должна быть готова к ухудшению внешних условий в рамках переориентации на азиатские рынки, в рамках которых, например, при поставках комплектующих в Россию выставляется двойная цена. Следовательно, исполнительным органам, ответственным за управление экономикой России, необходимо усиливать переговорные позиции с лидерами азиатских государств и заниматься поиском новых значимых партнеров, имеющих в условиях ограничений разнонаправленные рынки с Российской Федерацией и релевантное инвестирование при реализации взаимовыгодных проектов.

Авторы интернет-обзора справедливо отметили, что приоритеты бюджета России находятся в сфере обеспечения обороноспособности вооруженных сил, однако никто из них не заявил, что военно-промышленный комплекс (ВПК) страны в целях реализации политики импортозамещения должен обеспечить диффузию высоких технологий в гражданский сектор экономики, поскольку именно в этом кроются приоритеты структурной перестройки экономики Российской Федерации в целом.

Е.А. Плешакова в своей статье «Процессы трансформации экономики в современной России» отметила, что «начало 2022 года ознаменовалось значительными изменениями внешних условий и переменой в целом экономической среды» [7]. Автор указала на то, что по результатам введения санкций со стороны стран ЕС, США и их союзников последовал массовый уход с российского рынка зарубежных компаний и в связи с этим стране необходимы глобальные структурные изменения: «структурная трансформация экономики на базе проведения институцио-

нальных реформ с целью сохранения финансовой устойчивости и осуществления оперативного перехода к социально-ориентированному рыночному хозяйству в рамках развития качественно новой системы хозяйствования» [7].

Было бы правильно обосновать представленную информацию анализом статистических данных. Так, по итогам 2022 года от общего количества иностранных компаний - 1781 (100% организаций), которые осуществляли свою производственно-торговую деятельность в Российской Федерации осталось работать 1382 компании (77,6% организаций), при этом 399 зарубежные компании (22,4% организаций) полностью покинули российский рынок и 480 иностранных компаний (35,2% организаций) ограничили свою деятельность [2].

Вместе с тем в условиях экономических санкций в Российской Федерации органы государственной власти активно ведут политику импортозамещения, направленную на создание конкурентоспособных производств товаров и услуг в контексте масштабного ухода иностранных компаний с российского потребительского рынка. Так в соответствии с заявлением Президента России В.В. Путина, - «малым и средним бизнесом создаются новые возможности трансформации российской экономики на базе наработанных ими внешнеэкономических связей во всем мире, российские участники экономической деятельности заменили продукцию ушедших зарубежных компаний - товарами отечественных производителей» [11].

Автор статьи Е.А. Плешакова, характеризуя глобальные санкционные изменения, как минимум, должна была бы указать на организацию государственного управления экономическими процессами в контексте достижения минимизации потерь от ухода иностранных компаний с российского рынка через введение параллельного импорта товаров в соответствии с перечнем Минпромторга, так как по итогам 2022 г. объем товаров, ввезенных в России по схеме «параллельного импорта» превысил \$20 млрд. [2]. Также следовало указать и на тот факт, что ушедшие из России иностранные компании возвращаются, зачастую просто изменив название бренда или в противном случае их место на российском потребительском рынке активно занимают

компании из «дружественных» России государств, за счет чего происходит интеграция экономики России в глобальную экономику, искореняются значительные структурные диспропорции в торговле и поддерживается приемлемый уровень социально-экономической жизни россиян.

Таким образом, анализ подготовленных различными авторами работ выявил некоторую неоднозначность и в ряде случаев неполноту оценок последствий санкционного давления на российскую экономику. Кроме того, возникает большое количество дискуссионных моментов, вероятно связанных с пробелами в доступной статистической информации и отсутствием методологических разработок, связанных с системной оценкой санкционных режимов. Все это не способствует созданию целостной картины оценки воздействия санкций на трансформацию российской экономики, но определяет цели и задачи научного поиска в области развития экономики, находящейся под санкциями. Ключевыми направлениями анализа могут стать оценка эффективности инструментов и средств государственной поддержки в условиях санкций, барьеров при переориентации товаропотоков на восточное направление, а также выявление новых возможностей для государства и бизнеса в условиях трансформации модели экономического развития России.

Литература

1. Бойко А, Мосолкина Д. Экономические власти обсудили, как жить после победы над санкциями. Газета «Ведомости» // URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/09/29/997819-rano-radovatsya-ekonomicheskie-vlasti-obsudili-kak-zhit-posle-pobedi-nad-sanktsiyami>
2. В Государственной Думе Российской Федерации оценили число иностранных компаний, оставшихся в России. Газета.ru // URL: <https://www.gazeta.ru/business/2023/01/09/16053337.shtml>
3. Ежегодный статистический бюллетень. ОПЕК. 2022. 57-е издание // URL: https://www.opec.org/opec_web/en/publications/202.htm
4. Мировой рынок нефти и газа. TADVISER // URL: <https://www.tadviser.ru/index.php>

5. МЭР прогнозирует снижение экспорта нефти в 2023 году до 247 млн тонн. ТАСС // URL: <https://tass.ru/ekonomika/18821213> (дата обращения: 14.12.2023).

6. Назарчук Д.Н., Промский Н.И. Особенности российского экспорта и его проблемы в азиатском регионе // *Экономический журнал*. – 2012. – № 2 (26). – С. 92-96.

7. Плешакова Е. А. Процессы трансформации экономики в современной России. *Экономические науки*. Cyberleninka // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protsessy-transformatsii-ekonomiki-v-sovremennoy-rossii/viewer>

8. Пурик К.А. Трансформация российской экономики в условиях глобального санкционного давления // *Инновации и инвестиции*. – 2023. – № 8. – С. 148-150.

9. Путин допустил причастность США к подрыву «Северных потоков». РБК // URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/657b066d9a79478b2a5139de?from>

10. Путин продлил действие ответных мер на потолок цен на нефть до конца года. *Ведомости* // URL: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2023/06/26/982348-putin-prodlil-deistvie-otvetnih-mer-na-potolok-tsen>

11. Российский бизнес легко заменил ушедшие западные компании, заявил Путин. РИА НОВОСТИ // URL: <https://ria.ru/20230314/biznes-1857840896.html>

12. Страны Запада установили потолок цен на российскую нефть. РБК // URL: <https://www.rbc.ru/business/02/12/2022/637dd9519a7947da0e7dd7b5>

13. Федеральная служба государственной статистики // URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/26_23-02-2022.html

Transformation of the Russian economy in the context of import substitution and economic sanctions: assessment of risks and opportunities

Rybinets A.G., Tolmachev P.I., Govorkov N.A.

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

The article critically analyzes the materials of the works of scientists who presented their assessments of the impact of sanctions on the Russian economy, draws conclusions about the ambiguity and incompleteness of the conclusions of various authors regarding the causes and

consequences of Western sanctions for Russia, as well as the underestimation of measures taken by the state to overcome sanctions pressure. The authors of the article use statistical data to argue their conclusions and determine the directions of scientific research in the field of studying the impact of sanctions regimes on the national economy.

Keywords: transformation of the Russian economy; import substitution; economic sanctions; rupture of economic ties; diffusion of high technologies; alternative sales channels.

References

1. Boyko A, Mosolkina D. Economic authorities discussed how to live after victory over sanctions. Newspaper "Vedomosti" // URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/09/29/997819-rano-radovatsya-ekonomicheskoe-vlasti-obsudili-kak-zhit-posle-pobedi-nad-sanktsiyami>
2. The State Duma of the Russian Federation assessed the number of foreign companies remaining in Russia. *Gazeta.ru* // URL: <https://www.gazeta.ru/business/2023/01/09/16053337.shtml>
3. Annual statistical bulletin. OPEC. 2022. 57th edition // URL: https://www.opec.org/opec_web/en/publications/202.htm
4. World oil and gas market. TADVISER // URL: <https://www.tadviser.ru/index.php>
5. The Ministry of Economic Development predicts a decrease in oil exports in 2023 to 247 million tons. ТАСС // URL: <https://tass.ru/ekonomika/18821213> (access date: 12/14/2023).
6. Nazarchuk D.N., Promsky N.I. Features of Russian exports and its problems in the Asian region // *Economic Journal*. – 2012. – No. 2 (26). – pp. 92-96.
7. Pleshakova E. A. Processes of economic transformation in modern Russia. *Economic Sciences*. Cyberleninka // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protsessy-transformatsii-ekonomiki-v-sovremennoy-rossii/viewer>
8. Purik K.A. Transformation of the Russian economy under global sanctions pressure // *Innovations and investments*. – 2023. – No. 8. – P. 148-150.
9. Putin admitted US involvement in undermining Nord Streams. RBC // URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/657b066d9a79478b2a5139de?from>
10. Putin extended the response to the oil price ceiling until the end of the year. *Vedomosti* // URL: <https://www.vedomosti.ru/business/news/2023/06/26/982348-putin-prodlil-deistvie-otvetnih-mer-na-potolok-tsen>
11. Russian business easily replaced the departed Western companies, Putin said. RIA NEWS // URL: <https://ria.ru/20230314/biznes-1857840896.html>
12. Western countries have set a price ceiling for Russian oil. RBC // URL: <https://www.rbc.ru/business/02/12/2022/637dd9519a7947da0e7dd7b5>
13. Federal State Statistics Service // URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/26_23-02-2022.html

Флагманские инфраструктурные проекты: отбор и влияние на региональную экономику

Иванова Ольга Петровна

д.э.н., профессор, заместитель директора Института цифровой экономики, управления и сервиса Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, prof-ivanova@mail.ru

Тумин Валерий Максимович

д.э.н., профессор, профессор кафедры менеджмента Московского политехнического института, vm@tumin.net

Трифонов Владимир Александрович

к.э.н., доцент, директор Института экономики, управления и сервиса Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого

Динамика инфраструктурного развития в условиях актуализации задач ускорения нового индустриального развития, достижения технологического суверенитета в промышленности, перестройки логистических цепочек в производстве и торговле обуславливает необходимость решения проблем в сфере реализации инфраструктурных проектов в регионах РФ. Существуют и усиливаются риски снижения эффектов от планируемых затрат на проекты инфраструктурного строительства. Авторы обосновывают необходимость выбора инфраструктурных проектов, которые способны стать флагманскими для развития экономик регионов. В статье предложены и апробированы на примере Новгородской области критерии для выбора флагманских среди инфраструктурных проектов региона. Предложены подсистемы показателей для оценки вклада флагманских инфраструктурных проектов в социально-экономическое развитие региона. В каждой из подсистем выделены ключевые показатели, положительная динамика которых свидетельствуют об их позитивном воздействии на региональную социально-экономическую систему. Сформированы совокупности информативных показателей для оценки эффективности реализации каждого из выбранных для Новгородской области флагманских инфраструктурных проектов.

Ключевые слова: флагманский проект, инфраструктурный проект, региональная экономика, методика выделения флагманских проектов, эффекты

JEL classification: D20, E22, E44, L10, L13, L16, L19, M20, O11, O12, Q10, Q16, R10, R38, R40, Z21, Z32

Введение

Актуальность рассмотрения вопроса о выделении флагманских инфраструктурных проектов и оценке их влияния на развитие региональной экономики обусловлена следующими обстоятельствами:

- развитие масштабных инфраструктурных проектов становится важной тенденцией российской строительной промышленности, обуславливающей позитивные структурные изменения в отрасли;

- усиливается необходимость сопряжения разных векторов инфраструктурного развития, обеспечивающего импульс комплексному прогрессу регионов и решению стратегических задач экономического развития страны (укрепление внешнеполитического влияния РФ и социально-экономической стабильности в российских регионах, создание условий для реализации крупных международных проектов и новой индустриализации,

сокращение различий в уровне экономического развития между регионами);

- увеличение инвестиций в реализацию инфраструктурных проектов в регионах можеткратно окупиться в виде роста ВВП в средне- и долгосрочной перспективе, однако необходимы не только поиск источников финансирования, а прежде всего рациональный отбор проектов, способных стать флагманскими как на уровне каждого отдельного региона или города, так и страны в целом.

Зависимость развития экономики региона от реализации масштабных инфраструктурных проектов выявлена во многих научных исследованиях ученых-экономистов [3, 7, 10, 21, 25, 32].

Однако, проблема методического обеспечения отбора флагманских инфраструктурных проектов и макро-, и мезоуровня не решена в полной мере до сих пор, а также сопряжена с результативностью применяемых

методик оценки влияния таких проектов на развитие экономики.

В связи с этим, задачами данной статьи определены не только рассмотрение текущей ситуации с реализацией и финансированием инфраструктурных проектов в регионах РФ, уточнение понятийного аппарата, относящего к теме исследования, но и разработка рекомендаций по совершенствованию методик отбора флагманских проектов инфраструктурного строительства в регионах и оценки их влияния на региональное экономическое развитие.

Инфраструктурные проекты: понятие, признаки, реализация в регионах РФ

Инфраструктурный проект отличается от строительной или иной деятельности, результатом которой является создание хозяйствующего субъекта.

Под **инфраструктурным проектом** понимается:

- совокупность мероприятий, включающих этапы проектирования, создания (реконструкции) и использования сложных в техническом и технологическом плане объектов, востребованных для решения важнейших стратегических задач социально-экономического развития региона и требующих значительного объема финансовых средств и организационных ресурсов, а также специфического правового регулирования [19];

- проект, предусматривающий создание, модернизацию и расширение объектов инфраструктуры [8];

- имеющий значительные сроки реализации проект, решающий в будущем задачи устойчивого и сбалансированного регионального развития [17];

- система взаимосвязанных и последовательных процессов, реализация которых при заданных финансовых и временных ограничениях и особых требованиях к качеству результатов для создания, модернизации или расширения объектов инфраструктуры [11].

В результате анализа представленных в научной литературе трактований понятия **«инфраструктурный проект»** выделены его **ключевые черты** [1, 2, 12]:

- технологическая сложность, масштабность, уникальность, долгосрочность, высокая степень рисков, инновационность, организационная сложность, стратегическое назначение;

- выделение этапов строительства (реконструкции) или модернизации объектов инфраструктуры;

- нацеленность на сбалансированное развитие, рост конкурентоспособности и улучшение социально-экономической ситуации регионов, запросы промышленности, сферы услуг;

- участие множества стейкхолдеров (органов государственной власти и управления, компаний разных отраслей промышленности, снабженческо-сбытовых организаций), а также создание специальной компании для координации и контроля вложений;

- долгосрочный характер окупаемости вложений инвесторов, а также разнообразные формы финансирования и поддержки, включая участие частного капитала, государственно-частное партнерство.

Классификация инфраструктурных проектов обширна. Так, они могут быть направлены на создание объектов транспортной сети, сферы ЖКХ, здравоохранения, индустриальных и промышленных парков, авиационной инфраструктуры, инфраструктуры мостов, железных дорог, энергетической инфраструктуры и др. Зачастую инфраструктурные проекты имеют смешанный характер, сочетают в себе признаки различных классификационных групп [12, 15].

Выделяют также понятие **«инфраструктурный мегапроект»**, под которым понимается комплекс проектов, объединенных для достижения общей цели, имеющих общий бюджет и набор ресурсов, а также долгосрочный период реализации [24]. Для мегапроекта характерны масштабность задач системы инвестиционных проектов, взаимосвязь состава проектов, календарного графика их выполнения, межотраслевой характер, сложность планируемого в средне- и долгосрочной перспективе результата [11]. Мегапроекты направлены на получение существенных улучшений показателей инфраструктуры отраслей или регионов.

О **состоянии инфраструктурного строительства** в РФ свидетельствуют данные Росстата. Так, в стоимостном выражении растет объем строительных работ (табл. 1). Однако, за период 2019-2022 гг. отмечается снижение объемов ввода в действие линий электропередач, автомобильных и железных

дорог. Растет лишь строительство газопроводо (табл. 1, 2). Данная динамика в условиях актуализации задач ускорения индустриального развития, достижения технологического суверенитета, перестройки логистических цепочек в производстве и торговле сигнализирует о проблемах в сфере реализации инфраструктурных проектах в стране.

Таблица 1
Динамика некоторых макроэкономических показателей инфраструктурного строительства в РФ (по данным Росстата)

Показатель	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
Объем работ, выполненных по виду экономической деятельности «Строительство»: млрд руб.	9 132,2	9 686,3	11 047,9	12 865,5
в процентах к предыдущему году (в сопоставимых ценах)	102,1	102,1	107,0	105,2
Ввод в действие сооружений:				
линии электропередачи напряжением 35 кВ и выше, тыс. км	2,6	2,7	1,6	1,7
автомобильные дороги с твердым покрытием, тыс. км	2,8	2,7	2,1	1,8
новые железнодорожные линии, км	96,2	18,3	20,4	8,4
газопроводы магистральные и отводы от них, тыс. км	1,3	1,0	2,1	2,2
нефтепроводы магистральные и нефтепродуктопроводы магистральные региональные, тыс. км	0,7	0,2	0,2	0,3

Таблица 2
Показатели ввода в действие инфраструктурных объектов за счет строительства в РФ (по данным Росстата)

Построено	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.
автомобильных дорог с твердым покрытием, тыс.км	2,0	1,9	1,5	1,3
в том числе автомобильных дорог общего пользования	1,6	1,6	1,2	0,8
новых железнодорожных линий, км	96,2	18,3	20,4	8,4
вторых путей, км	58,4	26,1	25,5	40,7
причалов морских портов (включая перегрузочные комплексы морских портов), тыс.пог.м млн т груза в год	2,2 17,5	–	1,6 –	0,4 0,5
механизированных причалов речных портов, тыс.пог. м млн т груза в год	–	0,1 0,1	–	–

взлетно-посадочных полос с твердым покрытием, тыс.м2	448,2	54,0	–	–
газопроводов магистральных и отводов от них, тыс.км	1,2	0,9	1,9	2,2
нефтепроводов магистральных и нефтепродуктопроводов магистральных региональных, тыс.км	0,5	0,0	0,1	0,2
линий метрополитена (в двухпутном исчислении), км	27,5	16,4	21,9	2,9
станций метрополитена	12	7	11	–
станций технического обслуживания легковых автомобилей	178	166	209	233
торговых предприятий, тыс.м2 торговой площади	2 213,4	1 571,0	1 899,7	1 507,9
предприятий общественного питания, тыс.посадочных мест	21,7	16,2	13,1	20,8
Электрифицировано железных дорог, км	–	–	22,0	–
Коммунальное хозяйство	1 083,8	1 563,8	1 618,5	1 580,7
Водопроводные сети, км	335,3	384,5	310,7	475,1
Канализационные сети, км	7,1	7,2	5,3	7,1
Газовые сети, тыс.км	182,6	148,8	103,0	116,1
Тепловые сети, км	1 083,8	1 563,8	1 618,5	1 580,7

По итогам трех кварталов 2023 г. объемы строительства в регионах РФ достигли 9,76 трлн руб., что на 8,8% выше в сопоставимых ценах, чем год назад, при этом уменьшился удельный вес строительства сооружений (с 26% до 14%), к которым можно отнести большую часть транспортной инфраструктуры.

Анализ **финансирования инфраструктурных проектов** показывает следующее. Инвестиции из региональных бюджетов на реализацию инфраструктурных проектов за 3 квартала 2023 г. составили 1,27 трлн руб., в сопоставимых ценах рост равен 5,8%, при этом наиболее значимое увеличение отмечено в Северо-Западном федеральном округе (на 48%, до 150,9 млрд руб.) в результате двукратного роста расходов в Санкт-Петербурге, а наиболее значительное снижение - на Дальнем Востоке (на 8,6%, до 84,1 млрд руб.) из-за высокой долговой нагрузки местных бюджетов.

Согласно данным сайта Министерства строительства и ЖКХ РФ вложения в инфраструктурные проекты при применении инфраструктурных облигаций специализированных

обществ проектного финансирования за 2021 г. составили 20,0 млрд рублей, в 2022 г. - 25,0 млрд руб., в 2023 г. – 15 млрд руб., а в 2024 г. планируется разместить облигации на сумму 150 млрд руб. По состоянию на август 2023 г. одобрены 42 проекта в 22 российских регионах (общая сумма - 138,4 млрд руб.).

Для финансирования выполнения инфраструктурных проектов используются также инфраструктурные бюджетные кредиты, при этом общий объем средств данного источника на 2021-2025 гг. запланирован в размере 1 трлн руб. для 942 объектов и мероприятий в 83 регионах РФ. Данные вложения направляются на проекты создания инженерно-коммунальной, транспортной, социальной инфраструктуры, строительство дорог, промышленных парков, промышленных технопарков, особых экономических зон, для создания туристской инфраструктуры.

Кроме того, финансирование инфраструктурных проектов модернизации коммунальной инфраструктуры осуществляет также Фонд национального благосостояния (ФНБ) публично-правовой компании «Фонд развития территорий» при использовании механизма предоставления займов. Уже заключено 240 соглашений в 74 регионах на общую сумму 145,0 млрд руб.

Поддерживает проекты строительства, модернизации и реконструкции объектов инфраструктуры ВЭБ.РФ: по состоянию на 1 августа 2023 г. выделено 224,53 млрд руб. на реализацию 25 проектов в 37 регионах РФ (строительство аэропортов, дорог, туристической инфраструктуры, экологические проекты).

Осуществляется реструктуризация бюджетных кредитов для инфраструктурной поддержки реализации новых инвестиционных проектов: 198,7 млрд руб. в 2021 г., 78,6 млрд руб. в 2022 г., в 2023 г. объем высвобождаемых средств уменьшился на 27,1 млрд руб. (исключено больше объектов, чем добавлено новых).

В 2021 г. регионы РФ на создание объектов инфраструктуры направили в 2021 г. 17,4 млрд руб. (95% от плана), в 2022 г. – 49,1 млрд руб. (93% от плана), а в 2023 г. – 13,4 млрд руб. (всего 15%).

Согласно аналитическому отчету компании «Sherpa Group», специализирующейся на отраслевых исследованиях в 2022 г. увеличение бюджетных вложений регионов РФ в

инфраструктурные проекты составил около 1,2%, а в 2020 г. и 2021 г. 13,2% и 8,2% соответственно. В 2022 г. финансирование строительства инфраструктурных объектов из федерального бюджета увеличилось на 25%.

За 2019-2022 гг. прослеживается тенденция роста вложений и из федерального бюджета, и из региональных бюджетов в осуществление инфраструктурных проектов (таб. 3). Однако, совокупная доля данных расходов в ВВП страны не увеличивается. Это может обуславливать снижение эффектов от планируемых затрат на проекты инфраструктурного строительства.

Таблица 3
Финансирование инфраструктурных проектов из федерального и региональных бюджетов

Показатель	годы			
	2019	2020	2021	2022
Расходы региональных бюджетов на инфраструктурные проекты, млрд руб.	1,62	1,83	1,98	2,01
Расходы федерального бюджета на инфраструктурные проекты, млрд руб.	0,47	0,52	0,61	0,76
Доля расходов региональных и федерального бюджета на инфраструктурные проекты в ВВП РФ, %	1,9	2,2	1,9	1,8

Составлено авторами по данным Министерства финансов РФ, Росстата, [Инфраструктура в регионах: долговая нагрузка и бюджетные вложения в отрасль. <https://sherpagroup.ru/analytics/pdf/n4n4jrx.pdf?ysclid=lr1yifzhhy383845663>]

Каковы же **эффекты от инфраструктурных проектов** для экономики регионов?

Эффекты от реализации инфраструктурных проектов:

- антикризисное влияние в ситуации санкционного давления (содействие созданию дополнительного спроса на продукцию отечественного производства, рост гибкости внешнеторговых поставок) [7];

- полноценное пространственное развитие страны (вовлечение в экономический оборот дополнительных ресурсов, повышение связанности пространства и упрощения транспортных связей, снижение межрегионального неравенства за счет более равномерного экономического развития регионов),

привлечение в регион новых видов деятельности, стимулирующее рост конкурентоспособности местного производства и производительности факторов [7];

- снижение торговых издержек, рост торговых потоков, стимулирование торговли [33];
- стимулирование региональной интеграции;
- рост благосостояния, социальные эффекты для общества, увеличение рабочих мест, занятости, сокращение бедности [13, 15];
- рост производительности, снижение затрат на производство [33];
- повышение доступности территорий и сокращение транспортных расходов;
- уменьшение затрат на промежуточные материалы [7].

Эффективность вложений в инфраструктурные проекты обуславливается их размером: при высоком уровне затрат бюджетов растет инвестиционный мультипликатор, определяемый как отношение внебюджетных инвестиций к бюджетным. Исследования ученых свидетельствуют о том, что инвестиции одного бюджетного рубля в региональную инфраструктуру привлекают 4,5–5 руб. внебюджетных инвестиций, то есть рост плотности экономического пространства увеличивает инвестиционную активность частных инвесторов. Преимущественно в научных исследованиях выявляется положительная зависимость между вложениями в инфраструктурные проекты и экономическим развитием регионов [13, 16, 30]. Отсутствие же расходов на реализацию инфраструктурных проектов обуславливает замедление темпов роста производительности [7, 26, 27].

Вложения в инфраструктурные проекты могут повлечь отрицательные результаты, в случае, если в регионе нет достаточного количества пользователей созданных объектов инфраструктуры; возможно, что развитие транспортной инфраструктуры обеспечивает не только экономический рост в самом регионе, но и «уход» эффектов роста за пределы региона. Кроме того, инвестиции в инфраструктурные проекты хорошо оснащенного региона дают лишь незначительное увеличение [7].

Именно поэтому важен обоснованный выбор инфраструктурных проектов, которые способны стать флагманскими для развития экономик регионов.

Флагманские проекты

Под **флагманским проектом** понимается: «прошивающие, пронизывающие инициативы, направленные на решение острых проблем и использование возможностей, являющихся общими для многих кластеров. Эти флагманские проекты означали сотрудничество между кластерами» [23]; проект, дающий значимый импульс развитию территории, обеспечивающий появление новых возможностей, способствующий появлению новых проектов [22].

Необходимость выделения именно флагманских инфраструктурных проектов обусловлена не только задачами стратегического развития регионов в условиях новой индустриализации, импортозамещения, но появлением и усилением ряда вызовов, связанных с безопасностью судоходства в регионах Азово-Черноморского бассейна (стимулирующих дополнительные инвестиции в транспортные проекты); необходимостью решения задач в сфере обороны и безопасности в приграничных регионах РФ; изменением климата (актуализирующих разработку и применение новых технологий инфраструктурного строительства); востребованностью сопряжения темпов реализации коммунальных и социальных инфраструктурных проектов с интенсивностью жилищного строительства.

Методика выбора флагманских проектов

В развитие методики выбора флагманских проектов, разработанных для целей инновационного развития высокотехнологичных промышленных комплексов [9], предлагаем оценивать следующие критерии для выбора флагманских среди инфраструктурных проектов региона: соответствие стратегическим целям развития региона, наличие компетенций, ресурсов, технологий, производственных мощностей для реализации проекта, влияние на появление других проектов, логически с ним связанных, создание стратегических рычагов, т.е. возможностей в будущем запускать проекты, для которых необходимая защита и важные компетенции создаются данным инфраструктурным проектом (возможности роста, рыночная и техническая долговечность, возможности использования в различных отраслях региона).

Флагманские инфраструктурные проекты Новгородской области

С учетом стратегических целей развития региона (обеспечения конкурентоспособности региона в части привлечения и удержания кадров, ускорения экономического роста региона за счет развития высокотехнологичных отраслей), выделенных приоритетов и точек роста (электроника, медицинские технологии, креативные индустрии, проекты по сохранению культурного наследия), сформированного спектра ключевых задач (развитие центров компетенций, создание условий для развития высокотехнологичного производства, развитие взаимодействия между участниками региональной экосистемы, привлечение и удержание специалистов) выбраны флагманские инфраструктурные проекты: создание особой экономической зоны промышленно-производственного типа — ОЭЗ ППТ «Новгородская» и создание студенческого кампуса мирового уровня Новгородского государственного университета (НовГУ).

При этом реализация флагманского инфраструктурного проекта создания ОЭЗ ППТ «Новгородская» нацелено на привлечение инвестиций в регион, развитие промышленного производства, создание передовых промышленных комплексов, реализацию проектов импортозамещения за счет фокусирования на приоритетных отраслевых направлениях: машиностроение, приборостроение, радиоэлектроника, микроэлектроника, медицинская промышленность, производство товаров массового потребления, производство строительных материалов и химическое производство.

Запуск реализации флагманского инфраструктурного проекта по строительству студенческого кампуса мирового уровня НовГУ обусловлен ориентацией на масштабные и значимые для экономики Новгородской области задачи: обеспечение подготовки высококвалифицированных специалистов для предприятий-резидентов ОЭЗ ППТ «Новгородская» по направлениям: химико-технологические процессы, инженерное дело, энергетика, автоматизированная система управления технологическим процессом, менеджмент и товароведение, экономика.

Следует подчеркнуть, что данные инфраструктурные проекты, выполняя свою «флагманскую» роль, стимулируют разработку и запуск других проектов в Новгородской области

по созданию инфраструктуры, в том числе инновационной: проектов создания технопарков со специальными налоговыми режимами для компаний-резидентов, организации венчурного фонда, создания бизнес-инкубаторов и акселераторов, в том числе на базе университета.

Процессы реализации флагманских инфраструктурных проектов в регионах требуют мониторинга их эффективности.

Оценка влияния флагманских инфраструктурных проектов: методические основы

Что касается методик оценки влияния инфраструктурных проектов на экономическое развитие регионов, то следует подчеркнуть, что наиболее часто изучаются зависимости «инфраструктурные проекты в сфере транспорта - экономический рост». При этом среди показателей оценки выделяют валовой выпуск, ВВП, доходы бюджета и населения [18]. Также предлагаются коэффициенты эластичности выпуска частного сектора по инфраструктурному капиталу, оценка влияния транспортных проектов на уровне макро-, микроэкономики и отдельных рынков, влияния транспортных проектов на окружающую среду и уровень здоровья как пользователей, так и «непользователей» транспортных проектов [35-37].

Для оценки влияния экономической инфраструктуры на развитие региона предлагается сводный индекс, включающий человеческий капитал, зависящий от издержек на инфраструктурные проекты в сферах здравоохранения и образования [34].

Для оценки роли государства в преодолении проблемы экономического неравенства регионов из-за влияния уровня развития транспортной инфраструктуры предложена и применена межотраслевая межрегиональная модель, включающая таблицы «затраты – выпуск» в разрезе десятков отраслей [31].

Исследователями используется регрессионный анализ для решения задачи выявления зависимости экономического роста российских регионов от инфраструктуры [20].

Также анализ существующих разработок показал, что учеными применяются проектный анализ оценки общественной эффективности проекта (изучение затрат и выгод) [7], оптимизационные межрегиональные модели [5-7, 14], эконометрический анализ.

Для оценки вклада флагманских инфраструктурных проектов в социально-экономическое развитие региона предлагаем следующие блоки - подсистемы показателей:

- интеграционно-инвестиционно-технологическая, в которой оценивается влияние флагманских инфраструктурных проектов на интеграционные процессы в регионе, создание кластеров, инновационных научно-технологических центров, сетей предприятий и организаций, привлечение инвестиций и технологическое развитие отраслей;

- инновационная, в которой оценивается влияние флагманских инфраструктурных проектов на рост производства инновационных товаров и услуг, внедрение инноваций в деятельность предприятий и организаций региона;

- кадровая, в которой исследуется влияние флагманских инфраструктурных проектов на рынок труда в регионе, создание новых рабочих мест;

- социальная, в которой анализируются влияние флагманских инфраструктурных проектов на качество жизни населения региона;

- экономическая, в которой анализируются флагманских инфраструктурных проектов на региональную экономику, доходы бюджета.

Для оценки флагманских инфраструктурных проектов в развитие региона в каждой из подсистем нами выделены один или несколько ключевых показателей, положительная динамика которых свидетельствуют об их позитивном воздействии на региональную социально-экономическую систему (табл. 4).

Таблица 4

Показатели оценки вклада флагманских инфраструктурных проектов в экономическое развитие региона

Подсистема	Показатель вклада флагманских инфраструктурных проектов в экономическое развитие региона
Интеграционно-инвестиционно-технологическая	Прирост разработанных передовых производственных технологий в регионе, %. Прирост внутренних текущих затрат на научные исследования и разработки по видам затрат (оплата труда, приобретение оборудования), %.
Инновационная	Прирост доли продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВРП региона, %.
Кадровая	Прирост новых рабочих мест, %.
Социальная	Снижение уровня бедности в регионе.
Экономическая	Рост налоговых поступлений. ВРП на душу населения.

Кроме того, для оценки эффективности реализации каждого из выбранных для Новгородской области флагманских инфраструктурных проектов нами выбраны следующие совокупности информативных показателей (табл. 5).

Таблица 5

Матрица показателей флагманских инфраструктурных проектов Новгородской области

Флагманский инфраструктурный проект	Показатель
Создание ОЭЗ ППТ «Новгородская»	Количество рабочих мест, созданных резидентами ОЭЗ на территории. Объем инвестиций, осуществленных резидентами ОЭЗ на территории ОЭЗ. Объем средств федерального бюджета, бюджета субъекта РФ и местных бюджетов, направленных на финансирование создания объектов инженерной, транспортной, социальной, инновационной и иной инфраструктуры ОЭЗ. Налоговые отчисления резидентов в бюджет региона.
Создание кампуса мирового уровня НОГУ	Сумма налогов, уплаченная в региональный бюджет, млн. руб. Доходы от НИОКР (за исключением средств бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, государственных фондов поддержки науки) в расчете на одного НГР, млн. руб. Прирост объема инновационных товаров, работ, услуг, отгруженных товаров, выполненных работ, услуг организациям региона, % Прирост числа заключенных контрактов (с представителями индустрии), в % к уровню прошлого года Удельный вес НИОКР, выполненных собственными силами (без привлечения соисполнителей), в общих доходах образовательной организации от НИОКР, % Общий объем товаров, работ и услуг, реализуемых на территории кампуса университета, для студентов и работников вуза в течение года, тыс. руб. Удельный вес численности студентов (курсантов), проживающих в общежитиях, в общей численности студентов (курсантов), нуждающихся в общежитиях, % Удельный вес стоимости оборудования (не старше 5 лет) образовательной организации в общей стоимости оборудования, % Затраты университета на исследования и разработки, тыс. руб. Общая площадь помещений, в которых осуществляется образовательная деятельность, в расчете на одного студента (курсанта), кв. м. Количество проектов по благоустройству территорий, реализованных в регионе по проектам, выполненным обучающимися и НГР университета, ед. Количество студенческих технологических стартапов.

<p>Удельный вес численности молодых людей в возрасте 18-30 лет в общей численности населения 18-30 лет, участвующих в инновационной деятельности и научно-техническом творчестве.</p> <p>Удельный вес численности молодых людей в возрасте 18-30 лет в общей численности населения 18-30 лет, участвующих в создании и запуске проектов малого и среднего бизнеса, а также стартапов.</p> <p>Количество бизнес-проектов (стартапов), подготовленных студентами в рамках деятельности стартап-студий.</p> <p>Доля студентов, начавших технологический стартап в процессе обучения в университете.</p>
--

Заключение

В статье проанализирована текущая ситуация с реализацией и финансированием инфраструктурных проектов в регионах РФ, уточнен понятийный аппарат, относящийся к теме исследования, предложены рекомендации по совершенствованию методик отбора флагманских проектов инфраструктурного строительства в регионах и оценки их влияния на региональное экономическое развитие.

Анализ динамики инфраструктурного развития в условиях актуализации задач ускорения индустриального развития, достижения технологического суверенитета, перестройки логистических цепочек в производстве и торговле показал необходимость решения проблем в сфере реализации инфраструктурных проектов в стране. В результате анализа тенденции изменения размеров вложений и из федерального бюджета, и из региональных бюджетов в осуществление инфраструктурных проектов, совокупной доли данных расходов в ВВП страны сделан вывод о рисках снижения эффектов от планируемых затрат на проекты инфраструктурного строительства.

Обоснована необходимость выбора инфраструктурных проектов, которые способны стать флагманскими для развития экономик регионов.

Предложены и апробированы на примере Новгородской области критерии для выбора флагманских среди инфраструктурных проектов региона. Описаны флагманские инфраструктурные проекты Новгородской области: создание особой экономической зоны промышленно-производственного типа — ОЭЗ ППТ «Новгородская» и создание студенческого кампуса мирового уровня Новгородского государственного университета (НовГУ).

Для оценки вклада флагманских инфраструктурных проектов в социально-экономическое развитие региона предложены подсистемы показателей: интеграционно-инвестиционно-технологическая, инновационная, кадровая, социальная, в которой анализируются влияние флагманских инфраструктурных проектов на качество жизни населения региона, экономическая. В каждой из подсистем выделены ключевые показатели, положительная динамика которых свидетельствуют об их позитивном воздействии на региональную социально-экономическую систему. Сформированы совокупности информативных показателей для оценки эффективности реализации каждого из выбранных для Новгородской области флагманских инфраструктурных проектов.

Литература

1. Алсуфьев А.В. Влияние крупных инфраструктурных проектов на развитие регионов локализации (на примере проекта Белкомур) // Государственный аудит. Право. Экономика. 2017. № 3-4. С. 142-147.
2. Богатырев А.В., Штефан А.Н. Крупные инфраструктурные проекты в РФ: состояние, тенденции, проблемы реализации // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2019. Том 9. № 8А. С. 31-39. DOI 10.34670/AR.2019.90.8.004.
3. Булатова Н. Н. Развитие региональной транспортной инфраструктуры // Экономический вестник Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления. 2017. № 4. С. 30–38.
4. Гранберг А. Г., Ершов Ю. С., Ибрагимов Н. М., Суслов Н. И. и др. Инновационный потенциал научного центра: методологические и методические проблемы анализа и оценки / Отв. ред. В. И. Суслов. Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2007.
5. Гранберг А. Г., Михеева Н. Н., Суслов В. И., Новикова Т. С., Ибрагимов Н. М. Результаты экспериментальных расчетов по оценке эффективности инвестиционных проектов с применением межотраслевых межрегиональных моделей // Регион: экономика и социология. 2010. № 4. С. 45–72.
6. Гранберг А. Г., Суслов В. И., Суспицын С. А. Многорегиональные системы: экономико-математическое исследование. Новосибирск: Сиб. науч. изд-во, 2007. 371 с.

7. Гулакова О. И. Оценка влияния крупных инфраструктурных проектов на развитие регионов (на примере проекта ВСТО) // Мир экономики и управления. 2019. Т. 19, № 1. С. 76–88. DOI 10.25205/2542-0429-2019-19-1-76-88.
8. Гулакова О.И. Теоретико-методологические основы измерения общественного эффекта инфраструктурных проектов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки. 2012. Т. 12. Вып. 4. С. 146-157.
9. Данейкин Ю.В. Теория и методология инновационного развития высокотехнологичного промышленного комплекса на мезоуровне. Автореф. дисс. на соиск учен. степ. докт. экон. наук» по специальности 5.2.3 «Региональная и отраслевая экономика (экономика инноваций)». Великий Новгород, 2023.
10. Захарова И. Ю., Лилякова Д. С. Комплексное развитие транспортной отрасли Краснодарского края // Изв. высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2016. № 1 (48). С. 18–23.
11. Иванов В.Ю. Инфраструктурные проекты и инфраструктурные мегапроекты как целевые вложения в инфраструктуру: общее и различное // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2020. Том 10. № 12А. С. 40-49. DOI: 10.34670/AR.2020.88.53.052.
12. Игошев А.К., Серый В.В., Веснин Д.В., Богатырев А.В. Экотехнопарк и индустриальный парк, существуют ли точки соприкосновения? // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2017. № 9-4 (56). С. 47-49.
13. Исаев А.Г., Шитова И.А. Теоретическая модель оценки влияния крупного инфраструктурного проекта на региональную экономическую динамику // Пространственная экономика. 2022. Т. 18. № 2. С. 101–134. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2022.2.101-134>.
14. Кибалов Е. Б., Суслов Н. И., Бузулуцков В. Ф., Хуторецкий А. Б. и др. Комплексный подход к оценке общественной эффективности крупномасштабных железнодорожных проектов / Отв. ред. К. Л. Комаров. Новосибирск: Изд-во СГУПС, 2015. 159 с.
15. Кнобель А. Ю., Зайцев Ю. К., Багдасарян К. М., Баева М. А., Воловик Н. П., Седалищев В. В., Казарян М. О., Кузнецов Д. Е., Миракян Д. Г.. Оценка влияния крупных инфраструктурных объектов на развитие интеграционных процессов в странах СНГ. Препринт НИР. Москва, 2022. <https://repec.ranepa.ru/rnp/wpaper/w20220227.pdf>.
16. Коломак Е.А. Инфраструктура: влияние на экономический рост и пространственные экстерналии // XI Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества. Книга 1 / отв. ред. Е.Г. Ясин. М.: ВШЭ, 2011. С. 483–493.
17. Малицкая Е.А. Понятие инфраструктурного проекта и управление его жизненным циклом // Вопросы современной экономики. 2014. № 3. URL: <http://economic-journal.com/2014/07/086-1/>.
18. Оценка крупных инфраструктурных проектов: задачи и решения / Фонд «Центр стратегических разработок». М., 2013. 108 с.
19. Попов М.С. Понятие инфраструктурных проектов и специфика их правовой природы // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2015. № 6. С. 50-60;
20. Рослякова Н., Горидько Н. Экономический рост регионов и транспортная инфраструктура: регрессионный анализ // РИСК: ресурсы, информация, снабжение, конкуренция. 2013. № 1. С. 157–161.
21. Сериков П. Ю. Об оценке социально-экономического воздействия инфраструктурных проектов в ТЭК на национальную экономику // Экономика и предпринимательство. 2015. № 8-2 (61-2). С. 89–93.
22. Стратегии малых городов: территория творчества / Б.С. Жихаревич, Н.А. Лебедева, О.В. Русецкая, Т.К. Прибышин ; под ред. Б.С. Жихаревича. — Санкт-Петербург : Изд-во МЦСЭИ «Леонтьевский центр», 2017. — 68 с. — EDN YZEPXN., с. 22.
23. Стратегическое планирование экономического развития: 35 лет канадского опыта / науч. ред. Б.С. Жихаревич. — Санкт-Петербург : Изд-во МЦСЭИ «Леонтьевский центр», 2004. — 288 с., с. 181–183.
24. Шалимова А.А. Перспективы и риски реализации мегапроектов в условиях современной России // Наука, техника, образование. 2015. № 12. С. 150-152.
25. Шумаев В. Развитие транспорта и инфраструктуры в северных регионах // РИСК: ресурсы, информация, снабжение, конкуренция. 2016. № 1. С. 28–30.

26. Aschauer D. Does public capital crowd out private capital. *Journal of Monetary Economics*, 1989, no. 24 (2), p. 171–188.

27. Aschauer D. Is public expenditure productive? *Journal of Monetary Economics*, 1989, no. 23, p. 177–200.

28. Boardman A. E., Greenberg D. H., Vining A. R. et al. *Cost-Benefit Analysis. Concept and Practices*. 4th ed. Boston, Pearson Education, Prentice Hall, 2011, 541 p.

29. Brent R. J. *Applied cost-benefit analysis*. Cheltenham, UK, Edward Elgar Publishing, 1997, 336 p.; Florio M. *Cost-Benefit Analysis and Incentives in Evaluation – The Structural Funds of the European Union*. Cheltenham, UK, Edward Elgar Publishing, 2007, 320 p.

30. Bröcker J., Rietveld P. *Infrastructure and Regional Development // Handbook of Regional Growth and Development Theories / Edited by R. Capello, P. Nijkamp*. Cheltenham; Northampton: Edward Elgar Publishing, 2009. Pp. 152–181.

31. Lining H., Duchin F. Regional development in China: interregional transportation infrastructure and regional comparative advantage. *Economic Systems Research*, 2009, vol. 21, no. 1, p. 3–22. DOI 10.1080/09535310802703395.

32. Meersman H., Nazemzadeh M. The contribution of transport infrastructure to economic activity: The case of Belgium. *Case Studies on Transport Policy*, 2017, vol. 5, no. 2, p. 316–324.

33. Morgenroth E. *The Regional Development Impacts of Transport Infrastructure: A Literature Review and Policy Implications*. Dublin, Economic and Financial Evaluation Unit, Department of Transport, Tourism and Sport. 2014, September 9. URL: <https://www.esri.ie/publications/the-regional-development-impacts-of-transport-infrastructure-a-literature-review-and-policy-implications>.

34. Pravakar S., Ranjan K. D. Economic growth in South Asia: Role of infrastructure. *The Journal of International Trade & Economic Development*, 2012, vol. 21, no. 2, p. 217–252. DOI 10.1080/09638191003596994.

35. Straub S. *Infrastructure and Development: A Critical Appraisal of the Macro-Level Literature // The Journal of Development Studies*. 2011. Vol. 47. Issue 5. Pp. 683–708. <https://doi.org/10.1080/00220388.2010.509>.

36. Vickerman R. Recent Evolution of Research into the Wider Economic Benefits of Transport Infrastructure Investments / *International Transport Forum. Discussion Paper No. 2007-9*. 2007. URL: <http://www.internationaltransportforum.org/jtrc/discussionpapers/DiscussionPaper9.pdf>.

37. Weisbrod G., Lynch T., Meyer M. *Extending Monetary Values to Broader Performance and Impact Measures: Transportation Applications and Lessons for Other Fields // Evaluation and Program Planning*. 2009. Vol. 32. Pp. 332–341. <https://doi.org/10.1016/j.evalprogplan.2009.06.011>.

Flagship infrastructure projects: selection and impact on the regional economy

Ivanova O.P., Tumin V.M., Trifonov V.A.

Novgorod State University named after Yaroslav the Wise, Moscow Polytechnic Institute

The dynamics of infrastructural development in the context of updating the tasks of accelerating new industrial development, achieving technological sovereignty in industry, restructuring supply chains in production and trade determines the need to solve problems in the implementation of infrastructure projects in the regions of the Russian Federation. There are and are increasing risks of reducing the effects of planned costs on infrastructure construction projects. The authors justify the need to select infrastructure projects that can become flagship projects for the development of regional economies. The article proposes and tests, using the example of the Novgorod region, criteria for selecting flagship infrastructure projects in the region. Subsystems of indicators are proposed to assess the contribution of flagship infrastructure projects to the socio-economic development of the region. In each of the subsystems, key indicators are identified, the positive dynamics of which indicate their positive impact on the regional socio-economic system. A set of informative indicators has been generated to assess the effectiveness of the implementation of each of the flagship infrastructure projects selected for the Novgorod region.

Keywords: flagship project, infrastructure project, regional economy, methodology for identifying flagship projects, effects

References

1. Alsufiev A.V. The influence of large infrastructure projects on the development of localization regions (on the example of the Belkomur project) // *State Audit. Right. Economy*. 2017. No. 3-4. pp. 142-147.
2. Bogatyrev A.V., Stefan A.N. Large infrastructure projects in the Russian Federation: status, trends, problems of implementation // *Economics: yesterday, today, tomorrow*. 2019. Volume 9. No. 8A. pp. 31-39. DOI 10.34670/AR.2019.90.8.004.
3. Bulatova N. N. Development of regional transport infrastructure // *Economic Bulletin of the East Siberian State University of Technologies and Management*. 2017. No. 4. pp. 30–38.
4. Granberg A. G., Ershov Yu. S., Ibragimov N. M., Suslov N. I., etc. *Innovative potential of the scientific center: methodological and methodological problems of analysis and assessment / Responsible. ed. V. I. Suslov*. Novosibirsk: Publishing house IEOPP SB RAS, 2007.
5. Granberg A. G., Mikheeva N. N., Suslov V. I., Novikova T. S., Ibragimov N. M. Results of experimental calculations to assess the effectiveness of investment projects using

- intersectoral interregional models // *Region: economics and sociology*. 2010. No. 4. pp. 45–72.
6. Granberg A. G., Suslov V. I., Suspitsyn S. A. *Multiregional systems: economic and mathematical research*. Novosibirsk: Sib. scientific publishing house, 2007. 371 p.
 7. Gulakova O. I. Assessing the impact of large infrastructure projects on the development of regions (using the example of the ESPO project) // *World of Economics and Management*. 2019. Vol. 19, No. 1. pp. 76–88. DOI 10.25205/2542-0429-2019-19-1-76-88.
 8. Gulakova O.I. Theoretical and methodological foundations for measuring the social effect of infrastructure projects // *Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: Socio-economic sciences*. 2012. T. 12. Issue. 4. pp. 146-157.
 9. Daneykin Yu.V. Theory and methodology of innovative development of a high-tech industrial complex at the meso level. Author's abstract. diss. for the scientific degree step. doc. econ. Sciences" in specialty 5.2.3 "Regional and sectoral economics (economics of innovation)", Veliky Novgorod, 2023.10. Zakharova I. Yu., Liliyakova D. S. Integrated development of the transport industry of the Krasnodar region // *Izv. institutions of higher education. Sociology. Economy. Politics*. 2016. No. 1 (48). pp. 18–23.
 11. Ivanov V.Yu. Infrastructure projects and infrastructure megaprojects as targeted investments in infrastructure: general and different // *Economics: yesterday, today, tomorrow*. 2020. Volume 10. No. 12A. pp. 40-49. DOI: 10.34670/AR.2020.88.53.052.
 12. Igoshev A.K., Sery V.V., Vesnin D.V., Bogatyrev A.V. Ecotechnopark and industrial park, are there common points? // *Competitiveness in the global world: economics, science, technology*. 2017. No. 9-4 (56). pp. 47-49.
 13. Isaev A.G., Shitova I.A. Theoretical model for assessing the impact of a large infrastructure project on regional economic dynamics // *Spatial Economics*. 2022. T. 18. No. 2. pp. 101–134. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2022.2.101-134>.
 14. Kibalov E. B., Suslov N. I., Buzulutskov V. F., Khutoretsky A. B. et al. An integrated approach to assessing the social effectiveness of large-scale railway projects / *Responsible*. ed. K. L. Komarov. Novosibirsk: Publishing house SGUPS, 2015. 159 p.
 15. Knobel A. Yu., Zaitsev Yu. K., Bagdasaryan K. M., Baeva M. A., Volovik N. P., Sedalishchev V. V., Kazaryan M. O., Kuznetsov D. E., Mirakyan D. G. Assessing the impact of large infrastructure facilities on the development of integration processes in the CIS countries. Research preprint. Moscow, 2022. <https://repec.ranepa.ru/rnp/wpaper/w20220227.pdf>.
 16. Kolomak E.A. Infrastructure: influence on economic growth and spatial externalities // *XI International Scientific Conference on Problems of Development of Economy and Society*, Book 1 / rep. ed. E.G. Yasin. M.: HSE, 2011. pp. 483–493.
 17. Malitskaya E.A. The concept of an infrastructure project and its life cycle management // *Issues of modern economics*. 2014. No. 3. URL: <http://economic-journal.com/2014/07/086-1/>.
 18. Assessment of large infrastructure projects: tasks and solutions / Center for Strategic Research Foundation. M., 2013. 108 p.
 19. Popov M.S. The concept of infrastructure projects and the specifics of their legal nature // *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. 2015. No. 6. P. 50-60;
 20. Roslyakova N., Goridko N. Economic growth of regions and transport infrastructure: regression analysis // *RISK: resources, information, supply, competition*. 2013. No. 1. pp. 157–161.
 21. Serikov P. Yu. On assessing the socio-economic impact of infrastructure projects in the fuel and energy complex on the national economy // *Economics and Entrepreneurship*. 2015. No. 8-2 (61-2). pp. 89–93.
 22. *Strategies of small cities: territory of creativity* / B.S. Zhikharevich, N.A. Lebedeva, O.V. Rusetskaya, T.K. Pribyshin; edited by B.S. Zhikharevich. - St. Petersburg: Publishing house ICSE "Leontief Center", 2017. - 68 p. - EDN YZEPXN, p. 22.
 23. Strategic planning of economic development: 35 years of Canadian experience / scientific. ed. B.S. Zhikharevich. - St. Petersburg: Publishing house ICSE "Leontief Center", 2004. - 288 p., p. 181–183.
 24. Shalimova A.A. Prospects and risks of implementing megaprojects in the conditions of modern Russia // *Science, technology, education*. 2015. No. 12. P. 150-152.
 25. Shumaev V. Development of transport and infrastructure in the northern regions // *RISK: resources, information, supply, competition*. 2016. No. 1. P. 28–30.
 26. Aschauer D. Does public capital crowd out private capital. *Journal of Monetary Economics*, 1989, no. 24 (2), p. 171–188.
 27. Aschauer D. Is public expenditure productive? *Journal of Monetary Economics*, 1989, no. 23, p. 177–200.
 28. Boardman A. E., Greenberg D. H., Vining A. R. et al. *Cost-Benefit Analysis. Concepts and Practices*. 4th ed. Boston, Pearson Education, Prentice Hall, 2011, 541 p.
 29. Brent R. J. *Applied cost-benefit analysis*. Cheltenham, UK, Edward Elgar Publishing, 1997, 336 p.; Florio M. *Cost Benefit Analysis and Incentives in Evaluation – The Structural Funds of the European Union*. Cheltenham, UK, Edward Elgar Publishing, 2007, 320 p.
 30. Bröcker J., Rietveld P. Infrastructure and Regional Development // *Handbook of Regional Growth and Development Theories* / Edited by R. Capello, P. Nijkamp. Cheltenham; Northampton: Edward Elgar Publishing, 2009. Pp. 152–181.
 31. Lining H., Duchin F. Regional development in China: interregional transportation infrastructure and regional comparative advantage. *Economic Systems Research*, 2009, vol. 21, no. 1, p. 3–22. DOI 10.1080/09535310802703395.
 32. Meersman H., Nazemzadeh M. The contribution of transport infrastructure to economic activity: The case of Belgium. *Case Studies on Transport Policy*, 2017, vol. 5, no. 2, p. 316–324.
 33. Morgenroth E. *The Regional Development Impacts of Transport Infrastructure: A Literature Review and Policy Implications*. Dublin, Economic and Financial Evaluation Unit, Department of Transport, Tourism and Sport, 2014, September 9. URL: <https://www.esri.ie/publications/the-regional-development-impacts-of-transport-infrastructure-a-literature-review-and-policyimplications>.
 34. Pravakar S., Ranjan K. D. Economic growth in South Asia: Role of infrastructure. *The Journal of International Trade & Economic Development*, 2012, vol. 21, no. 2, p. 217–252. DOI 10.1080/09638191003596994.
 35. Straub S. Infrastructure and Development: A Critical Appraisal of the Macro-Level Literature // *The Journal of Development Studies*. 2011. Vol. 47. Issue 5. Pp. 683–708. <https://doi.org/10.1080/00220388.2010.509>.
 36. Vickerman R. Recent Evolution of Research into the Wider Economic Benefits of Transport Infrastructure Investments / *International Transport Forum. Discussion Paper No. 2007-9*. 2007. URL: <http://www.internationaltransportforum.org/jtrc/discussionpapers/DiscussionPaper9.pdf>.
 37. Weisbrod G., Lynch T., Meyer M. Extending Monetary Values to Broader Performance and Impact Measures: Transportation Applications and Lessons for Other Fields // *Evaluation and Program Planning*. 2009. Vol. 32, pp. 332–341. <https://doi.org/10.1016/j.evalprogplan.2009.06.011>.

Повышение конкурентоспособности санаторно-курортной отрасли Ставропольского края

Агасиев Марат Гудретович

соискатель, Государственный университет управления, m-agasiev@yandex.ru

Данная статья посвящена вопросу повышения конкурентоспособности санаторно-курортного комплекса, который играет немаловажную роль в обеспечении поступательного социально-экономического развития страны. В работе сформулированы основные факторы, влияющие на формирование и развитие устойчивых конкурентных преимуществ, а также рассмотрена специфика санаторно-курортной отрасли, которую следует учитывать при решении поставленной задачи. В рамках исследования изучено развитие курортов Ставропольского края, который выступает одним из лидеров санаторно-курортного лечения в стране. Анализ позволил заключить, что для дальнейшего успешного развития санаториев и курортов необходимо наращивать конкурентоспособность, являющуюся важной интегральной характеристикой деятельности. В связи с этим сформулированы предложения по повышению конкурентоспособности, для успешной реализации которых необходима консолидация усилий бизнеса, образования и государства.

Ключевые слова: санаторно-курортный комплекс, Ставропольский край, конкурентоспособность, туристско-рекреационный комплекс, устойчивое развитие.

JEL classification: D20, E22, E44, L10, L13, L16, L19, M20, O11, O12, Q10, Q16, R10, R38, R40, Z21, Z32

В настоящее время на фоне напряженной геополитической ситуации одной из актуальных задач России является наращивание экономического потенциала страны.

Для многих её территорий санаторно-курортный комплекс выполняет системообразующую функцию, выступая драйвером социально-экономического развития [2]. Тогда устойчивое развитие санаторно-курортной отрасли можно рассматривать в качестве одного из факторов роста экономики страны, что объясняется её значительным вкладом в сохранение и улучшение здоровья населения, которое выступает условием высокого трудового потенциала людей.

Приоритетами в оценке деятельности организаций данной отрасли является степень достижения медицинской, социальной и экономической эффективности.

В связи с этим санаторно-курортным организациям следует уделять внимание разработке эффективной стратегии их развития, способствующей формированию устойчивых конкурентных преимуществ на рынке санаторно-курортных услуг. Необходимость повышения конкурентоспособности обусловлена активно меняющимися факторами внешней среды. Между регионами в свою очередь также наблюдается конкурентная борьба, что еще больше подтверждает необ-

ходимость поиска перспективных инструментов повышения конкурентоспособности отдельных субъектов.

Рассмотрим Ставропольский край, который выступает одним из лидеров санаторно-курортного лечения в стране. В курортном фонде нашей страны он представлен регионом Кавказские минеральные воды (КМВ), который включает такие известные курорты, как Пятигорск, Кисловодск, Ессентуки, Железноводск и Кумагорск.

Согласно данным Росстата, за 3 квартала 2023 года курорты края посетили 2,4 млн. туристов, из которых более 1,1 млн. посетили санатории в летний сезон [4]. Это на 15% выше, чем за аналогичный период прошлого года. При этом потрачено на курортах за 9 месяцев порядка 66 млрд. рублей [4].

Турпоток растет следом за ростом гостевой инфраструктуры. Так, только за последние 6 лет в крае появились порядка 6,5 тыс. мест [4].

Среднестатистический гость приезжает или на 14 дней, или на 21 день, что позволяет региону занимать первое место в стране по показателю длительности пребывания [4]. При этом меняется портрет гостя, его потребности и интересы, что необходимо учитывать в процессе планирования развития санаторно-курортной отрасли.

Ставропольский край стал одним из участников эксперимента по введению курортного сбора, который показал свою социально-экономическую эффективность: доход бюджета от уплаты курортного сбора за период эксперимента по состоянию на ноябрь 2023 года составил порядка 1, 75 млрд рублей [4]. На эти средства уже проведена работа по реконструкции туристических объектов.

Благодаря большому потоку туристов повышается интерес инвесторов к санаторно-курортной инфраструктуре Ставрополья. Новые инвестиционные проекты не только расширяют возможности индустрии гостеприимства, но и создают новые рабочие места, способствуют пополнению бюджетов разных уровней, решая тем самым задачу поступательного экономического роста [3].

Национальный проект «Туризм индустрия гостеприимства» обеспечивает импульс развитию санаторно-курортной сферы, открывая новые возможности для ставропольских курортов. Главное - максимально эффективно их использовать.

В регионе действует государственная программа Ставропольского края «Туристско-рекреационный комплекс», с помощью которой предприниматели приобретают возможность прямой поддержки своих проектов от государства, что также помогает развитию отрасли.

Чтобы ставропольские курорты улучшались и дальше побеждали в конкуренции за отдыхающих, необходимо проводить комплексную работу по обеспечению конкурентоспособности. Несмотря на то, что туристско-рекреационный потенциал Ставропольского края очень велик, недостаточность развитости инфраструктуры, в частности её несоответствие современным требованиям, будет сдерживать дальнейший рост.

Конкурентоспособность, выступая важной интегральной характеристикой деятельности организации, определяет степень соответствия технических, организационных, экономических и прочих свойств объекта возрастающим потребностям потребителей. Рассматривая конкурентоспособность организаций санаторно-курортной отрасли необходимо учитывать специфику данной деятельности. Так, например, деятельность организации осуществляется на основе медицинской лицензии и использует возможности

природных лечебных ресурсов, поэтому отрасль выражает интерес в их рациональном использовании, сохранении природных зон и поддержании экологии [1]. Кроме того, реализуется не только оздоровительная и профилактическая, но анимационная и досуговая деятельность.

Обеспечение конкурентоспособности связано с:

- проведением общего мониторинга функционирования санаторно-курортной организации, удовлетворенности гостей и определением по его результатам направлений оптимизации бизнес-процессов, планированием системы развития санатория;

- анализом существующих методов развития конкурентоспособности услуг;

- оптимизацией распределения человеческих, материальных и финансовых ресурсов;

- пересмотром организационной и корпоративной культуры;

- реализацией технологического и инновационного направления развития санаторно-курортного комплекса и др.

В целом можно выделить следующие факторы, которые влияют на формирование и развитие конкурентных преимуществ [6]:

1. Медико-технологические факторы (совершенствование материально-технической базы санаторно-курортных организаций; следование общепринятым стандартам в индустрии туризма и гостеприимства; внедрение современных технологий в практику санаторно-курортного лечения, соответствующих требованиям потребителей и обеспечивающих социально-экономическую результативность).

2. Рекреационно-географические факторы (большое разнообразие природных лечебных ресурсов и их вовлечение в практику санаторно-курортного лечения; следование принципам рационального природопользования).

3. Организационно-управленческие факторы (высокий профессионализм медицинского и обслуживающего персонала санаторно-курортных организаций; обеспечение необходимого уровня обновления знаний; эффективная система менеджмента качества санаторно-курортных услуг).

4. Финансово-экономические факторы (финансовая стабильность санаторно-ку-

рортных организаций; положительная динамика основных финансово-экономических показателей; инвестиционная привлекательность санаторно-курортных учреждений).

5. Факторы маркетинга (результативность мероприятий по развитию и продвижению санаторно-курортных услуг; современная система информационного сопровождения деятельности санаторно-курортного комплекса, в том числе использование современных технологий сбора, обработки и анализа данных о качестве услуг санаторно-курортных организаций; использование методик маркетинговых исследований потребительского спроса).

Повышение конкурентоспособности санаторно-курортных организаций может быть достигнуто за счет усиления инновационной составляющей их деятельности, что позволит обеспечить население доступными и эффективными услугами комплексов. На современном этапе развития общества одними из основных движущих факторов устойчивого развития санаторно-курортного комплекса с учетом того, что рынок санаторно-курортных услуг изначально является рынком покупателя, можно назвать новые санаторно-технологические ресурсы, а именно: передовые технологии санаторно-курортного лечения и медицинской реабилитации; качественно новые принципы оказания санаторно-курортных услуг; качественное изменение условий труда; рост требований к квалификации сотрудников.

Из-за высокой значимости санаторно-курортной отрасли с точки зрения положительного вклада в социально-экономическое развитие страны осуществление инновационной деятельности становится необходимым условием успешного функционирования организаций данной сферы. Кроме того, предпосылками формирования инноваций в санаторно-курортном комплексе являются [2]:

- повсеместная цифровизация и изменение вектора развития данной сферы в условиях технологичного обновления, в том числе выполнение пилотных проектов;

- меняющиеся и возрастающие потребности населения и необходимость фокусироваться на персонализированном подходе к оказанию услуг, разрабатывать новые услуги, новые способы их предоставления, новые методики, позволяющие существенно

расширить объем процедур и улучшить эффект от пребывания в санатории;

- необходимость выполнения требований законов и регуляторов;

- необходимость защиты текущего положения на рынке в условиях повышенной нестабильности и неопределенности;

- необходимость выхода на новые рынки и др.

Инновационные предложения, реализуемые на основе высоких технологий здоровья, будут удовлетворять потребностям отдыхающих в высококачественных санаторно-курортных услугах и в целом способствовать развитию внутреннего туризма из-за увеличения туристских потоков.

Качественно новые способы предоставления санаторно-курортных услуг, актуальные тенденции, концепции и модели ведения бизнеса, автоматизация деятельности организаций посредством внедрения цифровых технологий – всё это сопряжено с обновлением знаний и навыков у работников, которое в свою очередь должно быть даже опережающим, что требует разработки новых подходов к подготовке трудовых ресурсов для отрасли с применением современных технологий обучения.

Тогда для решения проблемы обеспечения конкурентоспособности санаторно-курортной отрасли требуется консолидация усилий бизнеса, образования и государства для формирования эффективного механизма функционирования системы развития территорий, способствующий повышению ее конкурентоспособности [5]. Можно выдвигать следующие предложения:

- адаптация бизнес-процессов санаторно-курортных организаций к условиям изменяющихся инвестиционных механизмов;

- формирование механизмов повышения доступности санаторно-курортных услуг для социально значимых групп населения;

- внедрение и последующая адаптация успешных моделей обеспечения населения санаторно-курортным лечением, применение передовых технологий в лечении и сервисе;

- применение искусственного интеллекта в системе управления санаторно-курортной организацией;

- обновление материально-технической базы санаторно-курортных комплексов с

использованием достижений научно-технического прогресса;

— разработка маркетинговой программы системного продвижения санаторно-курортного комплекса;

— применение механизмов государственно-частного партнёрства;

— расширение сотрудничества с крупными туроператорами для реализации целей развития внутреннего туризма в целом и санаторно-курортного комплекса в частности, а также развитие партнерства с научно-исследовательскими центрами и структурами власти;

— разработка системы подготовки специалистов в сфере санаторно-курортной деятельности, востребованных на рынке труда в современных условиях, с возможностью привлечения представителей бизнеса в образовательный процесс, а также внедрением цифровых технологий в процесс подготовки кадров и др.

Таким образом, можно заключить, что предприятия санаторно-курортного комплекса способствуют устойчивому росту экономики страны, поскольку прямо или косвенно создают новые рабочие места, являясь средством пополнения бюджета всех уровней за счет дополнительных налогов, повышают качество трудовых ресурсов населения и положительно воздействуют на развитие сопутствующих отраслей экономики.

В связи с этим актуальной задачей, стоящей перед санаторно-курортными организациями, является повышение их конкурентоспособности. В сфере совершенствования данной отрасли инновации являются движущей силой развития, поэтому приобретение конкурентных преимуществ возможно с помощью создания принципиально новых услуг или технологий, трансформации ведения бизнеса. При этом важна совместная деятельность заинтересованных хозяйствующих субъектов и органов власти, чтобы обеспечить высокую результативность развития санаторно-курортной отрасли.

Литература

1. Агзамов А.Н. Санаторно-курортная деятельность в Российской Федерации: особенности и тенденции / А.Н. Агзамов, Г.И. Бердникова, З. М. Ишназарова // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2021. – № 1-1. – С. 5-9.

2. Баранова А.Ю. Инновационная деятельность санаторно-курортного комплекса в контексте рынков национальной технологической инициативы / А.Ю. Баранова // Инновации и инвестиции. - 2023. -№1. -С.9-13.

3. Васюкова В. А. Популяризация потенциала Санаторно-курортного и туристского комплекса в управлении социально-экономическим развитием территории и ГЧП / В. А. Васюкова, И. В. Воробьева, Р. В. Шведов // Региональная экономика: проблемы и перспективы развития в современных условиях : Сборник материалов Международной научно-практической конференции, Невинномысск, 15 декабря 2022 года. – Ставрополь: Общество с ограниченной ответственностью фирма "Ставрополь-сервис-школа", 2023. – С. 30-36.

4. Для стабильного увеличения турпотока у региона есть все необходимые инструменты // Коммерсантъ. Юг России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/6337294?ysclid=ipe7tm5ikd967898629> (дата обращения: 21.11.2023).

5. Зайцевский И.В. Перспективы инновационного развития санаторно-курортного комплекса в России: региональные аспекты / И.В. Зайцевский, Д.В. Богданов. // ТДР. - 2017. - №5.- С. 80-82

6. Оборин М.С. Исследование методов оценки конкурентоспособности регионального санаторно-курортного комплекса / М.С. Оборин М.С., Т.А. Нагоева// Экономический анализ: теория и практика. 2018. №11 (482). - С.2043-2065.

Improving the competitiveness of the sanatorium and resort industry of the Stavropol Territory Agasiev M.G.

State University of Management

This article is devoted to the issue of increasing the competitiveness of the sanatorium-resort complex, which plays an important role in ensuring the progressive socio-economic development of the country. The paper formulates the main factors influencing the formation and development of sustainable competitive advantages, and also considers the specifics of the sanatorium industry, which should be taken into account when solving the task. The study examined the development of resorts in the Stavropol Territory, which is one of the leaders of sanatorium treatment in the country. The analysis allowed us to conclude that for the further successful development of sanatoriums and resorts, it is necessary to increase competitiveness, which is an important integral characteristic of the activity. In this regard, proposals have been formulated to

improve competitiveness, for the successful implementation of which it is necessary to consolidate the efforts of business, education and the state.

Keywords: sanatorium and resort complex, Stavropol Territory, competitiveness, tourist and recreational complex, sustainable development.

References

1. Agzamov A.N. Sanatorium and resort activities in the Russian Federation: features and trends / A.N. Agzamov, G.I. Berdnikova, Z. M. Ishnazarova // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. – 2021. – No. 1-1. – P. 5-9.
2. Baranova A.Yu. Innovative activities of the sanatorium-resort complex in the context of the markets of the national technological initiative / A.Yu. Baranova // Innovations and investments. - 2023. -№1. -P.9-13.
3. Vasyukova V. A. Popularization of the potential of the sanatorium-resort and tourist complex in managing the socio-economic development of the territory and PPP / V. A. Vasyukova, I. V. Vorobyova, R. V. Shvedov // Regional economy: problems and prospects development in modern conditions: Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference, Nevinnomyssk, December 15, 2022. – Stavropol: Limited Liability Company “Stavropol-Service-School”, 2023. – P. 30-36.
4. For a stable increase in tourist flow, the region has all the necessary tools // Kommersant. South of Russia [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.kommersant.ru/doc/6337294?ysclid=lpe7tm5ikd967898629> (access date: 11/21/2023).
5. Zaitsevsky I.V. Prospects for innovative development of the sanatorium-resort complex in Russia: regional aspects / I.V. Zaitsevsky, D.V. Bogdanov. // TDR. - 2017. - No. 5.- P. 80-82
6. Oborin M.S. Research of methods for assessing the competitiveness of a regional sanatorium-resort complex / M.S. Oborin M.S., T.A. Nagoeva // Economic analysis: theory and practice. 2018. No. 11 (482). - P.2043-2065.

Проблемы регулирования и поддержки развития рынка услуг туризма и гостеприимства в современных экономических условиях

Захарова Мария Васильевна

к.э.н., заведующий кафедрой интегрированных коммуникаций, Институт общественных наук РАНХиГС при Президенте РФ, mariaza@inbox.ru

Современный рынок услуг туризма и гостеприимства в России функционирует в условиях нестабильной социально-экономической обстановки. В статье представлены основные задачи управления рынком услуг туризма и гостеприимства на федеральном, региональном и корпоративном уровне в современных условиях. Описан комплекс мер по государственному регулированию и саморегулированию рынка на федеральном, региональном и корпоративном уровне. Этот базис взят за основу для выявления и описания проблем функционирования, регулирования и поддержки развития рынка услуг туризма и гостеприимства. Подробно описана классификация проблем по группам факторов - экономические, управленческие, кадровые, ин-формационные, социально-культурные факторы - на трех уровнях управления рынком.

Ключевые слова: проблемы регулирования рынка, проблемы поддержки развития рынка, рынок услуг туризма и гостеприимства, государственное регулирование, качество услуг туризма и гостеприимства.

JEL classification: D20, E22, E44, L10, L13, L16, L19, M20, O11, O12, Q10, Q16, R10, R38, R40, Z21, Z32

Современный рынок услуг туризма и гостеприимства функционирует в условиях нестабильной социально-экономической обстановки, обусловленной введением против России достаточно жестких санкций. В условиях, когда для участников рынка недоступно оказание услуг туризма и гостеприимства для въезжающих в страну туристов, когда невозможно организовать выезды отечественных туристов в другие страны, существует множество препятствий для осуществления финансовых расчетов с зарубежными контрагентами, нет возможности адаптировать ведущий мировой опыт в отечественную практику, участникам рынка услуг и гостеприимства нужно стремиться к осуществлению как можно более эффективной и конкурентоспособной деятельности.

При этом на федеральном уровне управления рынком услуг туризма и гостеприимства важным сегодня является нахождение необходимых ресурсов для обеспечения эффективного функционирования наиболее важных регионов в части представления России как уникального историко-географического места, где оказываются качественные и уникальные услуги туризма и гостеприимства.

В свою очередь, на региональном уровне управления рынком услуг туризма и гостеприимства

региональным властям необходимо найти баланс в ресурсном обеспечении и сопровождении деятельности отдельных секторов и сфер регионального хозяйства. Сегодня важно гарантировать устойчивое развитие и для участников рынка услуг туризма и гостеприимства, и для других участников регионального хозяйства в плане принятия согласованных и сбалансированных по ресурсам и по кадровым вопросам планов функционирования. Кроме этого, региональным властям нужно правильно проанализировать возможности региона в части ведения деятельности на рынке услуг туризма и гостеприимства и через отражение уникальных характеристик региона правильно организовать продвижение туристического бренда региона для привлечения внутренних и, при возможности, внешних туристов. Сегодня в России каждый регион имеет свои уникальные туристские характеристики, которые необходимо правильно упаковать в масштабах услуг туризма и гостеприимства для того, чтобы заинтересовать туристов в посещении именно данного региона, простимулировать его совершить повторную поездку.

Наконец, на корпоративном уровне управления рынком услуг туризма и гостеприимства участникам рынка важно правильно

сформировать и осуществлять свою маркетинговую и инфокоммуникационную политику для осуществления точечных и рациональных взаимодействий с туристами.

С ростом числа туристских поездок увеличивается количество конфликтов и жалоб, которые в наибольшей степени связаны с регулированием уровня качества и объема услуг, которые описаны в договорах на реализацию услуг туризма и гостеприимства. Следует указать, что сегодня большая часть претензий потребителей на данном рынке подразделяются на ряд взаимосвязанных категорий, определяющих общие проблемы регулирования исследуемого рынка [4]:

- неисполнение, а также ненадлежащее исполнение прописанных в договоре услуг туризма и гостеприимства;
- несвоевременное, а также неактуальное информирование туристов об изменениях применительно к программам туристических поездок;
- неточная, а также недостоверная информация применительно к услугам туризма и гостеприимства;
- некачественная работа транспортных средств, а также объектов инфраструктуры рынка услуг туризма и гостеприимства, приведшая к возникновению претензий путешественников;
- неквалифицированный и некомпетентный персонал, чья работа привела к ухудшению качества оказываемых услуг туризма и гостеприимства.

В этих условиях для регулирования рынка услуг туризма и гостеприимства необходима разработка комплекса мер по государственному регулированию и саморегулированию рынка.

На федеральном уровне это связано преимущественно с обеспечением повышения уровня прозрачности исследуемого рынка и с защитой прав туристов по критерию разработки системы национальных стандартов оказания услуг туризма и гостеприимства. Также на федеральном уровне устанавливаются стандарты квалификационной подготовки кадров для рынка услуг туризма и гостеприимства с точки зрения обеспечения понимания того, какие компетенции сегодня необходимы для оказания качественных и конкурентоспособных услуг.

На региональном уровне происходит

уточнение данных норм и регламентов оказания услуг туризма и гостеприимства применительно к местным традициям и особенностям осуществления предпринимательской деятельности.

На корпоративном уровне разрабатывается комплекс профессиональных стандартов оказания услуг туризма и гостеприимства. Важной составляющей корпоративного уровня управления выступают процессы саморегулирования рынка услуг туризма и гостеприимства как базис для аккумуляции сведений о ведущих и самых конкурентоспособных практиках оказания исследуемых услуг. Через тиражирование данных практик повышается общее качество функционирования участников рынка услуг туризма и гостеприимства.

Что касается общей характеристики проблем поддержки развития рынка услуг туризма и гостеприимства, то здесь, прежде всего, следует указать на непредсказуемость возможных будущих ситуаций и состояния исследуемого рынка. Пандемия covid-19, санкции делают процессы развития в достаточной степени неустойчивыми, что приводит к необходимости реализации сценарного подхода к проектированию будущих процессов и самих услуг туризма и гостеприимства. В этих условиях важно руководствоваться инструментарием адаптивного подхода, который позволяет своевременно корректировать реализацию проектов и программ развития рынка услуг туризма и гостеприимства.

На федеральном уровне это приводит к пониманию необходимости более качественной проработки программ развития рынка через формирования соответствующих самонастраивающихся систем мониторинга и контроля ресурсов и решений по развитию рынка.

На региональном уровне указанная проблема предъявляет повышенные требования к организации конкурсов и тендеров на обеспечение осуществления запланированных программ и проектов создания новых услуг туризма и гостеприимства.

На корпоративном уровне данная проблема поддержки развития требует оптимизации маркетинговых и информационных систем сопровождения исследований рынка и изучения основных групп потребителей. Важным также становится создание цифрового

профиля потребителя услуг туризма и гостеприимства.

Рассмотрим авторскую классификацию проблем функционирования, регулирования и поддержки развития рынка услуг туризма и гостеприимства по следующей группе факторов - экономические, управленческие, кадровые, информационные, социально-культурные факторы - на трех уровнях управления рынком.

1. Экономические проблемы функционирования, регулирования и поддержки развития рынка услуг туризма и гостеприимства.

На федеральном уровне:

- непривлекательный уровень въездного туризма и гостеприимства, обусловленный современной сложной социально-экономической обстановкой в мире [2, с. 42];

- быстрый уровень снижения реального спроса со стороны жителей страны на услуги туризма и гостеприимства в силу сложной внутренней социально-экономической обстановки и ухудшения качества жизни;

- возможности государства в обеспечении доступа для участников рынка туризма и гостеприимства к получению инвестиций и взятию кредита.

На региональном уровне:

- высокий уровень неравномерности и несбалансированности развития рынка туризма и гостеприимства и сокращение стратегического потенциала развития рынка в целом [3, с. 66];

- недостаточный уровень развитости процессов внутреннего туризма и гостеприимства для регионов, недостаточно эффективное использование на региональном уровне ведущих практик в области разработки и реализации услуг туризма и гостеприимства;

- непроработанность механизмов ресурсного обеспечения процессов развития рынка услуг и гостеприимства на региональном уровне, недостаточно продуманный подход к разработке и реализации региональных программ развития рынка [8, с. 75].

На корпоративном уровне:

- самостоятельность путешественников, способных организовать отдых без приобретения услуг туризма и гостеприимства у туристских организаций;

- трансформация структуры спроса путешественников на услуги туризма и гостеприимства, которые предлагают сегодня участники рассматриваемого рынка [6, с. 120];

- -снижение уровня прибыли большого числа участников рынка услуг туризма и гостеприимства, рост случаев ценовой борьбы, увеличение дефицита ликвидности у участников рынка, значительное сокращение количества малых и средних участников рынка, не способных вести конкурентную борьбу на рынке услуг.

2. Управленческие проблемы функционирования, регулирования и поддержки развития рынка услуг туризма и гостеприимства.

На федеральном уровне:

- недостаточный уровень развития инфраструктуры рынка услуг туризма и гостеприимства в силу сложности, многозадачности и многоэтапности решения задач инфраструктурной поддержки участников рынка;

- неэффективно функционирующая транспортная составляющая процессов сопровождения рынка услуг туризма и гостеприимства в силу непроработанности программ и проектов обеспечения транспортной доступности инфраструктурных объектов рынка;

- недостаточный уровень нормативно-правовой базы и управленческого потенциала применительно к регулированию участников рынка услуг туризма и гостеприимства.

На региональном уровне:

- высокий уровень издержек, связанных с обеспечением поддержки работы объектов в рамках инженерной инфраструктуры региона для нужд участников рынка услуг туризма и гостеприимства;

- сложности с предоставлением для туристов услуг туризма и гостеприимства в аспекте того факта, что высокий уровень стоимости предоставляемых услуг не всегда соответствует качеству данных услуг [9, с. 12];

- недостаточный уровень развития индустрии развлечений в регионах, что снижает привлекательность услуг туризма и гостеприимства для туристов, а также приводит к узкоспециализированному характеру данных услуг.

На корпоративном уровне:

- недостаточный уровень эффективности администрирования деятельности участников рынка услуг туризма и гостеприимства особенно в части выбора рискованных моделей организации деятельности по обслуживанию туристов;

- недостаточный уровень модернизации статистического учета, а также недостаточный уровень обоснованности выбора критериев эффективности деятельности участников рынка

услуг туризма и гостеприимства, что приводит к неправильному пониманию стратегических целей и возможности развития участников;

- недостаточный уровень внедрения инноваций в различные аспекты разработки и реализации услуг рынка туризма и гостеприимства с силу значительного уровня инерционности систем управления участниками рынка.

3. Кадровые проблемы функционирования, регулирования и поддержки развития рынка услуг туризма и гостеприимства.

На федеральном уровне:

- наличие значительного числа недостатков в государственной системе подготовки кадров для нужд рынка туризма и гостеприимства, что приводит к работе на рынке специалистов с недостаточным уровнем квалификации и компетенций, особенно в сфере цифровых компетенций [7, с. 71];

- недостаточный уровень проводимых конкурсов soft skills для работников рынка услуг туризма и гостеприимства как фактора повышения уровня практикоориентированности программ подготовки квалифицированных и компетентных специалистов для исследуемого рынка;

- недостаточный уровень развития сферы дополнительного профессионального образования для участников рынка услуг туризма и гостеприимства как основы для качественной и фокусированной подготовки и переподготовки работников рынка.

На региональном уровне:

- высокий уровень нехватки квалифицированных кадров на региональном уровне для участников рынка услуг туризма и гостеприимства, что приводит к значительной дифференциации регионов и территорий по уровню качества услуг [1, с. 421];

- различный характер поведения в отношении отечественных и иностранных туристов со стороны работников смежных с рынком услуг туризма и гостеприимства сфер и отраслей деятельности;

- недостаточный уровень заработных плат в отдельных регионах приводит к перетоку квалифицированных кадров участников рынка услуг туризма и гостеприимства в более благополучные регионы.

На корпоративном уровне:

- недостаточный уровень обслуживания туристов работниками туристских организаций

в силу их недостаточной квалификации и недостаточной мотивации;

- для большинства участников рынка услуг туризма и гостеприимства характерен низкий организационный статус кадровых служб;

- недостаточный уровень нацеленности работников участников рынка услуг туризма и гостеприимства на собственное саморазвитие и повышение квалификации.

4. Информационные проблемы функционирования, регулирования и поддержки развития рынка услуг туризма и гостеприимства.

На федеральном уровне:

- иностранными и отдельными отечественными СМИ сформирован образ Российской Федерации как страны, которая неблагоприятна для получения услуг туризма и гостеприимства;

- сформирована и функционирует неэффективная система по продвижению и информированию на государственном уровне потребителей на рынке услуг туризма и гостеприимства;

- недостаточное внимание уделяется вопросам брендинга национальных услуг туризма и гостеприимства при продвижении их на внешние рынки, не уделяется значительное внимание вопросам государственного маркетинга при работе с внешними целевыми аудиториями.

На региональном уровне:

- недостаточно развита инфокоммуникационная инфраструктура в регионах России;

- неразвиты информационные ресурсы в регионах для сопровождения локального рынка, особенно в части разработки и обеспечения функционирования цифровых информационных ресурсов;

- недостаточный уровень участия регионов в выставках на различных туристических мероприятиях.

На корпоративном уровне:

- небольшой и недостаточный уровень рекламных кампаний участников рынка.

- недостаточный уровень использования социальных сетей и интернет-сообществ для презентации услуг туризма и гостеприимства, недостаточный уровень таргетированности рекламы в сети Интернет;

- недостаточное внимание уделяется применению технологий управления лояльностью туристов с точки зрения создания системы

стимулов для осуществления повторных путешествий.

5. Социально-культурные проблемы функционирования, регулирования и поддержки развития рынка услуг туризма и гостеприимства.

На федеральном уровне:

- невысокий и недостаточный уровень культуры туристов, что находит свое отражение в нерациональном использовании объектов инфраструктуры рынка туризма и гостеприимства;

- уделяется недостаточное внимание формированию ценностной шкалы культурно-исторических ресурсов России;

- уделяется недостаточное внимание проработке регламентной базы формирования культуры ценообразования на рынке туризма и гостеприимства, культуры установления коммерческих отношений участников рынка с туристами, а также культуры рациональных взаимодействий между поставщиками услуг туризма и гостеприимства и производителями данных услуг.

На региональном уровне:

- недостаточный уровень подготовки и проведения культурно-массовых мероприятий в регионах;

- недостаточно реализуются услуги туризма и гостеприимства образовательного характера;

- в большинстве регионов России отсутствуют социально-культурные объекты, способные удержать потребителей услуг туризма и гостеприимства на значительное количество дней, а не на один или два дня [5, с. 54].

На корпоративном уровне:

- следует говорить о недостаточном уровне эстетики, а также комфорта применительно к объектам инфраструктуры рынка услуг и гостеприимства;

- отсутствует в полной мере институт общественного контроля за качеством и безопасностью услуг туризма и гостеприимства;

- отдельные участники рынка услуг туризма и гостеприимства стремятся коммерциализировать культурное наследие в рамках своей деятельности по обслуживанию туристов.

Решения описанных проблем позволит укрепить позиции государства как привлекательной туристической территории для внут-

ренних и внешних целевых аудиторий. Регионам поможет придать импульс для дальнейшего развития рынка услуг туризма и гостеприимства, а бизнесу выстроить конкурентоспособные стратегии и занять лидирующие позиции на рынке.

Литература

1. Аверин А.В., Поздняков К.К., Свагдиене Б. О проблемах развития туризма и индустрии гостеприимства в России // Вестник Алтайской академии экономики и права. № 12-3, 2021. С. 419 – 426.

2. Алексеев А.Н., Аверин А.В., Поздняков К.К., Николаева Ю.В., Григорьева В.В., Гунаре М.Л., Швагдиене Б.А., Иванова Ю.О., Брагина Е.В. Модель оценки влияния туризма и индустрии гостеприимства на экономику России // Серия «Научная мысль». М., ИНФРА-М, 2023, 193 С.

3. Зотова Е.Г., Леушина О.В., Лучина Н.А., Нюренбергер Л.Б., Петренко Н.Е., Приходько Т.П., Севрюков И.Ю., Шнорр Ж.П., Шурбе В.З., Щетинина Н.А., Якшигулов Р.А. Сфера услуг в условиях внешних ограничений: особенности функционирования индустрии туризма и гостеприимства. – Новосибирск, Закрытое акционерное общество "Университетская книга", 2021, 298 С.

4. Интерфакс-туризм: Госдума начала рассмотрение законопроекта об усовершенствовании туристической отрасли – Текст : электронный // Портал для турагента profi.travel.ru. – URL: <http://profi.travel/news/31746/details> (дата обращения 15.10.2023).

5. Конюшенко Д. С. Основные проблемы культурно-познавательного туризма // Актуальные исследования. № 33(112), 2022. С. 53 – 55.

6. Кузьмина Е.Е. Маркетинговые инновации в туризме и гостеприимстве. В книге: Инновации в индустрии туризма и гостеприимства. Звягинцева О.П., Кузьмина Е.Е., Бекетова О.Н., Урумбаева Р.Н., Фролов А.Л., Бабушкина С.В., Арифуллин М.В., Лебедева О.Е., Лебедев К.А. // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Российский государственный университет туризма и сервиса, Институт туризма и гостеприимства. М., Русайнс, 2020. С. 119-121.

7. Макринова Е.И., Симонова Т.Ю., Святая Е.О. Влияние качества обслуживания на поведение потребителей и конкурентоспособность предприятия сферы туризма и гостеприимства. Белгород, Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2022, 172 С.

8. Муртузалиева Т.В., Розанова Т.П., Тарасенко Э.В. Маркетинг услуг гостеприимства и туризма. Учебно-практическое пособие для бакалавров. М., Издательско-торговая корпорация "Дашков и К", 2022, 166 С.

9. Попов Л.А., Козлов Д.А., Романюк А.В. Прогнозирование развития рынка индустрии гостеприимства и туризма России в современных условиях. М., 2016, 221 С.

Problems of regulation and support of development of the market for tourism and hospitality services in modern economic conditions

Zakharova M.V.

Russian Academy of National Economy and Public Administration

The modern market for tourism and hospitality services in Russia operates in an unstable socio-economic environment. The article presents the main tasks of managing the market for tourism and hospitality services at the federal, regional and corporate levels in modern conditions. A set of measures for state regulation and market self-regulation at the federal, regional and corporate levels is described. This basis is taken as the basis for identifying and describing the problems of functioning, regulating and supporting the development of the tourism and hospitality services market. The classification of problems by groups of factors - economic, managerial, personnel, information, socio-cultural factors - at three levels of market management is described in detail.

Keywords: problems of market regulation, problems of supporting market development, market for tourism and hospitality services, government regulation, quality of tourism and hospitality services.

References

1. Averin A.V., Pozdnyakov K.K., Svagdiene B. On the problems of development of tourism and the hospitality industry in Russia // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. No. 12-3, 2021. Pp. 419 – 426.
2. Alekseev A.N., Averin A.V., Pozdnyakov K.K., Nikolaeva Yu.V., Grigorieva V.V., Gunare M.L., Shvagzhdienne B.A., Ivanova Yu.O., Bragina E.V. A model for assessing the impact of tourism and the hospitality industry on the Russian economy // Series "Scientific Thought". M., INFRA-M, 2023, 193 P.
3. Zotova E.G., Leushina O.V., Luchina N.A., Nurenberger L.B., Petrenko N.E., Prikhodko T.P., Sevryukov I.Yu., Schnorr Zh.P., Shurbe V.Z., Shchetinina N.A., Yakshigulov R.A. The service sector under external restrictions: features of the functioning of the tourism and hospitality industry. – Novosibirsk, Closed Joint Stock Company "University Book", 2021, 298 P.
4. Interfax-tourism: The State Duma has begun consideration of a bill on improving the tourism industry - Text: electronic // Portal for travel agents profi.travel.ru. – URL: <http://profi.travel/news/31746/details> (access date 10/15/2023).
5. Konyushenko D.S. Main problems of cultural and educational tourism // Current research. No. 33(112), 2022. Pp. 53 – 55.
6. Kuzmina E.E. Marketing innovations in tourism and hospitality. In the book: Innovation in the tourism and hospitality industry. Zvyagintseva O.P., Kuzmina E.E., Beketova O.N., Urumbaeva R.N., Frolov A.L., Babushkina S.V., Arifullin M.V., Lebedeva O.E., Lebedev K. A. // Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Russian State University of Tourism and Service, Institute of Tourism and Hospitality. M., Rusayns, 2020. Pp. 119-121.
7. Makrinova E.I., Simonova T.Yu., Svyataya E.O. The influence of service quality on consumer behavior and the competitiveness of tourism and hospitality enterprises. Belgorod, Limited Liability Company Epicenter, 2022, 172 P.
8. Murtuzaliev T.V., Rozanova T.P., Tarasenko E.V. Marketing of hospitality and tourism services. Educational and practical manual for bachelors. M., Publishing and trading corporation "Dashkov and K", 2022, 166 P.
9. Popov L.A., Kozlov D.A., Romanyuk A.V. Forecasting the development of the Russian hospitality and tourism industry market in modern conditions. M., 2016, 221 P.

Ресурсный потенциал коммерческого банка и его внешние границы

Акименко Светлана Владимировна

ассистент Департамента банковского дела и монетарного регулирования Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, SVAkimenko@fa.ru

В настоящее время можно найти немало научных работ, посвященных рассмотрению сущности таких категорий, как «банковские ресурсы», «ресурсы банка», «ресурсная база банка», а также практическому анализу их формирования и динамике в банковских балансах. В ряде публикаций авторами предприняты усилия осмыслить, что такое ресурсный потенциал коммерческого банка, вписать данную категорию в известный терминологический аппарат. Однако такие исследования носят фрагментарный, разрозненный характер; единого подхода к определению ресурсного потенциала банка не выработано. Открытыми остаются и вопросы методических подходов к обоснованию и оценке его границ, описанию факторов, воздействующих на них. В данной статье осуществлена попытка продвинуться в исследованиях, направленных на раскрытие сущности ресурсного потенциала коммерческого банка, определение его внешних границ.

Ключевые слова: ресурсный потенциал, банковские ресурсы, ресурсная база, границы ресурсного потенциала, макроэкономические факторы, факторы мезоуровня.

JEL classification: G20, G24, G28, H25, H30, H60, H72, H81, K22, K34

Масштабы кредитно-инвестиционной деятельности коммерческого банка и, в конечном итоге, всей банковской системы во многом зависят от возможности и способности денежно-кредитных институтов аккумулировать и перераспределять, трансформировать по срокам и суммам ресурсы, необходимые для поддержания устойчивых темпов роста национальной экономики. Однако активность банка в части их формирования, его возможности по наращиванию ресурсной базы на практике оказываются ограниченными в силу различных макро- и микроэкономических факторов.

В научной литературе до настоящего времени не сформировалось единого представления по поводу трактовки дефиниций «банковские ресурсы», «ресурсы банка», «ресурсная база банка». Дискуссии, в основном, связаны с тем, что:

– какие виды ресурсов необходимо включать в их состав – только лишь финансовые, как собственные, так и получаемые в различных сегментах денежного рынка, или к ресурсам, которыми располагает банк, следует отнести человеческий капитал, предпринимательские способности, временные, информационные, технические, инновационные ресурсы, а также часть банковских активов, в частности, кредитный портфель как источник роста депозитных денег на различных банковских клиентских счетах.

– необходимо ли отождествлять данные категории, полагая, что ресурсы, которыми располагает коммерческий банк, могут им быть использованы не только для проведения банковских операций (банковские ресурсы), но и, например, в процессе разработки и проведения кредитной, депозитной, процентной, валютной и прочих политик банка (важное значение при этом приобретают предпринимательские способности его топ-менеджмента), эксплуатации объектов интеллектуальной собственности (используются инновационные ресурсы), ведения научно-аналитической и образовательной деятельности (задействуется человеческий капитал). В данном случае можно говорить о направлениях реализации ресурсов банка.

То есть ресурсы, которыми располагает коммерческий банк и задействует их в своей работе, рассматриваются в узком и широком значениях. Определению же ресурсного потенциала банка как самостоятельной категории и вовсе посвящено малое количество работ отечественных исследователей [1-5], в то время как зарубежные авторы не выделяют ресурсный потенциал коммерческого банка как отдельный объект исследования.

Так, С.В. Землячев отмечает, что «ресурсный потенциал банка ... – это предельные возможности банка формировать свои ресурсы ... это максимум ресурсов, которые банк может привлечь на денежном рынке или

самостоятельно создать при существующих условиях» [5, с. 70]. М.Л. Букреева в своей работе подчеркивает, что «ресурсная база – это то, чем уже располагает банк, а потенциал — это возможность формирования ресурсной базы» ее широком значении [4, с. 500].

В.Г. Герасимов и Ж.Л. Абусалимова придерживаются иной позиции и понимают под ресурсным потенциалом банка совокупность имеющихся в его распоряжении финансовых средств (текущий ресурсный потенциал), а также средств, которые могут быть потенциально вовлечены в его деятельность и представляют собой часть общего ресурсного потенциала [6, с. 1], тем самым подчеркивая несамостоятельность данной категории. Опираясь на это исследование, Е.В. Булавина и Л.Ф. Лахина в своей работе дополняют терминологический аппарат понятием «финансовый потенциал банка», рассматривая его как элемент общего ресурсного потенциала денежно-кредитного института. Под финансовым потенциалом банка авторы понимают «комплекс финансовых ресурсов и компетенций, имеющихся в распоряжении банка и используемых им с целью обеспечения в будущем надлежащего уровня финансовой устойчивости, платежеспособности, ликвидности и других показателей финансового состояния» [7, с. 215], раскладывая его на следующие компоненты: ресурсную базу, которая в работе приравнивается к банковским ресурсам, и перспективные финансовые поступления, определяемые как «потенциально возможные финансовые ресурсы, которые могут быть привлечены в результате проведения активных операций в будущем» [7, с. 217].

По нашему мнению, включение в состав ресурсного потенциала коммерческого банка уже находящиеся в его распоряжении средства не совсем целесообразно, так как сущностно потенциал как общенаучное понятие представляет собой нечто, что еще не реализовано, существует латентно, но готово проявиться, обнаружиться при создании соответствующих условий или наступлении определенных обстоятельств. Исходя из такого понимания потенциала, необоснованно, на наш взгляд, причислять реально существующие в распоряжении банка и работающие ресурсы к категории потенциальных.

Однако, можно согласиться с Е.В. Булавиной и Л.Ф. Лахиной в том, что ресурсный потенциал коммерческого банка необходимо оценивать, прежде всего, как его финансовый потенциал, но с иной, нежели это звучит у авторов, точки зрения – выделяя его в самостоятельную категорию и рассматривая как нечто, еще не имеющееся в распоряжении коммерческого банка. В силу того, что банк – это, в первую очередь, финансовый посредник, основными функциями которого являются аккумуляция денежных ресурсов и их перераспределение между субъектами экономических отношений, важным становится оценить и определить ресурсный потенциал коммерческого банка с позиции его возможностей наращивать именно финансовые ресурсы.

На наш взгляд, существенным упущением рассмотренных рассуждений о ресурсном потенциале коммерческого банка является отсутствие указаний на целеполагание. Важен не сам факт его наличия или отсутствия как некой абстракции у денежно-кредитного института, а его связь с реальными потребностями банка в фондировании. Так, в качестве целей, под достижение которых возможно и необходимо оценивать наличие и размеры ресурсного потенциала и изыскивать пути его реализации, могут служить:

- поддержание текущих объемов деятельности банка, особенно в периоды реализации внешних шоков;
- расширение масштабов его деятельности в части проведения активных операций;
- модернизация и цифровизация бизнес-процессов;
- развитие каналов дистанционного банковского обслуживания;
- формирование, внедрение и развитие цифровой экосистемы банка;
- реорганизация бизнеса в форме слияния или присоединения;
- создание банковской группы для объединения банковского и промышленного капитала, а также для возможности коммерческого банка занять те рыночные ниши, которые напрямую закрыты для него национальным законодательством (например, страховой рынок).

Очевидно, что поиск дополнительных источников формирования финансовых ресурсов банка связан с двумя глобальными целями: а) достижением высокой конкурентной позиции на рынке банковских продуктов и услуг (в случае с банковской группой еще и в различных сегментах финансового рынка), являющейся залогом достаточного уровня доверия со стороны настоящих и потенциальных клиентов и способной обеспечить дополнительную генерацию входящих финансовых потоков в будущем; б) максимизацией прибыли, которая сама по себе выступает источником реализации ресурсного потенциала коммерческого банка, но, разумеется, при сохранении баланса риска и доходности и возможности обеспечения достаточного уровня ликвидности для защиты интересов его инвесторов, кредиторов и вкладчиков.

На наш взгляд, следует отметить еще один аспект, о котором не упомянуто в приведенных исследованиях. В современных условиях глобальной турбулентности, высокой скорости изменений во всех сферах жизни общества, усложнения возможности делать достоверные долгосрочные прогнозы, усиления мультипликации факторов внешней и внутренней среды, которые необходимо учитывать при выработке решений, и усложнения их сочетаний, придают ресурсному потенциалу коммерческого банка дополнительную особенность – быть проводником его адаптационных возможностей или адаптационного потенциала, который является показателем способности системы приспосабливаться к изменениям условий функционирования как на внешнем периметре, так и в пределах внутреннего контура. То есть, говоря другими словами, коммерческий банк через оценку и, главное, реализацию своего ресурсного потенциала демонстрирует рынку способность противостоять вызовам на макро- и микроуровнях, гибкость в принятии решений в части фондирования, способствующих сохранению, модернизации или расширению бизнеса в условиях появления новых вводных при работе уже выстроенной системы.

Таким образом, полагаем, что ресурсный потенциал коммерческого банка можно определить как максимально возможный объем финансовых ресурсов, которые банк может привлечь в различных сегментах финансового рынка (на денежном рынке или рынке капиталов), а также создать самостоятельно

для реализации различных целей деятельности в существующих условиях и финансовой адаптации к меняющейся внешней и внутренней среде.

Использование в определении формулировки «максимально возможный объем» ставит вопрос о предельных возможностях коммерческого банка по наращиванию финансовых ресурсов или, другими словами, границах его ресурсного потенциала.

Следует отметить, что вопросам факторов формирования границ ресурсного потенциала и методическим подходам к их определению в отечественном и зарубежной научной литературе не уделено должного внимания, не представлено их классификации и систематизации. В отдельных исследованиях, например, у С.В. Землячева, находим лишь короткое перечисление факторов: «На ресурсный потенциал банков влияют денежно-кредитная политика Центрального банка, состояние денежного рынка и возможности банка покупать ресурсы на нем, уровень имиджа, профессионализм персонала и качество активов. При этом собственный капитал и уровень капитализации банка является одним из ключевых факторов, которые обеспечивают создание ресурсного потенциала» [5, с. 70]. Представляется, что данный перечень не является исчерпывающим. На наш взгляд, предпринимая попытку упорядочить и систематизировать факторы формирования ресурсного потенциала коммерческого банка и очертить его границы как некий предел возможностей последнего, целесообразно, прежде всего, рассмотреть влияние внешней и внутренней среды на деятельность денежно-кредитного института, тем самым выделив внешние и внутренние границы, определяющие уровень латентных возможностей банка наращивать финансовые ресурсы или заменять их источниками, отличными от уже задействованных.

Внешние границы ресурсного потенциала коммерческого банка определяются различными макроэкономическими факторами и факторами мезоуровня.

К общим макроэкономическим факторам, на наш взгляд, целесообразно отнести следующие:

1. Фискальная политика государства. Контрциклическая фискальная политика,

проводимая на фазе спада деловой активности, включает в себя различные бюджетные и внебюджетные меры. В частности, государство увеличивает расходы на работу организаций бюджетной сферы, выделяет трансферты и субсидии компаниям и домохозяйствам, снижает налоги или предоставляет отсрочки по их уплате, предлагает государственное финансирование и государственные кредитные гарантии для поддержания и развития значимых и стратегически важных отраслей экономики, что в перспективе приводит к увеличению остатков средств на бюджетных счетах в коммерческих банках, расчетных счетах предприятий и организаций, текущих счетах физических лиц, а также на депозитных счетах и во вкладах, тем самым увеличивает ресурсную базу денежно-кредитных институтов. Однако коммерческому банку как экономической единице для того, чтобы реализовать свой ресурсный потенциал в таких условиях, необходимо скорректировать политику по удержанию старых и привлечению новых клиентов, чтобы сохранить или преумножить финансовые ресурсы, получаемые из указанных нестабильных источников фондирования. В случае перегрева экономики, проведение сдерживающей фискальной политики приведет к противоположному результату – в банковском секторе уменьшатся остатки ликвидности на различных банковских счетах.

2. Уровень национального дохода. Очевидно, что чем выше уровень национального дохода, особенно доходов физических лиц, тем выше сберегательно-инвестиционный потенциал общества и, соответственно, ресурсный потенциал коммерческого банка, так как растут объемы денежных средств в экономике, которые банк может вовлечь в орбиту своей деятельности.

3. Уровень монетизации экономики или степень обеспеченности экономики деньгами. При всей существующей справедливой критике методических подходов к расчету коэффициента Маршалла нельзя не отметить, что в целом он дает представление о степени насыщенности национальной экономики ликвидными платежными инструментами. Если данный коэффициент ниже 50%, что говорит о недостатке денежного предложения в стране, есть основания полагать, что на внутреннем рынке коммерческому банку будет

сложно привлекать или приобретать необходимые, дополнительные объемы ликвидности ввиду нехватки свободных денежных средств на рынке, что существенно ограничивает возможности банка реализовать свой ресурсный потенциал внутри страны и побуждает его выходить на внешние рынки заимствований. Но такое решение доступно только крупным, финансово устойчивым игрокам в условиях открытости доступа к зарубежным рынкам фондирования.

Факторы мезоуровня или отраслевые факторы, на наш взгляд, – это:

1. Денежно-кредитная политика центрального банка как совокупность планов в области организации денежных и кредитных отношений в стране и денежно-кредитное регулирование как комплекс его мероприятий по изменению уровня процентных ставок в экономике, объемов кредитования и других показателей денежного рынка. Очевидно, что политика рестрикции в условиях высоких рыночных процентных ставок будет сдерживать возможности коммерческих банков по кредитованию, тем самым ограничивая эндогенное денежное предложение и, соответственно, создание «новых» депозитных денег на различных клиентских счетах до востребования. Но вместе с тем в условиях повышенной доходности создаются предпосылки для увеличения объемов организованных сбережений, в частности для привлечения в банковскую систему «старых» денег – прежде всего средств населения. Мягкая денежно-кредитная политика способна оказать обратный эффект, расширяя возможности коммерческого банка по формированию кредитного портфеля и, соответственно, увеличению его депозитной базы особенно при условии, что это достаточно крупный банк, который работает с несколькими миллионами корпоративных и десятками миллионов розничных клиентов (то есть, как правило, в подобной ситуации, денежные средства, выданные в кредит, при их использовании заемщиком с высокой долей вероятности останутся внутри данного банка, произойдет лишь перемещение денег между счетами различных клиентов, например, при покупке физическим лицом на кредитные средства товара у продавца, у которого расчетный счет открыт в этом же банке).

2. Банковское регулирование и банковский надзор. Центральный банк устанавливает экономические нормативы деятельности для коммерческих банков, обязательные к исполнению всеми участниками рынка, либо индивидуальные предельные значения обязательных нормативов и осуществляет надзор за их соблюдением. В частности, на степень реализации ресурсного потенциала коммерческого банка могут повлиять установленные центральным банком нормативы обязательных резервов, призванные регулировать ликвидность банковского сектора, а значит способные воздействовать на объем свободного резерва коммерческого банка – остаток средств на его корреспондентском счете. Применение механизма усреднения резервов способно смягчить эффект воздействия уставленных обязательных резервных требований на объемы доступных к использованию банком средств, однако, как показывает практика, денежно-кредитные институты стремятся найти источники фондирования, не включаемые в расчет базы резервирования. Например, таким источником реализации ресурсного потенциала для ряда банков становится секьюритизация активов. Центральный банк также устанавливает нормативные требования к достаточности собственного капитала банка, ликвидности его баланса, принимаемым рискам, ограничивает круг разрешенных банковских операций, выдавая различные типы лицензий, что также сужает возможности банка реструктурировать или наращивать финансовые ресурсы.

3. Инвестиционная привлекательность банковской отрасли. Прозрачность и понятность банковского регулирования, достижение регулятором цели по поддержанию стабильности, развитию и укреплению банковского сектора и финансового рынка страны, транспарентность банковской деятельности способствуют повышению инвестиционной привлекательности банковской отрасли и росту объемов как отечественных, так и иностранных инвестиций, в частности повышая вероятность реализации ресурсного потенциала коммерческого банка через изменение структуры собственности или выпуск собственных долговых инструментов.

4. Уровень конкуренции и степень консолидации на рынке банковских продуктов и

услуг. Высокий уровень конкуренции подталкивает коммерческий банк к активной борьбе за ресурсы, к совершенствованию его маркетинговой стратегии, одновременно сокращая максимальные объемы финансовых ресурсов, которые банк может получить на рынке, так как на имеющийся объем ликвидности в экономике претендует большее количество игроков – не только коммерческих банков, но и некредитных финансовых институтов, субъектов теневого банкинга (краудлендинговые, краудфандинговые платформы, работающие с национальными валютами, криптобиржи, работающие с децентрализованными финансами). Следовательно, чем ниже уровень конкуренции и глубже консолидация в банковском секторе, тем выше может быть ресурсный потенциал коммерческого банка.

5. Уровень доверия к банковской системе. Способность банковской системы противостоять экономическим шокам, наличие эффективной страховой системы защиты граждан от риска потери внесенных на банковские счета денег, репутация конкретного коммерческого банка, безусловно, влияют на уровень доверия, прежде всего, населения как основного источника финансовых ресурсов для банка и позволяют расширять его ресурсный потенциал.

Большинство классифицированных границ ресурсного потенциала коммерческого банка возможно оценить количественно, что требует разработки соответствующих методических подходов и системы оценивания.

В настоящее время также остается открытым вопрос о микроэкономических границах ресурсного потенциала коммерческого банка, что станет предметом дальнейшего исследования.

Литература

1. Герасимова, Е.Б. Анализ ресурсного потенциала коммерческих банков : монография / Е.Б. Герасимова. – Москва : Машиностроение-1, 2003. – 203 с. – ISBN 5-94275-054-8.

2. Величко, Л.Н. Проблемы оптимизации ресурсного потенциала банка : монография / Л.Н. Величко, В.А. Воронина. – Ставрополь : Мир данных, 2012. – 102 с. – ISBN 978-5-91042-135-0.

3. Букреева, Л.М. Стратегия управление ресурсным потенциалом коммерческого

банка / Л.М. Букреева // Молодой ученый. – 2015. – № 24. – С. 391-393.

4. Букреева, Л.М. Управление ресурсным потенциалом коммерческого банка в условиях конкурентоспособности / Л.М. Букреева // Молодой ученый. – 2016. – № 8. – С. 500-501.

5. Землячев, С.В. К вопросу о природе банковских ресурсов / С.В. Землячев // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. – 2021. – № 2. – С. 65-71.

6. Герасимов, В.Г. Корпоративное управление и риск-менеджмент в коммерческом банке / В.Г. Герасимов, Ж.Л. Абусалимова // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2013. – № 3. – С. 167–174.

7. Булавина, Е.В. Теоретические аспекты исследования экономической сущности ресурсной базы коммерческих банков / Е.В. Булавина, Л.Ф. Лахина // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. – 2015. – № 1. – С. 212-219.

A commercial bank's resource potential and its external scopes

Akimenko S.V.

Financial University under the Government of the Russian Federation

Currently, one can find many scientific works devoted to the consideration of the essence of such categories as "bank resources", "resources of a bank", "bank resource base", as well as practical analysis of their formation and dynamics in bank balance sheets. In a number of publications, the authors have made efforts to understand what the commercial bank's resource potential is and to fit this category into the well-known terminological apparatus. However, such studies are fragmented and scattered; a unified approach to determining the bank's resource potential has not been developed. Questions of methodological approaches to substantiating and assessing its scopes and describing the factors influencing them also remain open. This article makes an attempt to advance research aimed at revealing the essence of the commercial bank's resource potential and defining its external scopes.

Keywords: resource potential, banking resources, resource base, scopes of resource potential, macroeconomic factors, meso-level factors.

References

1. Gerasimova, E.B. Analysis of the commercial banks' resource potential : monograph / E.B. Gerasimova. – Moscow : Mechanical Engineering-1, 2003. – 203 p. – ISBN 5-94275-054-8.
2. Velichko, L.N. Problems of optimizing a bank's resource potential : monograph / L.N. Velichko, V.A. Voronin. – Stavropol : World of Data, 2012. – 102 p. – ISBN 978-5-91042-135-0.
3. Bukreeva, L.M. Strategy for managing the commercial bank's resource potential / L.M. Bukreeva // Young scientist. – 2015. – No. 24. – P. 391-393.
4. Bukreeva, L.M. Managing the resource potential of a commercial bank in conditions of competitiveness / L.M. Bukreeva // Young scientist. – 2016. – No. 8. – P. 500-501.
5. Zemlyachev, S.V. On the issue of the nature of banking resources / S.V. Zemlyachev // Scientific Bulletin: finance, banks, investments. – 2021. – No. 2. – P. 65-71.
6. Gerasimov, V.G. Corporate governance and risk management in a commercial bank / V.G. Gerasimov, Zh.L. Abusalimov // Bulletin of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law. – 2013. – No. 3. – P. 167–174.
7. Bulavina, E.V. Theoretical aspects of studying the economic essence of the commercial banks' resource base / E.V. Bulavin, L.F. Lakhina // Bulletin of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law. – 2015. – No. 1. – P. 212-219.

Развитие системы государственного финансового контроля в условиях всеобщей цифровизации

Варава Анастасия Олеговна

бакалавр, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации varava_nastena@mail.ru

Донцова Олеся Игоревна

к.э.н., доцент, доцент Департамента экономической теории, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, OI.Dontsova@fa.ru

Трифонов Павел Владимирович

к.э.н., доцент, доцент Департамента менеджмента факультета «Высшая школа управления», Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, PVTrifonov@fa.ru

В работе поднимается проблема регулирования и дальнейшего развития системы государственного финансового контроля в условиях активного внедрения цифровых технологий. Приведен теоретический анализ современной реализации государственного финансового контроля. На основе данных выявлены ключевые проблемы внедрения цифровых технологий и автоматизированных инструментов в систему финансового контроля. Проанализированы существующие цифровые решения. Описывается новый механизм цифрового протокола. Приводится исследование зарубежного опыта в части контроля над распространением явлением криптовалют. На основе исследования авторами даются рекомендации по совершенствованию процессов цифровизации в системе государственного контроля в РФ. Данная статья будет актуальна как для специалистов в сфере государственного финансового контроля, так и для лиц, занимающихся исследованиями в области внедрения цифровых механизмов в систему управления, так как в работе не только описаны современные цифровые тенденции, но и приведены возможные новые пути использования инноваций и внедрения их в процессы финансового контроля.

Ключевые слова: цифровизация, цифровой протокол, автоматизация, объект финансового контроля, информационные системы, регулирование цифровизации.

JEL classification: G20, G24, G28, H25, H30, H60, H72, H81, K22, K34

Введение

В современном мире процессы цифровизации проникли во все сферы общественной жизни. Наиболее активно различные цифровые системы внедряются в сферу государственного управления. В связи с этим выделяется актуальность изучения новых механизмов цифровизации с целью совершенствования различных процессов государственного управления, особенно в части проведения контроля.

Говоря о государственных финансах, качестве управления ими, а также о повышении финансовой дисциплины мы можем провести корреляцию с развитием передовых информационно-коммуникационных и цифровых технологий, которые позволяют модернизировать процессы, повысить прозрачность и доступность данных и финансовых показателей.

Именно поэтому сейчас многие страны автоматизируют процессы своего государ-

ственного управления и управленческих механизмов. Все большее распространение получает система цифрового правительства. Современные цифровые технологии способствуют улучшению процессов взаимодействия органов власти и гражданского общества. Говоря о государственном финансовом контроле - подобные технологии способны на практике реализовать принцип открытости данных.

В целом, переход к «цифре», который сейчас повсеместно распространяется, связан с увеличением эффективности и результативности деятельности органов государственной власти. Россия сейчас находится на таком этапе модернизации системы цифрового государства, которая нацелена на поддержание должного уровня социально-политического развития и устойчивости экономики.

Актуальность изучения данной темы обуславливается ежегодным Посланием Президента РФ Федеральному Собранию РФ, которое было сделано еще в 2018 году. Глава государства подчеркнул важность и значимость цифровой экономики как для государства, так и для деятельности органов государственной власти. Государственный финансовый контроль постоянно совершенствует свои процедуры, это необходимо в связи с появлением новых явлений в экономике, форм собственности и т.д. Все это требует и нового цифрового подхода к применяемым в финансовом контроле механизмам и инструментам.

Еще в исследованиях Карепиной О.И. [5, с. 204-211], была доказана эволюционность и изменчивость систем государственного финансового контроля. Именно поэтому в процессе создания практических планов и проведения исследований стоит уделять время не только историческим аспектам, но и изучать проблемы сегодняшней ситуации.

Другой исследователь, Лукин А.Г. [8, с. 178], в своей работе предполагал, что в условиях модернизации системы по финансовым и производственным технологиям также необходимо осуществлять изменения и в методах финансового контроля и аудита.

Однако сейчас существуют некоторые сложности как в правовом регулировании внедрения цифровых технологий в систему государственного финансового контроля, так и в его практической реализации.

Целью исследования является повсеместное изучение новых цифровых технологий, используемых в системе государственного финансового контроля.

Научной новизной проведенного исследования выступает анализ новых цифровых форм проведения финансового контроля и сделанные на основе анализа предложения по новым направлениям внедрения цифровых технологий в систему государственного контроля.

В качестве авторской гипотезы проводимого исследования выступает положение о том, что развитие и внедрение новых цифровых технологий и форм взаимодействия в системе финансового контроля помогут оптимизировать отдельные контрольные мероприятия.

В части методологии в исследовании используются социально-экономические методы и правовые. В отдельных аспектах

также затронуты методы сравнения и моделирования.

Обзор литературы

В условиях, когда дальнейшее развитие государственного аппарата ставит основной своей целью достижение благосостояния общества, возникает необходимость создания грамотной и рациональной системы контроля за использованием средств общественных фондов.

Сейчас мы все больше замечаем, что совершенствование системы производственных отношений при активном развитии научно-технического потенциала и, так называемой, Индустрии 4.0 имеет значительный вес влияния на общественный сектор в экономической системе государства. И при этом появляется логическая необходимость в модернизации и введении новых технологий не только в систему государственного управления, но и изменении некоторых инструментов и методов коммуникации между экономическими акторами.

Вопросы регулирования цифровой среды в рамках проведения государственного контроля рассматривал Большаков С.Н. [1, с. 64-70] (Bolshakov S.N., Leskova I.V., 2019, p. 64-70), который обратил внимание на то, что процессу цифровизации необходимо подвергнуть все элементы системы управления, включая и ее контрольные и надзорные функции. Такой подход предполагает полное переклечение на цифровое взаимодействие между акторами, однако на данный момент целесообразней говорить именно об отдельных аспектах внедрения инноваций в тот же финансовый контроль, с целью выявления реакции системы управления и контроля.

Важность обеспечения динамичного развития для системы государственного контроля, утверждал в своих работах Попов Е.В. [7, с. 6-17] (Popov E.V., Sukharev O.S., 2018, p. 6-17), что при отсутствии единой и общей системы финансового контроля будет затормаживаться процесс создания общего информационного пространства в работе различных контрольных органов. Также усложнится процесс формирования общей контрольной политики в соответствующих органах.

В целом, государственный финансовый контроль представляет собой определенную систему, состоящую из действий и различных

процессов, связанную с проведением проверок соблюдения государственным органами власти и другими учреждениями, а также органами местного самоуправления, физическими и юридическими лицами требований законодательства Российской Федерации.

В нашей стране система государственного контроля имеет достаточно сложную структуру, которая разделяется по соответствующим уровням принятия управленческих решений: федеральный и региональный контроль. Другим основанием для деления являются компетенции государственных органов власти: исполнительной, законодательной и судебной власти.

На сегодняшний день мы все больше говорим о важности и необходимости государственного контроля в системе финансово-бюджетных отношений. Ведь данный вид контроля является основной частью всей системы управления финансами в РФ. Он позволяет собирать обратную связь, доносить определенную информацию до субъектов управления по поводу результатов принятых ими решений, своевременно находит недостатки и нарушения, а также способствует выработке рекомендаций по их устранению. Сейчас контроль в сфере бюджета и финансов реализуется Федеральным казначейством и его соответствующими территориальными подразделениями с помощью камеральных или выездных проверок, исследованию и санкционированию операций, а также при использовании других контрольных механизмов.

Основными функциями, которые должны быть присущи грамотно построенным органами государственной власти в сфере финансово-бюджетного контроля, по мнению Прокофьева С.Е. [6, с. 2-10] (Prokofiev S.E., 2019, p. 2-10) должны стать: контроль за денежными потоками, функционирующими в экономической системе страны, а также проверка эффективного и целевого расходования денежных средств, которые обычно выделяются в различных формах межбюджетных трансфертов.

Именно поэтому можно отметить, что в роли субъектов государственного финансового контроля могут быть не только непосредственно органы государственной власти, но и юридические лица, а также индивидуальные предприниматели. И в таком случае

получается, что при осуществлении управления финансами государства происходит полное регулирование состояния всей финансовой системы РФ в целом.

Государственный финансовый контроль, делает акцент в большей части на программно-целевое бюджетирование. Если рассматривать с позиции институциональной теории, то мы относим государственный финансовый контроль к более формальным экономическим институтам. И у таких институтов главными характеристиками выступают наличие конкретной нормативно-правовой базы, специального аппарата государственного управления, необходимой инфраструктуры и различных целевых программ.

Материалы и методы

В процессе изучения всего механизма государственного финансового контроля при огромном влиянии и повсеместном распространении цифровых трендов в экономике, можно выделить следующие проблемы:

- на данный момент не установлено конкретных критериев и показателей, которые бы объективно рассматривали совершенные нарушения и определяли при этом недочеты в финансовом и бюджетном законодательстве РФ

- не предусмотрено наличие новых цифровых и информационных технологий, применяемых для проведения проверок и ревизий. Здесь мы говорим о необходимости автоматизации проведения различных контрольных процедур

- использование в текущей деятельности контрольных и надзорных органов устаревших и неактуальных технологий при проведении контрольных процедур

- также нам не хватает гибкости в плане предвидения потребностей по части бюджетных средств, а также гибкости при формировании и появлении рисков для различных финансируемых проектов.

При этом одной из главных проблем, по мнению исследователя Бульги Р.П. [2, с. 10-17] (Bulyga R.P., 2017, p. 10-17) для автоматизации и цифровизации процессов государственного финансового контроля на сегодняшний день является подход, который должен определять систему финансового контроля не как наказания, а как грамотный инструмент в части управления и использования финансов и бюджетов.

Перечисленные выше пункты стали факторами для автоматизации и цифровизации работы в части бюджетно-финансовой отрасли, включая и деятельность непосредственно Федерального казначейства. В условиях внедрения новых цифровых инструментов для проведения внутреннего финансового контроля можно значительно снизить расходы на ресурсы. В качестве примера можно привести сокращение затрат при анализе необходимой информации, не выходя непосредственно на объект контроля, с помощью получения сетевых данных. Причем уровень погрешности в цифровых технологиях будет существенно ниже. Также можно достигнуть главной цели и путем внедрения информационных технологий добиться большей объективности при обнаружении и рассмотрении финансовых нарушений.

В связи со всем вышеперечисленным мы можем отметить, что одним из ключевых элементов для развития государственной системы финансового контроля является активное внедрение и использование новых цифровых технологий. Основная цель включения таких информационных механизмов должна состоять в увеличении качества функционирования всей системы управления, в том числе соответствующих государственных служащих, а также росте эффективности при реализации национальных проектов и государственных программ. Для общего экономического роста и благосостояния такие цифровые технологии модернизируют и перестраивают нынешнюю систему государственного финансового контроля [3, с. 34-38] (3. Busalova S.G., Gorchakova E.R., 2018, p. 34-38).

Но здесь можно отметить негативный фактор воздействия внешней среды на такие формальные институты, как органы контроля. Ввиду неких устаревших взглядов и определенного консерватизма, сложившейся бюрократической системы и неэффективных методов принятия решений, процессы проведения контроля цифровизируются очень медленно и не успевают за динамикой внешней среды.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что органы контроля не успевают перестраиваться и не могут соответствовать текущим потребностям общества. Поэтому одной

из задач для совершенствования государственного финансового контроля можно поставить ускоренное развитие и даже опережение текущих экономических трендов.

Среди наиболее значимых институциональных итогов можно выделить то, что основная задача сейчас для указанных формальных институтов - сокращение транзакционных издержек. При внедрении цифровых технологий возникают новые издержки, которые вызваны изменениями в экономической структуре и отношениях. Сюда можно отнести специфичность активов. Также мы видим негативное влияние из-за действия убывающей отдачи, включая программы государственного финансирования.

Основные результаты

В современных обстоятельствах органы контроля превращаются также и в непосредственных участников различных бизнес-процессов по объекту контроля. Происходит это в связи с тем, что благодаря информационным системам мы можем внедрить в такие бизнес мероприятия инструменты контроля и своевременно и в более удобном режиме постоянно следить за проводимыми операциями. На сегодняшний день информационные системы являются огромными хранилищами данных, которые включают в себя практически всю информацию по деятельности подконтрольного объекта. По-другому подобное явление называют сейчас цифровыми профилями объектов.

Приведенная выше система способствует возникновению условий не только для своевременного обнаружения нарушений, но и для внедрения специальной формы проведения контрольных мероприятий. Такая форма предполагает постоянное и систематизированное наблюдение, которое включает в себя мониторинг и проведение детального анализа определенной сферы общественной жизни и ее соответствующих объектов без непосредственного присутствия контрольных органов на месте обследования. И получается, что такой контроль позволит быстрее отвечать на возможные и неожиданные риски, который могут вести за собой определенные отклонения и нарушения. Также такая система сможет заранее предупредить о возможных нарушениях объектов

контроля, или же об их непригодном состоянии [4, с. 11-13] (Isaev E.A., 2020, p. 11-13). Таким образом, контроль превращается в очень важный и как бы встроенный механизм всей структуры управления, что позволяет наблюдать ситуацию, когда каждое возникающее действие объекта уже проверено в автоматизированном режиме.

Стоит отметить, что внедрение информационных технологий и создание общего цифрового пространства в сфере контроля поможет не только упростить и модернизировать проведение контрольных мероприятий, но и создать общий доступ для органов, проводящих государственный финансовый контроль, к итогам проведения проверок по отношению к подконтрольным объектам.

Изначально происходит вход в само цифровое пространство. После этого проводится идентификация действий. Затем эти действия проходят проверку по специальной цифровой матрице компетенций. В случае необходимости, система отправляет меры реагирования или же они вручную вводятся сотрудниками. И по результатам мониторинга в системе изменяются статусы наблюдаемого и подконтрольного объекта.

В таком случае контрольный орган может не только рассматривать бизнес-процессы по объектам контроля в различных информационно-аналитических системах, которые направлены на автоматизацию всей финансовой и хозяйственной деятельности, но они также получают доступ к таким системам, которые позволяют автоматизировать конкретные направления их работы. Получается, что в результате внедрения цифровых технологий в систему мониторинга можно обеспечить непрерывность контроля, добиться прозрачности деятельности не только подконтрольного объекта, но и самого контролирующего органа. Также такой подход поможет значительно уменьшить нагрузку на подконтрольный объект и поможет более оперативно реагировать на возникающие отклонения.

С учетом всего вышеописанного стоит помнить, что контрольные мероприятия не могут проводиться только с партнерским характером. Он также оставляет за собой одну из ключевых функций – правосстановительную. При этом, когда система предупреждения дает сбой и не посылает соответствующих сигналов, то здесь появляется функция наказания.

При проведении регулярного контроля бизнес-процессов (и по соответствующим направлениям финансовой системы государства) при работе с цифровыми инструментами сейчас все более активной используют систему, так называемых, compliance-показателей по рискам, отклонениям и нарушениям. И применение в деятельности органов государственного финансового контроля таких инструментов поможет решить сразу две проблемы:

- происходит своевременное предотвращение потенциальных нарушений установленных норм

- орган контроля оперативно получает всю необходимую информацию по тем отклонениям в объекте, которые уже произошли.

Описанная выше цифровая технология уже активно применяется Федеральным казначейством. Сейчас в результате проведения автоматизированного мониторинга по объекту осуществления контроля в сфере информации создаются специальные протоколы по соответствующим статьям КоАП РФ в части административных нарушений. Причем по статистике охват таких протоколов составил 98,7% всех нарушений, которые могут допускаться главными распорядителями бюджетных средств по административным статьям. В результате, при внедрении такой системы в работу Федерального казначейства, она поможет значительно уменьшить трудовые расходы на контролеров в сравнении с теми же выездными контрольными мероприятиями, а также увеличить уровень бюджетной дисциплины.

Для того, чтобы увеличить эффективность работы органов государственного финансового контроля была введена система цифрового профиля для всех контролеров. В таком профиле все итоги и результаты по проведенным контрольным мероприятиям полностью заносились в специальные информационные структуры Федерального казначейства РФ.

Причем вначале сведения были занесены в систему, которая позволяет автоматизировать работу финансово-бюджетного контроля. Была проведена централизация по полученным данным и результатам работы контроля, которая в результате сформировала огромную библиотеку по процессуальным документам, которые были созданы в процессе

проведения финансовых операций, реализуемых Федеральным казначейством. Таким образом, была унифицирована система всей контрольной деятельности.

Еще в 2017 году Правительство утвердило, а органы государственного финансового контроля стали применять в целях получения отчетов специальный детализированный перечень классификаций по рискам и нарушениям, которые могут быть обнаружены органами государственного финансового контроля Федерального казначейства РФ в ходе проведения контрольных мероприятий.

Получается, что при введении централизованной системы по сбору информации о контрольных мероприятиях и использование в работе органов финансового контроля установленного классификатора, возникли предпосылки для дальнейшего становления новых аналитических механизмов в части именно риск-ориентированного подхода. И здесь из всех полученных данных уже будет сформировано досье подконтрольного объекта в части его финансово-бюджетной деятельности.

Используемая Федеральным казначейством РФ специальная риск-ориентированная модель контроля поможет максимально сблизится с партнерской моделью, которая одной из своих ключевых задач ставит оказание помощи в текущих финансовых проблемах объекту контроля. Также она способствует предупреждению и последующей профилактике по рискам, отклонениям и нарушениям в финансово-бюджетных отношениях. И в целом можно отметить рост эффективности работы подконтрольных объектов.

На сегодняшний день особое внимание частный бизнес и граждане уделяют процессам обращения криптовалют и различным цифровым активам в целом. Сейчас криптовалюты выступают в роли одного из направлений цифровизации экономики.

Многие страны сейчас начинают постепенно вводить криптовалюты в правовое поле, создавая регулирующие их нормативно-правовые акты. А также в связи с такими условиями возникает необходимость осуществления контроля за оборотом криптовалют.

Интересным будет рассмотрение опыта введения налоговой администрацией Австралии специальной формы финансового

контроля по операциям с криптовалютами. Первым шагом финансовой реформы стало введение обязательной регистрации криптовалют как для юридических, так и для физических лиц. Регистрации подлежат криптовалюты, которые используются в торгах, сама регистрация осуществляется через налоговые органы Австралии [10, с. 309-311] (*Olowo-Okere E., Tomkins C., 2018, p. 309-311*).

Позже в Австралии в рамках совершенствования финансового контроля была создана специальная автоматизированная система по контрольным процессам, которая получила название «Data Matching». С помощью этой системы можно быстро отследить весь оборот криптовалют.

Более того, цифровая система в Австралии также стала применяться в качестве инструмента для сбора и дальнейшего детального анализа информации для контроля за соблюдением норм как финансового, так и налогового законодательства.

Стоит также отметить, что такая цифровая система по контролю способна систематизировать и передавать огромное количество данных от непосредственных организаторов торгов по криптовалютам, которым необходимо получить от органов официальное подтверждение по уплате налогов всеми трейдерами.

Чем же еще хороша данная австралийская автоматизированная система? По данным представителей налоговой администрации Австралии такая платформа позволяет собирать данные из совершенно разных источников. Вся вариация информации будет зависеть от состояния финансового счета у налогоплательщиков, тех транзакций и операций, которые он осуществляет с использованием криптовалют, его связи с различными накопительными счетами и кошельками и даже от аккаунтов в различных социальных сетях [9, с. 32-37] (*Lewis A. C., Neiberline C., Steinhoff J.C., 2019, p. 32-37*). То есть контроль здесь охватывает огромный спектр различных операций и сторон жизни экономической системы, позволяя получить более точную картину и провести детальный анализ по соблюдением установленных норм.

В части регулирования именно операций с криптовалютами система «Data Matching» была введена только в 2019 году. Сейчас постепенно вводится в систему новая функция

по автоматическому и предварительному заполнению налоговой декларации, чтобы облегчить для налогоплательщиков подобные мероприятия. Но здесь преследуется и цель совершенствования контроля, ведь теперь уменьшаются этапы проведения контроля за правильностью и достоверностью заполнения деклараций, так как данные получены непосредственно из системы. Такая информация для деклараций будет накапливаться по тем лицам, которые были задействованы в трейдинговых процедурах с 1 июля 2014 года.

Согласно статистическим данным на 2021 год в автоматизированной системе Австралии зарегистрировано около 320 различных бирж, которые занимаются обменами криптовалют, а также эти биржи непосредственно представляют данные о своих клиентах в налоговые органы. Это помогает облегчить процессы сбора информации в процессе проведения государственных контрольных финансовых мероприятий.

Согласно ожиданиям администрации Австралии по поводу введения данного инструмента финансового-налогового контроля должно быть собрано около 3 миллиардов долларов, которые пойдут в дополнительный государственный доход от трейдеров по криптовалюте.

В части осуществления государственного контроля в Австралии можно сказать, что их основной подход к регулированию заключается в том, что австралийские органы налогового и финансового контроля уделяют отдельное внимание процессам регистрации для всех организаторов торгов в части криптовалюты. А далее через специальную автоматизированную и цифровую систему они могут получить все аналитические данные для проведения контроля.

Заключение

Таким образом, на сегодняшний день процессы цифровизации затронули все сферы жизни общества. Одной из перспективных и стратегически важных отраслей для внедрения новых цифровых инструментов сейчас является система государственного финансового контроля.

Создание новых комплексных и достаточно сложных интегрированных систем предусмат-

ривает обнаружение нарушений в автоматическом режиме и мгновенное использование мер наказания или же реагирования. Все это помогает заранее предотвратить многие потенциальные отклонения от установленных норм. Более того, процессы роста именно интегрированных данных в различных информационных системах помогают контрольным органам проводить более детальный анализ в части финансово-хозяйственной деятельности подконтрольных объектов.

Анализ показал, что Федеральное казначейство РФ сейчас реализует множество программ в данной сфере. Но главная трудность по автоматизации и цифровизации государственного финансового контроля сейчас связана с огромным количеством субъектов бюджетных и финансовых процессов, а также с массивом данных, которые должны быть официально представлены.

Такая проблема пока еще не нашла своего решения, ввиду чего усложняются процессы введения в работу различных цифровых механизмов финансового контроля. Для разрешения этой ситуации Россия может перенять некоторый опыт у зарубежных стран, однако необходимо адаптировать его под текущие условия российской действительности.

Говоря об опыте, который может перенять наша Россия, стоит отметить австралийский подход, который помогает непосредственно контролировать все транзакции, совершаемые налогоплательщиками. Причем такие налогоплательщики осуществляют свои операции через законных и зарегистрированных организаторов торгов по криптовалютам.

На сегодняшний день в РФ в законе о цифровых финансовых активах установлены определения оператора информационных систем и непосредственно оператора по цифровым финансовым активам. Получается, что наши нормативно-правовые акты создали законный способ, который помогает проводить инвестиции по криптовалютам.

При этом с целью дальнейшего совершенствования финансового и налогового контроля в России в нормативно-правовые акты необходимо внедрить условие об обязательном раскрытии данных по операциям клиентов легальных и законных организаторов торгов в части криптовалюты.

Важным здесь также является доработка уже существующих цифровых систем контроля. Например, государственная интегрированная информационная система управления общественными финансами «Электронный бюджет» сейчас помогает органам в части быстрой подачи данных о бюджетном процессе. Однако, далеко не все органы умеют ей грамотно распоряжаться, а также часто возникают ошибки в самой системе, которые требуют привлечения специалистов особого профиля. Данную систему можно доработать под более широкое использование и толкование бюджетного процесса, добавить новые функции, которые будут упрощать процесс коммуникации и передачи данных между органами, а также будут способствовать более быстрому и качественному анализу со стороны органов государственного финансового контроля.

Более активное внедрение таких методов поможет увеличить гибкость всей системы финансового контроля, а также снизить нагрузку на главных распорядителей бюджетных средств и органов финансового контроля.

Литература

1. Большаков С.Н., Лескова И.В., Большакова Ю.М. Цифровая экономика как составляющая технологической платформы государственной политики и управления // Вопросы управления. — 2019. — №1 (44). — С.64–70.
2. Булыга Р.П. Классификация и стандартизация финансового контроля и аудита в Российской Федерации // Учет. Анализ. Аудит. — 2017. — №5. — С.10–17.
3. Бусалова С.Г., Горчакова Э.Р. Внутренний государственный финансовый контроль в условиях цифровизации экономики // Вестник Алтайской академии экономики и права. — 2018. — №7. — С. 34–38.
4. Исаев Э.А. Контроль в финансово-бюджетной сфере. Риск-ориентированный подход, актуальные вопросы и перспективы // Бюджет. — 2020. — №8 (188). — С. 11–13.
5. Карелина О.И., Богославцева Л.В., Богданова О.Ю. Развитие государственного финансового контроля в контексте программно-проектного бюджетирования // Гумани-

тарные, социально-экономические и общественные науки. — 2019. — №4. — С. 204–211.

6. Прокофьев С.Е. Новации в сфере государственного финансового контроля, осуществляемого Казначейством России // Финансы и кредит. — 2019. — №10 (634). — С. 2–10.

7. Попов Е.В., Сухарев О.С. Цифровая экономика: «иррациональный оптимизм» управления и финансирования // Экономика. Налоги. Право. — 2018. — Т. 11. — №2. — С. 6–17.

8. Лукин А.Г. Внутренний финансовый аудит. Особенности организации в секторе государственного управления Российской Федерации. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing. 2012. С. 178

9. Lewis A. C., Neiberline C., Steinhoff J.C. Digital auditing: Modernizing the Government Financial Statement Audit Approach // Journal of Government Financial Management. — Spring 2019. — Vol. 63. — Issue 1. — P. 32–37.

10. Olowo-Okere E., Tomkins C. Understanding the evolution of government financial control systems // Accounting, Auditing & Accountability Journal. — 2018. — Vol. 11. — No. 3. — P. 309–311.

Development of the system of state financial control in the context of universal digitalization **Varava A.O., Dontsova O.I., Trifonov P.V.**

Financial University under the Government of the Russian Federation

The paper raises the problem of regulation and further development of the system of state financial control in the context of the active introduction of digital technologies. A theoretical analysis of the fundamentals of the implementation of state financial control is given. Based on the data, the key problems of the introduction of digital technologies and automated tools into the financial control system are identified. The existing digital solutions are analyzed. A new mechanism of the digital protocol is described. A study of foreign experience in terms of control over the widespread phenomenon of cryptocurrencies is given. Based on the research, the author gives recommendations for improving the processes of digitalization in the system of state control in the Russian Federation. This article will be relevant both for specialists in the field of state financial control and for persons engaged in research in the field of introducing digital mechanisms into the management system, since the work not only describes modern digital trends, but also provides possible new ways of using innovations and introducing them into financial control processes.

Keywords: digitalization, digital protocol, automation, object of financial control, information systems, regulation of digitalization.

References

1. Bolshakov S.N., Leskova I.V., Bolshakova Yu.M. Digital economy as a component of the technological platform of state policy and management // *Management issues*. — 2019. — №1 (44). — Pp.64-70.
2. Bulyga R.P. Classification and standardization of financial control and audit in the Russian Federation // *Accounting. Analysis. Audit*. — 2017. — No.5. — pp.10-17.
3. Busalova S.G., Gorchakova E.R. Internal state financial control in the conditions of digitalization of the economy // *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. — 2018. — No. 7. — pp. 34-38.
4. Isaev E.A. Control in the financial and budgetary sphere. Risk-oriented approach, current issues and prospects // *Budget*. — 2020. — №8 (188). — Pp. 11-13.
5. Karepina O.I., Bogoslavtseva L.V., Bogdanova O.Yu. Development of state financial control in the context of program and project budgeting // *Humanities, socio-economic and social sciences*. — 2019. — No.4. — pp. 204-211.
6. Prokofiev S.E. Innovations in the field of state financial control carried out by the Treasury of Russia // *Finance and Credit*. — 2019. — №10 (634). — Pp. 2-10.
7. Popov E.V., Sukharev O.S. Digital economy: "irrational optimism" of management and financing // *Economy. Taxes. Right*. - 2018. — Vol. 11. — No. 2. — pp. 6-17.
8. Lukin A.G. Internal financial audit. Features of the organization in the public administration sector of the Russian Federation. Saarbrücken: Academic publishing house LAP Lambert. 2012. C. 178
9. Lewis A. S., Neiberline S., Steinhoff J.S. Digital audit: modernization of approach to audit of financial statements of the government // *Journal of State Financial Management*. — Spring 2019. — Volume 63. — Issue 1. — pp. 32-37.
10. Olovookere E., Tomkins S. Understanding the evolution of state financial control systems // *Journal of Accounting, Audit and Accountability*. - 2018. — Volume 11. — No. 3. — pp. 309-311.

Методические основы по обеспечению финансовой безопасности страхового рынка

Лобанов Сергей Юрьевич

канд. экон. наук, докторант ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный технический университет им. П.Е. Алексеева», sergey@lobanov.ru

Лапаев Дмитрий Николаевич

докт. экон. наук, профессор, заведующий кафедрой «Управление инновационной деятельностью» ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный технический университет им. П.Е. Алексеева», dnlapaev@mail.ru

Сформулированы методические основы подход к обеспечению финансовой безопасности страхового рынка, которые в отличие от традиционных, направлены на профилактику угроз обеспечению финансовой безопасности страхового рынка и позволяют улучшить значения локальных показателей в части: снижения нормативно-правовой нагрузки при сохранении качества страхования; качества производственно-технологического обслуживания и уровня конкурентоспособности страхования; комплексного инфраструктурного сопровождения участников рынка; поддержания социально-психологического климата в страховых компаниях. Определен организационный механизм обеспечения финансовой безопасности страхового рынка, включающий описание функциональных обязанностей структур и/или структурных подразделений различных иерархических уровней.

Ключевые слова: методические основы, финансовая безопасность, страховой рынок, угрозы, организационный механизм.

JEL classification: G20, G24, G28, H25, H30, H60, H72, H81, K22, K34

Сегодня необходимым выступает детальное изучение теоретико-методологического базиса процессов по регулированию и обеспечению финансовой безопасности для страхового рынка применительно к учету возможных проблем производственно-технологической, а также инфраструктурной уязвимости рынка. Не в полной мере изучены закономерности и методы функционирования, а также комплекс базовых функций институционального механизма по обеспечению необходимого уровня финансовой безопасности. Также следует отметить, что не в полной мере реализуется потенциал деятельности саморегулируемых организаций в рамках защиты страхового рынка. Особенно в части фиксации угроз для рынка со стороны различных субъектов, оказывающих негативные воздействия. Наконец; не разработана теоретическая модель по воздействию на различные отраслевые сегменты на страховом рынке и научная концепция, которые важны для обоснования механизмов по нормативно-правовому, финансово-экономическому, производственно-технологическому, инфраструктурному и социально-психологическому обеспечению процессов финансовой безопасности. Важно также указать, что

не разработан в полной мере организационный механизм по регулированию в аспекте чего требуется уточнение методов по оценке уровня эффективности при обеспечении требуемого уровня финансовой безопасности для страхового рынка, его отдельных отраслевых сегментов [1,2,3,4,5].

Все установленные проблемы будут определять актуальность и важной данной статьи применительно к процессам разработки методического базиса по профилактике угроз. Также это будет приводить к обеспечению необходимого уровня финансовой безопасности для страхового рынка с точки зрения гарантирования учета главных производственно-технологических показателей. Указанные показатели будут характеризовать возможности по повышению уровня конкурентоспособности процессов страхования, включая и возможности по учету различных инфраструктурных показателей. Это, в свою очередь, позволит структурировать возможности по совершенствованию инфраструктуры страхового рынка. Также важно понимать, что недостаточная степень конкурентоспособности большей части страховых компаний, включая и отсутствие в полной мере развитой культуры для страхования будут в

определенной степени приводить к ограничению использования и развития механизмов и моделей обеспечения страховой защиты. Важно указать здесь на недостаточный уровень квалифицированного менеджмента, в определенной степени ухудшающийся уровень и качество жизни части населения страны. Отдельного упоминания заслуживают процессы слабого развития среднего, а также малого предпринимательского бизнеса, в определенной степени короткий горизонт для процессов финансового планирования большинства домохозяйств и собственно хозяйствующих субъектов страны.

Применительно к процессам рационального развития для страхового рынка, а также применительно к решению указанных выше проблем структурирован следующий комплекс рекомендаций в части проведения профилактики угроз и обеспечения требуемого уровня финансовой безопасности исследуемого рынка. Также данные рекомендации позволяют в полной мере учесть ключевые *производственно-технологические показатели*, которые характеризуют современные возможности по повышению уровня конкурентоспособности процессов страхования:

- осуществление комплекса разъяснительных и просветительских мероприятий среди всех потенциальных потребителей посредством организации работы представительств для сообщества действующих страховых компаний при их сотрудничестве с образовательными и научными учреждениями, со СМИ. Это в среднесрочном временном периоде позволит повысить уровень финансовой безопасности для страхового рынка страны;

- разработка комплексной системы по осуществлению профессиональной подготовки, а также переподготовки работников страховых компаний. Данной мероприятием будет выступать основой для повышения уровня конкурентоспособности процессов страхования, а также для поддержки действий в области профилактики угроз для финансовой устойчивости действующих страховых компаний страны.

Следует отметить, что обеспечение требуемого уровня финансовой безопасности для страхового рынка посредством повышения уровня оперативности действий, надежности и стабильности страховых компаний, а

также эффективности большинства процессов по *инфраструктурному обслуживанию* страховых компаний может рассматриваться как ключевой момент по профилактике угроз для финансовой устойчивости. Также данный факт можно считать главным условием для функционирования гармонизированного и сбалансированного страхового рынка страны. Данное утверждение позволяет сформулировать следующий комплекс рекомендаций, которые будут способствовать системному и рациональному инфраструктурному сопровождению большинства участников страхового рынка посредством предоставления для данных участников доступных и актуальных научно-образовательных, маркетингово-информационных, консалтинговых и сервисных услуг, а именно:

- улучшение системы обеспечения эффективной работы страховых агентов, а также страховых брокеров, которые рационально сопровождают процессы по страховой деятельности посредством разработки комплекса механизмов качественного надзора над страховыми процессами. Это применительно к среднесрочному периоду станет основой для повышения уровня ответственности большей части страховых посредников. Особенно это будет затрагивать процессы по повышению качества страхования и обеспечения баланса интересов на современном страховом рынке страны. Как результат, это будет гарантировать высокий уровень эффективности мер, связанных с обеспечением требуемой финансовой безопасности для исследуемого рынка страны;

- осуществление гармонизации интересов большей части страховых брокеров и агентов, действующих страховых компаний применительно к определению комплекса условий, связанных с предоставлением широкого спектра услуг по страховому сопровождению. Особый интерес здесь должны привлекать процессы по определению оптимального размера для комиссионного вознаграждения по критерию гарантии высокого уровня финансовой устойчивости для объектов в области финансовой безопасности (ОФБ). Это позволит с большим уровнем конкурентоспособности действовать страховым компаниям (страховщикам), которые формируют «рынок продавца» в стране, а также

сбалансирует операции физических и юридических лиц (страхователей), которые формируют «рынок потребителя» в стране;

- улучшение процессов по правовому регулированию актуарной деятельности. Особенно в части создания системы эффективных страховых актуариев применительно к реализации цели по подтверждению высокого уровня обоснованности всех применяемых тарифов со стороны страховых компаний;

- создание системы страховых сюрвейеров, осуществляющих профессиональную оценку рисков применительно к этапу заключения договоров страхования, а также аджастеров и аварийных комиссаров, осуществляющих оценку ущерба и урегулирование убытков. Важно в среднесрочной перспективе осуществить регламентацию их деятельности, обязанностей, прав, ответственности, разработать механизм аттестации данных участников инфраструктуры страхового рынка и форм контроля над их деятельностью;

- повышение востребованности системы по рейтингованию страховых компаний для оценки надежности и финансовой устойчивости ОФБ. Важно обратить внимание на обеспечение независимости, а также прозрачности действий рейтинговых агентств, для чего необходима выработка подходов по регулированию деятельности рейтинговых агентств при учете и соблюдении принципов добровольности присвоения рейтингов страховым компаниям;

- целенаправленное повышение роли и статуса профессиональных объединений (ассоциаций, союзов), саморегулируемых организаций при учете принципов консолидации и унификации интересов ОФБ, включая интеграцию ресурсов этих объединений в систему обеспечения финансовой безопасности рынка, информационные системы представителей государственной власти;

- обеспечение консолидации данных отчетности для членов профессиональных объединений применительно к заключенным договорам по обязательному страхованию для анализа убыточности, мониторинга оптимальности тарифов и своевременного доведения полученных результатов до регулирующих органов и общественных структур, занимающихся саморегулированием рынка;

- внедрение объединениями страховых компаний единого информационного и методического обеспечения в рамках урегулирования убытков, включая процессы по определению размера вреда, стоимости восстановительных расходов, в том числе стоимости запасных заменяемых частей (деталей), износа и работ; фиксации и обоснования действительной стоимости в отношении имущества применительно к дате наступления страховых случаев;

- разработка и последующее внедрение в практическую страховую деятельность карт рисков применительно к отдельным видам страхования и страховым событиям, наступление которых в наибольшей степени возможно;

- расширение практики по формированию в рамках объединений страховых компаний третейских судов, внедрение в практическую деятельность на страховом рынке медиации применительно к урегулированию спорных ситуаций, возникших между юридическими лицами и страховыми компаниями;

- содействие процессам формирования механизмов по досудебному урегулированию споров, возникающих между потребителями и страховыми компаниями, развитие института финансового омбудсмена;

- сбор и мониторинг информации страховых компаний об урегулировании возникших убытков; о числе заявленных и удовлетворенных (частично, в полной мере) претензий потребителей и других застрахованных лиц, а также выгодоприобретателей; о числе полученных претензий, в отношении которых принимались судами решения, включая и выигранные суды страховыми компаниями, застрахованными лицами, выгодоприобретателями; о сроках осуществления страховых выплат по критерию обеспечения высокого уровня финансовой устойчивости страховых компаний;

- содействие процессам гармонизации страхования с учетом международного опыта и рекомендаций Организации по экономическому сотрудничеству и развитию.

Необходимо отметить, что все выше представленные рекомендации в части обеспечения профилактики угроз и улучшения соответствующих финансово-экономических, нормативно-правовых, социально-психологических показателей представлены в самом

общем виде. Во многом это связано со спецификой и возможностями по нахождению и реализации широкого спектра стратегических альтернативных путей по повышению уровня финансовой безопасности для страхового рынка страны. Все представленные рекомендации ориентированы на обеспечение понижения уровня нормативно-правовой нагрузки применительно к сохранению высокого качества и конкурентоспособности процессов страхования.

Далее зафиксировано определение для содержания организационного механизма по обеспечению требуемого уровня финансовой безопасности для страхового рынка страны. Из-за множественности, а также высокого уровня сложности всех реализуемых функций по обеспечению финансовой безопасности необходимо учреждение специализированного подразделения. Данное подразделение должно быть ответственным за эффективное осуществление всех составляющих этапов обеспечения требуемого уровня финансовой безопасности. Подобным подразделением может быть Центр обеспечения финансовой безопасности.

При этом функциями для ФЦ должны стать:

- создание комплекса специализированных экспертных сообществ применительно к обеспечению качественного решения вопросов, которые связаны с гарантированием защиты финансовых ресурсов для страховых компаний. Отдельного внимания здесь должны заслуживать процессы по инвестированию в комплекс проектов по развитию страхового рынка страны совместно с обеспечением развития процессов саморегулирования рынка и совершенствование форм по государственно-частному партнерству;

- создание применительно к региональному уровню сети конкурентоспособных представительств ФЦ. Здесь также может идти речь и о включении в рассматриваемые процессы представительств Центра государств СНГ, прочих государств дальнего зарубежья по критерию формирования комплекса организационно-методических условий, связанных с оказанием качественного и конкурентоспособного страхового сопровождения реализуемых проектов;

- улучшение механизмов осуществления экономической, а также финансовой экспер-

тизы процессов функционирования страховых компаний. Особое внимание здесь должно уделяться процессам по созданию условий профессионального и поступательного роста современных экспертных сообществ применительно к вопросам стимулирования развития и повышения конкурентоспособности страхового рынка страны. Все экспертные сообщества в перспективе должны иметь практический успешный опыт по проведению экспертиз различных финансовых угроз, проблем. В отдельных случаях возможно осуществление объединения экспертных и профессиональных сообществ в рамках деятельности ФЦ;

- проведение разработки и апробации ряда механизмов по осуществлению противодействий возможным преступлениям, совершаемым на современном страховом рынке страны. Отдельно здесь следует говорить об обеспечении защиты прав, а также законных интересов широкого спектра потребителей, включая и страховых компаний, государственных органов управления как важных участников исследуемого рынка страны;

- участие в использовании и развитии механизмов государственно-частного партнерства на страховом рынке и формирование системы финансовых гарантий по соблюдению интересов страховых компаний, государства и его национальных и зарубежных партнеров;

- обеспечение развития и защиты механизмов саморегулирования на страховом рынке в разных сферах предпринимательской и профессиональной деятельности на рынке, активное участие в формировании системы мониторинга и контроля деятельности саморегулируемых организаций.

Следует отметить, что ФЦ следует передать ряд функций по планированию, осуществлению координации и мониторинга, проведению контроля, регулирования процессов на страховом рынке страны:

- создание системы, связанной и обеспечением противодействия широкому спектру преступлений применительно к финансовой сфере современного страхового рынка. Важно обеспечить высокий уровень финансовой безопасности для страховых компаний, инвестиций данных компаний. Особое внимание при этом следует уделить обеспечению развития эффективных механизмов и

моделей осуществления государственно-частного партнерства на страховом рынке (функция по планированию);

- обеспечение рационального и активного участия в процессах по разработке, а также в процессах по содействию практической и эффективной реализации широкого спектра программ по развитию исследуемого рынка. Необходимо будет отслеживать, чтобы все реализуемые программы были направлены и связаны с обеспечением развития финансового и инвестиционного потенциала действующих страховых компаний. Отдельно внимание следует уделить процессам по гарантированию защиты финансовых ресурсов страховых компаний, осуществляемых инвестиций и реализуемых проектов (функция по планированию);

- обеспечение содействия широкому спектру форм организации сотрудничества комплекса федеральных и региональных органов управления с участниками различных социально-экономических систем. Федеральные и региональные органы должны уметь выстраивать рациональные отношения с участниками исследуемого рынка (страховыми компаниями), профильными научно-исследовательскими структурами, с сообществами и ассоциациями, с различными профессиональными участниками исследуемого рынка применительно к качественному решению вопросов обеспечения требуемого уровня финансовой безопасности для рынка (функция по координации);

- формирование системы взаимосвязанных рейтингов применительно к обеспечению понимания условий и возможностей всесторонней оценке профессиональных участников страхового рынка. Также необходимо отметить, что рейтинги должны быть направлены на осуществление оценок и субъектов в области саморегулирования страхового рынка (функция по координации);

- проведение сбора, изучения, анализа и процессов по распространению актуальной и своевременной информации об участниках страхового рынка и реализуемых ими подхода к обеспечению финансовой безопасности. Особое внимание здесь должно уделяться процессам по формированию баз данных. Эти базы данных должны затрагивать и разъяснять различные аспекты решаемых в стране вопросов по обеспечению высокого

уровня финансовой безопасности для страхового рынка страны (функция по мониторингу и контролю);

- обеспечения сопровождения взаимосвязанных мероприятий научно-исследовательской, а также преподавательской активности применительно к формированию систем по управлению знаниями участников исследуемого рынка. Особое внимание здесь следует уделить процессам по сбору информации, позволяющей решать актуальные вопросы по обеспечению требуемого уровня финансовой безопасности для исследуемого рынка (функция по мониторингу и контролю);

- реализация мер по содействию процессам, связанным с разработкой проектов и положений широкого спектра нормативно-правовых актов. Указанные акты должны быть направлены на обеспечение регулирования сложившихся и потенциальных финансовых отношений между участниками страхового рынка страны. Также указанные отношения должны быть связаны с различными сферами осуществления защиты прав и интересов участников рынка. Указанные акты должны быть понятны для большинства страхователей и страховых компаний, должны в полной мере регулировать активности инвесторов проектов. При этом указанные акты должны обеспечивать для собственников различных страховых активов, для кредиторов, прочих участников исследуемого страхового рынка возможности сохранения своих интересов при возникновении различных кризисных ситуаций в экономике (функция по регулированию);

- реализация мер по содействию органам государственного и регионального управления применительно к эффективному осуществлению комплекса мероприятий, которые связаны и нацелены на гарантирование целевого применения ресурсов бюджетов. Сегодня органы государственного и регионального управления активно направляют свои ресурсы для осуществления операций на страховом рынке. Поэтому, особое значение приобретает разработке мер, связанных с защитой интересов как страхователей, так и страховых компаний, прочих участников рынка, которые связаны с привлечением инвестиций в программы и проекты долгосрочного развития исследуемого рынка (функция по регулированию).

Действия ФЦ должны быть ориентированы на объединение различных профессиональных знаний, которые сформированы научным сообществом. Также важно говорить о необходимости аккумулирования кейсов, связанных с практическим опытом профильных специалистов, что позволит наметить комплекс ориентиров для повышения эффективности процессов развития исследуемого страхового рынка страны. Особенно при реализации мероприятий по обеспечению требуемой защиты для финансовой ресурса, а также инвестиций современных страховых компаний. Как результат, ФЦ должен быть ориентирован на объединение в рамках своего инфраструктурного комплекса различных саморегулируемых организаций. Также для ФЦ важно устанавливать рациональные и эффективные отношения в различными институциональными участниками рынка, например, с оценщиками рисков и возможных финансовых угроз. В силу этого, действия ФЦ следует ориентировать на комплексное обеспечение требуемого уровня эффективности управления и регулирования финансовых рисков и угроз. Отдельно, действия ФЦ должны быть направлены на раскрытие условий и возможностей принятия действующими страховыми компаниями, широким спектром страхователей и институциональными участниками рынка качественных управленческих решений. Данные решения должны быть направлены и связаны с предотвращением и возмещением различных имущественных, репутационных ущербов применительно к различным участникам страхового рынка. В силу этого нами был предложен и обоснован порядок в области осуществления взаимодействий данных участников страхового рынка страны.

В заключении также следует отметить, что все сформированные методические рекомендации в области обеспечения требуемого уровня финансовой безопасности для страхового рынка страны направлены и связаны с осуществлением профилактики угроз для исследуемых процессов. Также данные рекомендации позволяют в полной мере повысить значения для локальных показателей обеспечения требуемого уровня финансовой безопасности для страхового рынка. Например, для процессов по понижению уровня

нормативно-правовой нагрузки в рамках сохранения качества и конкурентоспособности страхования. Кроме этого, представленные рекомендации позволят повысить качество процедур мониторинга ЦБ РФ, что позволит получать более детализированное и верное представление в отношении финансово-экономического состояния страхового рынка, уровня стабильности участников рынка. Наконец, рекомендации позволят повысить уровень качества процессов производственно-технологического обслуживания страхователей, что позитивно скажется на современном и перспективном уровнях конкурентоспособности процессов по страхованию. Несомненно, сегодня существует широкий спектр возможностей по повышению требуемого уровня финансовой безопасности для страхового рынка особенно в части перестройки процессов по комплексному инфраструктурному сопровождению участников рынка. Данные активности будут связаны с реализацией мероприятий по повышению уровня доступности и актуальности научно-образовательных, маркетингово-информационных, консалтинговых, сервисных услуг для участников рынка.

Таким образом, укажем, что организационный механизм по обеспечению требуемого уровня финансовой безопасности для страхового рынка страны будет включать в свой состав описание широкого спектра функциональных обязанностей для структур (структурных подразделений), относящихся к различным иерархическим уровням исследуемого рынка. При этом, в сравнении с существующими структурами, предлагаемые нами составляющие механизма будут целенаправленно ориентированы на реализацию процедур по мониторингу, оценке и понижению вероятности возникновения угроз для страхового рынка страны. Также данные структуры будут активно взаимодействовать с Федеральным центром по финансовой безопасности в составе ЦБ РФ, а взаимодействия данных структур с аналогичными центрами профессиональных объединений страховых компаний, с подразделениями страховых компаний в отдельности станут базисом для нейтрализации финансовых угроз для современным участникам национальной экономики России.

Литература

1. Антипенко П.А. Высокотехнологичность страховой отрасли в контексте финансовой безопасности // Инновационная экономика. 2023. № 1 (34). С. 5-20.

2. Глотова И. И., Томила Е. П., Щекина Е. О. Практические аспекты обеспечения финансовой безопасности страховой компании // Kant. 2023. № 4 (49). С. 23-28.

3. Костяева Е.В., Аксенова Н.И. Трансформация механизма обеспечения финансовой безопасности страховых организаций в условиях внедрения риск-ориентированного подхода // Экономическая безопасность. 2022. Т. 5. № 2. С. 655-672.

4. Никитина А.Н. Анализ страховых рисков в системе ОМС при обеспечении финансовой безопасности РФ // Академическая публицистика. 2021. № 11-2. С. 185-194.

5. Ярошчук А.Б. Методы и механизмы обеспечения финансовой безопасности российских страховых компаний // Экономика и предпринимательство. 2023. № 6 (155). С. 1183-1186.

Methodical basics on ensuring financial security of the insurance market

Lobanov S.Yu., Lapaev D.N.

Nizhny Novgorod State Technical University n.a. R.E. Alekseev

The methodical framework for ensuring the financial security of the insurance market is formulated. Unlike traditional ones, they are aimed at preventing threats to ensuring the financial security of the insurance market and make it possible to improve the values of local indicators in terms of: reducing the regulatory burden while maintaining the quality of insurance; the quality of production and technological services and the level of competitiveness of insurance; integrated infrastructure support for market participants; maintaining a socio-psychological climate in insurance companies. An organization-protection mechanism for ensuring the financial security of the insurance market has been defined. It includes a description of the functional responsibilities of structures and/or structural divisions of various hierarchical levels.

Keywords: methodological foundations, financial security, insurance market, threats, organizational mechanism.

References

1. Antipenko P.A. High-tech insurance industry in the context of financial security // Innovative economy. 2023. № 1 (34). pp. 5-20.
2. Glotova I.I., Tomilina E.P., Shchekina E.O. Practical aspects of ensuring the financial security of the insurance company // Kant. 2023. № 4 (49). pp. 23-28.
3. Kostyaeva E.V., Aksenova N.I. Transformation of the mechanism for ensuring the financial security of insurance organizations in the context of the introduction of a risk-oriented approach // Economic security. 2022. T. 5. № 2. pp. 655-672.
4. Nikitina A.N. Analysis of insurance risks in the OMI system while ensuring the financial security of the Russian Federation // Academic journalism. 2021. № 11-2. pp. 185-194.
5. Yaroshchuk A.B. Methods and mechanisms of ensuring financial safety of the Russian insurance companies // Economy and business. 2023. № 6 (155). pp. 1183-1186.

Методология обеспечения финансовой безопасности страхового рынка

Лобанов Сергей Юрьевич

канд. экон. наук, докторант ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный технический университет имени Р.Е. Алексеева, sergey@lobanov.ru

Обоснован концептуальный подход к анализу методологии обеспечения экономической безопасности хозяйствующих субъектов, характеризующий финансовую безопасность в качестве важнейшей составляющей обеспечения данного процесса, которая определяется характером взаимодействия между объектами безопасности и субъектами ее обеспечения с учетом внешних и внутренних негативных воздействий. Предложен методологический подход к обеспечению финансовой безопасности страхового рынка, отличающийся выявлением зависимости между гармонизацией регулирования и инфраструктурного развития сервисных организаций, обеспечивающих безопасное состояние хозяйствующих субъектов, функционирующих на рынке, а также определением направлений снижения вероятности угроз со стороны субъектов негативных воздействий на страховом рынке и повышения результатов хозяйственной деятельности объектов финансовой безопасности.

Ключевые слова: методология, финансовая безопасность, страховой рынок, угрозы, гармонизация, регулирование, инфраструктурное развитие.

JEL classification: G20, G24, G28, H25, H30, H60, H72, H81, K22, K34

Формирование рациональных механизмов и методов, обеспечивающих устранение угроз в области экономической безопасности посредством классификации, выявления данных угроз, следует считать главной задачей для современного государства. Также, необходимо отметить, что решение данной задачи будет обеспечивать широкий спектр конкурентных преимуществ для отечественных компаний. Важно при этом указать на тот факт, что реализуемая в России Стратегия обеспечения экономической безопасности РФ в период до 2030 г. [3] акцентирует внимание на современных дисбалансах финансовой системы, а также на значительном колебании сложившейся на финансовых рынках конъюнктуры из-за проводимой политики санкций в отношении нашей страны. В данном случае основная задача и направление государственной политики по обеспечению экономической безопасности связано с развитием финансовой системы страны, инфраструктуры рынков. Все это говорит о высоком уровне значимости применительно к угрозам финансовой безопасности, что подтверждает тезис о значительной подверженности глобальным рискам, о высоком уровне уязвимости инфраструктуры финансовой системы страны.

В этих условиях страховой рынок применительно к действующей Стратегии по обеспечению экономической безопасности структурирован недостаточно широко. При этом надо отметить, что страховой рынок вносит значительный вклад применительно к реализации процессов по стабилизации финансовой системы страны. Эффективное функционирование страхового рынка способствует в полной мере понижению влияния рисков в области финансовой безопасности. Кроме этого, активности, осуществляемые государством на страховом рынке, следует рассматривать как реализацию комплекса приоритетных инструментов по финансовой стабилизации, по устранению влияния современных вызовов, угроз для финансовой системы страны. Причем эти инструменты в настоящее время важно находить и использовать именно в рамках этапа по выявлению возможностей возникновения рисков. Кроме этого, важно указать на тот факт, что обеспечение требуемого уровня финансовой безопасности для страхового рынка в аспекте как регулирования уровня экономической безопасности для страны в целом, следует считать приоритетной задачей. Эффективное решение данной задачи позволит сохранить разумный баланс применительно к темпам промышленного производства, а также к

динамике инфраструктурного сопровождения данного производства. Именно здесь находятся возможности для обеспечения мультипликативного усиливающего прироста для добавленной стоимости все производимой в стране продукции. Отсюда, становится понятна роль ЦБ РФ, который призван по поручению государства регулировать и обеспечивать необходимый уровень экономической безопасности для финансовых рынков страны. Важным здесь выступает комплексный учет интересов государственных органов власти, коммерческих организаций и общественных структур, которые связаны, а также вовлечены в активности, происходящие на исследуемых рынках.

Нами было проведено изучение профильной литературы. Данное изучение показало значительное разнообразие применяемых научных теорий и концепций, в которых сформулированы подходы в отношении определения сути термина «финансовая безопасность рынка» [1]. Также следует отметить, что значительная часть научных исследований была проведена до разработки Дорожной карты и мероприятий стратегии по обеспечению экономической безопасности, по развитию процессов страховой деятельности для Российской Федерации. Понимание данного тезиса связано с актуализацией важности уточнения всех реализуемых подходов применительно к условиям современной меняющейся среды из-за санкционных воздействий и воздействий пандемии на национальную экономику.

Следует отметить, что если рассматривать процессы по обеспечению финансовой безопасности для страхового рынка как важную научную проблему, то можно констатировать, что процессы по обеспечению недостаточно изучены, несмотря на то что ряд отечественных ученых рассматривали данную проблематику с различных сторон [2,4]. При этом все выявленные преимущества, а также недостатки по обеспечению финансовой безопасности для страхового рынка рассматривались в аспекте актуализации обособленных элементов на страховом рынке. Также значительное внимание уделялось построению различных экономико-математических моделей, процессам по совершенствованию методов регулирования процессов на страхо-

вом рынке со стороны органов государственного управления. Как результат имеет место значительное многообразие трактовок понятия финансовой безопасности для страхового рынка как объекта исследования, что позволяет нам считать данный термин малоизученным и относительно новым явлением. Все это определяет важность разработки нового концептуального подхода. И главной идеей данного подхода должно стать определение финансовой безопасности для страхового рынка как важного социально-экономического явления, на которое оказывает значительное влияние характер взаимодействий между различными объектами и субъектами обеспечения безопасности применительно с пониманием важности оперативного и системного учета всего спектра внешних, а также внутренних воздействий, имеющих негативный характер.

Важно отметить, что базисом для обеспечения требуемого уровня финансовой безопасности для страхового рынка выступает уровень защищенности финансовых интересов для экономических субъектов рынка. При этом важно также установить, как современный уровень независимости, стабильности ресурсного потенциала экономического субъекта рынка в аспекте оказываемых на субъекта воздействий дестабилизирующих факторов применительно к средовому влиянию, будет влиять на потенциал и способность финансовой системы страны гарантировать для экономического субъекта эффективную работу производственной системы по критерию устойчивого экономического роста. Применительно к пониманию важности данной проблемы базисом предложенного подхода будет выступать авторская трактовка термина финансовой безопасности для страхового рынка. Отдельного изучения при этом требует вопрос определения и реализации функций государства применительно к обеспечению финансовой безопасности для страхового рынка на основе институциональных механизмов. Важно понимать, что данные институциональные механизмы будут мотивировать объекты безопасности применительно к осуществлению процессов по формированию, а также выбору различных рациональных стратегий социально-ответственного и экономического поведения. При этом

особую актуальность приобретает определение детерминированной взаимозависимости, которая возникает между понижением степени вероятности возникновения угроз, с одной стороны, и повышением качества и эффективности экономических результатов деятельности субъектов, с другой стороны.

Изучение научных трудов позволило убедительно доказать важность осуществления рациональных взаимодействий государственных органов власти, бизнес структур и общественных организаций применительно к реализации возможностей по регулированию уровня финансовой безопасности для страхового рынка. Все вышесказанное позволяет нам заключить, что процессы обеспечения финансовой безопасности для страхового рынка связаны с научно-методическим сопровождением комплекса мероприятий, направленных на формирование и развитие институтов по защите интересов государственных органов управления, общественных организаций, предпринимательских структур и, наконец, населения от возникающих угроз выраженного негативного воздействия. Данные угрозы создаются недобросовестными юридическими и физическими лицами России, а также недружественными иностранными государствами. Локализовать данные угрозы можно используя методы, а также инструменты финансово-экономического, нормативно-правового, социально-психологического и технико-технологического регулирования, а также инфраструктурного развития различных сервисных организаций, которые ориентированы на локализацию и минимизацию последствий выявленных угроз.

Сегодня важно провести работу по структуризации целей, задач, принципов, а также критериев по обеспечению финансовой безопасности для экономических субъектов применительно к макро- (уровню страны), мезо- (уровню региона, корпорации), микро- (уровню предприятия) и нано- (уровню физического лица) уровням, позволяющим зафиксировать научную гипотезу для настоящей статьи. При этом реализация данной научной гипотезы будет во многом связана с сопровождением процессов по формированию системы по обеспечению финансовой безопасности для страхового рынка. Отдельный во-

прос будет связан с формированием рыночной инфраструктуры для реализации исследуемых процессов с точки зрения долгосрочной ориентации экономических субъектов на установление и расширение спектра конкурентных преимуществ с позиций улучшения возможностей экономических субъектов в части привлечения финансовых ресурсов, что важно для успешной реализации планов перспективной деятельности субъектов. В этих условиях ключевым становится формирование защитной инфраструктуры для страхового рынка и финансовой системы страны в целом, что предполагает рассмотрение возможных механизмов по защите экономических субъектов от преступлений, совершенных в рамках финансово-экономической сферы. Как результат, научная гипотеза должна раскрывать гармонизирующие аспекты реализуемых мер по защите, которые связаны с нахождением широкого спектра критериев по гармонизации современных финансовых интересов экономических субъектов и их партнеров.

В этих условиях понимание сути термина финансовой безопасности для страхового рынка будет в значительной степени связано с реализацией возможностей по рациональному взаимодействию государственных органов управления, бизнес структур и общественных организаций применительно к осуществлению важных функций обеспечения экономической и финансовой безопасности. Особый интерес здесь представляют стратегические аспекты предлагаемого научного подхода, которые связаны с пониманием возможностей эффективного применения всех инструментов, которые влияют или могут влиять на уровень стабильности реализации мер по защите финансовых интересов для экономических субъектов в аспекте всех установленных внутренних, внешних угроз. Важны также для рассмотрения и ресурсные вопросы реализации предлагаемого научного подхода, позволяющие сформировать комплекс инструментов, которые способствуют эффективному использованию всего аккумулированного ресурсного потенциала экономических субъектов. При этом важным результатом формирования научного подхода следует считать возможность обосновать важность создания, последующего

внедрения, эффективного использования институционального механизма. Данный институциональный механизм будет мотивировать объекты обеспечения финансовой безопасности формировать и выбирать рациональные стратегии социально ответственного и экономического поведения посредством установления детерминированных взаимозависимостей между понижением степени вероятности угроз для финансовой безопасности, а также повышением уровня экономических результатов хозяйственной деятельности участников рынка. Поэтому, создание институционального механизма должно в обязательном порядке сопровождаться выявлением современных тенденций, роли и методов государственных органов управления в части обеспечения требуемого уровня финансовой безопасности для экономических субъектов применительно к макро-, мезо-, микро- и нано-уровням.

Современная природа большинства финансовых ресурсов, главное их свойство связано с тем, что из ординарного механизма по обслуживанию экономических процессов финансовая безопасность стала мощным двигателем развития экономики, государства и общества, чья роль применительно к условиям глобализации мировых политических и экономических процессов все больше усиливается. Обеспечение финансовой безопасности способствует существенному росту конкурентоспособности национальной экономики и экономических субъектов на всех уровнях управления.

Современные угрозы финансовой безопасности – это факторы, оказывающие негативное воздействие на финансовую сферу национальной экономики или ее отдельные сегменты, которые дестабилизируют социально-экономическую ситуацию и препятствуют сбалансированному развитию государства и общества, нанося им существенный ущерб. При этом часто границы между внешними и внутренними угрозами не имеют четкого характера. Все это определяет роль и значение финансовой безопасности как составляющей национальной безопасности. Нами показано как финансовая безопасность влияет на другие составляющие национальной безопасности, а именно, на: экономическую, социальную, государственную, военную, информационную, продовольственную,

экологическую, энергетическую, техногенную, технологическую безопасность, а также на безопасность личности. Страховой рынок обеспечивает безопасность имущественных интересов экономических субъектов и является наиболее интересным финансовым рынком, от состояния и динамики развития которого напрямую уровень финансовой безопасности российской экономики.

Финансовая безопасность страхового рынка характеризуется возможностью противодействовать потенциальным и существующим угрозам его функционирования и развития. При этом следует выделить объекты финансовой безопасности, субъекты ее обеспечения и субъекты негативных воздействий. В работе к основным объектам финансовой безопасности (ОФБ) отнесены: страховые компании (страховщики), формирующие «рынок продавца», а также физические и юридические лица (страхователи), формирующие «рынок потребителя». В свою очередь, к субъектам обеспечения финансовой безопасности (СОБ) относятся объекты инфраструктуры страхового рынка, которые объединяют всех участников рынка, непосредственно не вовлеченных в процесс страхования, но оказывающих на него влияние. ОФБ и СОБ формируют страховой рынок и являются его участниками. В работе к СОБ относятся все организации, осуществляющие регулирование и поддержку страхового рынка: Центральный банк России, органы государственной законодательной и исполнительной власти, правоохранительные органы, посредники, консалтинговые и иные сервисные организации.

Субъектами негативных воздействий (СНВ) на страховой рынок можно считать: государственные органы законодательной и исполнительной власти (в части ухудшения условий функционирования страховых компаний и доступности страхового сопровождения населения); участников международного и отечественного финансового рынка, стимулирующих своими действиями спекулятивное экономическое поведение и всевозможные недобросовестные действия; физические и юридические лица (в части их злоупотреблений с получением страховых выплат и иных некорректных действий по отношению к страховым компаниям и страхователям); сами страховые компании (в части ведения

необоснованной рискованной политики и несоблюдения законодательно закрепленных условий развития страхового рынка).

Методология обеспечения финансовой безопасности страхового рынка должна опираться на проблемы, тенденции и предпосылки, объединять основные положения, принципы и методы, способствовать рациональному использованию ресурсов, механизмов и инструментов, а также формировать политику обеспечения безопасности на основе системы критериев и показателей устойчивого роста. К методологическим проблемам обеспечения финансовой безопасности страхового рынка в работе отнесены: наличие административных барьеров и вариативность законодательно закрепленных условий развития; несбалансированность темпов роста отдельных сегментов рынка, а также отсутствие сопоставимости потенциального и фактического ущерба в этих сегментах; нерациональность использования ресурсов страховых компаний; несогласованность методов и механизмов институционального взаимодействия участников страхового рынка; отсутствие культуры страхования и неэффективность противодействия мошенническим действиям. Методологическими предпосылками повышения активности в области обеспечения финансовой безопасности страхового рынка являются: наличие мегарегулятора, отвечающего за выработку политики развития и за государственные гарантии равнодоступности страхового рынка; сопоставимость развития производственного и инфраструктурного комплекса на фоне динамики устойчивого роста исследуемого рынка.

Согласно предложенной нами научной гипотезы методологическим ядром обеспечения финансовой безопасности страхового рынка является институциональный механизм, объединяющий участников исследуемого рынка и мотивирующий их к формированию и выбору рациональных стратегий поведения. Нами сформулирован методологический подход к обеспечению финансовой безопасности страхового рынка, которая описывает обозначенную выше методологию и выражается зависимостью между гармонизацией регулирования и инфраструктурного развития организаций, обеспечивающих финансовую безопасность на рынке, снижением вероятности угроз со стороны субъектов

негативных воздействий на этом рынке и повышением результатов хозяйственной деятельности объектов финансовой безопасности:

Гармонизация СОБ↑ → Угрозы СНВ↓ → Результаты ОФБ↑

Гармонизация СОБ предполагает:

- расширение форм сотрудничества страховых компаний с государственными и иными институтами рынка в части формирования достаточного ресурсного обеспечения процессов страхования при одновременной компенсации части страхового тарифа для повышения результативности реализуемых на рынке проектов и программ развития;

- согласованное формирование ресурсного потенциала страхового рынка с разграничением полномочий и зон ответственности его участников, в частности, затрат на реализацию комплексных схем страхового сопровождения и локализацию отдельных кризисных ситуаций на рынке;

- осуществление государственных гарантий реализации законодательно закрепленных условий и проектов развития страхового рынка, включая вопросы мониторинга деятельности отечественных и зарубежных компаний на страховом рынке;

- разработку и реализацию институционального механизма, мотивирующего ОФБ к формированию и выбору рациональных стратегий экономического поведения, а также способствующего реализации базовых функций обеспечения финансовой безопасности страхового рынка в условиях меняющейся среды с учетом санкционного воздействия.

Угрозы СНВ, приводящие к возникновению негативных последствий для ОФБ, должны быть устранены или локализованы в зависимости от их характера. К основным угрозам относятся: низкий уровень показателей капитализации страховых компаний; несбалансированность структуры страховых портфелей; неадекватность системы управления рисками; неэффективное и нерациональное размещение страховых резервов; недостаточная величина резервных фондов, которые формируются компаниями для непрогнозируемых страховых выплат; банкротство крупных и последующий эффект «домино» для финансовой устойчивости сред-

них и малых страховых компаний; несовершенство или неадекватность экономическим реалиям действующего нормативного и правового регулирования.

Результаты ОФБ проявляются в части нормирования и достижения требуемых значений показателей финансовой безопасности. Значит надо: выявить показатели финансовой безопасности участника страхового рынка, методы и условия их расчета и интерпретации. Основными участниками и потребителями рынка являются страхователи (физические и юридические лица), но результаты обеспечения их финансовой безопасности определяются показателями работы страховщика, как, впрочем, и результаты работы объектов инфраструктуры, обслуживающих процесс страхового сопровождения конечного потребителя. Поэтому целесообразно выделить пять групп показателей: нормативно-правовые, финансово-экономические, производственно-технологические, инфраструктурные и социально-психологические. Первые две и последняя группы показателей характерны для всех участников рынка. Третья группа характеризует потенциал страховой компании, а четвертая – рациональность ее взаимодействия с объектами инфраструктуры, обслуживающими процесс страхового сопровождения участников рынка.

В заключении отметим, что теоретико-методологическое обоснование и разработка методического подхода и практических рекомендаций по обеспечению финансовой безопасности страхового рынка путем создания институционального механизма, будет способствовать выявлению и локализации угроз негативных воздействий на всех уровнях управления соответствующих организационных структур, а также повышению экономических результатов страховых компаний за счет мотивации объектов финансовой безопасности к выбору рациональных стратегий поведения на исследуемом рынке.

Литература

1. Брагина Г.Н., Круц Д.А. Финансовая безопасность как форма экономической безопасности // Вестник экономики, управления и права. 2023. Т.16. № 2. С. 10-14.
2. Гаврилова Д.А. Оценка финансовой безопасности страховой организации // Интернаука. 2023. № 22-4 (292). С. 47-50.
3. Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71572608/>
4. Ярошук А.Б. Методы и механизмы обеспечения финансовой безопасности российских страховых компаний // Экономика и предпринимательство. 2023. № 6 (155). С. 1183-1186.

Insurance market financial security methodology

Lobanov S.Yu.

Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alekseev

A conceptual approach to the analysis of the methodology for ensuring the economical safety of business entities has been substantiated. It characterizes financial security as the most important component of ensuring this process, which is determined by the nature of interaction between security facilities and its subjects, taking into account external and internal negative impacts. A methodological approach to ensuring the financial security of the insurance market is proposed, It is characterized by the identification of the relationship between the harmonization of regulation and the infrastructure development of service organizations that ensure the safe condition of business entities operating on the market, as well as the determination of directions for reducing the likelihood of threats from the entities of negative impacts on the insurance market and increasing the results of economic activities of financial security facilities.

Keywords: methodology, financial security, insurance market, threats, harmonization, regulation, infrastructure development.

References

1. Bragina G.N., Kruts D.A. Financial safety as form of economic security//Messenger of economy, management and rights. 2023. V. 16. №. 2. pp. 10-14.
2. Gavrilova D.A. Assessment of financial safety of the insurance organization // Interscience. 2023. №. 22-4 (292). pp.47-50.
3. Decree of President of the Russian Federation dt. May 13, 2017 No. 208 "About the Strategy of Economic Security of the Russian Federation until 2030 <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71572608/>
4. Yaroshchuk A.B. Methods and mechanisms of ensuring financial safety of the Russian insurance companies // Economy and business. 2023. №. 6 (155). pp. 1183-1186.

Новые тенденции в формировании мирового рынка энергоресурсов

Ткаченко Марина Федоровна

д.э.н., профессор, заведующий кафедрой мировой экономики, Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, marstav251280@gmail.com

Толмачев Петр Иванович

д.э.н., профессор, профессор кафедры мировой экономики, Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, pt53@yandex.ru

Кутовой Владимир Михайлович

д.э.н., профессор, профессор кафедры мировой экономики, Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, kutovoy46@mail.ru

В статье рассматриваются ключевые тенденции на мировом рынке энергоресурсов, связанные с общим мейнстримом на внедрение «зеленой» повестки, реализации концепции энергоперехода и декарбонизации, достижения всеми странами низкоуглеродной нейтральности. Отмечается, что несмотря на появление новых альтернативных источников энергии, развитие водородных технологий и регулируемого рынка углеродных единиц спрос на традиционные источники энергии продолжает оставаться стабильным. Россия остается в числе лидеров мирового энергетического рынка, несмотря на санкционное давление и проблемы, связанные с импортозамещением в нефтегазовой отрасли. Ключевыми задачами ТЭК России является сокращение импортозависимости от поставок и использования иностранного оборудования, обеспечение сырьевого суверенитета и «ценового» суверенитета, а также модернизация энергетической отрасли, прежде всего, угольной промышленности.

Ключевые слова: мировой рынок энергоресурсов, климатическая повестка, декарбонизация, ответственность цепочки поставок, рынок углеродных единиц

JEL classification: H87, F02, F15, F29, F40, F42, F49

Развитие и состояние мирового рынка энергоресурсов определяется большим количеством разнонаправленных факторов, которые связаны с деятельностью транснациональных энергетических компаний и их стремлением к совершенствованию климатической повестки, отвечающей их интересам. Все значимые участники мирового энергетического рынка одновременно являются членами Глобального договора ООН, тем самым подтверждая свою приверженность устойчивому развитию и тесно связанным с ним тенденциям энергоперехода и достижения углеродной нейтральности или декарбонизации. Одобренные на международном уровне Рамочная конвенция ООН об изменении климата от 09.09.1992 года, Киотский протокол и Парижское соглашение ООН от 12.12.2015 года закрепляют на законодательном уровне сложившийся мейнстрим в глобальной энергетической повестке. Национальные участники мирового рынка энергоресурсов, желающие участвовать в конкурентной борьбе за

массового потребителя, вынуждены следовать складывающимся глобальным правилам и формировать свои энергетические стратегии с учетом мировых трендов и реалий.

Следует конкретизировать ряд трендов, которые фактически постепенно приобретают характер закономерностей и их невозможно игнорировать при анализе мирового рынка энергоресурсов и объяснении некоторых событий, происходящих в мировой экономике.

Во-первых, усиливается конкуренция возобновляемых источников энергии (ВИЭ) и ископаемого топлива. Следует отметить, что потребление энергии из возобновляемых источников (ВИЭ) растет. В 2022 г. доля возобновляемых источников энергии в потреблении первичной энергии достигла 7,5%, что почти на 1% больше, чем в 2021 г. Наиболее стремительно росло производство и потребление солнечной энергии и энергии ветра, особенно в Китае, который продемонстрировал 37 и 41% глобального спроса на энергию

из этих источников, соответственно. Вместе с тем потребление ископаемого топлива остается достаточно стабильным на уровне 82% [1]. Это означает, что спрос на нефть и газ остается достаточно высоким и пока ВИЭ не могут составить значимую конкуренцию традиционным источникам энергии. Более того, после пандемии усиливается рост спроса на керосин и газойл несмотря на рост мирового рынка электромобилей. На практике это означает, что сложившиеся кооперационные связи между поставщиками и потребителями энергоресурсов еще длительное время будут сохранять устойчивость, в противном случае это может привести к нарушению сложившихся глобальных цепочек создания стоимости и глобальных цепочек поставок. Наглядным подтверждением этому является опыт ЕС, который в попытке приобрести энергонезависимость от России, попал в зависимость от американского СПГ и фактически продолжил получать газ из России только опять в виде СПГ и по несравненно большей цене, чем поставлялся трубопроводный газ (в частности, статистика покупок газа Германией и Испанией явно об этом свидетельствует). Следствием такого маневра стал рост энергетических издержек и проблемы с развитием промышленного производства в Германии и ряде других стран [7]. С другой стороны, рынок СПГ в условиях геополитической нестабильности и проблем с логистикой российского газа получил «второе дыхание», равно как и развитие инфраструктуры (терминалов, флота), связанной с ним. Рассматривая конкуренцию ВИЭ, с одной стороны, и нефти, газа и угля, с другой стороны, следует отметить такую проблему как окончание эры крупнейших месторождений. Единственным мощным источником ископаемого топлива в ближайшее время может остаться только Арктическая зона, однако, «низкая геологическая изученность арктических территорий, сложные климатические условия, слаборазвитая инфраструктура становятся заметными препятствиями для привлечения инвестиций недропользователей [9], что является препятствием для быстрого освоения природных ресурсов Арктики и восполнения запасов нефти и газа. Кроме того, за природные ресурсы Арктики разворачивается очень серьезная борьба, которая требует дополнительных финансовых и дипломатических усилий.

Во-вторых, развитие водородных технологий, которые считаются топливом следующего поколения. Международное энергетическое агентство в своем отчете подчеркивает, что водород может быть перспективным источником энергии в отраслях, где мало альтернативных вариантов источников энергии с низким уровнем выбросов, например, в таких сферах как дальнемагистральный транспорт и производство удобрений. В настоящее время лидерами по числу патентов водородных технологий являются Евросоюз, Япония и США [8]. При этом производство и использование водорода как имеющего особые свойства элемента сопряжено с рядом трудностей. В частности, необходимо строительство специальных портовых терминалов, способных принимать крупные суда с жидким водородом, специального танкерного флота. Продажа массовому потребителю водорода взамен газа вообще представляется молореализуемой задачей.

В-третьих, развивается рынок углеродных единиц, который стал принципиально новым сегментом мирового рынка энергоресурсов вследствие продвижения климатической повестки и заложил новые принципы ведения бизнеса и логистики. Углеродные единицы представляют собой объем выбросов, которые удалось предотвратить благодаря работе климатического проекта. Бизнес в целях достижения углеродной нейтральности покупает углеродные единицы у климатических проектов, которые обеспечивают сокращение парниковой эмиссии. Такие процессы идут в рамках добровольного углеродного рынка. Государство же, контролируя выброс парниковых газов, вводит принудительно в отдельных отраслях квоты или налоги на выбросы. Рынок углеродных единиц, зародившись в странах Запада, в 2023 году наиболее стремительно рос в Китае и Индии, а наиболее заметной тенденцией стало снижение цен на углеродные единицы в мире [4].

Стремление к декарбонизации, рост спроса на низкоуглеродные продукты и сырье с низким углеродным следом вынуждают компании формировать ответственные цепочки поставок (ОЦП), когда компания несет ответственность не только за собственное производство, но и за поставщиков, которые тоже должны следовать принципам устойчи-

вого развития и ESG-повестки. Это сказывается на формировании цепочек поставок, в ряде случаев компании начинают развивать цепочки поставок замкнутого цикла, чтобы еще в большей степени снизить воздействие на окружающую среду и сократить количество отходов.

Россия является значимым игроком на мировом рынке энергоресурсов, следуя в русле тех трендов, которые характеризуют глобальный топливно-энергетический комплекс (ТЭК). Российские энергоресурсы пользуются стабильным спросом на мировом рынке и, как показывает практика санкционного давления, альтернатив российскому газу и нефти практически нет, особенно принимая во внимания ценовой фактор. Равно как и другие ведущие игроки на мировом рынке энергоресурсов России продолжает развивать рынок СПГ, активно включилась в борьбу за освоение арктического шельфа, осуществляет освоение Северного морского пути в целях более глубокого освоения западно-сибирских месторождений. В области водородных технологий разработан план мероприятий «Развитие водородной энергетики России до 2030 года», в рамках которого в том числе предполагается формирование водородных промышленных и технологических кластеров [3].

Можно выделить ряд перспективных целей и задач, которые стоят перед российским ТЭК и обусловлены как текущими конъюнктурными изменениями на мировом рынке энергоресурсов, так и растущим санкционным давлением со стороны стран Запада.

Во-первых, необходимо добиваться снижения зависимости от импортного оборудования и программного обеспечения в сфере ТЭК. Процесс ограничения поставок оборудования для нефтегазовой отрасли из США и стран ЕС начался еще после 2014 г. Сначала был введен запрет на поставку в Россию буровых платформ, подводного и морского оборудования для работы в Арктике, ПО для расчетов операций по гидроразрыву пласта, в 2018 г. в санкционный перечень оказался включен ряд услуг, в т.ч. геологические и геофизические, а 2022 г. означеновался запретом поставок в Россию оборудования и технологий для нефтедобычи, производства СПГ, нефтепереработки. В соответствии с данными ЦДУ ТЭК, России с 2015 г. удалось

снизить импортозависимость от зарубежного нефтегазового машиностроения на 17% (или до 40%) (к 2025 г. планируется снизить до 20%), при этом технологическая зависимость от ПО в нефтегазовой отрасли в некоторых секторах достигает 80-90%. Наибольшая положительная динамика связана с импортозамещением оборудования для экстремальных условий арктического шельфа, а также для производства СПГ, где наблюдались наиболее серьезные проблемы [2]. Вместе с тем необходимо понимать, что полностью перейти в обозримой перспективе на отечественное оборудование во всех секторах нефтегазового сектора представляется нерешаемой задачей, поэтому в течение определенного периода придется искать альтернативные способы поставки или альтернативных поставщиков оборудования для ТЭК.

Во-вторых, на повестке стоит вопрос, связанный с обеспечением сырьевого суверенитета в условиях санкций, когда осуществляются попытки изолировать Россию от международных логистических цепочек. В практическом смысле слова это означает повышение эффективности геологоразведки и максимальное сокращение сроков от разведки до добычи [6]. Результатом таких действий должен стать ускоренный ввод месторождений в разработку, развитие крупных геологоразведочных проектов, а также прирост запасов и поддержание их на определенном уровне, гарантирующем энергетическую безопасность России.

В-третьих, в условиях растущего спроса на российский уголь со стороны стран АТР остро стоит вопрос сохранения и модернизации угольной промышленности, которая может обеспечить высокие экспортные доходы, но при этом находится под угрозой своего существования вследствие распространения тренда на декарбонизацию. Первым шагом стало создание Совета по модернизации угольной промышленности. Основные цели видятся в цифровизации технологических процессов добычи и переработки угля, новых технологиях добычи угля без ущерба для экологии регионов добычи, обновлении машин и оборудования для добычи и обогащения угля.

Амбициозной целью, которая выбивается из череды чисто технологических задач ТЭК России, является создание национального бенчмарка или эталонной марки отечествен-

ной нефти, обсуждение которой идет уже более 10 лет. Создание собственной эталонной марки стало насущной задачей, когда из России в 2022 г. стали уходить международные рейтинговые агентства, а страны G7 договорились о потолке цен на сырую нефть из России. «Поэтому независимый национальный эталон должен способствовать продажам нефти без внешнего давления со стороны недружественных стран». Предполагается, что российским ценовым индикатором смогу пользоваться покупатели из Китая, Индии и других стран-импортеров нефти, например, ЕАЭС [5]. У URALS есть все предпосылки для того, чтобы стать таким ценовым эталоном, это повысит престиж российской нефти на мировом рынке, улучшит условия экспорта и упростит продажу нефти за рубеж.

Таким образом, мировой рынок энергоресурсов подвергается мощному воздействию транснациональных элит и санкций со стороны правительств стран Запада, что в конечном итоге приводит к трансформации глобальной энергетической повестки, изменению в цепочках поставок энергоресурсов и росту энергетических издержек, неся ущерб как для поставщиков, так и для потребителей сырья. России в подобных условиях важно четко определить стратегию развития энергетического сектора с опорой на собственные ресурсы и спрос потребителей из «дружественных» стран, постепенно осуществляя модернизацию и развивая собственную минерально-сырьевую базу с учетом требований по охране окружающей среды и национальной энергетической безопасности.

Литература

1. Performing while transforming. BP Annual Report and Form 20-F 2022. P.6-7
2. Адаптация рынка в новых условиях. ЦДУ ТЭК // URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/issue/2023/3/1125/?ysclid=lr0da2yube772507464
3. Альтернатива традиционным источникам энергии. ЦДУ ТЭК // URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/issue/2023/4/1135/?ysclid=lr0eih5yr9495607795
4. Индия и Китай опередили другие страны по числу углеродных проектов. Ведомости // URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2023/10/23/1001894-indiya-i-kitai-operedili?ysclid=lr0c1o3u61997547227>

5. Ориентир на независимый бенчмарк. ЦДУ ТЭК // URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/issue/2022/9/1067/?ysclid=lr0e0zz8vw590301312

6. Сократить сроки от разведки до добычи. ЦДУ ТЭК // URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/issue/2022/11/1086/?ysclid=lr0erc3bde301750793

7. Ткаченко М. Энергетический фактор экономического благополучия Европы // Геоэкономика энергетики. 2023. №2. С.143-156

8. Топливо следующего поколения. ЦДУ ТЭК // URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/issue/2023/4/1134/

9. Эра крупнейших месторождений закончилась. ЦДУ ТЭК // URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/issue/2022/3/1003/?ysclid=lr0aljahpd867374234

New trends in the formation of the global energy market Tkachenko M.F., Tolmachev P.I., Kutovoy V.M.

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

The article examines key trends in the global energy market related to the general mainstream towards the implementation of the "green" agenda, the implementation of the concept of energy transition and decarbonization, and the achievement of low-carbon neutrality by all countries. It is noted that despite the emergence of new alternative energy sources, the development of hydrogen technologies and the regulated market of carbon units, the demand for traditional energy sources continues to remain stable. Russia remains among the leaders in the global energy market, despite sanctions pressure and problems associated with import substitution in the oil and gas industry. The key tasks of the Russian fuel and energy complex are to reduce import dependence on the supply and use of foreign equipment, ensure resource sovereignty and "price" sovereignty, as well as modernize the energy industry, primarily the coal industry.

Keywords: global energy market, climate agenda, decarbonization, responsible supply chains, carbon market

References

1. Performing while transforming. BP Annual Report and Form 20-F 2022. P.6-7
2. Adaptation of the market in new conditions. CDU TEK // URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/issue/2023/3/1125/?ysclid=lr0da2yube772507464
3. An alternative to traditional energy sources. CDU TEK // URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/issue/2023/4/1135/?ysclid=lr0eih5yr9495607795
4. India and China are ahead of other countries in the number of carbon projects. Vedomosti // URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2023/10/23/1001894-indiya-i-kitai-operedili?ysclid=lr0c1o3u61997547227>
5. Focus on an independent benchmark. CDU TEK // URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/issue/2022/9/1067/?ysclid=lr0e0zz8vw590301312
6. Reduce the time from exploration to production. CDU TEK // URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/issue/2022/11/1086/?ysclid=lr0erc3bde301750793
7. Tkachenko M. Energy factor of the economic well-being of Europe // Geoeconomics of energy. 2023. No. 2. P.143-156
8. Next generation fuel. CDU TEK // URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/issue/2023/4/1134/
9. The era of the largest deposits is over. CDU TEK // URL: https://www.cdu.ru/tek_russia/issue/2022/3/1003/?ysclid=lr0aljahpd867374234

Тенденции и детерминанты трудовой миграции в России в условиях дефицита достойного труда

Шичкин Игорь Алексеевич

кандидат экономических наук, доцент базовой кафедры Торгово-промышленной палаты РФ «Управление человеческими ресурсами», ведущий научный сотрудник Научного центра экономики труда, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова, shichkinia@mail.ru

В статье анализируются ключевые тенденции иммиграции иностранной рабочей силы в Россию в период с 1990-х гг. по 2022 г., в том числе в условиях влияния пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19). Приведены география происхождения и российские регионы-реципиенты мигрантов, половозрастная структура иностранных работников, а также экономические сферы приложения их труда. Дана краткая характеристика объемов денежных переводов внешних трудовых мигрантов. Затронуты отдельные аспекты российского миграционного законодательства в части вариативности социальных гарантий иностранных работников и членов их семей. Обозначены причины уязвимости и факторы прекаризации занятости иностранных работников.

Автором также представлены динамика и структура миграционной подвижности межрегиональных работников-мигрантов в России. На основе статистических данных приводится распределение внутрироссийских трудовых мигрантов по регионам въезда. Указаны основные факторы, определяющие межрегиональную трудовую миграцию в России. Перечислены наиболее распространенные манифестации дефицита достойного труда и социальной защиты российских трудовых мигрантов и членов их семей.

Ключевые слова: трудовая миграция, мобильность населения, достойный труд, социальные гарантии, внутрироссийские трудовые мигранты, иностранная рабочая сила, денежные переводы мигрантов.

JEL classification: H87, F02, F15, F29, F40, F42, F49

В 1990-е гг. в результате трансформации внутригосударственных миграционных потоков в междунаrodную мобильность населения, на постсоветском пространстве возросла интенсивность миграционных процессов. Отсутствие рабочих мест, безработица, рост социального неравенства и бедности населения, а также вооруженные конфликты и столкновения в некоторых странах бывшего СССР, привели к массовому исходу населения. Более высокий уровень жизни и безопасности в России относительно других постсоветских республик стал ключевым фактором притяжения иностранной рабочей силы на территории всего постсоветского пространства в течение последующих трех десятилетий.

Вследствие жесткого государственного регулирования миграционных потоков в советский период, трудовая миграция не принимала таких колоссальных масштабов, наблюдаемых в современной России.

В 1995 г. численность иностранных рабочих в России достигла почти 300 тыс. человек (0,4% экономически активного населения

России), но через 5 лет под влиянием финансово-экономического кризиса 1998 г. сократилась до 213 тыс. чел. (рис. 1). В начале 2000-х годов отмечался устойчивый рост доли иностранных рабочих из стран Центральной Азии.

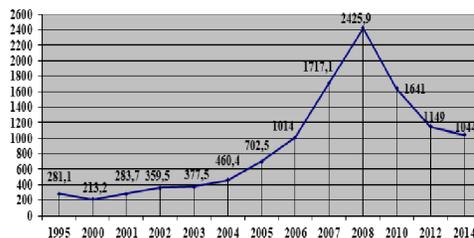

Рисунок 1. Численность иностранной рабочей силы в России в период 1995-2014 гг., тыс. чел. Источник: по данным ГУВМ МВД РФ (бывшая ФМС России)

В середине 2000-х гг. экономический рост в России, особенно в ее наиболее динамично развивающихся городских агломерациях, увеличил спрос на иностранную рабочую

силу. В течение периода 2005-2008 гг. численность занятых в России трудящихся-мигрантов увеличилась втрое.

В 2008 году число иностранных рабочих в России достигло пика в 2,4 миллиона человек. Однако мировой финансовый кризис, разразившийся во второй половине того же года негативно сказался на структуре российского рынка труда. Это привело к сокращению числа иностранных рабочих в России до немногим более 1,6 млн в 2010 г. В 2014 году, численность иностранных работников, которая была близка к уровню 2006 года, снизилась до чуть более 1 млн человек.

В 2015 году, в связи с экономическим спадом, девальвацией национальной валюты, изменением порядка получения разрешений на работу и уменьшением квот, доля иностранных работников с действующим разрешением на работу или патентом в России уменьшилась до менее чем 2 миллионов человек. В 2015 году более 87% от общего объема патентов на работу предоставлено гражданам Узбекистана (52,2%), Таджикистана (24,3%) и Украины (10,8%). В структуре трудовых мигрантов из дальнего зарубежья, около 80% разрешений на работу было выдано гражданам Китая (34,0%), Корейской Народно-Демократической Республики (20,2%), Турции (15,2%) и Вьетнама (8,4%).

Острая фаза пандемии коронавирусной инфекции (COVID-19) в 2020-2021 гг. привела к закрытию границ и введению ограничительных мер в России, способствовавших утрате оплачиваемой занятости либо падению трудовых доходов мигрантов, что негативным образом отразилось на уровне жизни мигрантских домохозяйств. Многим иностранным работникам пришлось возвращаться в страны своего происхождения. Доля постановок на миграционный учет значительно сократилась. Количество патентов и разрешений на работу, выданных иностранным гражданам уменьшилось с 1,9 в 2019 г. до 1,2 млн в 2020 г. Однако в 2021-2022 гг., напротив, произошло увеличение миграционного притока в Россию, в том числе зафиксирован пророст численности иностранных граждан, прибывших в страну с целью трудоустройства (рис. 2).

В 2022 году число иностранных граждан, прибывших в Россию с целью трудоустройства, составило 3,47 млн, что на треть

больше относительно аналогичного значения предыдущего года. Это связано с ослаблением коронавирусных ограничений, введенных ранее в России. Таким образом, иностранная рабочая сила, преимущественно из стран бывшего Советского Союза, массово возвращалась в Россию с надеждой компенсировать упущенные в связи с пандемией финансовые и материальные возможности. В 2022 г. свыше 85% иностранной рабочей силы прибыло в Россию из Узбекистана, Таджикистана и Киргизии (рис. 3).

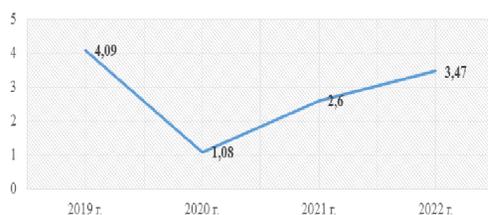

Рисунок 2. Численность прибывших в Россию трудовых мигрантов, млн чел.
Источник: аналитическая служба аудиторско-консалтинговой сети FinExpertiza

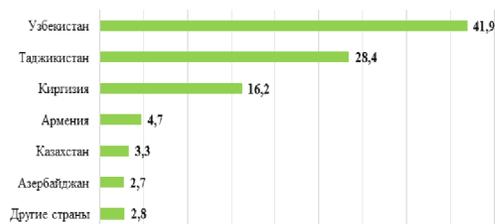

Рисунок 3. Страны происхождения трудовых мигрантов в России в 2022 г., %
Источник: аналитическая служба аудиторско-консалтинговой сети FinExpertiza

Наиболее значимыми регионами-реципиентами иностранной рабочей силы в России, являются г. Москва, Московская область, г. Санкт-Петербург, Ленинградская область и Краснодарский край (рис. 4).

В вышеуказанных регионах трудятся преимущественно выходцы из стран СНГ, а также иностранные рабочие из Турции, Китая, Вьетнама и других стран. Похожая ситуация с преобладанием граждан СНГ в этнической структуре трудовой миграции в России, типична и для регионов Западной Сибири. Между тем, Дальний Восток обладает особым положением, которое привлекает

мигрантов из стран Азии, таких как Китай, Вьетнам и Корейская Народно-Демократическая Республика. Это объясняется географической близостью регионов и специфическими экономическими возможностями, которые предлагает Дальний Восток. Таким образом, география происхождения и регионы-реципиенты мигрантов взаимосвязаны и определяют характер их расселения и трудовую деятельность на разных территориях России. Разнообразие национальных и культурных групп, а также социально-экономические условия в этих регионах имеют важное значение для успешной интеграции мигрантов и обеспечения их социальной и экономической стабильности.

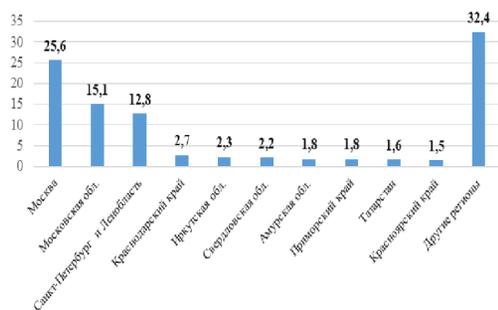

Рисунок 4. Доля регистраций иностранных трудовых мигрантов по регионам РФ в 2022 г., %
 Источник: аналитическая служба аудиторско-консалтинговой сети FinExpertiza

Иностранные работники в России осуществляют трудовую деятельность преимущественно в таких сферах, как строительство и торговля, транспорт, жилищно-коммунальное хозяйство, общественное питание, а также выполнение надомных работ. Трудовые мигранты из Азербайджана и Вьетнама активно занимаются торговлей, что является основной сферой их деятельности в России. Граждане Китая также представлены в торговле, но их присутствие не ограничивается данной сферой, а еще охватывает сельское и лесное хозяйство. Иностранные граждане, прибывшие из Армении, Молдавии, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана заняты на строительных и ремонтных работах, а также в транспортной отрасли. Находящиеся в России трудовые мигранты из Германии, Бельгии, Франции, Великобритании, Японии, Ка-

нады и США предпочитают работать в финансовой, банковской, консалтинговой сферах, а также в сфере промышленного производства, в том числе на руководящих позициях.

Гендерная структура занятых в России иностранных работников, характеризуется преобладанием мужчин – приблизительно две трети всех мигрантов. Данное соотношение является следствием того, что исторически трудовая миграция – это удел молодых и физически выносливых мужчин. Между тем, женщины представлены недостаточно полно как в официальной статистике, так и в социологических опросах. Зачастую иностранные работницы остаются неохваченными статистическим учетом, поскольку работают в неформальном секторе или в качестве домашней прислуги. Учитывая стремительное развитие сферы услуг, можно ожидать дальнейшего прироста доли женщин-трудовых мигрантов.

Средний возраст мигрантов в России составляет 32 года, причем более 75% из них моложе 40 лет. В последние годы наблюдается снижение среднего возраста трудовых мигрантов вследствие массового притока молодых мигрантов из Центральной Азии. Важно отметить, что у большинства мигрантов есть семьи и дети. Более половины мигрантов являются единственными кормильцами своих семей, а 35-40% несут ответственность за трех и более иждивенцев. Лишь четверть респондентов из числа мигрантов не имели семьи или иждивенцев[7].

Во многих случаях иностранные работники в России соглашаются на тяжелые условия труда по причине низкого уровня жизни в странах происхождения. До переезда в Россию условия проживания 40-50% мигрантов находились в диапазоне от крайней нищеты до умеренной бедности, поскольку имеющиеся доходы не позволяли некоторым из них удовлетворять даже базовые потребности в пище, одежде и жилье.

Новые поколения эмигрантов успешно осуществляют рабочие поездки и переезды, стремясь получить постоянное место жительства в России. Наиболее распространенным способом поиска работы в России для мигрантов является обращение к родственникам и друзьям, которые уже находятся в стране. Они используют неформальные сети

и налаженные каналы эмиграции, что позволяет им быстрее устроиться на работу. Однако, некоторые мигранты все же обращаются за помощью к профессиональным частным посредникам, предоставляющим услуги по подбору вакансий и оказанию правовой поддержки эмигрантам.

Денежные переводы трудовых мигрантов чрезвычайно значимы для стран их происхождения. До начала 2000-х годов объем входящих и исходящих денежных переводов в России отличался незначительно и находился в диапазоне от 1 до 4 млрд долларов США. Увеличение объемов денежных переводов мигрантов началось в 2000-х годах. За период 2001-2014 гг. объем денежных переводов из России увеличился почти в 36 раз, а в Россию – в 8 раз. В результате кризиса 2008 года денежные переводы в 2009 году упали почти на треть. Но уже в 2012 году докризисный уровень был превышен, а в 2013 году был достигнут абсолютный максимум денежных переводов, отправленных из России. Вследствие финансового кризиса 2014-2015 гг., приведшего к резкой девальвации российского рубля, объем денежных переводов мигрантов из России снизился примерно на 12% по сравнению с предыдущим годом[2]. Однако в период с 2015 по 2020 год вновь произошел прирост объемов денежных переводов мигрантов, работающих в России. За июль-сентябрь 2021 года трансграничные переводы через платежные системы в страны СНГ из России достигли \$2,29 млрд. Основные причины роста денежных переводов мигрантов из России – отмена ограничительных мер, введенных в период пандемии и миграционная амнистия для иностранцев.

В России несмотря на положительные тенденции развития миграционного законодательства в целом, по-прежнему отсутствуют надлежащие условия для достойного труда и социальной защиты иностранных граждан и лиц без гражданства. Трудовые мигранты вынуждены соглашаться на нестабильную и неустойчивую занятость, получая относительно невысокую заработную плату без каких-либо социальных гарантий[10]. В то же время, обладатели вида на жительство (ВНЖ) и разрешения на временное проживание (РВП), а также легальные мигранты из государств-членов ЕАЭС, имеют более ши-

рокий спектр предпочтений в процессе проживания, трудоустройства и профессионального развития, выступая субъектом комплексной социальной защиты в России. Так, к примеру иностранцы с РВП или ВНЖ имеют право на социальную помощь, а также могут обращаться в центры занятости для поиска работы без выплаты пособия по безработице.

С 1 января 2023 года вступили в силу поправки в ТК РФ, Закон о правовом положении иностранных граждан, Закон об обязательном медицинском страховании, согласно которым, временно пребывающие в РФ иностранные граждане и лица без гражданства (за исключением высококвалифицированных специалистов, а также иностранных граждан, осуществляющих в РФ трудовую деятельность в соответствии со ст. 13.5 Закона о правовом положении иностранных граждан), а также постоянно или временно проживающие в России ВКС включаются в перечень лиц, подлежащих обязательному медицинскому страхованию. В соответствии с новыми правилами, иностранные граждане, работающие по трудовым и гражданско-правовым договорам (за исключением временно пребывающих в России ВКС), не должны будут оформлять полис добровольного медицинского страхования для получения права на осуществление трудовой деятельности. При этом указанная категория иностранных работников, которая до принятия вышеупомянутых законодательных новелл не была охвачена обязательным медицинским страхованием, сможет воспользоваться услугами в рамках ОМС только после того, как работодатели в течение трёх лет будут платить за них страховые взносы[1].

Правом на пособие по временной нетрудоспособности обладают все иностранные работники, застрахованные в системе социального страхования. Вместе с этим, данной категории также полагается страховая защита от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний[9]. Иностранцы граждане и члены их семей имеют право на бесплатную скорую медицинскую помощь в экстренной и неотложной формах. Дети иностранных граждан могут бесплатно посещать детские сады и школы, при условии наличия у них или у одного из родителей действующей регистрации и миграционной карты.

В некоторых случаях социально-трудовые отношения работодателей с иностранными работниками не формализованы прямыми трудовыми соглашениями, по сути предполагая занятость без наличия действующего договора или неофициальное (теневое) соглашение, что является одним из наиболее распространенных маркеров неустойчивости занятости трудящихся-мигрантов в России. По данным различных социологических исследований, основными причинами отсутствия официальных трудовых соглашений у трудящихся-мигрантов являются желание работодателя увеличить свою прибыль за счет уклонения от уплаты налогов и страховых взносов, а также личная заинтересованность иностранного гражданина в получении более высокого размера «серой» заработной платы.

В качестве дополнительного стрессора для мигрантов выступает чрезмерная продолжительность рабочего времени, которая может достигать 12-15 часов в день, включая неоплачиваемую сверхурочную работу. Труд мигрантов в России, особенно в строительной и промышленной отраслях, нередко сопряжен с высоким риском травматизма и вредными условиями для здоровья. Недобросовестный работодатель может прибегнуть к трудовому рабству и принудительной эксплуатации иностранных работников. При этом, количество обращений в суд со стороны трудящихся-мигрантов, несмотря на систематические нарушения их трудовых прав, остается низким. Проблемы, с которыми сталкиваются работники-мигранты в России, не решаются профессиональными союзами. Согласно пункту 4 статьи 2 Федерального закона от 12 января 1996 года № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности», иностранные работники имеют право вступить в российские профессиональные союзы, однако на практике это происходит крайне редко.

В России наряду с высокой внешней миграционной подвижностью, в последние годы наблюдается интенсификация межрегиональной трудовой мобильности. Главным образом, это происходит в условиях возрастающей социально-экономической дифференциации регионов страны, увеличения масштабов прекаризации занятости и снижения уровня жизни.

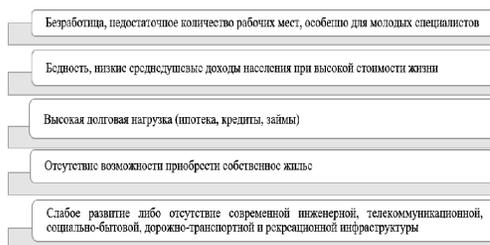

Рисунок 5. Факторы, определяющие межрегиональную трудовую миграцию в России

Данные собственных и ряда других социологических исследований свидетельствуют о том, что движущими факторами внутрироссийской трудовой миграции, являются низкий уровень жизни мигрантских домохозяйств, бедность и невысокий размер дохода по месту постоянного проживания. Вследствие этого некоторые российские граждане не только не в силах приобрести собственное жилье, автомобиль или поехать на курорт, но и даже не в состоянии без микрозаймов собрать ребенка в школу (рис. 5). Во многих случаях российские граждане рассматривают переезд в другую местность с целью осуществления трудовой деятельности, как единственную возможность вырваться из ловушки бедности.

По сведениям аналитической службы аудиторско-консалтинговой сети FinExpertiza, основанным на данных Росстата, в течение периода 2015-2022 гг. численность внутрироссийских трудовых мигрантов варьировала в диапазоне 2,5-3 млн чел. (рис. 6)[4].

Рисунок 6. Динамика численности внутрироссийских трудовых мигрантов в период 2015-2022 гг. Источник: аналитическая служба аудиторско-консалтинговой сети FinExpertiza

Межрегиональные трудовые мигранты для приложения собственного труда чаще

всего выбирают города федерального значения – Москву, Санкт-Петербург, а также Краснодарский край, Московскую и Тюменскую обл. (рис. 7).

Рисунок 7. Распределение внутрироссийских трудовых мигрантов по регионам въезда в 2022 г. Источник: аналитическая служба аудиторско-консалтинговой сети FinExpertiza

В 2019 году Росстат представил данные о межрегиональной трудовой миграции в России, которые указывают на то, что мужчины составляют основную часть этого потока (76,2%). Доля молодежи в возрасте от 15 до 34 лет составляет 41,6%. Высшим или средним профессиональным образованием обладают 78% граждан, работающих за пределами своего региона. 46% занятых в другом регионе граждан, имеют стаж работы на последнем месте не более 5 лет. Большинство работников (86%) предпочитают работу в организациях[4].

В 2019 году каждый пятый (22%) внутрироссийский трудовой мигрант был занят в строительной отрасли. Далее следовали сферы транспортировки и хранения (13,1%), торговли (10,3%), добычи полезных ископаемых (9,5%) и обрабатывающей промышленности (8,9%). Мужчины-мигранты предпочитали профессии водителей автомобилей, работников охранной сферы, строителей и монтажников, сварщиков и газорезчиков, грузчиков и подсобных рабочих. Российские женщины, работающие в других регионах, занимали должности продавцов магазинов и демонстраторов товаров, бухгалтеров и специалистов по финансам и кредиту, поваров и медицинских сестер[8].

Между тем, дефицит достойного труда и социальной защиты российских трудовых мигрантов и членов их семей, выраженный в

проблемах жилищного обустройства, длительного поиска работы, социальной адаптации, неформальной занятости, грубом нарушении работодателями требований охраны труда, недостатке государственной поддержки, результируется комплексом негативных эффектов. Нередко, именно дефицит достойного труда внутрироссийских мигрантов и безучастность государства к проектированию жизненных траекторий собственных граждан, способствует нарушению закона, трудовой и сексуальной эксплуатации, занятию бродяжничеством и попрошайничеством, ухудшению здоровья и стремительному развитию заболеваний. Наряду с этим, неизменными атрибутами трудовых практик внутренних мигрантов, являются феномены родительства на расстоянии и дистанционной семьи.

В целях укрепления фундаментальных базисов социального государства, в России важно усилить политику, направленную на обеспечение достойного труда для всех, в том числе работников-мигрантов. Действенное регулирование трудовой миграции должно базироваться на комплексном подходе, предполагающем широкое использование норм действующего федерального законодательства и разработку новых нормативно-правовых актов в сфере миграции, а также внесение поправок в рамках отдельных кодексов РФ – Трудового, Налогового, Гражданского, Жилищного, Уголовного, Кодекса об административных правонарушениях.

Литература

1. Временно пребывающих в России иностранцев с 1 января 2023 года застрахуют по ОМС. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.garant.ru/news/1555926>.
2. Денисенко М.Б., Козлов В.А., Фаттахова А.А. Современные тенденции денежных переводов мигрантов в России и в мире // Демографическое обозрение. 2015. 2 (3), С. 5-29.
3. Межрегиональная трудовая миграция снизилась до минимума за 7 лет / Аналитическая служба аудиторско-консалтинговой сети FinExpertiza. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2023/trud-migr-sniz>.
4. Межрегиональная трудовая миграция в 2019 году / Федеральная служба государственной статистики (Росстат). [Электронный

ресурс]. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/GhpJyhEX/mtm_2019.pdf.

5. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации / Статистические сведения по миграционной ситуации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics>.

6. Приток трудовых мигрантов в Россию в 2022 году вырос на треть / Аналитическая служба аудиторско-консалтинговой сети FinExpertiza. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2023/pritok-trud-migrant-2022>.

7. Тюрюканова Е.В. Трудовая миграция в Россию / журнал Демоскоп Weekly. – 2008. – № 315-316.

8. Шичкин И.А. Приоритетные направления повышения социальной защиты внутрироссийских трудовых мигрантов / Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление. – 2022. – № 1(57). – С. 179-189.

9. Шичкин И.А., Шубенкова Е.В. Современные проблемы социального обеспечения трудовых мигрантов / Экономика и предпринимательство. – 2021. – № 12(137). – С. 62-68. – DOI 10.34925/EIP.2021.137.12.010.

10. Шичкин И.А. Состояние, масштабы и направления снижения неустойчивой занятости трудящихся-мигрантов в России / Уровень жизни населения регионов России. – 2018. – № 3(209). – С. 38-44.

11. Шичкин И.А. Особенности иностранной трудовой миграции в России и ее влияние на экономику страны / Экономика и эффективность организации производства. – 2008. – № 9. – С. 24-29.

Trends and determinants of labor migration in Russia in the context of decent labor shortages

Shichkin I.A.

Russian Economic University named after G.V. Plekhanov

The article analyzes the key trends in the immigration of foreign labor to Russia since the 1990s to 2022, including under the influence of the coronavirus infection (COVID-19) pandemic. The geography of origin and Russian regions-recipients of migrants, the gender and age structure of foreign workers, as well as the economic spheres of application of their labor are given. A brief description of the volume of remittances from external labor migrants is given. Certain aspects of Russian

migration legislation are touched upon in terms of the variability of social guarantees for foreign workers and members of their families. The causes of vulnerability and factors of precarization of employment of foreign workers are identified.

The author also presents the dynamics and structure of migration mobility of interregional migrant workers in Russia. Based on statistical data, the distribution of domestic Russian labor migrants by region of entry is given. The main factors determining interregional labor migration in Russia are indicated. The most common manifestations of the deficit of decent work and social protection of Russian labor migrants and members of their families are listed.

Keywords: labor migration, population mobility, decent work, social guarantees, domestic Russian labor migrants, foreign labor, migrant remittances.

References

1. Foreigners temporarily staying in Russia will be insured under compulsory medical insurance from January 1, 2023. [Electronic resource]. Access mode: <https://www.garant.ru/news/1555926>.
2. Denisenko M.B., Kozlov V.A., Fattakhova A.A. Current trends in migrant remittances in Russia and around the world // Demographic Review. 2015. 2 (3), pp. 5-29.
3. Interregional labor migration has decreased to a minimum in 7 years / Analytical service of the audit and consulting network FinExpertiza. [Electronic resource]. Access mode: <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2023/trud-migr-sniz>.
4. Interregional labor migration in 2019 / Federal State Statistics Service (Rosstat). [Electronic resource]. Access mode: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/GhpJyhEX/mtm_2019.pdf.
5. Official website of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation / Statistical information on the migration situation. [Electronic resource]. Access mode: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics>.
6. The influx of labor migrants to Russia in 2022 increased by a third / Analytical service of the audit and consulting network FinExpertiza. [Electronic resource]. Access mode: <https://finexpertiza.ru/press-service/researches/2023/pritok-trud-migrant-2022>.
7. Tyuryukanova E.V. Labor migration to Russia / Demoscope Weekly magazine. – 2008. – No. 315-316.
8. Shichkin I.A. Priority directions for increasing social protection of domestic Russian labor migrants / Bulletin of Tver State University. Series: Economics and management. – 2022. – No. 1(57). – pp. 179-189.
9. Shichkin I.A., Shubenkova E.V. Modern problems of social security for labor migrants / Economics and Entrepreneurship. – 2021. – No. 12(137). – P. 62-68. – DOI 10.34925/EIP.2021.137.12.010.
10. Shichkin I.A. State, scale and direction of reducing precarious employment of migrant workers in Russia / Standard of living of the population of Russian regions. – 2018. – No. 3(209). – pp. 38-44.
11. Shichkin I.A. Features of foreign labor migration in Russia and its impact on the country's economy / Economics and efficiency of production organization. – 2008. – No. 9. – P. 24-29.

РЕДАКЦИЯ

Ответственный секретарь: Ирина Дементьева

Редактор: Ирина Карясова

Компьютерная верстка: Ольга Белобородова

Адрес в Интернете: <http://www.edrussia.ru>

Электронный адрес: EDR-journal@ier.ru

Учредитель: Фонд «Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара»

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-46159 от 14.08.2012 №

редакционно-издательский отдел: начальник отдела — И. Н. Главацкая, тел. +7 (495) 619-40-11 №

EDITORIAL TEAM

Executive Secretary: Irina Dementieva

Editor: Irina Karasova

Typesetting: Olga Beloborodova

Website: <http://www.edrussia.ru>

E-mail address: EDR-journal@ier.ru

Funder: Gaidar Institute for Economic Policy Foundation

The journal is registered in the Roskomnadzor. Certificate of registration of the PI № FS77-46159 of 14.08.2012 №
Mass Communication (Roskomnadzor) Registration Certificate № FS77-46159 of 14.08.2012 №

Publishing Department: Head of Department — I. N. Glavatskaya, phone: +7 (495) 619-40-11 №